

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение
Институт Дальнего Востока Российской академии наук

Центр корейских исследований

КОРЕЯ перед НОВЫМИ ВЫЗОВАМИ

Москва
ИДВ РАН
2017

УДК [308+32+908](510)
ББК 66.3(5Кор)
К70

*Рекомендовано к публикации
Ученым советом ИДВ РАН*

Редакционная коллегия:

к.полит.н. А.З. Жебин (отв. ред.), к.и.н. К.В. Асмолов, к.э.н. Л.В. Захарова,
к.ф.н. Ким Ен Ун, к.э.н. В.Г. Самсонова, д.э.н. С.С. Суслина,
к.культурологии М.Е. Осетрова

К70 Корея перед новыми вызовами. — М.: ИДВ РАН, 2017. — 448 с.
ISBN 978-5-8381-0326-0

В коллективной монографии российских корееведов исследуются новые вызовы в области безопасности, политики, экономики и межкорейских отношений, с которыми сталкиваются Россия и оба корейских государства после прихода к власти в 2017 г. новых администраций в США и Республике Корея. Особое внимание уделено анализу продолжающегося поиска путей урегулирования ядерной проблемы Корейского полуострова (ЯПКП), в том числе китайско-американских противоречий по данному вопросу. Авторы предлагают свое видение решения ЯПКП и ряда других проблем на полуострове с учетом обеспечения интересов безопасности России. Рассматриваются вопросы отношений двух корейских государств с их соседями в регионе СВА. Большое внимание отведено состоянию и перспективам торгово-экономических связей Республики Корея с Россией, странами Центральной и Северо-Восточной Азии, процессам экономической интеграции в СВА, некоторым актуальным проблемам экономики КНДР и РК. Отдельные главы посвящены вопросам корейского исторического и культурного наследия и его связи с современностью. В основу монографии легли материалы XXI конференции корееведов России и стран СНГ, проведенной при содействии Академии корейских исследований Республики Корея 30—31 марта 2017 г.

УДК [308+32+908](510)
ББК 66.3(5Кор)

ISBN 978-5-8381-0326-0

© ИДВ РАН, 2017

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Far Eastern Studies
Center for Korean Studies

KOREA BEFORE NEW CHALLENGES

Moscow
Russian Academy of Sciences
Institute for Far Eastern Studies
2017

*Recommended for publication by:
Academic Council of the Institute for Far Eastern Studies
Russian Academy of sciences*

Korea before new challenges. Moscow, RAS IFES Press, 2017.

The collective monograph of Russian Koreanists examines the new challenges in security, politics, economics and inter-Korean relations faced by Russia and the both Korean states after inauguration in 2017 of the new administrations in the United States and the Republic of Korea. Special attention is paid to the analysis of the ongoing search of ways to settle the nuclear problem of the Korean Peninsula, including Sino-US differences on this issue. The authors offer their vision of solving the Korean Peninsula nuclear problem and other problems on the Peninsula with a view to ensuring Russia's security interests. Relations of two Korean states with their neighbors in Northeast Asia. A lot of attention is given to the state and prospects of trade-economic ties of the Republic of Korea with Russia, countries of Central and Northeast Asia, economic integration in NEA, some problems of North and South Korea's economy. Separate chapters are devoted to Korean historical and cultural heritage and its relationship with modernity. The monograph was prepared on the basis of papers presented at the XXI Conference of Russia and CIS Koreanists, held with support of the Academy of Korean Studies, the Republic of Korea (Grant AKS-2016-C04) March 30—31, 2017.

Оглавление

<i>Лузянин С.Г.</i> Предисловие	15
--	----

Глава 1. КОРЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ НА ПЕРЕПУТЬЕ

<i>Жебин А.З.</i> ЯПКП: поиски решения	19
<i>Толорая Г.Д., Яковлева Л.Н.</i> Новые вызовы для российской политики на корейском направлении после смены администраций в Сеуле и Вашингтоне	31
<i>Воронцов А.В.</i> Перспективы стратегической ситуации на Корейском полуострове в 2017 г.	41
<i>Ким Ен Ун</i> Концепция внешней политики России и Корея	51
<i>Казарьян Р.Л.</i> Проблема объединения Кореи и интересы России	61

Глава 2. КОРЕЯ: БЕЗОПАСНОСТЬ ПОД ПРИЦЕЛОМ РАКЕТ?

<i>Евсеев В.В.</i> О новой системе безопасности в Северо-Восточной Азии	70
<i>Асмолов К.В.</i> Китайский взгляд на современные проблемы Корейского полуострова	78

Хрусталёв В.В.

Средства доставки ядерного оружия КНДР:
текущее состояние программ и попытки прогноза 90

Кику Д.В.

Оценка развития ракетно-ядерной программы КНДР
через призму санкционного режима Совета Безопасности ООН 100

Иванов А.Ю.

Северная разграничительная линия как источник
прямого военного конфликта между Республикой Корея и КНДР . . 108

Глава 3. КОРЕЯ—ЯПОНИЯ: НЕЗАКРЫТОЕ ПРОШЛОЕ

Гринюк В.А.

Геополитическая концепция Каратани Кодзин
в приложении и истории Кореи и Японии 118

Якимова Д.А.

Разногласия внутри японских правящих кругов
накануне аннексии Кореи 128

Овчинникова Л.В.

Японская политика изменения самоидентификации корейцев
(вторая половина 30-х — начало 40-х годов XX в.) 141

Лобов Р.Н.

Процесс нормализации двусторонних отношений
между РК и Японией в 1960—1965 гг.: факторы,
движущие силы, результаты 149

Глава 4. НЕЗАБЫТАЯ ИСТОРИЯ

Курбанов С.О.

Интервью 1904—1905 гг. Ли Бом Чжина (1853—1911):
новые факты и материалы 158

Акуленко В.С.

Оппозиционная историческая школа Республики Корея:
фальсификация истории или борьба с ней? 172

Пак А.В.

Христианский фактор в политике России в Корею
в конце XIX — начале XX в. 185

Садаков Д.А.

Фиксирование раскола Кореи американцами в 1948 г.:
причины, методы и роль ООН 196

Глава 5. ЭКОНОМИКА РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ ПЕРЕД НОВЫМИ ВЫЗОВАМИ

Синякова А.Ф.

Актуальные тенденции страхового рынка
Республики Корея 210

Машарский К.Г.

Специфика национальной инновационной системы
Республики Корея: перспективы и вызовы 218

Зуева А.Г.

Состояние и перспективы транспортно-логистических
проектов Республики Корея 229

Глава 6. СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РК С РОССИЕЙ, СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Самсонова В.Г.

ЕАЭС—РК: перспективы и вызовы интеграции в рамках ЗСТ 238

Сулина С.С.

Южнокорейский малый и средний бизнес
и перспективы его участия в инвестициях
на Дальнем Востоке России 254

Петровский В.Е.

О проблемах и перспективах межрегионального
сотрудничества с Республикой Корея в контексте
развития Восточной Сибири и Дальнего Востока 268

Чарская Д.К.

Перспективы участия Республики Корея
в электроэнергетическом сотрудничестве стран
Северо-Восточной Азии 278

Расулов Э.Р.

К 25-летию установления дипломатических отношений
между странами Центральной Азии и Республикой Корея 289

Глава 7. О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РК И КНДР

Захарова Л.В.

Экспорт рабочей силы из КНДР: оценки и перспективы 302

Шарафетдинова А.И.

Сотрудничество России и КНДР в области привлечения
трудовых ресурсов в условиях международных санкций 312

Эм П.П.

Сравнение развития урбанизации в Республике Корея и КНДР
в послевоенное время 323

Ким Н.Н.

Факторы роста политического участия женщин
в современном южнокорейском обществе 338

Глава 8. ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА КОРЕИ В ЗЕРКАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Цой И.В.

Тенденции развития корейской прозы в XX в. 349

Солдатова М.В.

Между коллективной и индивидуальной памятью:
Корейская война (1950—1953) в художественной
литературе и мемуарах 358

Хван Л.Б.

Особенности изображения национального мира советского
и постсоветского периодов в русскоязычной лирике
Узбекистана (на материале лирики В. Ли, Б. Пака, М. Ким) 372

**Глава 9. ТЕКСТ, ПЕСНЯ, ОБРАЗ, ТРАДИЦИЯ
КАК ИНСТРУМЕНТЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ
НА ОБЩЕСТВО**

Гурьева А.А.

К вопросу о восприятии роли текста
в современной корейской культуре 383

Чеснокова Н.А.

Творчество Юн Мин Сока и его вклад в развитие
песен протеста *минчжун-гаё* 396

Хохлова Е.А.

Политическая карикатура Ли Ха: обличение власти
и утешение народа 408

Осетрова М.Е.

К вопросу об «изобретённых традициях» в КНДР 418

Краткое содержание работ на английском языке 428

Список авторов 444

Content

<i>Luzyanin S.G.</i> Foreword	15
--	----

Chapter 1. KOREAN PENINSULA AT THE CROSSROADS

<i>Zhebin A.Z.</i> Nuclear Problem in Korea: in Search of Solution	19
<i>Toloraya G.D., Yakovleva L.N.</i> New Challenges for Russian Policy on the Korean Peninsula after Administration Change in Seoul and Washington	31
<i>Vorontsov A.V.</i> Prospects of Strategic Situation on the Korean Peninsula in 2017	41
<i>Kim E.U.</i> Foreign Policy Concept of Russia and Korea	51
<i>Kazaryan R.L.</i> The Problem of Unification of Korea and Russia's Interests	61

Chapter 2. KOREA: SECURITY AND MISSILES

<i>Evseev V.V.</i> On New Security System in Northeast Asia	70
<i>Asmolov K. V.</i> Chinese View on Contemporary Issues of the Korean Peninsula	78
<i>Khrustalev V. V.</i> Means of Delivery of Nuclear Weapons of North Korea: the Current Status of the Programs and Attempts to Forecast	90

Kiku D. V.

Assessment of the Development of the DPRK Missile
and Nuclear Programs Through the Lens of the UN Security
Council Sanctions Regime 100

Ivanov A. Yu.

Northern Limit Line as a Source of Direct Military Conflict
between the Republic of Korea and the DPRK 108

Chapter 3. KOREA AND JAPAN: UNCLOSED HISTORY

Grinyk V. A.

Karatani Kojin 's Conceptions with the Korean and Japanese History 118

Yakimova D. A.

Disagreements among the Japanese Ruling Circles
before the Annexation of Korea 128

Ovchinnikova L. V.

Changing Self-identity of Koreans in Colonial Korea
(late 30-s — early 40-s of the XX Century) 141

Lobov R. N.

The Normalization of Relations between the Republic of Korea
and Japan in the 1960—1965: Factors, Dynamics, Results 149

Chapter 4. UNFORGOTTEN PAST

Kurbanov S. O.

On the Interviews by Korean Extraordinary Envoy and
Minister Plenipotentiary Lee Beomjin during the Russian-Japanese
War (1904—1905) 158

Akulenko V. S.

Oppositional Historical School of ROK:
Fraud History or Fight Against It? 172

Pak A. V.

The Christian Factor in the Policy of Russia in Korea
in the Late XIX — early XX Centuries 185

<i>Sadakov D. A.</i> Fixation of Korea's Division in 1948: American Reasons, Methods and Role of UN	196
---	-----

**Chapter 5. REPUBLIC OF KOREA'S ECONOMY
BEFORE NEW CHALLENGES**

<i>Sinyakova A.F.</i> The Insurance Market of the Republic of Korea: Current Trends	210
--	-----

<i>Masharski K.G.</i> Specific Features of the National Innovation System of the Republic of Korea: Prospects and Challenges	218
--	-----

<i>Zueva A.G.</i> Current Status and Prospects of South Korea's Transport and Logistic Projects	229
---	-----

**Chapter 6. STATE AND PROSPECTS
OF ECONOMIC COOPERATION BETWEEN
REPUBLIC OF KOREA AND CENTRAL ASIA
& NORTHEAST ASIA COUNTRIES**

<i>Samsonova V.G.</i> EEU-ROK: Prospects and Challenges of Integration under FTA	238
---	-----

<i>Suslina S.S.</i> South Korea Small and Medium-Size Business (SMB) and Prospects of Its Investment in the Far East Region of Russia	254
---	-----

<i>Petrovskiy V. E.</i> Problems and Prospects of Cross-Regional Cooperation with the Republic of Korea in the Context of Development of Eastern Siberia and the Far East of Russia	268
--	-----

<i>Charskaya D.K.</i> Prospects for the Republic of Korea's Participation in Northeast Asia (NEA) Electric Power Cooperation	278
--	-----

<i>Rasulov E.R.</i> The 25 th Anniversary of the Establishment of Diplomatic Relations between the Countries of Central Asia and the Republic of Korea	289
--	-----

**Chapter 7. ON SOME ISSUES OF SOCIAL
AND ECONOMIC DEVELOPMENT
IN THE ROK AND THE DPRK**

<i>Zakharova L.V.</i> North Korean Labor Abroad: Assessments and Prospects	302
---	-----

<i>Sharafetdinova A.I.</i> Cooperation between Russia and the DPRK in Attracting Labor Resources amid Tightening International Sanctions	312
--	-----

<i>Em P.P.</i> The Comparison of the Urbanization Development in the Republic of Korea and the Democratic People's Republic of Korea in the Postwar Period	323
---	-----

<i>Kim N.N.</i> Factors of Women's Growing Political Participation in Contemporary South Korean society	338
---	-----

**Chapter 8. KOREA'S HISTORY AND CULTURE MIRROWED
BY FICTION**

<i>Choi I.V.</i> Development Trends of Modern Korean Prose in the 20 th Century	349
---	-----

<i>Soldatova M.V.</i> Between Collective and Individual Memory: Korean War (1950—1953) in Fiction and Memoirs	358
---	-----

<i>Khvan L.B.</i> Features of the National Picture of the World of the Soviet and Post-Soviet Period in Russian-Language Lyrics of Uzbekistan (based on lyrics V.Lee, B.Pak, M.Kim)	372
--	-----

**Chapter 9. TEXT, SONG, IMAGE AND TRADITION
AS TOOLS TO INFLUENCE SOCIETY***Guryeva A.A.*

On the Issue of Perceiving the Role of a Text
in Contemporary Korean Culture 383

Chesnokova N.A.

Yun Min Seok and his Contribution to the Development
of Korean Protest Songs minjung-gayo 396

Khokhlova E.A.

Lee Ha's Political Caricature: Denunciation of Politics
and Comfort to the People 408

Osetrova M.Y.

On the Issue of the «invented traditions» in the DPRK 418

Summary in English 428

List of Authors 444

Предисловие

С.Г. Лузянин

В 2017 г. Корейский полуостров реально стоит перед новыми вызовами: складывается впечатление, что наступивший по восточному календарю год огненной курицы может превратиться в год красного петуха в российском понимании этого выражения.

Год только начался, но мы видим целый ряд важных проблем, нуждающихся в своевременном анализе.

В первую очередь, это изменение региональной архитектуры безопасности, связанной не столько с приходом новой американской администрации, сколько с определенной катализацией тех региональных противоречий, которые приход нового американского руководства только ускорил. Речь, в частности, идет об усилении и четком формулировании основ американо-китайского противостояния, в рамках которого серьезную роль играет и корейский вопрос.

Здесь можно выделить несколько аспектов. Первое — это то, что корейскую карту пытаются разыгрывать для дипломатического и не только давления на Китай. В своих заявлениях Дональд Трамп постоянно отмечает, что Пекин «должен» решить ядерную проблему Корейского полуострова выгодным для США образом. При этом проговариваются действия наподобие вторичных санкций, наказывающих китайские компании за торговлю с КНДР, а также распространение на Китай той ауры демонизации, которая накрывает Северную Корею. Китай пытаются представить как силу, потворствующую «государству зла» и позволяющую ему творить разнообразные злодеяния.

Второй аспект связан с размещением на Корейском полуострове элементов ПРО ТНААД: хотя формально речь идет о противоракетной обороне, в условиях региона эти действия не столько снижают напряженность, сколько повышают её, поскольку наличие ПРО создает искушение нанести первый удар и попробовать избежать ответного. Естественно, это понятно Китаю, и он обращает свой гнев на Южную Корею, которая, таким образом, оказалась вовлечена в противостояние Вашингтона и Пекина. Это ставит Сеул в весьма тяжелое положение, так как экономические связи Республики Корея с КНР не менее крепки и важны, чем политические связи между РК и США. Удар что по одним, что по другим может быть весьма чувствительным.

Наконец, можно обратить внимание на увеличившуюся вероятность силового решения северокорейской проблемы. Американское руководство устами своих первых лиц четко озвучивает позицию, что силовые варианты «не исключаются». Новая администрация Д. Трампа признала, что политика «стратегического терпения», призванная тихо уморить Северную Корею санкциями, себя не оправдала. Наоборот, поняв, к чему это ведет, Пхеньян только набрал обороты, и достижения северокорейских ракетчиков начала этого года существенно путают карты тем, кто полагал превентивный удар по ключевым объектам северо-корейской инфраструктуры «легкой прогулкой» по образцу вторжения в Ирак.

Однако существенная смена стратегии американцами маловероятна: Северную Корею слишком долго демонизировали, чтобы равные переговоры с Пхеньяном были бы не восприняты как «сделка с дьяволом». К тому же, в условиях внутривнутриполитической ситуации в США, новый президент обязан вести себя «круто» и не давать слабину, которая может стать ударом по репутации и предметом насмешек в СМИ.

Во вторую очередь, определенную угрозу стабильности создает и дальнейшее развитие северокорейской ядерной программы. Здесь также есть несколько аспектов, первый из которых — дилемма безопасности. Хотя КНДР вправе воспринимать агрессивные планы США и РК как угрозу своему суверенитету и предпринимать необходимые действия по повышению своего военного потенциала, эти действия подаются как северокорейская угроза миру, в ответ на которую и под предлогом которой Америка наращивает региональное военное присутствие, направленное на противостояние не только Пхеньяну, но и Пекину и Москве. Это наши страны не могут оставить без внимания.

Следующий аспект — это действия КНДР, направленные на разрушение режима нераспространения и последовательного игнорирования резолюций Совбеза ООН. Здесь и Россия, и Китай, будучи постоянными членами Совета Безопасности, не могут не осуждать подобную активность, хотя мотивы северокорейского руководства им вполне понятны. Тем не менее есть представление, что новый миропорядок, в котором структуры типа ООН могут быть разрушены, а ядерное оружие куда более распространено, будет менее выгодным для двух стран, чем существующий. Нельзя не отметить и то, что каждое новое действие Севера вынужденно требует ответной реакции, при том что лимит несилковых мер почти исчерпан, а санкционное давление или не работает, или грозит превратиться в полную экономическую блокаду, которая будет бить, в первую очередь, по населению.

При этом дело идет к тому, что рано или поздно в качестве ответа на действия противников КНДР будет вынуждена испытать межконтинентальную баллистическую ракету, что для многих будет означать «переход красной линии». Одно дело — запуск спутника, который можно оправдать правом на мирное освоение космоса, присущим каждой стране, и совсем другое — запуск ракеты однозначно военного назначения. Ответ на эти действия будет вынужденно жесток, а значит, порочный круг может завертеться с увеличенной скоростью.

Между тем любой серьезный военный конфликт на Корейском полуострове не может не задеть российские интересы хотя бы потому, что даже в самом мягком варианте нашему Дальнему Востоку придется тратить значительную часть сил и ресурсов на противодействие широкому спектру возможных угроз — от притока беженцев до последствий экологических катастроф, которые могут быть связаны с разрушением ядерных объектов как Севера, так и Юга.

Третий блок проблем связан с политическим кризисом в Республике Корея, где сложный комплекс причин привел к отрешению от власти президента Пак Кын Хе. Нам не стоит обольщаться картиной «сеульского майдана» и думать, что после этого ситуация на Юге радикально изменится в сторону смягчения напряженности, разворота Сеула в сторону Москвы и возвращения новой администрации к шестисторонним переговорам или более конструктивному курсу в межкорейских отношениях. Прежде всего, значительная часть так называемых демократов скорее являются популистами, и насколько их обещания будут выполнены — хороший вопрос, даже если они сумеют преодолеть сопротивле-

ние консервативной оппозиции. Уместно напомнить, что южнокорейские войска в Ирак послал президент Но Му Хен, сделавший это в качестве расплаты за тот ярый антиамериканизм, с которым он шел на выборы. Не следует забывать и балансирование страны между США и Китаем, как и то, что, несмотря на протесты по поводу размещения ТНААД, согласно опросам общественного мнения, размещение американской ПРО поддерживает значительная часть населения страны.

Большие проблемы будут стоять перед президентом РК как в экономической, так и в социальной сфере. Экономические трудности и целый комплекс проблем, связанных с демографической ситуацией и старением населения, будут вынуждать новую власть искать действительно нетривиальные решения.

Хотя сегодня Пак Кын Хе называют худшим президентом в истории страны, почти каждый президент РК до неё завершал свое правление с подобной оценкой. Это означает, что планка требований к руководителю страны будет поднята и прецедент мирного отрешения от власти непоправившегося лидера может быть повторен, благо в корейской политической культуре достаточно элементов, которые, при должном внимании ангажированной прессы, могут быть раскручены.

Политические проблемы 2017 г. переплетаются с экономическими и историческими. Так, можно обратить внимание, как в прошлом и нынешнем году сыграл продолжающийся конфликт РК и Японии, связанный с целым блоком проблем, касающихся исторической памяти и исторической ответственности. Можно обратить внимание и на усиление в РК относительно опасных националистических тенденций. Оттого очень приятно, что значительная часть докладов исторической секции в той или иной мере касаются этих злободневных тем и, формально описывая прошлое, имеют значение для настоящего и будущего.

То же самое можно сказать и про раздел, посвященный культуре и искусству. Здесь есть исследования, посвященные и древности, и современности. И, возможно, именно эти материалы позволяют нам считать данную коллективную монографию работой, дающей всеобъемлющую картину корейских исследований в России, где есть место представителям самых разных направлений.

Глава 1

КОРЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ НА ПЕРЕПУТЬЕ

А.З. Жебин

ЯПКП: поиски решения

Ядерная проблема Корейского полуострова оказалась одной из сложнейших проблем международной политики. Попытки некоторых стран решить её путем усиления санкций против КНДР не только не дали результата, но и привели к ситуации, непосредственно угрожающей безопасности России и других стран СВА. Автор исследует возрастание роли силовой компоненты в корейской политике новой администрации США и предлагает свое видение возможных путей урегулирования ситуации вокруг ракетно-ядерных программ КНДР.

Ключевые слова: ядерная проблема Корейского полуострова (ЯПКП), КНДР, нераспространение ОМУ, международная безопасность.

1. Корея: упущенные возможности и новые угрозы

2017 год богат на знаменательные даты в российской и мировой истории. Напомню лишь об одной из них, существенной для затрагиваемой темы: четверть века тому назад, в феврале 1992 г., вступила в силу Декларация Севера и Юга Кореи о денуклеаризации Корейского полуострова.

В июне 1993 г. США и КНДР в совместном коммюнике пообещали не использовать друг против друга вооруженные силы, в том числе ядер-

ное оружие и не угрожать его применением, «уважать суверенитет другой стороны» и «не вмешиваться во внутренние дела друг друга»¹. В Рамочном соглашении от 21 октября 1994 г. между КНДР и США последние пообещали предоставить Пхеньяну «официальные гарантии» о том, что они не будут применять против КНДР ядерное оружие или угрожать его применением².

Наконец, в Вашингтонском коммюнике по итогам визита 1-го заместителя председателя ГКО КНДР вице-маршала Чо Мен Рока в США в октябре 2000 г. было заявлено, что «оба правительства не имеют враждебных намерений в отношении друг друга» и «подтверждают свою приверженность в будущем выстроить новые отношения, свободные от былой вражды»³.

Почему же с тех пор острота военно-политической конфронтации на полуострове не только не снизилась, но, напротив, существенно возросла, а дипломатического решения уже, казалось бы, почти решенной проблемы, по крайней мере в обозримом будущем, не просматривается.

Прежде всего, Корейский полуостров стал играть немаловажную роль в реализации геополитической стратегии США, основное содержание которой заключается в сдерживании Китая и России в АТР, продолжении своего военного доминирования и обеспечении контроля над союзниками. Неурегулированность корейской проблемы используется Вашингтоном как предлог для продолжающейся уже почти 70 лет дислокации американских сил передового базирования вдоль границ России и КНР, а теперь еще и для развертывания элементов американской глобальной ПРО в регионе.

Отсюда нежелание США пойти на нормализацию отношений с КНДР и их усилия по срыву попыток Токио и Сеула улучшить отношения с Пхеньяном. Достаточно напомнить о поездке в КНДР в октябре 2002 г. — спустя пару недель после встречи Ким Чен Ира и японского премьера Д. Коидзуми — помощника госсекретаря США Дж. Келли — поездке, которая фактически пустила под откос Рамочные договоренности 1994 г. и закрыла надежды Пхеньяна по получению 10 млрд долл. компенсации за годы колониального господства от Японии. Сюда же можно отнести и стойкое неприятие администрацией Дж. Буша политики «солнечного тепла» Ким Дэ Чжуна и Ро Му Хена в отношении КНДР. Ведь сколько-нибудь существенное оздоровление обстановки на полуострове размывало тезис о «северокорейской угрозе» и лишало бы

США единственного аргумента для сохранения своих войск и развертывания ПРО.

Между тем история как шестисторонних переговоров по ядерной проблеме Корейского полуострова (ЯПКП), так и неудачи в выполнении ряда американско-северокорейских двусторонних договоренностей достаточно убедительно показали, что попытки США и их союзников подменить решение проблем безопасности КНДР экономическими поддачками этой стране в Пхеньяне не воспринимаются.

Так как нормализация отношений с КНДР невозможна без учета хотя бы минимального набора ее озабоченностей в области безопасности, США вообще не желают признавать наличие у Северной Кореи таких озабоченностей, не говоря уже о том, чтобы согласиться обсудить меры по устранению хотя бы некоторых из них. Напротив, различные варианты смены режима в КНДР не только активно обсуждаются публично, но интенсивно отрабатываются на месте в ходе ежегодно проводимых у её границ совместных американско-южнокорейских военных учений. Именно такая позиция США укрепляет Пхеньян в решимости наращивать свой ракетно-ядерный потенциал.

Неудивительно, что в последнее время КНДР явно форсирует свою военную ракетно-ядерную программу, стремясь, видимо, побыстрее достичь таких результатов, которые убедят США, и особенно Южную Корею и Японию, которые уже в настоящее время находятся в досягаемости северокорейских ракет, в том, что ущерб от выбора ими силового сценария окажется для них неприемлемо высоким.

В результате ситуация на Корейском полуострове вновь накаляется. До недавнего времени в США силовой вариант ликвидации так называемой северокорейской ракетной угрозы обсуждался лишь среди экспертов⁴. Однако в ходе мартовской поездки нового госсекретаря США Р. Тиллерсона по странам Азии эта угроза была озвучена на официальном уровне, хотя и в дипломатической форме фразы о том, что в отношении КНДР в США рассматриваются все варианты действий⁵.

С учетом заявления Р. Тиллерсона о том, что переговоры с КНДР пока преждевременны, высока вероятность того, что ситуация будет развиваться по уже известному сценарию: отказ от диалога — ракетные пуски и ядерные испытания КНДР — новые санкции СБ ООН плюс дополнительные санкции США и их союзников. Логическим финалом такого сценария может стать ширококомасштабный вооруженный кон-

фликт с высокой степенью вероятности применения оружия массового уничтожения (ОМУ) прямо у наших границ на Дальнем Востоке.

Впрочем, упреждающие удары уже нанесены и война началась еще в президентство Б. Обамы, который одобрил использование так называемых некинетических видов оружия, чтобы затормозить прогресс северокорейской ракетной программы. И хотя с достоверностью установить, взрывались ли северокорейские ракеты от конструктивных недостатков или под воздействием электромагнитных атак США, практически невозможно, сам факт таких атак не отрицается, а следовавшие раз за разом неудачные запуски КНДР дают основания считать, что некоторые из этих атак были успешными⁶.

Вопреки декларациям Р. Тиллерсона о завершении так называемой политики стратегического терпения, изложенной им в ходе поездки в Японию, РК и КНР проводимый администрацией Д. Трампа курс в отношении КНДР представляет собой ни что иное как продолжение линии Б. Обамы. В нем сохранены все основные элементы «стратегического терпения»: отказ от переговоров до того, как КНДР пойдет на односторонние уступки, усиление санкционного режима не только в отношении КНДР, но и третьих стран, поддерживающих с ней торгово-экономические отношения, попытки заставить Китай фактически включиться в американскую линию на экономическое удушение КНДР.

Новое здесь и самое тревожное — явное стремление усилить силовой компонент этой политики. Отныне попытки уговорить Китай сильнее надавить на КНДР решено подкрепить практически нескрываемой угрозой развязать новую войну в Корее прямо на китайских и российских границах. Ракетный удар США по сирийскому аэродрому, о котором Д. Трамп сообщил «за десертом» китайскому лидеру Си Цзиньпину во время их встречи во Флориде 6—7 апреля 2017 г., был призван послать более чем ясный сигнал Пекину, что, если он не согласится на американский вариант санкций против КНДР, Китаю придется решать еще более нелегкую задачу — как реагировать на военный удар США по КНДР.

Скажем прямо — речь идет об авантюристической попытке вынудить Китай и Россию собственными руками помочь США дестабилизировать КНДР, вызвать ее коллапс и открыть дорогу американским войскам на сухопутные границы КНР и РФ в Азии. Заодно США хотят показать всему миру, что они могут вынудить Пекин поступать так, как

угодно американцам, даже в отношении соседних и, более того, союзных Китаю стран, какой остается КНДР.

Первый зарубежный вояж нового главы Пентагона и последовавшая вскоре за ним поездка нового госсекретаря США, заявления, сделанные им в Токио и Сеуле, подтверждают, что какая бы администрация ни приходила к власти в Вашингтоне — демократическая или республиканская, — США намерены и впредь отдавать приоритет своим двусторонним военно-политическим альянсам с Японией, РК, Австралией и некоторыми другими странами АТР как фундаменту американского присутствия в регионе⁷.

Что же касается Корейского полуострова, американцы не намерены работать над решением политических и военных аспектов корейского урегулирования. Ведь достижение соглашения по этим вопросам, особенно нормализация отношений с КНДР, скорее всего, привели бы к исчезновению так называемой северокорейской угрозы. Тем самым США утратили бы главный предлог для развертывания ПРО и продолжающейся уже почти 70 лет дислокации американских войск вдоль границ Китая и России.

Было бы, наверное, неправильно не отметить, что есть в США специалисты, более реалистически оценивающие ситуации. Директор проекта по безопасности через сотрудничество в СВА Леон Сигал, на протяжении двух последних десятилетий принимавший участие в неофициальных контактах с северокорейскими представителями, считает, что «переговоры — это единственный путь» решения проблемы⁸.

Почетный профессор Портлендского университета (США) Мелвин Гуртов, бывший главный редактор журнала «Эйшен перспектив», указывает на многочисленные негативные последствия появления ТНААД в Южной Корее как для обстановки в СВА, так и для двусторонних отношений между странами региона, и призывает «немедленно отложить на неопределенное время полное развертывание» этой системы⁹. Но будут ли услышаны эти голоса в Белом доме и Пентагоне?

2. Без иллюзий и двойных стандартов

Геополитическая ситуация, в частности приближение военной инфраструктуры НАТО к российским границам в Европе, на взгляд автора, вынуждает Россию, и особенно Китай, принять меры для сохране-

ния КНДР в качестве суверенного дружественного государства, играющего роль определенного буфера перед силами американского передового базирования в Азии.

Разумеется, одновременно нашим странам следует всячески побуждать северокорейцев к сдержанности во внешней политике и выстраивать свои торгово-экономические отношения с КНДР таким образом, чтобы это содействовало бы устойчивому социально-экономическому развитию этой страны при сохранении ее политической стабильности.

Вместе с тем блокирование с США и их союзниками по этой проблеме, к чему нас призывают американцы, вряд ли приведет к ее удовлетворительному для нас разрешению и принесет нам какие-либо внешнеполитические дивиденды. Еще в начале 2000-х годов, после вторжения США в Ирак и очередного обострения ситуации вокруг ракетно-ядерных программ КНДР, российские кореееды обращали внимание на то, что «надежды тех, кто рассчитывает на некое, даже внешнее, подобие равноправного партнерства с США, иллюзорны. Вашингтон намерен иметь дело лишь с теми, кто безоговорочно поддерживает американские цели. Те же, кто создает помехи на пути их достижения или просто перестает быть полезным, будут игнорироваться или... устраняться»¹⁰. Тогда же было высказано мнение, что наши надежды на некоторые возможные встречные шаги со стороны США и учет ими интересов нашей безопасности в обмен на, возможно, казавшиеся нам на тот момент тактически или неприципиальными уступки Вашингтону при решении ряда международных проблем — неоправданны¹¹.

Нынешний тупик в решении ЯПКП заставляет задаться вопросом: всегда ли наши действия в этой области были достаточно просчитанными для того, чтобы при любых изменениях международной обстановки сохранить в арсенале нашей внешней политики весь набор инструментов, необходимых для ее эффективной реализации? Не сделаны ли некоторые из наших шагов исходя из сиюминутных соображений, без учета того, что накопление тактических уступок может привести к стратегическому тупику?

Особенно наглядно это проявилось при принятии резолюций по ядерной и ракетной программам КНДР в СБ ООН. Если осуждение нами ядерных испытаний в этой стране было вполне обоснованным, то отношение к попыткам запуска спутника, и особенно набору санкций в отношении Пхеньяна, нуждалось, на взгляд автора, в гораздо более взвешенном подходе.

Введенный Советом Безопасности ООН запрет для КНДР на любые запуски «с использованием баллистических технологий», к которому постоянно апеллируют в Вашингтоне и Сеуле, равнозначен запрещению этой стране вообще иметь ракеты, т. е. оставляет ее фактически беззащитной. И этот запрет введен в условиях, когда ежегодно у границ КНДР месяцами продолжаются крупнейшие в мире совместные военные манёвры с участием сотен тысяч южнокорейских и десятков тысяч американских военнослужащих и применением новейших вооружений, в том числе перебрасываемых на Корейский полуостров с континентальной части США и их баз на Тихом океане, что является прямым нарушением Соглашения о перемирии в Корее.

Указанные манёвры в последние годы стали носить откровенно провокационный, агрессивный характер. На них отрабатывается нанесение ударов по ядерным и ракетным объектам КНДР, физическое уничтожение руководства этой страны¹².

В связи с этим обращает на себя внимание недавний комментарий Департамента информации и печати МИД России о ситуации на Корейском полуострове, в котором говорится об ответственности не какой-то одной, а обеих сторон за сложившееся положение, ставшее еще более напряженным «вследствие нового ракетного пуска КНДР 6 марта с.г. и начавшихся масштабных совместных учений вооруженных сил США и РК по отработке наступательных операций против Северной Кореи»¹³.

В условиях, когда все соседние с КНДР государства имеют на вооружении ракеты и запускают спутники, а некоторые выводят на орбиту целые группировки спутников, главным объектом которых является КНДР, запрет на любые запуски с использованием баллистических технологий был воспринят в Пхеньяне как мера явно дискриминационная и не применявшаяся в отношении ни одной страны мира, кроме КНДР.

При этом нами почему-то был проигнорирован тот факт, что КНДР присоединилась к Договору об использовании космического пространства в мирных целях и другим соответствующим конвенциям, регулирующим деятельность в этой области.

Непонятен и набор санкций, введенных против Пхеньяна. Официально провозглашенная цель этих мер состояла только в обеспечении режима нераспространения ОМУ. На деле же они коснулись практически всего спектра обычных вооружений, в том числе оборонительных. КНДР лишена возможности закупать не только боевые самолеты, сред-

ства ПВО, танки, артиллерийские орудия, бронемшины, но даже запчасти к ним. В то же время все соседние страны, в том числе Южная Корея, реализуют многомиллиардные программы обновления и модернизации обычных вооружений.

Неудивительно, что санкции, которые были якобы призваны сдерживать ракетно-ядерные программы КНДР, были не только отвергнуты в Пхеньяне, но и дали прямо противоположный результат: столкнувшись с дополнительными трудностями в обеспечении конвенционального потенциала сдерживания, Пхеньян, чтобы компенсировать нарастающий дисбаланс в этой области с Сеулом, поддерживаемым Вашингтоном, еще более форсировал свою ракетно-ядерную программу.

Санкции против КНДР, затрагивающие поставки обычных, в том числе оборонительных, вооружений и даже запчастей к военной технике, существенно лимитируют внешнеполитический и внешнеэкономический инструментарий нашей внешней политики. И происходит это в то время, когда США и некоторые их союзники, вопреки международным правилам, регулирующим поставки оружия в зоны вооруженных конфликтов, осуществляют такие поставки в Сирию и на Украину.

Обращения КНДР, почему многочисленные испытательные запуски ракет, способных нести ядерные боеголовки, совершаемые другими странами, в частности Индией и Пакистаном, остаются вне поля зрения так называемого международного сообщества и СБ ООН. Накануне недавнего заявления Совбеза с осуждением очередных ракетных пусков в КНДР крупнейшая индийская газета «Хиндустан таймс» писала, что есть «растущие свидетельства того, что Индия может нанести превентивный удар по Пакистану» с тем, чтобы уничтожить его ядерный арсенал», темпы наращивания которого, утверждает газета, — «самые высокие в мире»¹⁴. Однако по поводу настоящей гонки ядерных вооружений в Южной Азии, ракетных пусков Индии и Пакистана, число которых на порядок выше северокорейских, и, наконец, угрозы конфликта между двумя непризнанными ядерными державами СБ ООН почему-то молчит.

Случай с КНДР показывает, что путем избирательного применения принципов Устава ООН и других международных законов, когда союзникам и перспективным коммерческим партнерам США позволяется едва ли не всё что угодно, а тем, кто таковым не является, или, тем более, препятствует достижению целей американской внешней политики, запрещается буквально всё, проблему распространения ОМУ и средств

их доставки не решить. Такой подход, на взгляд автора, не добавил веса и авторитета решениям СБ ООН.

Сейчас, когда США продолжают вводить против России все новые санкции, как это случилось в очередной раз в марте 2017 г., игнорируя при этом нормы и международного права, и цивилизованного поведения, стоит ли нам и Китаю продолжать следовать необоснованным ограничительным мерам в отношении КНДР и ряда других дружественных или симпатизирующих нам стран, мерам, которые весьма сомнительны с точки зрения международного права, как показывает история с запретом на запуски спутников КНДР¹⁵?

3. Параметры возможного компромисса

К настоящему времени всем, похоже, уже ясно, что только декларациями о необходимости выполнения резолюций СБ ООН и прекращения Северной Кореей ракетных пусков и ядерных испытаний проблему не решить. Реалистические подходы к урегулированию ситуации вокруг ракетно-ядерных программ КНДР должны состоять в следующем:

1. Признание всеми сторонами целесообразности временного моратория (запрета) на действия, вызывающие наибольшую озабоченность другой стороны как необходимого промежуточного этапа, чтобы остановить развитие обстановки по негативному сценарию.

2. Признание Соединенными Штатами и их союзниками в США наличия у КНДР законных озабоченностей в области безопасности, согласие обсуждать и поэтапно решать связанные с этим проблемы (замена Соглашения о перемирии в Корее, создание нового механизма поддержания мира в США).

3. Признание целесообразности раздельного урегулирования ракетной и ядерной проблем, которые, вследствие разных возможностей средств национального контроля за соблюдением будущих договоренностей по каждой из этих проблем, легче будет решать по отдельности.

В частности, в обмен на публичный или молчаливый отказ Пхеньяна от разработки и испытаний межконтинентальных баллистических ракет Совет Безопасности ООН мог бы подтвердить право КНДР на запуски космических летательных аппаратов мирного назначения в соответствии с Договором об использовании космического пространства в мирных целях и другими международными соглашениями, регулирующими деятельность государств в этой сфере.

В целом, учитывая постоянное соперничество Пхеньяна и Сеула и их нежелание в чем-либо уступать друг другу, ракетные программы Северной и Южной Кореи должны иметь примерно одинаковые ограничения, для чего целесообразно рассмотреть вопрос о присоединении двух стран к международному режиму контроля за ракетными технологиями (РКРТ).

Гораздо сложнее обстоит дело с решением собственно ядерной проблемы. Возвращение КНДР в Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и под гарантии МАГАТЭ, включая принятие обязательств по Дополнительному протоколу, а также объявление ею бессрочного моратория на ядерные испытания вряд ли достижимо без четкого заявления остальных участников ныне нефункционирующей «шестисторонки» о том, что в этом случае Пхеньян сможет беспрепятственно пользоваться всеми правами и возможностями, вытекающими из ст. IV ДНЯО, т. е. правом на использование мирного атома. КНДР также могла бы объявить о присоединении к Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ).

Указанные выше договоренности по ракетной и ядерной проблемам могли бы быть закреплены в новой резолюции СБ ООН, которая, среди прочего, отменяла бы те санкции, которые становились бы излишними в свете указанных выше договоренностей, и устанавливала бы четкий график отмены оставшихся ограничений с учетом подтверждения и соблюдения КНДР своих обязанностей по ДНЯО, РКРТ и другим международным договорам, членом которых она является либо к которым должна присоединиться.

Ввиду существующего глубокого недоверия между Вашингтоном и Пхеньяном, а также известных сомнений (особенно после Ливии) в надежности и долговечности любых двусторонних договоренностей между Западом и его бывшими противниками, гарантии США в области безопасности КНДР могут приобрести необходимую степень убедительности, если Соединенные Штаты дадут их, помимо самой КНДР, также Китаю или России, или им обоим вместе. Прецедент подобного рода гарантии был создан еще в ходе разрешения Карибского кризиса и продемонстрировал свою действенность. Такие гарантии могли бы быть закреплены также в специальной резолюции СБ ООН.

Упомянутые выше гарантии безопасности КНДР и установление дипломатических отношений с США могли бы стать альтернативой весьма сложной с юридической точки зрения замене «Соглашения о во-

енном перемирии в Корее» (именно так называется этот документ), которое подписывал американский генерал не как представитель США, а как командующий войсками ООН в Корее, на мирный договор.

В настоящее время компромиссный вариант решения ЯПКП практически не просматривается. Однако время для его достижения еще остается (по признанию самих американцев, КНДР до сих пор ни одного успешного испытания МБР не провела и вряд ли сумеет поставить их на вооружение раньше 2020 г.). Что же касается принципов и методов, которых необходимо придерживаться для решения проблемы, то они уже не раз были согласованы и успешно опробованы в ходе решения иранской и других международных проблем («обещание в ответ на обещание, действие в ответ на действие»).

В целом для решения ЯПКП нужна столь же структурно и хронологически проработанная сделка, какая была заключена с Ираном. При всем различии между корейским и иранским случаями главный урок «иранской сделки» для Кореи заключается в том, что тот компромисс, который из-за практически противоположных позиций сторон — США и Ирана — первоначально казался недостижимым, в итоге, при наличии политической воли его найти, терпеливой дипломатии, а порой и принуждения к миру главных спорщиков — США и Ирана — оказался возможным и достижимым.

Примечания

¹ Совместное заявление КНДР и США. ЦТАК. 12.06.1993.

² Рамочное соглашение между КНДР и США. ЦТАК. 22.10.1994.

³ См. текст: «Нодон синмун», 13.10.2000; Northeast Asia Peace and Security Network. Special Report. 12.10.2000.

⁴ Multiply Options for Striking North Korea, All Highly Risky. «The New York Times», March 18, 2017.

⁵ Secretary of State Rejects Talks With North Korea on Nuclear Program. «The New York Times», March 18, 2017.

⁶ Trump Inherits a Secret Cyberwar on North Korea. «The New York Times». March 5, 2017.

⁷ Tillerson, in Japan, Says U.S. Needs 'Different Approach' to North Korea. «The New York Times», March 17, 2017: Tillerson reaffirms 'ironclad' security alliance with

S. Korea. *Korea.net*. March 20, 2017. URL: <http://www.korea.net/NewsFocus/policies/view?articleId=144832&pageIndex=1>

⁸ Three Dimensions: Can North Korea be Contained? Carnegie Moscow Center. 20.03.2017. URL: http://carnegie.ru/commentary/?fa=68339&mkt_tok=eyJpIjoiTXpVMllqSXpNekZtWkdFNSIsInQiOiJpZzd3NFFEVjF5MVC3MkRnTjI5UmQzU1Q2TStRSkZmYVkrckZocE5OY0FtdllSSHg5dm50Y29NZVRJcHhGNko0dXNIditkaGtSS0V2NzVpZXQrcXFUWHRYbWFiUzhTcnRyS2tkRUprRM3FpVXMwVzhZVGtYUllhMEs4OTJ6MHZ0ZiJ9

⁹ Ibid.

¹⁰ *Жебин А.З.* О некоторых аспектах урегулирования кризиса ядерной безопасности в Корее //Корея в поисках мира и процветания. Доклады, представленные на VIII научной конференции корееведов. Москва, 25—26 марта 2004 г. / ИДВ РАН. М., 2004. С. 124.

¹¹ Там же.

¹² Генштаб КНА: раздавить игрище «специальной операции» американских империалистов и южнокорейской марионеточной своры специальной операцией нашего образца. ЦТАК. 26.03.2017. URL: <http://www.kcna.kp/kcna.user.article.retrieveNewsViewInfoList.kcmsf>

¹³ Комментарий Департамента информации и печати МИД России о ситуации на Корейском полуострове. № 434-06-03-2017. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2668115

¹⁴ *Yashwant Raj.* India could strike Pakistan with nuclear weapons if threatened, says expert. *Hindustan Times*, Mar 21, 2017. URL: <http://www.hindustantimes.com/india-news/india-could-strike-pakistan-with-nuclear-weapons-if-threatened-sindia-cert/story->

¹⁵ США ввели санкции в отношении восьми российских организаций. Коммерсант.ru. 25.03.2017. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3253692>

Г.Д. Толорая, Л.Н. Яковлева

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ НА КОРЕЙСКОМ НАПРАВЛЕНИИ ПОСЛЕ СМЕНЫ АДМИНИСТРАЦИЙ В СЕУЛЕ И ВАШИНГТОНЕ

Импичмент Пак Кын Хе и победа Д. Трампа на президентских выборах в США существенно меняют картину отношений в области политики и безопасности на Корейском полуострове. Новая администрация РК, независимо от политической ориентации, вынуждена будет учитывать упущения предшественников и действовать в рамках более позитивной стратегии в отношении КНДР и Китая, разумеется не подвергая сомнению союзнические отношения с США. Власти Соединенных Штатов могут пойти как на прямой диалог с КНДР, так и усилить нажимные акции на Пхеньян, причем одно не исключает другого. Какие шаги следует предпринять России в новых условиях?

Ключевые слова: Корейский полуостров, КНДР, Южная Корея, Д. Трамп, ракетно-ядерная программа КНДР, ТНААД.

В 2016 г., начавшемся с испытания КНДР водородной бомбы¹ и запуска спутника, спираль напряженности на Корейском полуострове стремительно раскручивалась, что привело к полному прекращению диалога Северной Кореи с Республикой Корея (РК) и США и обострению ситуации по соседству с нашими границами. Противоречия между

КНДР и РК мешают России развивать многосторонние проекты общеазиатского значения. Если Южную Корею еще как-то сдерживают рамки общепринятых норм международного поведения, то про Северную так не скажешь. Можно сказать, что сегодня Северная Корея для России — это запертая дверь на её Востоке. Ведь, по сути, КНДР — это единственное государство, с которым Россия граничит на Востоке по суше с выходом на океан. Конечно, сухопутная граница на Востоке есть и с Китаем, и с Монголией, однако они — страны континентальные — заняты решением своих внутренних проблем и сориентированы вглубь континента. Можно сказать, что в условиях роста взаимосвязанности (connectivity) в АТР именно Корейский полуостров является трамплином, позволяющим России проникнуть дальше в регион.

При Пак Кын Хе Сеул фактически сделал противодействие КНДР и ее изоляцию главной целью своей дипломатии. Вашингтон с подачи Пак Кын Хе и ее администрации исходил из возможности скорого падения режима Ким Чен Ына, а потому не спешил с диалогом. Таким образом, у пхеньянского режима были развязаны руки и для наращивания без каких-либо ограничений своего военного потенциала, в первую очередь ракетно-ядерного, и для действий, призванных привлечь к себе внимание основных центров силы.

Провокационные действия северокорейского руководства способствовали также ужесточению позиции Китая, где уже давно накапливалось раздражение авантюристическими шагами Ким Чен Ына, которые традиционно используются США как предлог для усиления военного присутствия в регионе. Поддержка Пекином Резолюции Совета Безопасности (СБ) ООН 2270² сделала возможным беспрецедентное ужесточение международных санкций против КНДР. Это стало своего рода точкой бифуркации в развитии событий на Корейском полуострове. Пекин пошел неожиданно далеко и в начале 2017 г. даже заявил о полном прекращении импорта угля из КНДР (что укладывается в рамки санкций, но раньше Китай от этого воздерживался). Это может привести к резкому (на 2,6 млрд долл., т. е. на треть) падению экспортной валютной выручки КНДР и заметному осложнению ее внешнеэкономических позиций³.

Кризис в межкорейских отношениях и ужесточение международных антисеверокорейских санкций поставили под угрозу реализацию многих российских проектов в КНДР, а также привели к заморозке переговоров по стратегически важным для нас трехсторонним проектам

на Корейском полуострове (Россия, КНДР, РК). В частности, Южная Корея объявила о прекращении на неопределенный срок переговоров о присоединении к логистическому проекту российско-северокорейского СП «РасонКонТранс»⁴.

Как и следовало ожидать, новые санкции не привели к отказу КНДР от ракетно-ядерных амбиций: за 2016 г. КНДР провела два ядерных испытания и более 20 пусков баллистических ракет. Они также не помогли предотвратить размещение в Южной Корее американской системы ПРО ТНААД, на что, вероятно, надеялись в Пекине при согласовании с США Резолюции СБ ООН 2270, полагая, что в обмен на уступки американским требованиям усилить нажим на КНДР США воздержатся от наращивания военного потенциала в регионе⁵.

Успехи КНДР, продемонстрированные в ходе проведенных в 2016 г. ядерных и ракетных испытаний, свидетельствуют, что она стремительно приближается к своей цели — обладанию сдерживающим главным противника — США — ракетно-ядерным оружием.

Решение о размещении ТНААД в Южной Корее перевели застарелый конфликт на Корейском полуострове на новый уровень и повысили ставки в этом противостоянии⁶. Несмотря на то что с военной точки зрения ТНААД не представляет серьезной угрозы для России, она разделяет обеспокоенность Китая по этому поводу. Москва видит в этом продолжение усилий Вашингтона по созданию в Северо-Восточной Азии, вблизи российской границы, нового регионального сегмента глобальной ПРО США⁷.

Кроме того, размещение ТНААД в Южной Корее, которое уже привело к серьезному конфликту в отношениях между Пекином и Сеулом, еще больше затруднит решение проблем Корейского полуострова, повысив уровень напряженности в регионе. Не исключены и попытки Китая оказать давление на Россию с целью заставить её так или иначе участвовать в ответных мерах на действия Сеула, что не отвечает российским интересам.

Политический кризис в Южной Корее способствовал появлению предположений о том, что новая южнокорейская администрация может если не отказаться от размещения американской системы ПРО на своей территории, то хотя бы частично его пересмотреть. Однако на сегодняшний день нет подтверждений этих предположений. Такое развитие событий маловероятно и в связи с позицией нового руководства США,

которое не скрывает своих намерений по сдерживанию Китая и может оказать соответствующее влияние на власти РК в этом вопросе.

Главным фактором возможного изменения геополитического расклада вокруг Кореи стал приход к власти в США Дональда Трампа. Первые недели пребывания Трампа на посту главы государства показали, что он с одинаковой вероятностью может пойти как на переговоры с КНДР, так и на ужесточение политики в отношении нее — на любые методы, которые, по его мнению, будут наиболее эффективными в конкретных обстоятельствах. Эти предположения были подтверждены словами госсекретаря США Рекса Тиллерсона, который заявил о намерении выработать новый подход к северокорейской угрозе, включающий весь спектр мер — от дипломатии и санкций до возможности применения военной силы⁸. В Вашингтоне уже всерьез стали обсуждать возможность превентивного удара по ракетным и ядерным объектам в КНДР. В ответ на запуск баллистической ракеты, который КНДР провела 12 февраля — не исключено, с тем чтобы проверить реакцию новой американской администрации, — США подтвердили своё намерение защищать союзников (РК и Японию) от угроз КНДР любыми способами⁹.

На этом фоне северокорейцы, которые уже не строят особых иллюзий, начали в открытую критиковать Трампа, хотя никаких антисеверокорейских действий он в первые недели президентства не предпринял.

Более решительные действия США в отношении КНДР могут последовать и в результате возможного роста американо-китайских противоречий в разных областях. Они станут своего рода проверкой готовности Китая идти на обострение. Ответ на провокации КНДР может стать неожиданно жестким и заставить Китай врасплох, а то и заставить его «спасовать».

Первое азиатское турне Тиллерсона 15—19 марта, в ходе которого он посетил Японию, Южную Корею и Китай, показало, что новое руководство США, по крайней мере сейчас, не готово отказаться от требований, предъявляемых к КНДР предыдущими администрациями. На совместной пресс-конференции с министром иностранных дел РК Юн Бён Се в Сеуле госсекретарь США сказал, что переговоры с КНДР «преждевременны» и их возобновление возможно только после отказа северокорейского руководства от ядерного оружия. Обсуждение возможностей заморозки ядерной программы КНДР, по словам Тиллерсона, также не входят в планы США. «Я не уверен, что на данном этапе мы хотели бы “заморозки” (северокорейской ядерной программы)

в сложившихся на сегодняшний день условиях, учитывая, что в этом случае у КНДР сохранился бы значительный потенциал, представляющий угрозу не только для региона, но и для американских сил»¹⁰.

Политика новой администрации США в отношении Корейского полуострова находится в процессе формирования. До завершения этого процесса возможно ситуативное реагирование на северокорейские действия, что увеличивает риск вооруженного конфликта. Вместе с тем все же сохраняется шанс выработки более конструктивного подхода.

Все это требует корректив российской политики на корейском направлении и представляет возможность для того, чтобы она стала более проактивной. Россия смогла сохранить в целом конструктивные отношения с обеими Кореями. Продолжался диалог с КНДР, правда не на политическом уровне. Состоялся российско-южнокорейский саммит на российской территории (Владивосток, сентябрь 2016 г.), декларированы новые задачи в торгово-экономическом сотрудничестве¹¹. Это позволяет ей выступить с новыми инициативными подходами как в отношениях с РК и КНДР с учетом межкорейских отношений, так и в международных форматах урегулирования противоречий в СВА.

По нашему мнению, прогнозируемый приход к власти в РК более либеральной администрации (наиболее вероятно — из оппозиции) так или иначе будет способствовать формированию более прагматичного подхода Сеула к отношениям с КНДР, хотя вряд ли речь может идти о политике «солнечного тепла 2.0». Таким образом, роль РК в общем раскладе может измениться: из «спойлера», каким она была в отношении ситуации на Корейском полуострове в течение пребывания у власти консервативных администраций (особенно уверенной в скором крахе режима администрации Пак Кын Хе), она может перейти к конструктивной роли. Более того, если новая либеральная администрация РК сумеет донести до администрации Трампа перспективность «транзакционистского» подхода к КНДР, желательности найти компромисс в той или иной форме, Сеул сможет занять «водительское место» в урегулировании проблем полуострова. И тогда значение РК в качестве партнера для России и возможности взаимодействия резко возрастут.

Разумеется, такое развитие событий возможно только в случае, если до этого момента Трамп не предпримет каких-либо жестких акций по отношению к Северу, а это не вполне невероятно. Более того, консерваторы в РК как раз и будут стремиться в упреждающем порядке убедить администрацию Трампа в желательности решительных действий, хотя

для РК это могло бы кончиться катастрофой. Возможно, что и убийство Ким Чен Нама, показывающее всему миру «звериный оскал режима», укладывается в такой сценарий.

России следовало бы уже сейчас активно противодействовать подобным тенденциями, в том числе в контактах с кандидатами на посты в ожидаемой администрации РК и на экспертном уровне (хотя возможности для последнего в период президентства Пак Кын Хе заметно сузились).

Наш голос может быть услышан и в Вашингтоне. Даже консерваторы «с репутацией» (например, Виктор Ча, который может вернуться в Совет национальной безопасности на корейское направление) стали предостерегать новую администрацию от чрезмерной жесткости, рекомендуя Трампу, что «дипломатия в отношении Северной Кореи не должна включать только санкции и изоляцию»¹².

Разумеется, надо противодействовать попыткам вбить клин между Россией и КНДР в целях дальнейшей ее изоляции. Сохраняя принципиальную, но декларативную позицию в отношении ядерной программы КНДР, наверное, не следует быть в первых рядах критиков ракетных испытаний, которые служат поводом для новых шагов по изоляции КНДР, что не укрепляет безопасность на наших восточных границах. В конце концов, подобные испытания проводятся во многих странах, а для России они не представляют прямой угрозы. С осторожностью надо пользоваться и излюбленным в США и РК аргументом о том, что испытания являются «нарушением международных обязательств КНДР». Они действительно запрещены несколькими резолюциями СБ ООН, не имеющими обязательной силы (вспомним десятки резолюций по Израилу и т. д.), тогда как международный документ первого уровня — Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г. — признает право всех государств на космические исследования и содержит лишь размытое определение о том, что эта деятельность осуществляется «в соответствии с международным правом, включая Устав Организации Объединенных Наций, в интересах поддержания международного мира и безопасности и развития международного сотрудничества и взаимопонимания». Совершенствование ракетного потенциала КНДР, может быть, и снижает возможности США по нажимным действиям на нее, но для региональной безопасности не менее

опасны учения, ставящие своей прямой задачей захват территории КНДР и уничтожение руководства страны.

Не стоит уходить и от прямого обсуждения такого рода тем с политическим руководством КНДР (в связи с турбулентными политическими процессами на Корейском полуострове может приобрести актуальность идея направления в Пхеньян и Сеул спецпосланника президента РФ).

Что касается отношений между двумя корейскими государствами, по существу Россия мало что здесь может сделать — в результате того, что две Кореи не хотят никакого посредничества в их отношениях. При этом каждая из стран пытается перетянуть Россию на свою сторону. Роль нашей страны в отношениях между Сеулом и Пхеньяном должна заключаться в поощрении тенденций к сотрудничеству и той и другой страны, а также в осуждении тех или иных провокаций каждой. У России правильный подход к ним. Пускай с переменным успехом, но она прилагает все старания к тому, чтобы уклониться от односторонней позиции, содействовать сближению обоих государств и развивать сотрудничество с обеими странами, в том числе и в трехстороннем формате. Возможно, после смены власти в Сеуле эти проекты получают второе дыхание. Необходимо сразу обозначить приоритетность для нас этого направления, возможно разменивая готовность РК на определенные шаги в этой области, скажем на «смягчение обиды» по поводу размещения ТНААД. Мы его предотвратим все равно не в состоянии, да это и вопрос наших отношений с США в комплексе вопросов стратегической стабильности, а отнюдь не двустороннего обсуждения с РК; южнокорейские попытки «объяснить» РФ свой выбор нам в принципе малоинтересны.

Россия продолжит усилия по активизации прежде всего экономического сотрудничества с РК и КНДР. Несмотря на спад товарооборота между нашей страной и государствами Корейского полуострова в 2015—2016 гг., сохраняется значительный потенциал для развития сотрудничества в торгово-экономической, а также других, в том числе научно-технологической, сферах.

Целесообразными могут стать попытки разделить, насколько это возможно, экономические и политические вопросы — не позволить политическим противоречиям препятствовать реализации экономически выгодных для всех участников проектов. Необходимо будет последовательно проводить эту линию, в частности в контактах с новой администрацией в Сеуле после ее формирования.

2016 год также подтвердил необходимость проводить более самостоятельную политику по корейскому вопросу в СБ ООН. Одновременно требуется углубить его обсуждение с Пекином, в том числе на экспортном уровне, чтобы его действия вновь не стали неожиданностью для России.

Что касается многостороннего формата урегулирования корейских проблем, то для России это важная возможность «оставаться в игре» и влиять на принимаемые решения, прямо касающиеся ее интересов. Конечно, не надо преувеличивать возможности нахождения компромисса именно в шестистороннем формате — скорее это может стать продуктом двустороннего американо-северокорейского торга и межкорейских договоренностей. Однако только гарантии всех ведущих акторов могут обеспечить контроль за исполнением договоренностей и не допустить их нарушения в одностороннем порядке. Уже предлагалась идея перекрестных двусторонних соглашений о режиме поддержания безопасности на Корейском полуострове между всеми участниками в качестве цели переговоров. При этом важно отметить, что в нынешней ухудшающейся ситуации «процесс важнее результата»: важным осязаемым результатом с самого начала переговоров может стать замораживание ядерной программы КНДР и снижение конфронтации.

Поэтому в наших интересах продолжать призывать к шестистороннему процессу. Вместе с тем надо учитывать, что США и РК, не добившись своих целей (капитуляция КНДР) в прошлом шестистороннем цикле, весьма скептически относятся к их возобновлению. Не проявляет заинтересованности в этом и КНДР, справедливо предпочитающая договариваться на двустороннем треке. В силу этого следует модифицировать идею формата с тем, чтобы предметом переговоров была не только ядерная проблема КНДР, но и режим мира и безопасности на Корейском полуострове. Заслуживает внимания идея созыва международной конференции на уровне министров иностранных дел (возможно, на полях Генассамблеи ООН уже в сентябре 2017 г.) в качестве отправной точки процесса. Россия, после консультаций со всеми участниками, могла бы выдвинуть такое предложение.

Пока рано делать выводы о том, насколько благоприятными окажутся политические условия. Тем не менее дискредитация в РК жесткой линии в отношении КНДР дает основания предполагать, что новая южнокорейская администрация будет проводить в этом направлении более гибкую политику. Независимо от политической ориентации, она

будет вынуждена учитывать упущения предшественников и действовать в рамках более позитивной стратегии в отношении КНДР, Китая, разумеется не подвергая сомнению союзнические отношения с США.

При этом рассчитывать на то, что имеющиеся у двух стран проблемы возможно решить одновременно, не приходится. Их разрешение будет происходить очень долго. Да и, как бы там ни было, отношения между Северной и Южной Кореей всегда будут сложными. Позволим высказать предположение, что эти две страны вряд ли когда-то смогут объединиться в одно централизованное государство. Речь может идти только о хороших или плохих в той или иной степени отношениях между ними. А сейчас — о том, чтобы они хоть как-то их наладили и перестали враждовать.

Свое влияние на развитие отношений между странами, как правило, оказывают инициативные действия властей Юга, Север чаще реагирует на них. Хотя южнокорейцы считают свои действия «ответом на провокационное поведение Севера». В арсенале КНДР — и провокации, и демонстрация военной силы либо, после еще одного затишья, возможность опробовать какой-то новый вариант сотрудничества. Однако то, какой вариант будет избран, зависит во многом от поведения Сеула. Таким образом, определяющим фактором на этот год будет то, кто в ближайшее время придет к власти в Южной Корее и как будут строиться отношения Сеула с Вашингтоном.

Примечания

¹ Специалисты полагают, что речь идет о технологии усиления (бустинга) мощности ядерного заряда с помощью изотопов водорода.

² Резолюция Совета Безопасности ООН 2270 (2016).

³ China to stop all coal imports from North Korea: Commerce ministry, 18.02.2017 [Internet resource]. Available at: URL: <https://www.nknews.org/2017/02/china-to-stop-all-coal-imports-from-north-korea-commerce-ministry/>

⁴ S. Korea suspends logistics project with N. Korea, Russia: sources // Yonhap News Agency, 11.02.2016 [Internet resource] Available at: URL: <http://english.yonhapnews.co.kr/northkorea/2016/02/11/0401000000AEN20160211003600315.html>

⁵ По итогам встречи с министром иностранных дел Китая Ван И госсекретарь США Дж. Керри заявил о том, что «необходимости в размещении ТНААД не будет, если удастся добиться денуклеаризации [КНДР]», подчеркнув, что это

является единственным условием для отказа США от развертывания системы ПРО в Южной Корее. — Remarks With Chinese Foreign Minister Wang Yi, 23.02.2016 [Internet resource]. Available at: URL: <http://www.state.gov/secretary/remarks/2016/02/253164.htm>

⁶ Korea and the U.S. to deploy THAAD in the USFK, 08.07.2016 [Internet resource]. Available at: URL: http://www.mnd.go.kr/user/boardList.action?command=view&page=7&boardId=O_47261&boardSeq=O_139256&titleId=null&siteId=mnd_eng&id=mnd_eng_030100000000

⁷ Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с решением Республики Корея и США начать переговоры о размещении Соединенными Штатами Америки на территории Республики Корея противоракетных комплексов ТНААД, 10.02.2016 [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2072447

⁸ Tillerson vows 'new approach' to N. Korea while keeping all options on table, 08.02.2017 [Internet resource]. Available at: URL: <http://english.yonhapnews.co.kr/national/2017/02/09/0301000000AEN20170209005300315.html>

⁹ US to defend S. Korea, Japan 'with full arsenal', 18.02.2017 [Internet resource]. Available at: URL: <http://www.straitstimes.com/asia/east-asia/us-to-defend-s-korea-japan-with-full-arsenal>

¹⁰ Remarks With Foreign Minister Yun Byung-se Before Their Meeting // U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/secretary/remarks/2017/03/268501.htm>

¹¹ Одним из итогов ВЭФ-2016 стало подписание документов по итогам российско-корейских переговоров, 04.09.2016 [Электронный ресурс]. URL: http://www.minvostokrazvitia.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=4613

¹² No U.S. policy on N. Korea should only be composed of sanctions: Victor Cha. URL: <http://english.yonhapnews.co.kr/search1/2603000000.html?cid=AEN20170217006700315>

А.В. Воронцов

ПЕРСПЕКТИВЫ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ В 2017 г.

2016 г. был отмечен тенденцией нарастания напряженности на Корейском полуострове. Однако в настоящее время и в мире, и в США нарастает понимание того, что концепция «стратегического терпения», т. е. «сдерживание без переговоров», которую восемь лет пыталась реализовывать администрация Б. Обамы, провалилась. В свете вышеотмеченного наиболее реалистичными видятся два варианта развития двусторонних отношений между США и КНДР в 2017 г. Первый в рамках концепции «давление и диалог» подразумевает начало серьёзных, нацеленных на достижение взаимоприемлемого соглашения переговоров с Пхеньяном. Второй — продолжение и ужесточение политики в рамках модели «давление без взаимодействия», введение тотальных санкций, полного торгового эмбарго и т. д. Если администрация Д. Трампа выберет первый из описанных вариантов, прогресс в американо-северокорейских отношениях станет реальностью. Если же в Белом доме вновь восторжествуют сторонники конфронтационного подхода, то Пхеньян приступит к новому этапу форсирования ракетно-ядерных программ.

Ключевые слова: Корейский полуостров, денуклеаризация, сдерживание, переговоры, давление, компромисс.

Конечно, задача раскрыть поставленный в заглавии статьи тезис является непростой и, в известной степени, неблагодарной. Тем не менее попытаемся определить основные параметры и драйверы процесса формирования и эволюции военно-политической ситуации на Корейском полуострове в 2017 г.

Среди главных новых факторов, самым серьезным образом влияющих на обозначенный процесс, несомненно, следует назвать состоявшуюся смену президентской администрации в США и ожидаемую в скором будущем в Республике Корея. При этом к власти в данных ключевых странах пришли (США) или, весьма вероятно, могут прийти (РК) не только другие партии, но и иные политические силы, исповедующие существенно отличные от предшественников воззрения на истоки напряженности в Корее, пути и методы её устранения.

Администрация Д. Трампа ещё только начинает формировать свою восточноазиатскую стратегию. Однако эксперты часто вспоминают его предвыборный тезис о готовности встретиться с лидером КНДР Ким Чен Ыном «за бургером», что уже принципиально отличает намерения нового хозяина Белого дома от восьмилетней политики «стратегического терпения» Б. Обамы¹. Сегодня очевидно, что одним из наиболее вероятных претендентов на пост президента РК является лидер оппозиции Мун Чже Ин. Он обещал, что в случае победы на выборах свой первый зарубежный визит нанесет не в Вашингтон, а в Пхеньян, что диаметрально противоположено курсу администрации Пак Кын Хе, полностью разрушившей отношения с Северной Кореей.

При этом для адекватного понимания перспектив развития ситуации на Корейском полуострове в 2017 г. необходимо также попытаться понять итоги предшествующего этапа. Северокорейские эксперты, со своей стороны, резюмировали итоги прошедшего года лаконично и образно: «Прошли и никогда не вернутся те времена, когда США угрожали и шантажировали КНДР при помощи ядерного оружия»². Ясно, что они указывают на те несомненные успехи, которых добилась республика в развитии ракетно-ядерных программ. Действительно, обозревая хронику событий, приходится констатировать, что 2016 г. был весьма турбулентным, порой взрывоопасным. На протяжении большей части года в фокусе мирового внимания находилась КНДР, которая, в том числе, произвела два ядерных испытания и 25 пробных пусков ракет различных типов. Однако в последние месяцы 2016 г. в заголовках международных СМИ оказалась Южная Корея, где мощные протестные вы-

ступления населения привели 9 декабря к объявлению парламентом страны импичмента действующему президенту РК Пак Кын Хе. Данный импичмент был подтвержден Конституционным судом РК, в результате чего Пак Кын Хе была окончательно отстранена от власти и почти сразу после этого в марте 2017 г. взята под стражу.

Первые же дни 2017 г. сразу представили аналитикам различных стран новую пищу в процессе их напряженных размышлений относительно возможных сценариев дальнейшего развития ситуации в Корее.

Доминирующим событием стала заочная дискуссия лидера КНДР Ким Чен Ына и вновь избранного президента США Д. Трампа. Северокорейский руководитель в новогодней речи, в частности, отметил: «В ответ на всё усугубляющуюся ядерно-военную угрозу со стороны империалистов было успешно проведено наше первое испытание водородной бомбы, ... на завершающей стадии находится подготовка к испытательному запуску межконтинентальной баллистической ракеты, и, таким образом, многоступенчато, непрерывно происходили удивительные события в деле укрепления оборонной мощи государства, что создало могучую военную гарантию охраны судьбы Родины и нации...»³.

На эту часть выступления мгновенно отреагировал Д. Трамп, написав в своем Твиттере: «Северная Корея заявила, что находится на завершающей стадии разработки ядерного оружия, способного достичь территорий США. Этого не произойдет!»⁴ Заявление хлесткое и лаконичное, оставляет простор для интерпретаций, поскольку допускает возможности как силового, так и переговорного методов достижения желаемой цели.

Далее последовали практические шаги: Д. Трамп направил в свой первый зарубежный визит министра обороны Дж. Мэттиса именно в Южную Корею и Японию 2—3 февраля 2017 г., т. е. через несколько дней после собственной инаугурации, с тем чтобы заверить дальневосточных союзников в незыблемости и твердости американских союзнических обязательств. Последнему удалось в значительной мере успокоить южнокорейцев и японцев⁵. Эти же цели преследовал государственный секретарь США Р. Тиллерсон, который в ходе первого зарубежного турне в марте 2017 г. также посетил Токио, Сеул и Пекин.

12 февраля КНДР произвела успешное испытание ракеты средней дальности, вызвавшее широкий резонанс среди экспертов, но далеко не такое резкое осуждение из Вашингтона, к которому привыкли консер-

ваторы. Отмечалась первичная сдержанная реакция Д. Трампа, который лишь напомнил, что КНДР должна выполнять все резолюции СБ ООН. Американские специалисты предполагали, что это произошло потому, что на этот раз Пхеньян не перешагнул красную линию, прочерченную главой Белого дома — ракета оказалась не межконтинентальная⁶.

Поскольку центральным элементом конфликтной ситуации на Корейском полуострове было и остается противостояние Вашингтона и Пхеньяна, для прогнозирования его дальнейшей эволюции имеет смысл выделить базовые факторы исходных позиций обеих сторон, сформировавшихся на данный момент.

Предпосылки формирования позиции США

Среди ведущих американских политологов, специализирующихся на проблемах Восточной Азии и Корейского полуострова, продолжается противоборство жесткосилового и более гибкого дипломатического подходов. При этом в отношении КНДР сложилось несколько точек зрения:

1. Предшествующий подход, основанный на концепции «стратегического терпения», т. е. «давление и сдерживание без переговоров» — «кнут без пряника», который восемь лет пыталась реализовывать администрация Б. Обамы, провалился.

2. Северокорейская ракетно-ядерная угроза станет одним из приоритетов политики Д. Трампа, которую больше нельзя игнорировать, как это делал Б. Обама. Однако при этом проблема заключается в том, что Пхеньян не желает отказываться от собственного ядерного оружия и пытается заставить весь мир признать его ядерный статус.

3. У США нет эффективных инструментов, чтобы убедить Пхеньян изменить нынешнюю политику. Такие действенные возможности есть только у Китая, но Пекин в силу ряда причин не хочет (или не может) их использовать.

4. Северная Корея добилась определённых успехов в экономическом развитии и стала менее восприимчива к международным санкциям.

5. Серьезно осложняющим ситуацию фактором являются утвердившиеся в политических кругах США «презумпция виновности» КНДР во

всех грехах, высокий уровень недоверия и стереотип о том, что Северная Корея не будет соблюдать любой новый договор.

Однако в востоковедном сегменте американского экспертного сообщества сегодня наблюдается рост более сдержанных и реалистичных оценок. В связи с этим достаточно упомянуть один из последних докладов традиционно консервативного Центра стратегических и международных исследований в лице президента его Тихоокеанского форума весьма авторитетного ученого Р. Косса, в котором последний призывает кардинально пересмотреть устоявшиеся базисные, но оказавшиеся совершенно нереалистичными воззрения Вашингтона на рассматриваемый предмет.

Основные его тезисы-коррективы сводятся к следующему: ошибочно считать, что:

- 1) Ким Чжон Ын (и стратегия КНДР. — *А.В.*) не рационален;
- 2) северокорейские ракетно-ядерные испытания — провокации. На самом деле они есть ступени последовательно развивающихся военных программ;
- 3) ключи решения северокорейской программы лежат в Пекине;
- 4) давление и санкции — адекватный ответ на северокорейский вызов;
- 5) пхеньянский режим обречен на скорый коллапс. Отмечается при этом, что в 2016 г. урожай риса в КНДР повысился на 7 %, а производство риса — на 23 %, частный сектор экономики вырос на 3—4 %.

б) время — на нашей стороне. Пхеньян во многом — хозяин своей судьбы, преисполнен решимости и, по всей видимости, может создать в близком будущем ракетно-ядерный потенциал, способный достичь континентальной части США⁷.

Весьма высокую с технической точки зрения оценку в американских экспертных кругах получило упоминавшееся ракетное испытание КНДР 12 февраля 2017 г. Признается, что факт освоения северянами изготовления ракет на твердом топливе, резко повышающем их мобильность и выживаемость в случае нанесения по ним превентивного удара, представляет несомненный научно-технический прорыв⁸.

Другие специалисты акцентируют внимание на необходимости найти рациональные способы остановить или замедлить данный процесс. Иначе ожидается, что, если ракетно-ядерные программы КНДР будут развиваться теми же темпами, что в 2016 и начале 2017 г., Пхеньян сможет создать эффективную межконтинентальную ракету, оснащен-

ную ядерной боеголовкой через четыре года, к концу нынешнего президентского срока Д. Трампа⁹.

Обзор дискуссии в американском экспертном сообществе позволяет выделить два конфликтующих подхода:

1. Приверженцы более гибкого, дипломатического, подхода указывают, что предшествующий опыт доказал: одностороннее давление не работает, поскольку Северная Корея продемонстрировала способность к упорному сопротивлению, а Китай не намерен далеко заходить в применении санкций против неё. Поэтому они предлагают строить отношения с Пхеньяном на базе концепции «давление и диалог» и начать с ним переговоры.

Сторонники данного подхода при этом убеждены в том, что принципиально важно заручиться поддержкой Китая. А для этого необходимо убедить Пекин в том, что теперь у Вашингтона есть позитивный план действий в отношении КНДР и стремление заключить с ним разумную договорённость по типу сделки с Ираном. Американцы надеются, что в таком случае Китай станет жёстче оказывать давление на Северную Корею. При этом они напоминают, что в случае с Ираном на определённом этапе подготовки сделки Пекин согласился отказаться покупать иранскую нефть, что помогло заставить Тегеран пойти на уступки. По мнению авторов этого варианта действий, наряду с ведением переговоров с Пхеньяном, необходимо параллельно усиливать ядерное сдерживание и коллективную оборону США в регионе.

Новые переговоры, по мнению авторов данной модели, скорее всего будут опять многосторонними, но главными действующими игроками в их рамках станут США и КНДР. Переговоры видятся им в виде как минимум двухстадийного процесса. На первом этапе предусматривается достижение промежуточной сделки по замораживанию ядерной программы Северной Кореи. Она должна включать в себя обязательства Пхеньяна по запрету на дальнейшую разработку ядерного оружия (ЯО), согласие на допуск инспекторов МАГАТЭ на все объекты за пределами Пхеньяна, которые международные чиновники захотят осмотреть. На данном этапе Пхеньян оставит за собой право сохранить у себя уже имеющиеся ЯО, но примет на себя обязательство продолжить данные переговоры с конечной целью полной ликвидации всего национального ядерного потенциала.

При этом сторонники данного подхода считают, что шансы на успех реализации их предложений не очень высоки. В том числе потому,

что неизвестно, что Пхеньян потребует взамен таких своих радикальных уступок и будут ли запросы Пхеньяна приемлемы для Вашингтона (например, установление дипломатических отношений, снятие всех санкций, вывод американских войск из Южной Кореи и всех ядерных сил из региона Северо-Восточной Азии и т. д.).

Одни из них, как, например, «ветеран корейской проблемы» Де Трани, уверены, что переговорам с КНДР надо дать шанс, и уже в случае их неудачи рассматривать другие варианты¹⁰. Другие ратуют за упор на серьезную дипломатию на основе стратегии принудительного вовлечения Пхеньяна в переговоры¹¹.

2. При этом было бы неверно полагать, что сторонники жесткого силового подхода ослабили свою деятельность. Ястребы по-прежнему ратуют за продолжение и ужесточение политики в рамках модели «давление без взаимодействия». Её логика заключается в следующем: вступление в переговоры с Пхеньяном будет равнозначно легитимизации его ядерного оружия и оказанию помощи в его выживании. Следовательно, сторонники данного курса действий ратуют за введение тотальных санкций и полного торгового эмбарго; за то, чтобы «припугнуть» Китай вторичными санкциями, если он будет продолжать отказываться полностью «перекрыть кислород» Северной Кореи; пресечь поступление денежных средств от северокорейских рабочих, находящихся за рубежом, и заставить соответствующие страны отказаться от использования северокорейской рабочей силы вообще; усилить средства ПВО США в Японии и Южной Кореи; активизировать трехстороннее военное сотрудничество в рамках треугольника США—Япония—РК; форсировать размещение стратегических вооружений США в Южной Кореи, например стратегических бомбардировщиков В-52, на основе ротации; продолжить военные репетиции опустошающего ядерного превентивного удара по Северной Кореи.

В рамках данного подхода допускаются и военные меры: Вашингтон может разрешить Сеулу в определённом случае ответить на очередную провокацию Пхеньяна военно-силовым образом; продолжать поддерживать собственную готовность нанести упреждающий удар.

То есть сторонники данного конфронтационного подхода исходят из того, что политика Д. Трампа по отношению к Северной Кореи будет жёсткой. Они утверждают, что северокорейцы ещё не видели, что такое «враждебная политика США» на самом деле. Трамп, мол, им покажет настоящую «враждебную политику».

Возможный ответ КНДР

Как уже отмечалось, в настоящее время в мире всем стало ясно, что в последний год КНДР добилась больших успехов, даже прорыва в развитии ракетно-ядерных программ. Совокупность новых факторов привела к качественному сдвигу в балансе сил как на Корейском полуострове, так и в регионе СВА в целом, и, что важно в рамках нашего анализа, в характере американо-северокорейских отношений.

Приобретённый в последние два года потенциал придал значительно больше уверенности Пхеньяну в отношении США. Многие американские переговорщики, по опыту 2016 г., с тревогой говорят о появившейся чрезмерной, на их взгляд, самоуверенности северян. Неожиданным фактом и метаморфозой стало то, что теперь Северная Корея получила возможность встать на позицию «стратегического терпения» в отношении Вашингтона. Пхеньян демонстрирует, что теперь он никуда не спешит, в том числе в сфере возобновления официальных переговоров, и реально ничего не боится; что Ким Чен Ын избрал и пока успешно применяет тактику нажима на США и их союзников, требуя от них принять собственные условия.

Что касается степени недоверия к США, то в Пхеньяне она возможна, ещё более высока, чем в Вашингтоне к КНДР. Поведение команды Д. Трампа по отношению к заключённой год назад ядерной сделке между США и Ираном ещё больше усиливает подобное недоверие и порождает сомнения в договороспособности США в принципе, если каждая новая администрация в Белом доме готова отказываться от обязательств предшествовавшего президента.

При этом очевидно, что отказ Пхеньяна от любых официальных контактов с администрацией Б. Обамы не распространяется на Д. Трампа, и стратегическая внешнеполитическая цель, нормализация отношений с США, остаётся в силе. Напомним, что после того, как США включили в очередной санкционный список персонально лидера КНДР, Пхеньян решил, что Вашингтон переступил «красную линию», и прекратил с ним все официальные контакты. Не вызывает сомнения, что в КНДР внимательно отслеживают каждый шаг команды Д. Трампа и хорошо помнят его высказывание о готовности встретиться с Ким Чен Ыном.

На наш взгляд, важным периодом в 2017 г. стал март—апрель — время, когда США и РК ежегодно проводят крупномасштабные манёвры «Фул иглс» и «Ки ризолвз» на юге Корейского полуострова.

Если бы численность войск и состав вооружений, прежде всего стратегических наступательных, со стороны США хоть незначительно снизилась, это стало бы обнадеживающим сигналом для Пхеньяна.

Одним словом, если Д. Трамп выберет первый из описанных вариантов новой американской политики в отношении Пхеньяна, и тем более обогатит её свойственными ему нестандартными ходами и инициативами, прогресс в американо-северокорейских отношениях станет реальностью. Если же в Белом доме вновь восторжествуют сторонники конфронтационного силового подхода, всё довольно скоро вернётся «на круги своя». Как только Пхеньян убедится, что Д. Трамп избрал линию на удушение Северной Кореи и смену режима в ней, он быстро даст понять новым хозяевам Белого дома, что и они тоже капитуляции КНДР не дождутся. Итогом подобного разворота, скорее всего, станет новый этап в развитии ядерных средств сдерживания и средств их доставки.

Пока ситуация остается противоречивой. С одной стороны, ободряет то, что голоса видных американских экспертов в пользу налаживания американо-северокорейского диалога звучат все громче¹². С другой стороны, Пентагон реализовал высокий уровень американского военного вовлечения в весенние спаренные военные учения США и РК с привлечением стратегического оружия, в том числе самолетов-невидимок Ф-22 и авианосца, что подтвердило намерение Вашингтона наращивать давление на КНДР¹³.

Примечания

¹ Expert survey: How would N. Korea respond to overtures from President Trump?

URL: <https://www.nknews.org/pro/expert-survey-how-would-n-korea-respond-to-overtures-from-president-trump/>

² Центральное телеграфное агентство Кореи 28 декабря опубликовало подробный отчет о ситуации на Корейском полуострове в 2016 г. URL: http://www.rodong.rep.kp/en/index.php?strPageID=SF01_02_01&newsID=2016-12-30-0005

³ Kim Jong Un's 2017 New Year's Address, Pyongyang, January 2 (KCNA) — Respected Supreme Leader Kim Jong Un made the New Year Address for 2017. URL: <http://www.ncnk.org/resources/news-items/kim-jong-uns-speeches-and-public-state-mnts-1/kim-jong-uns-2017-new-years-address>

⁴ URL: <https://twitter.com/realdonaldtrump/status/816057920223846400>. Трамп прокомментировал заявление Ким Чен Ына о ядерном оружии. URL: <https://russia.n.rt.com/world/news/347213-tramp-zayavlenie-kim-chen-yna>

⁵ Mattis arrives in South Korea to reassure nervous U.S. ally, Los Angeles Times, 03.02.2017. URL: <http://touch.latimes.com/#section/-1/article/p2p-92484205/>; Jim Mattis Says U.S. Is 'Shoulder to Shoulder' With Japan, The New York Times, February 3, 2017. URL: https://www.nytimes.com/2017/02/03/world/asia/us-japan-mattis-abe-defense.html?_r=0

⁶ *Mark Fitzpatrick*. North Korean missile test: Don't go ballistic. 17.02.2017. URL: <https://www.iiss.org/en/politics%20and%20strategy/blogsections/2017-6dda/february-88e4/north-korean-missile-test-27e6>

⁷ Untying North Korean 'nots', PacNet #17, February 14, 2017. URL: <https://www.csis.org/analysis/pacnet-17-untying-north-korean-nots>

⁸ *Peter Hayes*. North Korea may not yet have a long-range missile, but its progress is worrying, 14.02.2017. URL: http://theconversation.com/north-korea-may-not-yet-have-a-long-range-missile-but-its-progress-is-worrying-73115?utm_source=NAPS_Net&utm_campaign=6978761145-EMAIL_CAMPAIGN_2017_02_16&utm_medium=email&utm_term=0_f1452487e1-6978761145-24272265

⁹ *Mark Fitzpatrick*. Op. cit. URL: <https://www.iiss.org/en/politics%20and%20strategy/blogsections/2017-6dda/february-88e4/north-korean-missile-test-27e6>

¹⁰ Joe DeTrani and Chris Hill in The Cypher Brief: North Korea Tests Missile-and Trump, 13.02.2017. URL: <https://www.thecypherbrief.com/article/exclusive/asia/north-korea-tests-missile-and-trump-1091>

¹¹ *Robert S. Litwak*. Preventing North Korea's Nuclear Breakout, Feb 14, 2017. URL: HTTPS://WWW.WILSONCENTER.ORG/PUBLICATION/PREVENTING-NORTH-KOREAS-NUCLEAR-BREAKOUT?MKT_TOK=EYJPIJOIT1RAAFL6WMHPVEZTWLRCBCISINQIOIJZVTHGAVB6VXR6UWM4BKPVT2LLUFY4BK5DRKJOYTRODNZSANCXSJVJYVYJBJY1A3DTV2IYEHFBRZDLRLJQBDDYY1NOOXPHCUFGSJH1UNJCL2YWCVFKWFJ2MTHVMUT2KZJOYKD6ELI0QKHAKQSYU2QZK1HYC0NRDGYWDSXC9MMVGYIN0%3D

¹² *Siegfried S. Hecker*. The U.S. Must Talk to North Korea, January 12, 2017. URL: https://www.nytimes.com/2017/01/12/opinion/the-us-must-talk-to-north-korea.html?_r=0. Expert survey: How would N. Korea respond to overtures from President Trump? URL: <https://www.nknews.org/pro/expert-survey-how-would-n-korea-respond-to-overtures-from-president-trump/>

¹³ США перебросят стратегические вооружения на учения в Южную Корею, 14.02.2017. URL: <https://ria.ru/world/20170214/1487905204.html>

Ким Ен Ун

КОНЦЕПЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ И КОРЕЯ

1 декабря 2016 г. была опубликована обновленная Концепция внешней политики России. Публикация новой концепции, можно сказать, была связана с быстрыми переменами некоторых фундаментальных проблем международных отношений, а также изменениями положения, места и веса многих стран, с которыми поддерживает отношения России. Это относится и к корейской политике России. Имеется в виду необходимость корректировки политики РФ как по корейской проблеме в целом (включая вопросы мира и безопасности, денуклеаризации полуострова), так и по отношению с КНДР и Республикой Корея.

Ключевые слова: Концепция внешней политики РФ, корейская проблема, КНДР, РК, активная дипломатия.

1 декабря 2016 г. опубликована обновленная Концепция внешней политики Российской Федерации. Появление этого документа за полтора года до окончания полномочий действующего президента в четвертьвековой истории постсоветской России представляется необычным.

Как известно, документ под названием «Концепция внешней политики Российской Федерации» (далее — Концепция) в более чем тысячелетней истории России родился всего менее четверти века назад. Его не

было ни в царской России, ни в Советском Союзе. 23 апреля 1993 г. распоряжением президента России Б.Н. Ельцина были утверждены «Основные положения концепции внешней политики Российской Федерации». Как многое во время правления Ельцина, документ больше не упоминался ни в последовавших ежегодных посланиях президента Федеральному Собранию РФ, ни в каких-то других основополагающих нормативных актах по внешней политике. Повторное избрание Б.Н. Ельцина президентом России не оказало влияния на необходимость или желание внести какие-то изменения или принять новый документ под аналогичным названием.

Следующая Концепция внешней политики Российской Федерации была утверждена указом второго президента России В.В. Путина 28 июня 2000 г., т. е. всего через месяц после инаугурации.

Третий документ под этим же названием был опубликован третьим президентом России Д.А. Медведевым 15 июля 2008 г., т. е. через два с небольшим месяца после вступления в должность.

Четвертая Концепция внешней политики РФ была утверждена президентом В.В. Путиным 12 февраля 2013 г., т. е. через девять месяцев после инаугурации.

Таким образом, можно сказать, что в России установилась традиция публикации такого основополагающего документа по внешней политике один раз на весь период полномочий президента, будь то один срок или два срока. Поэтому публикация новой концепции внешней политики России при действующем, имеющем огромную поддержку среди населения и политической элиты президенте нельзя отнести к какому-то рядовому событию.

Утверждение 1 декабря 2016 г. Концепции внешней политики Российской Федерации было связано с быстрым изменением характера некоторых фундаментальных проблем международных отношений, а также положения, места и веса многих стран, с которыми Россия поддерживает отношения.

В задачи данного исследования не входит сравнение различных редакций или анализ эволюции этого основополагающего документа по внешней политике страны по всем ее направлениям.

В нем дается определение самого понятия концепции внешней политики страны. Так, в редакции этого документа от 28 июня 2000 г. сказано: «Концепция внешней политики Российской Федерации представ-

ляет собой систему взглядов на содержание и основные направления внешнеполитической деятельности России»¹.

Документ 2008 г. дает такое определение: «Концепция внешней политики Российской Федерации... — система взглядов на содержание, принципы и основные направления внешнеполитической деятельности России»², т. е. подчеркнута важность принципов, которых придерживается Россия в международных делах и к соблюдению которых она призывает мировое сообщество.

Документ от 18 февраля 2013 г. несколько расширяет её цели и содержание: «Концепция внешней политики Российской Федерации... представляет собой систему взглядов на базовые принципы, приоритетные направления, цели и задачи внешнеполитической деятельности Российской Федерации»³.

Концепция внешней политики 2016 г. в несколько видоизмененной редакции дает то же определение документу: «Настоящая Концепция представляет собой систему взглядов на базовые принципы, приоритетные направления, цели и задачи внешней политики Российской Федерации»⁴.

В этих определениях указаны принципы, основные направления, цели и задачи внешней политики страны. Но это не в полной мере отражает содержание документа, так как чтобы говорить о намерениях в области международной деятельности, о принципах такой работы, нужно дать анализ характера сложившегося миропорядка и системы международных отношений. И для нас, исследователей процессов, происходящих в Восточной Азии и конкретно на Корейском полуострове, имеет фундаментальное значение их оценка и на основе этой оценки понимание того, что и как, в какой форме, в каком направлении там развиваются события.

А уже исходя из этого нужно оценивать и внешнюю политику изучаемых стран, и политику Российской Федерации по отношению к этим странам, и насколько правильно и действенно поставлены ориентиры внешней политики в интересующем Россию регионе.

Особо следует обратить внимание на важнейшие моменты в оценке положения в мире, данной в Концепции внешней политики России 2016 г.

В ст. 4 Концепции констатируется, что «современный мир переживает период глубоких перемен, сущность которых заключается в формировании полицентричной международной системы. Структура между-

народных отношений продолжает усложняться. В результате процесса глобализации складываются новые центры экономического и политического влияния. Происходит рассредоточение мирового потенциала силы и развития, его смещение в Азиатско-Тихоокеанский регион. Сокращаются возможности исторического Запада доминировать в мировой экономике и политике»⁵. Представляется принципиально важным выраженное еще в Концепции-2013 утверждение о сокращении возможностей исторического Запада доминировать в мировой экономике и политике⁶.

Концепция-2016 справедливо указывает на то, что сокращение возможностей исторического Запада доминировать отнюдь не означает, что он легко откажется от попыток удержать свои позиции. Западные страны, другими словами — страны мировой капиталистической системы, в частности её наиболее могущественные страны, которых можно характеризовать как империалистические государства по целям и методам их влияния на международные процессы, будут пытаться продолжать навязывать свою точку зрения на общемировые процессы, подавлять активность альтернативных центров силы или те государства, которые не хотят покорно идти в фарватере их политики, что не может не приводить к «нарастанию нестабильности в международных отношениях, усилению турбулентности на глобальном и региональном уровнях»⁷.

И в этом плане «борьба за доминирование в формировании ключевых принципов организации будущей международной системы становится главной тенденцией современного этапа мирового развития»⁸.

Концепция определяет приоритеты России в решении глобальных проблем. Они следующие: формирование справедливого и устойчивого мироустройства при ведущей роли такого института и инструмента решения международных проблем, как Организация Объединенных Наций; верховенство права в международных отношениях, которое призвано обеспечить мирное и плодотворное сотрудничество государств при соблюдении баланса их интересов, а также гарантировать стабильность мирового сообщества в целом; укрепление международной безопасности, отдавая предпочтение политико-дипломатическому урегулированию региональных конфликтов на основе коллективных действий международного сообщества, исходя из того, что разрешение таких конфликтов возможно посредством вовлечения всех сторон в диалог и переговоры, а не посредством изоляции какой-либо из них; междуна-

родное экономическое и экологическое сотрудничество, которое будет содействовать формированию в мире справедливой и демократической торгово-экономической и валютно-финансовой системы, устойчивому социально-экономическому развитию государств как важнейшей предпосылки формирования более эффективной и кризисоустойчивой международной системы, фактор благополучия и процветания всего человечества, исходя из того, что в условиях современных мировых экономических вызовов требуется общий подход к их преодолению; международное гуманитарное сотрудничество и права человека, направленное на то, чтобы добиваться уважения прав и свобод человека во всем мире путем конструктивного, равноправного международного диалога с учетом национальных, культурных и исторических особенностей и ценностей каждого государства, способствовать гуманизации социальных систем во всем мире в целях обеспечения основных прав и свобод человека⁹.

И здесь важно определить, какую позицию каждое государство занимает в этой борьбе. Способно ли, исходя из подлинных, а не сиюминутных, преходящих или кратковременных материальных, финансовых, национальных интересов, участвовать в утверждении справедливого миропорядка, в котором, как в хорошем хоре (в русском народном или грузинском), в общем многозвучии был бы ясно слышен голос каждого и уважались его интересы, сопряженные с интересами соседей и мирового сообщества. Способно ли государство отказаться от участия и следования анахроничной, идущей от времен холодной войны политике и практике военно-политических союзов, ставящих, при всех лицемерных заявлениях о равенстве и согласии, более слабое или слабые в экономическом, военном, политическом отношении государства в зависимости от ведущей силы такого альянса и ограничивающих их суверенитет, и довольствоваться ситуацией ограниченного суверенитета со ссылками на мифические угрозы со стороны соседей или находящихся за тысячи километров стран, хотя при этом пытаются убедить себя и других в свободе своего выбора и своем суверенном решении по тем или иным вопросам.

В Концепции внешней политики Российской Федерации значительное место занимают намерения и принципы отношений касательно регионов (континентов) и региональных государств, что можно назвать региональным измерением дипломатии России. Неизменным остается в этом плане выбор отношений со странами СНГ, с которыми Россия

многие столетия жила в составе одного государства, в качестве первого регионального измерения в отношениях с внешним миром¹⁰.

Следующим идет определение отношений со странами Евро-Атлантического региона. При этом Россия исходит из того, что более двух третей населения живет в европейской части страны и базовой основой русской культуры являются христианские ценности в их традиционном европейском понимании и значении. Культура России, конечно, вобрала в себя многообразие культур всех её народов, что позволило создать по существу свою, новую в Европе цивилизацию, представляющую собой сплав культур, духовных ценностей всех народов России, придерживающихся и соблюдающих моральные и мировоззренческие принципы важнейших мировых религий, а также других норм человеческого бытия, выработанные вне религиозных парадигм.

Кроме того, пока что основная внешнеэкономическая деятельность и торговля России связаны в Европой. Учитывается также и то обстоятельство, что главной внешнеполитической и военно-политической силой, противостоящей ныне в мире России, является военный блок НАТО, а также недружественные, дискриминационные действия Евросоюза в отношении России в последние годы. И здесь важно положение Концепции-2016 о том, что российская политика в этом регионе в долгосрочной перспективе ориентирована на формирование общего пространства мира, безопасности и стабильности, основанного на принципах неделимости безопасности, равноправного сотрудничества и взаимного доверия. Россия последовательно выступает за перевод в юридически обязывающую форму политических деклараций о неделимости безопасности вне зависимости от членства государств в военно-политических союзах. В этом контексте определена и политика России по отношению к США и Канаде¹¹.

В приоритетах России на азиатском направлении в страновом измерении в Концепции-2016 первые места занимают отношения с КНР, Индией, Монголией, Японией, двумя Кореями¹². Между тем, в Концепции 2013 г. приоритеты были несколько иные: КНР, Индия, две Кореи, Япония, Монголия¹³.

В Концепции-2013 цели и задачи политики России в отношении государств Корейского полуострова были охарактеризованы в ст. 84 следующим образом: «Россия нацелена на поддержание дружественных, основанных на принципах добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества отношений с Корейской Народно-Демократической Респуб-

ликой и Республикой Корея, более полное использование потенциала этих связей для ускорения регионального развития, оказания поддержки межкорейскому политическому диалогу и экономическому взаимодействию как важнейшему условию поддержания мира, стабильности и безопасности в регионе. Россия неизменно выступает за безъядерный статус Корейского полуострова и будет всемерно содействовать последовательному продвижению этого процесса на основе соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН, в том числе в рамках шестистороннего переговорного формата»¹⁴.

Концепция-2016 дает характеристику целей и задач политики России в отношении этих государств с несколько иными акцентами: «Россия, заинтересованная в поддержании традиционно дружественных отношений с Корейской Народно-Демократической Республикой и Республикой Корея, будет добиваться снижения уровня конфронтации, ослабления напряженности на Корейском полуострове, а также достижения примирения и развития межкорейского сотрудничества посредством развития политического диалога. Россия неизменно выступает за безъядерный статус Корейского полуострова и будет всемерно содействовать его денуклеаризации, исходя из того, что средством достижения этой цели являются шестисторонние переговоры. Российская Федерация продолжит прилагать усилия в целях формирования механизма поддержания мира и безопасности в Северо-Восточной Азии, а также будет принимать меры по расширению экономического взаимодействия в регионе»¹⁵.

Видно, что в 2013 г. упор в отношениях с корейскими государствами делался на различные формы сотрудничества между ними и Россией, а также оказанию поддержки политическому диалогу и экономическому сотрудничеству между ними для поддержания мира, стабильности и безопасности в регионе, а также намерению России продвигать процесс формирования безъядерного статуса Корейского полуострова. Концепция-2016 основной упор делает на снижение уровня конфронтации, ослабления напряженности на Корейском полуострове.

Вместе с тем впервые термин «традиционные дружественные отношения» применен не только к КНДР, но и к Республике Корея, что говорит о накопленных формах взаимодействия между Россией и РК. Но при этом Россия учитывает, что надежды 2013 г. на то, что провозглашение «политики доверия», концепция «Сотрудничества в Северо-Восточ-

ной Азии», а также «Евразийская инициатива» должны были последовательно осуществляться администрацией бывшего президента Пак Кын Хе, не оправдались — обстоятельства оказались сильнее благих намерений и возможностей президента РК.

Россия также учитывает, что в отношении оценок современного этапа развития международных отношений, данных в ст. 6 Концепции 2013 г. и Концепции 2016 г. позиция Республики Корея в основном не соответствовала позиции не только России, но и стран ШОС, БРИКС, Движения неприсоединения. Южная Корея без особого сопротивления продолжала идти в русле обязательств и отношений военно-политического союза с США.

По-видимому, есть необходимость определенной корректировки политики России как по корейской проблеме в целом (включая вопросы мира и безопасности, денуклеаризации полуострова), так и по отношению к КНДР и Республике Корея в соответствии с изменяющимся балансом сил, основными векторами внешней политики этих стран и пониманием того, насколько эти страны учитывают происходящие в мире перемены и тенденции. Необходима более активная работа российской дипломатии в корейском направлении, не вступая в конфронтацию с ведущими игроками в регионе, но и не умаляя своего веса и своей роли в мировой политике, а также не умаляя, но и не завышая ожиданий от экономического и иного сотрудничества с каждым из корейских государств.

Происшедшая в мае 2017 г. смена режима в Южной Корее дает определенные надежды на более самостоятельную позицию РК в вопросах международной политики, а также российско-южнокорейских отношений.

В поздравительной телеграмме президента Российской Федерации В.В. Путина вступившему в должность президенту Мун Чже Ину подчеркнута, что в России высоко ценят конструктивные отношения с Республикой Корея, и подтверждена готовность к совместной работе по дальнейшему наращиванию двустороннего сотрудничества в различных областях, а также координации усилий в решении актуальных вопросов международной повестки дня¹⁶. Позже в телефонном разговоре с президентом Мун Чже Ином В.В. Путин подчеркнул важность поиска путей политико-дипломатического урегулирования кризиса на Корейском полуострове¹⁷.

Намерения и действия президента Мун Чже Ина демонстрируют возможность более активных действий в российском направлении. Так, президент Мун направил своих специальных посланников в четыре страны, позиции которых имеют ключевое значение для нормализации обстановки на Корейском полуострове, а также в АСЕАН и к папе римскому Франциску. В США был отправлен бывший посол РК в этой стране; в КНР — бывший премьер-министр РК в годы президента Но Му Хена, давний приверженец всестороннего сотрудничества с КНР Ли Хэ Чан; в Японию — шестикратный депутат парламента, председатель парламентской группы по связям с парламентом Японии Мун Хы Сан (между прочим, сын видного антияпонского борца), а в Россию — депутат парламента четырех созывов, бывший мэр города Инчона Сон Ен Гил, единственный из ныне действующих депутатов парламента РК, награжденный российским орденом Дружбы, полученным им из рук президента В.В. Путина в 2013 г. в Кремле.

24 мая 2016 г. депутат Сон был принят в Кремле В.В. Путиным. Он пришел на встречу с орденом Дружбы на лацкане костюма, подчеркивая и своё уважение к российской награде и лично к В.В. Путину, который тепло его встретил, и они даже приобнялись, что редко бывает у президента России на официальных беседах в Кремле. Отметим, что В.В. Путин в Кремле до сих пор не принимал ни премьер-министра, ни председателя парламента Республики Корея. И это подчеркнуто уважительный, но в то же время искренний прием спецпосланника нового президента РК (при том что президент России с депутатом Соном знаком лично) является хорошим сигналом к конструктивному развитию наших двухсторонних отношений, в частности в реализации трехсторонних РФ—РК—КНДР проектов, сотрудничеству в Дальневосточном регионе России и др. Важно также отметить, что во время беседы был дан сигнал о намерении России активизировать свое участие в решении проблем Корейского полуострова.

Спецпосланник Сон передал главе Российского государства послание от лидера своей страны. Он, в частности, сообщил, что в этом документе изложены намерения и принципы нового правительства Республики Корея. От себя он добавил: «Наш новый Президент господин Мун Чжэ Ин имеет очень твёрдую волю и большой интерес и любовь к России и к самим отношениям России и Кореи. Вам с нашим новым Президентом будет очень хорошо работать, я так чувствую»¹⁸.

Примечания

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 28 июня 2000 года. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901764263/> (дата обращения: 10.03.2017).

² Концепция внешней политики Российской Федерации. 15 июля 2008 года. Раздел 1. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 13.03.2017).

³ Концепция внешней политики Российской Федерации. 12 февраля 2013 года. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/22186 (дата обращения: 14.03.2017).

⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г. Раздел 1. ст. 1). URL: <http://universe-tss.su/main/politika/russia/43612-novaya-konceptsiya-vneshney-politiki-rf.html> (дата обращения: 01.12.2016).

⁵ Там же. Ст.4.

⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации-2013. Раздел 1. Ст. 6.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Концепция внешней политики Российской Федерации-2016. Ст. 23—48. .

¹⁰ Там же. Ст. 49—59.

¹¹ Там же. Ст. 61—75.

¹² Концепция внешней политики Российской Федерации-2016. Ст. 84, 85, 87, 88, 89.

¹³ Концепция внешней политики Российской Федерации-2013. Ст. 80, 81, 84, 85, 86.

¹⁴ Там же. Ст. 84.

¹⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.). Ст. 89.

¹⁶ URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54475> (дата обращения: 10.05.2017).

¹⁷ URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54488> (дата обращения: 12.05.2017).

¹⁸ Встреча со спецпосланником Президента Республики Корея Сон Ён Гилем: URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54564> (дата обращения: 24.05.2017).

Р.Л. Казарьян

ПРОБЛЕМА ОБЪЕДИНЕНИЯ КОРЕИ И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

В последнее время южнокорейское руководство активно продвигает тезис о скором крахе режима на Севере и необходимости быть готовыми к вынужденному объединению под эгидой Сеула. Подобный сценарий развития событий не отвечает российским интересам, поскольку приведет к дестабилизации обстановки на полуострове, демографической катастрофе и, возможно, к полномасштабной войне с участием не только обоих корейских государств. Российская дипломатия прилагает усилия по стабилизации ситуации, призывает стороны отказаться от конфронтационных подходов и вернуться за стол переговоров по самому широкому кругу проблем.

Ключевые слова: РФ, РК, КНДР, проблема объединения, межкорейский диалог, российские интересы на Корейском полуострове.

К концу второго десятилетия XXI в. ситуация на Корейском полуострове продолжает оставаться крайне непростой и периодически грозит перерасти в масштабный вооруженный конфликт. Не секрет, что в последние годы фактическая стратегия южнокорейских властей в отношении перспектив объединения строилась вокруг предполагаемого скорого коллапса северокорейского режима в том или ином виде и подготовки к поглощению Севера Югом или же реализации германского

варианта воссоединения. Эта стратегия в корне отличается от проводившейся в период с 1998 по 2008 г. политики «солнечного тепла» или «политики мира и процветания», в основе которых лежали принципы мирного урегулирования, отказ от конфронтации в отношении друг друга и постепенная нормализация отношений через экономическое сотрудничество. Сегодня такие перспективы объединения Кореи выглядят все более туманными, даже несмотря на то, что десятилетие правления левосторонних Ким Дэ Джун (1998—2003) и Но Му Хена (2003—2008) наглядно продемонстрировало, что при наличии политической воли у одной из сторон ситуация на полуострове и в регионе в целом может относительно быстро нормализоваться. Тем не менее сегодня наиболее реалистичный сценарий объединения далек от самостоятельного и мирного процесса и, по мнению большого количества ученых и экспертов, к которым относится и автор этих строк, приведет как минимум к серьезной гуманитарной катастрофе, как максимум может окончиться большой войной с участием не только корейских государств. Усиление экономических санкций против КНДР как ответ мирового сообщества на проведение последней ряда ядерных испытаний в нарушение резолюций Совета Безопасности ООН, военно-политическое давление, оказываемое на Пхеньян, постоянные крупномасштабные южнокорейско-американские учения вблизи границ Северной Кореи и т. д. ставят ситуацию на грань войны.

Чрезвычайно важно понимать или иметь представление о стратегических планах и по возможности иметь в виду вероятные действия, которые могут быть предприняты ключевыми игроками в регионе в случае развязывания подобного конфликта. Безусловно, Россия является одним из таковых государств, и очень многое будет зависеть от позиции Москвы и ее практических действий. Как будет показано ниже, официальная российская дипломатия исходит из тезиса о том, что все текущие противоречия, проблемы и конфликтные ситуации, возникающие на Корейском полуострове в контексте межкорейского противостояния, проистекают из нерешенности так называемого корейского вопроса, т. е. проблемы расчленения некогда единого государства. Логично было бы предположить, что и решение множества сегодняшних проблем на полуострове следует искать в долгосрочной перспективе в контексте поиска решения проблемы объединения Кореи.

Поскольку не существует единого документа, где раскрывалась бы позиция Российской Федерации по проблеме объединения, прежде все-

го потому, что данный вопрос воспринимается в контексте предварительной общей нормализации отношений между Севером и Югом, представляется интересным посмотреть на существующие обязательства и договоренности между Россией и обоими корейскими государствами, закрепленные в рамках международных правовых документов и норм, касающиеся возможных вариантов воссоединения Севера и Юга.

О видении Россией процесса объединения Кореи

В последние годы в силу сложившейся мировой обстановки основные внешнеполитические усилия России очевидно сконцентрированы на Ближнем Востоке, в Сирии и на Украине, и корейское направление, казалось бы, находится «на вторых ролях», тем не менее Корейский полуостров остается одним из важнейших регионов для российской дипломатии. Растущая здесь в последние годы напряженность требует быть готовым и реагировать на самые непростые сценарии развития сложной ситуации. Традиционные интересы России заключаются в поддержании мира и стабильности вблизи своих границ, а также в регионе в целом. Географическая близость и плотная заселенность приграничных к Корее районов РФ делает Корейский полуостров сферой интересов российской внешней политики, а Россию — одной из ключевых держав региона¹.

Российская Федерация имеет дипломатические, экономические, культурные отношения и поддерживает добрососедские связи с обоими корейскими государствами. В общих положениях Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Президентом РФ В.В. Путиным 12 февраля 2013 г., прямо говорится, что «главные внешнеполитические усилия должны быть сосредоточены на ... формировании отношений добрососедства с сопредельными государствами, содействию устранению имеющихся и предотвращению возникновения новых очагов напряженности и конфликтов в прилегающих к Российской Федерации регионах...»². В конце 2016 г. Концепция была обновлена, но все основные положения, касающиеся корейского вопроса, в целом, остались без изменений.

В ст. 4 Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между РФ и КНДР утверждается, что «...раскол Кореи является источником международной напряженности...». На наш взгляд, это недвусмысленно

указывает на то, что, в соответствии с официальной позицией России, многочисленные проблемы, конфликты и сложности вокруг Корейского полуострова (надо полагать, что и северокорейская ядерная проблема) являются следствием нерешенности упомянутого выше «корейского вопроса». Это довольно важное обстоятельство, которое зачастую упускают из виду при поиске решения различных проблем в контексте межкорейского урегулирования вообще.

Вне всякого сомнения, ситуация раскола сложная, многоуровневая и требует стратегического, многостороннего подхода и участия не только собственно корейских государств, и именно конечная цель — т. е. объединение двух корейских государств в единое, — вероятнее всего, содержит в себе столкновение интересов близлежащих государств и ключевых игроков в регионе. Иначе говоря, помимо общей нормализации отношений между КНДР и Республикой Корея, необходим и консенсус или поиск сходных положений в политике США, Китая, России, Японии.

Российская позиция здесь неизменна, она в лаконичной форме содержится в том же параграфе Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между РФ и КНДР: «...скорейшее разрешение этой проблемы является чаянием народа Кореи и отвечает интересам безопасности во всей Азии». Здесь же подчеркивается, что «...объединение Кореи должно быть достигнуто мирным путем, на основе принципов самостоятельности и национальной консолидации»³.

Негативное отношение России не только к силовым сценариям, но и к военно-политическому давлению, вмешательству во внутренние дела суверенных государств под предлогом различного рода гуманитарных миссий прямо отражено и в совместной российско-корейской декларации от 20 июля 2000 г., подписанной президентом РФ В.В. Путиным и главой КНДР Ким Чен Ир по итогам визита президента РФ в Пхеньян. Пункт 5 декларации гласит: «Подтверждая суверенное право каждого государства на выбор собственных путей политического, экономического и общественного развития, Россия и КНДР выступают против вмешательства во внутренние дела других государств, в том числе под предлогом «гуманитарной интервенции», поддерживают усилия друг друга, направленные на защиту своей независимости, суверенитета и территориальной целостности»⁴.

Статья 3 Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между РФ и КНДР обязывает Россию и Северную Корею «...воздерживаться от заключения договоров и соглашений с третьими странами, участия в ка-

ких-либо действиях или мероприятиях, направленных против суверенитета, независимости и территориальной целостности другой стороны»⁵.

В июле 2000 г. после исторического саммита между руководителями Севера и Юга в РК по приглашению председателя Государственного комитета обороны КНДР Ким Чен Ира президент РФ В.В. Путин посетил Северную Корею. После встречи и откровенного обмена мнениями была подготовлена и подписана совместная декларация, в которой президент России высоко оценил результаты межкорейского саммита и еще раз подчеркнул приверженность мирному и самостоятельному процессу объединения Кореи. «Приветствуя усилия по самостоятельному решению вопроса воссоединения Кореи объединенными усилиями корейской нации в соответствии с Совместной декларацией Севера и Юга, Россия и КНДР придерживаются единого мнения о недопустимости внешнего вмешательства в этот процесс и считают важным его поддержку всеми заинтересованными государствами»⁶.

Относительно недавно, в ходе визита в Республику Корея, президент РФ В.В. Путин в интервью южнокорейской телерадиовещательной компании KBS очень четко и однозначно высказался относительно российского видения решения корейского вопроса и, в частности, ответил на вопрос об объединении Кореи: «Мы, безусловно, поддерживаем стремление корейцев к объединению нации. Это естественный процесс. Но я исхожу из того, что он должен происходить исключительно мирным путем и с учётом интересов как северной части полуострова, так и южной». Он подчеркнул, что «...мы будем поддерживать только тот процесс, который будет идти мирным путем, будем поддерживать только использование тех средств, которые ... приводят к положительным результатам, а не доводят до конфликтов, трагедий и разрушений»⁷.

Касательно различного рода сценариев поглощения В.В. Путин особенно подчеркнул, что в вопросе объединения неприемлемо навязывание собственного подхода и концепции его осуществления одной из сторон. «Нельзя ничего навязывать партнерам, иначе вместо положительного результата процесс примет разрушительный характер. И напротив, если учитывать интересы партнеров, имея в виду безусловное стремление людей (а в сердце, я думаю, что каждый кореец думает о возможном объединении страны, вне зависимости от своих политических взглядов), этот процесс может быть очень созидательным, позитивным и может принести большие положительные результаты как для мировой политики, для обеспечения безопасности в регионе, так и для

экономики этого региона»⁸. Таким образом, глава Российской Федерации недвусмысленно дает понять, что объединение должно происходить с учетом интересов народа Кореи Севера и Юга.

Что касается отечественного профессионального корееведческого сообщества, то относительно перспектив и форм объединения здесь в целом также господствует точка зрения о необходимости постепенной нормализации межкорейских отношений, развития экономического сотрудничества между РК и КНДР и постепенного поиска точек соприкосновения для интеграции политико-экономических систем в единое государственное образование. Среди российских экспертов есть четкое понимание долгосрочности этого процесса и необходимости его всесторонней поддержки.

Высказываются мнения о том, что внезапное или вынужденное объединение Кореи в краткосрочной перспективе вряд ли снизит напряженность, но, скорее, создаст еще большее количество противоречий. По понятным причинам на дипломатическом уровне эта мысль не высказывается, однако в экспертной среде существует мнение, согласно которому, несмотря на то что Россия официально приветствует усилия корейского народа по достижению единения, объединение Кореи в ближайшей перспективе не отвечает интересам России. В 2007 г. в Институте Дальнего Востока РАН прошла конференция корееведов под названием «Проблемы улучшения отношений России и государств Корейского полуострова», в которой приняли участие известные специалисты и дипломаты. Среди докладчиков был видный отечественный кореевед, дипломат, бывший посол РФ в КНДР В.И. Денисов. Резюмируя отмеченные выше доводы, особенно подчеркивая долгосрочность перспективы мирного поэтапного объединения, он прямо говорит, что «...в современных условиях нам следовало бы отказаться от публичных заявлений в поддержку объединения Кореи»⁹. Конечно же, речь не идет об отказе от поддержки процесса объединения Кореи вообще. Речь о том, что самому факту соединения двух государств в одно будет предшествовать, вероятно, долгий период постепенного сближения, а также поиска и выработки форм объединения самых различных сфер жизнедеятельности по обе стороны 38-й параллели. Как уже отмечалось выше, это потребует серьезной работы и согласования позиций и близлежащих государств, а также США.

Несмотря на наличие разных точек зрения, в целом, на наш взгляд, российское профессиональное корееведческое сообщество настроено

но относится к различным сценариям поглощения Севера Югом и придерживается точки зрения о необходимости решения корейского вопроса мирным путем, через диалог и сотрудничество Севера и Юга. Руководитель Центра корейских исследований ИДВ РАН А.З. Жебин, резюмируя вышесказанное отметил, что «...вместо составления многочисленных сценариев объединения, нередко представляющих собой попытку выдавать желаемое за действительное, для целей практической политики Северу и Югу было бы гораздо более полезным найти ту модель мирного сосуществования двух частей страны, которая и позволит им создать предпосылки, необходимые для воссоединения. Не вызывает сомнения? лишь одно — Россия как с точки зрения обеспечения своей безопасности, так и по экономическим соображениям жизненно заинтересована в примирении двух Корей и налаживании между ними самого широкого сотрудничества»¹⁰. В общем и целом этот взгляд совпадает с официальной позицией Российской Федерации по данной проблеме.

Имея истоки в прошлом и самым серьезным образом воздействуя на настоящее, проблема объединения Кореи, или, говоря в общем, «корейский вопрос», как целый комплекс нерешенных проблем вокруг установления независимости Кореи после окончания Второй мировой войны и преодоления раскола во многом определяет будущее не только Корейского полуострова, но и региона в целом. Многие сегодняшние проблемы, в том числе и наиболее острые, грозящие перерасти в открытый вооруженный конфликт, проистекают из расчленения некогда единой страны на два противоборствующих государства. Именно поэтому чрезвычайно важен поиск пути решения этой непростой ситуации, прежде всего научным сообществом, профессиональными экспертами-корееведами, историками, политологами, экономистами, культурологами и пр.

Из вышеприведенных документов и высказываний вырисовывается довольно четкая и однозначная картина того, каким образом для России представляется возможным объединение Кореи. Учитывая подчеркнуто уважительное отношение к самостоятельности и суверенитету обоих корейских государств, Российская Федерация выступает за невмешательство иностранных держав в процесс объединения Кореи, отмечая право самих корейцев по обе стороны 38-й параллели решить свою судьбу. В целом видно, что позиция России по вопросу об объединении Кореи полностью соответствует тем принципам, о которых Север и Юг самостоятельно договорились и закрепили еще в Совместной декларации

1972 г., а также подтвердили в двух декларациях 2000 и 2007 г. Представляется, что Москва видит сценарий объединения в долгосрочном, постепенном и поступательном процессе нормализации межкорейских отношений, снятия напряженности, возобновлении экономического сотрудничества, налаживании совместных, в том числе и трехсторонних экономических проектов. Безусловным обстоятельством должна быть и соответствующая внешняя обстановка вокруг Корейского полуострова, а также содействие указанным процессам со стороны ключевых государств региона. Россия не приемлет силового или конфликтного сценария объединения или объединения в форме поглощения одного государства другим, так как по мнению Москвы это противоречит совместным межкорейским договоренностям, а также тем обязательствам, которые РФ несет в соответствии с рядом межгосударственных договоров и совместных деклараций. Очевидно и то, что Москва считает подобные сценарии неприемлемыми с точки зрения международного права и государственного суверенитета обоих корейских государств. Поиск путей решения проблемы объединения она видит в вовлечении всех заинтересованных сторон в прямой и открытый диалог.

Вместе с тем следует отметить и то, что, выступая за мирное урегулирование корейского вопроса, отмечая безальтернативность переговорного подхода в решении проблем Корейского полуострова, а также подчеркивая неэффективность политики санкций, на практике Россия действует иначе и регулярно присоединяется к санкционному давлению на КНДР, даже несмотря на то, что против нее самой применяются санкции ряда стран, которые Москва, как и Пхеньян, считает неправомерными¹¹. Данная непоследовательность во внешней политике Российской Федерации в вопросе разрешения корейского вопроса находится в противоречии и с документально закрепленными в Договоре о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между РФ и КНДР двусторонними обязательствами, в частности речь об упомянутой выше ст. 3. Такого рода действия не способствуют стабилизации ситуации на Корейском полуострове, а значит противоречат собственно российским интересам.

Еще один важный вывод, который следует из вышесказанного, заключается в том, что видение российскими учеными и дипломатами объединения Кореи в большей степени соответствует политике, проводившейся южнокорейскими властями в период с 1998 по 2008 г. президентами Ким Дэ Джуном и Но Му Хеном, и, совершенно очевидно, идет вразрез с нынешней политикой Сеула в 2008—2017 гг., которая

фактически не отвечает интересам Российской Федерации в регионе и ведет к дестабилизации положения.

Хочется надеяться на то, что в результате серьезного политического кризиса, разразившегося в Южной Корее в конце 2016 г. и окончившегося импичментом президента Пак Кын Хе, южнокорейское общество сумеет привести к власти политические силы, которые серьезным образом скорректируют свою политику в отношении Северной Кореи и во многом позаимствуют идейный базис для этого в стратегии предшествующих администраций (1998—2008), а также в уже достигнутых договоренностях между КНДР и Республикой Корея.

Примечания

¹ Жебин А.З. Россия в поисках мира и согласия в Корее // Вестник российского кореведения. 2014. № 6. С. 21.

² Концепция внешней политики Российской Федерации, Общие положения, ст. 1, пункт «Г». URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/2/25.html>

³ Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между РФ и КНДР, ст. 4 // Корейское урегулирование и интересы России, ИДВ РАН, Москва, 2008. С. 305.

⁴ Совместная российско-корейская декларация от 20 июля 2000 г., п. 5 // Корейское урегулирование и интересы России, ИДВ РАН, Москва, 2008. С. 308.

⁵ Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между РФ и КНДР, ст. 3. Указ. соч. С. 304.

⁶ Совместная российско-корейская декларация от 20 июля 2000 года, п. 3 // Дипломатический вестник. 2008. № 8.

⁷ Интервью президента Российской Федерации В.В. Путина телерадиокомпании «KBS». URL: <https://ria.ru/world/20131112/976354311.html>

⁸ Там же.

⁹ Денисов В.И. Место корейского вопроса и его актуальность в российской внешней политике // Россия и Корея. Проблемы улучшения отношений России и государств Корейского полуострова. М.: ИДВ, 2008. С. 18—19.

¹⁰ Жебин А.З. Россия в поисках мира и согласия в Корее // Вестник российского кореведения. 2014. № 6. С. 32.

¹¹ Россия и урегулирование ситуации на Корейском полуострове. URL: <http://www.mid.ru/web/guest/uregulirovanie-situacii-na-korejskom-poluostrove>

Глава 2

КОРЕЯ:

БЕЗОПАСНОСТЬ ПОД ПРИЦЕЛОМ РАКЕТ?

В.В. Евсеев

О НОВОЙ СИСТЕМЕ БЕЗОПАСНОСТИ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Северо-Восточная Азия остается достаточно взрывоопасным регионом. Под прикрытием северокорейской ракетно-ядерной угрозы Вашингтон создает рубежи противоракетной обороны, которые направлены против Пекина. Казалось бы, учитывая союзнические отношения США с Японией и Южной Кореей, крайне сложно создать в регионе ограничения для развертывания гонки вооружений. Но это возможно при так называемом секторальном подходе, когда система безопасности создается не сразу во всем регионе, а в некоторых его частях. В частности, возможен переход к ограниченному военному сотрудничеству между Москвой и Токио, учитывая итоги состоявшегося визита в Японию президента России В.В. Путина. Еще более интересны перспективы такого сотрудничества между Россией, Китаем и Южной Кореей на фоне развертывания на Корейском полуострове американской системы ПРО ТНААД.

Ключевые слова: американо-южнокорейские учения, Корейский полуостров, противоракетная оборона, Северо-Восточная Азия, система региональной безопасности.

В настоящее время происходит изменение глобального баланса сил. Роль США в мире постепенно снижается, что возлагает больше ответственности на региональные державы, которые будут все активнее вовлекаться в разрешение региональных проблем.

Опыт России в урегулировании кризисов на Ближнем и Среднем Востоке

6 апреля 2017 г. по приказу президента США Дональда Трампа эсминцы типа «Орли Берк» 6-го флота военно-морских сил (ВМС) США нанесли удар крылатыми ракетами «Томагавк» по авиабазе сирийских ВВС «Шайрат». Поводом для этого стало то, что 4 апреля близкая к западным спецслужбам так называемая Сирийская обсерватория по правам человека распространила информацию о том, что в пров. Идлиб на севере Сирии в районе населенного пункта Хан-Шейхун сирийскими ВВС был нанесен авиаудар с использованием химического оружия. По её информации, жертвами воздействия токсичных веществ в пров. Идлиб стали 84 человека, а 546 получили ранения.

В Минобороны РФ сообщили, что самолеты российских Военно-космических сил не наносили авиаудары в пров. Идлиб. В Дамаске также отвергли свою причастность к химической атаке, обвинив в ней террористов и поддерживающие их политические силы.

Тем не менее американские эсминцы, находившиеся в восточной части Средиземного моря вблизи о. Кипр, выпустили 60 (одна из них сразу упала по техническим причинам) крылатых ракет «Томагавк» по сирийскому военному аэродрому в западной части пров. Хомс. Д. Трамп заявил, что распорядился нанести удар по авиабазе, с которой была произведена предполагаемая химическая атака. За 30 минут до запуска крылатых ракет американцы предупредили российских военнослужащих о нанесении удара, но контактов с политическим руководством РФ перед его нанесением не было. При этом общий ущерб авиабазе оказался ограниченным, так как ввиду возможного использования российской стороной наземных систем радиоэлектронной борьбы до цели долетели всего 23 ракеты. В ходе этого ракетного удара были уничтожены шесть находившихся в ремонте истребителей МиГ-23, радиолокационная станция, несколько железобетонных укрытий для самолетов, ряд технических и вспомогательных сооружений, а также места хранения горю-

че-смазочных материалов, погибли семь сирийских военнослужащих, но взлетно-посадочная полоса и рулежные дорожки — важнейшие объекты аэродромной инфраструктуры — остались неповрежденными. Сирийская авиация возобновила полеты практически сразу после обстрела.

Следует заметить, что стоимость крылатой ракеты «Томагавк» составляет от 500 тыс. долл. до 1,5 млн долл. в зависимости от ее модификации. Следовательно, общая стоимость ракетного удара для Вашингтона оказалась равной 30—90 млн долл. Это лишь подтвердило, что США стали не способны в Сирии реализовывать собственные планы, поэтому вынуждены идти на военное сотрудничество с РФ, в частности с целью освобождения г. Ракка.

Следовательно, в дальнейшем урегулирование сирийского кризиса во многом будет зависеть от взаимодействия России, Турции и Ирана с вовлечением в этот процесс ряда других внешнеполитических игроков. При этом присутствие в Сирии США и их союзников (за исключением Турции, которая является членом НАТО, но имеет с Вашингтоном сложные отношения) первоначально может носить позитивный характер с целью совместной борьбы с радикальной организацией «Исламское государство». Но в дальнейшем американцы будут стараться максимально ослабить треугольник Россия—Турция—Иран, что не будет способствовать стабилизации ситуации в рассматриваемой стране. В этом же направлении будут действовать Саудовская Аравия и другие арабские монархии Персидского залива.

Новая система безопасности в АТР

Переходя к Азиатско-Тихоокеанскому региону (АТР), нужно отметить возможность использования там российского опыта, накопленного при урегулировании сирийского кризиса (подтверждением этого служит, например, полное освобождение г. Алеппо) и выстраивании отношений с такими сложными партнерами, как Китай, Иран, Турция и Саудовская Аравия.

Это касается и столь взрывоопасного региона, как Северо-Восточная Азия. В этом регионе США вначале провоцируют Северную Корею путем проведения на регулярной основе масштабных американо-южнокорейских учений, а затем наказывают Пхеньян за проведение им ядер-

ных испытаний и запусков ракет-носителей (в реальности это означает создание искусственных препятствий для мирного освоения космоса). И под прикрытием северокорейской ракетно-ядерной угрозы Вашингтон создает рубежи противоракетной обороны (ПРО), которые направлены против Пекина.

Казалось бы, что в таких условиях, особенно учитывая союзнические отношения США с Японией и Южной Кореей, крайне сложно создать в регионе ограничения для развертывания гонки вооружений. Но это возможно при так называемом секторальном подходе, когда система безопасности создается не сразу во всем регионе, а первоначально в некоторых его частях на двусторонней основе. Базисом для этого может стать укрепление российско-японских отношений, вплоть до перехода к ограниченному военному сотрудничеству, в первую очередь в сфере военно-морского флота. Последние годы военное руководство Японии проявляет интерес к такому сотрудничеству, так как не уверено в готовности США защитить ее от Китая. В таких условиях Россия рассматривается как вполне возможный партнер, и хотелось бы верить, что политическое решение по этому вопросу может быть принято на высшем уровне уже в ближайшем будущем.

Следует заметить, что администрация Обамы не смогла восстановить прежний уровень американо-китайского взаимодействия. Но и Пекин пока не идет на дальнейшее обострение двусторонних отношений, особенно учитывая намного более гибкую позицию нового президента Филиппин Родриго Дутерте, крайне заинтересованного в получении китайских инвестиций. Еще меньше в этом заинтересованы страны АСЕАН, в частности Малайзия. В таких условиях Япония вынуждена занимать в отношении Китая более выдержанную позицию. При этом в Токио осознают потенциальную возможность КНР создать к 2030 г. независимую от США глобальную финансовую систему и достичь к этому времени сравнимого с американцами военного потенциала в АТР.

Учитывая вышеизложенное, как уже указывалось, к формированию единой системы безопасности Северо-Восточной Азии может быть выбран секторальный подход. Для этого в качестве первого этапа следует, помимо укрепления российско-китайского взаимодействия в военной сфере, перейти к военному сотрудничеству между Россией и Японией, а также активизировать военно-техническое сотрудничество между Москвой и Сеулом. Одновременно не следует забывать о наличии союзнических отношений США с Японией и Южной Кореей. Указанные пары

государств составят некоторые сегменты будущей системы региональной безопасности.

В рамках каждого сегмента безопасности следует провести оценку общих вызовов и угроз. Очевидно, что для России и Китая основную военную угрозу представляют США, способные к нанесению по нашим государствам массированных авиационных и ракетных ударов, в том числе с применением ядерного оружия. Это требует проведения совместных учений. Подобный подход имеет место и в США, что, казалось бы, требует создания в Северо-Восточной Азии двух военно-политических блоков. Однако на практике этого можно избежать, учитывая ослабление как глобального, так и регионального влияния со стороны Вашингтона. Фактически военно-политические блоки уже не работают, что видно на примере НАТО, которая пытается бороться с мифической российской угрозой, не замечая международного терроризма на собственной территории.

Меняются в мире и союзнические отношения. В частности, крайне маловероятно, что США будут готовы начать мировую войну за Польшу или Румынию (тем более это касается стран Балтии). Но американцы будут воевать за Великобританию, в том числе с применением ядерного оружия. Однако пойдет ли Вашингтон на это в случае войны Китая с Японией? Этот вопрос остается открытым, что подталкивает Токио к созданию собственного ядерного оружия. В таких условиях создание новой системы региональной безопасности, причем на внеблоковой основе, приобретает особую актуальность.

Конечно, спектр военных угроз для КНР достаточно широк. Помимо США такие угрозы для Пекина могут представлять Япония (для РФ это только вызов), Республика Корея, и Тайвань. Общий вызов для России и Китая исходит со стороны Северной Кореи.

Еще более интересны перспективы военно-политического сотрудничества между Россией, Китаем и Южной Кореей на фоне развертывания на Корейском полуострове американской системы THAAD. Очевидно, что взаимодействие между указанными государствами должно строиться на внеблоковой основе путем оценки общих вызовов и угроз, а также реализации мер доверия с целью исключения военных инцидентов в море или воздушном пространстве. На экспертном уровне существует понимание необходимости такого взаимодействия хотя бы между Москвой и Сеулом. Если его удастся реализовать на двустороннем уровне, то потом возможно вовлечь в этот процесс Китай, фактически объе-

динив два сектора в области безопасности. Пока это кажется иллюзией, но мы еще не знаем приоритетов новой администрации Трампа. Если она будет больше вовлечена в разрешение внутренних проблем, то у Токио и даже у Сеула может появиться некоторая свобода действий в области региональной безопасности.

При некоторых условиях (например, ослаблении роли США или обострении двусторонних противоречий с Пекином, а тем более в случае разрешения проблемы «северных территорий» в формате «2 + 2») сближение Москвы и Токио может ускориться, в том числе на территории постсоветского пространства.

Безопасность на Корейском полуострове: состояние и перспективы

Основным препятствием для создания в Северо-Восточной Азии новой системы региональной безопасности служит крайне сложная ситуация на Корейском полуострове. Последняя обусловлена фактическим нежеланием ни Пхеньяна, ни Сеула к поиску возможного компромисса. При этом американцы фактически подыгрывают южнокорейцам, проводя масштабные военные учения, которые, как правило, носят провокационный характер.

В частности, в марте—апреле 2017 г. в обстановке повышенной напряженности вооруженные силы США и Южной Кореи провели на Корейском полуострове крупномасштабные военные учения Foal Eagle¹. Хотя Вашингтон и Сеул в этот раз не стали предоставлять подробную информацию о количестве задействованных войск, учения стали более масштабными, чем в 2016 г., когда в них участвовали около 10 тыс. американских и 300 тыс. южнокорейских военнослужащих.

Ожидалось, что к берегам Корейского полуострова на указанные учения прибудет авианосная ударная группировка США во главе с атомным авианосцем Carl Vinson, а также атомные подлодки, стратегические бомбардировщики и новейшие многоцелевые истребители F-22 и F-35.

В этот же период времени, как и во все предыдущие годы, прошли командно-штабные учения ВС США и Южной Кореи Key Resolve. В отличие от Foal Eagle, в рамках их проведения не осуществлялось массированных передвижений живой силы и техники.

Как считали в Сеуле и Вашингтоне, беспрецедентное по количеству и качеству наличие вооружений послужит предупреждением КНДР и заставит Пхеньян вести себя спокойнее. Однако эффект был обратный. Так, 15 апреля в Пхеньяне прошел военный парад, посвященный 105-летию со дня рождения Ким Ир Сена. И ранее столь важные в жизни КНДР события сопровождались показом передовых достижений в области вооружений (в первую очередь, в сфере ракетостроения), но нынешний значительно превзошел их по своим масштабам.

В частности, на военном параде прошли тягачи с прицепами, на которых находились макеты двухступенчатых твердотопливных баллистических ракет, установленных на подводных лодках (БРПЛ) «Пуккыксон-1» («Полярная звезда-1», KN-11). Именно эти ракеты должны обеспечить Пхеньяну гарантированное нанесение ответного удара.

Заключение

Россия имеет некоторый опыт как в создании новых систем региональной безопасности, так и в выстраивании отношений с трудными партнерами. Это может быть использовано в таком взрывоопасном регионе, как Северо-Восточная Азия в виде секторального подхода к формированию единой системы безопасности, т. е. вначале решения проблем на двустороннем уровне, а затем перехода на трехсторонний и многосторонний формат. В рассматриваемом регионе это не просто ввиду неурегулированности ядерного кризиса на Корейском полуострове. Тем не менее нельзя откладывать этот вопрос на будущее, чтобы избежать негативного развития событий. Причем в процессе создания новой системы региональной безопасности важная роль принадлежит российско-японскому взаимодействию, что в некоторой степени позволит сбалансировать неизбежное усиление военного потенциала Китая.

При этом следует учитывать, что Северная Корея уверенно наращивает свой ракетно-ядерный потенциал. Сейчас он оценивается в 10—16 ядерных боезарядов имплозивного типа упрощенной конструкции (6—8 плутониевых и 4—8 из оружейного урана) в виде авиабомб. Одновременно завершаются или уже завершены работы по созданию ядерной головной части для баллистических ракет средней дальности. При успешном для КНДР сценарии развития событий ВС этой страны уже могут иметь до 3—5 ядерных боеголовок для баллистических ракет средней

дальности «Мусудан» и «Пуккыксон-2». Ориентировочно к 2020 г. КНДР будет иметь 40—45 ядерных боезарядов, включая до 12 ядерных головных частей (боеголовок) для баллистических ракет средней дальности, включая БРПЛ.

Конечно, было бы неправильно преувеличивать северокорейскую «военную мощь», в том числе ракетных вооружений. Как показывают лётные испытания современных северокорейских баллистических ракет средней дальности, они имеют невысокую надежность, а дальность их стрельбы не превышает 3—4 тыс. км. Конечно, это позволяет КНДР создать ограниченный ракетно-ядерный потенциал, но было бы преждевременно говорить о том, что он может включать межконтинентальные баллистические ракеты.

С другой стороны, в Северной Корее достаточно успешно реализуется программа по созданию твердотопливных двухступенчатых ракет «Пуккыксон-2» наземного и морского базирования. Это позволяет северокорейским специалистам постепенно освоить производство и твердотопливной трехступенчатой ракеты KN-08. Возможно, что именно на этом направлении будут сконцентрированы имеющиеся в КНДР ресурсы.

В таких условиях становится очевидным, что международному сообществу нужно договариваться с КНДР об ограничении северокорейского ракетно-ядерного потенциала в обмен на существенное ослабление действующих финансово-экономических санкций. Такой подход позволяет поставить вопрос о возможности включения КНДР в новую систему региональной безопасности уже в среднесрочной перспективе.

Примечания

¹ *Кирьянов О.* США и Южная Корея начали учения Foal Eagle // Российская газета. 01.03.2017.

К.В. Асмолов

КИТАЙСКИЙ ВЗГЛЯД НА СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

В среднесрочной перспективе руководству КНР предстоит сделать трудный выбор для разрешения современной ситуации на Корейском полуострове. Либо Китай признаёт ядерный статус КНДР и отказывается от мер, направленных на её сдерживание, подталкивая, таким образом, существенные изменения в миропорядке, либо в союзе с Соединёнными Штатами ведёт дело к смене режима, а точнее — к неизбежному в подобных условиях поглощению Севера Югом. Однако оба варианта несут Пекину весьма болезненные проблемы, пусть и разного типа.

Ключевые слова: КНР, КНДР, китайско-северокорейские отношения, дилемма безопасности, проблемы принятия политических решений.

Данный материал, построенный преимущественно на базе серии встреч с китайскими специалистами по корейскому вопросу и релевантным проблемам безопасности, суммирует оценки, которых сегодня придерживается официальный Пекин.

Общее видение обстановки

Ситуация в Корее анализируется исходя из общего геополитического контекста, который китайская сторона видит так:

- Северная Корея — неприятный режим, но свержение его вооружённым путем — бо́льшая проблема, чем статус-кво. Неважно,

тоталитарной или демократической является власть в КНДР, важно то, что эта власть работает. Традиции и возможностей менять чужой режим «у нас нет»¹.

- Ядерное оружие (ЯО) КНДР направлено на РК и США, а не на Китай. Пекин не видит в нем прямой угрозы, хотя осознает его опасность для режима нераспространения. Ядерная проблема Корейского полуострова (ЯПКП) — не причина, а следствие общей ситуации: уберите контекст холодной войны — уйдет ощущение угрозы, которое вынуждает Север развивать ЯО.
- США теряют статус сверхдержавы и превращаются просто в державу, но при этом пытаются играть доминирующую роль, что подстегивает их к более жесткому политическому курсу. При этом администрация Трампа старается переложить на КНР часть проблем.
- Размещая американскую систему противоракетной обороны (ПРО) ТНААД, Южная Корея превращается в государство, враждебное Китаю; среди экспертов чувствуется раздражение тем, что РК стала богатой благодаря сотрудничеству с Китаем, но ориентируется на Америку.
- При этом в регионе существует «вакуум безопасности». Нет аналога Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) или иного механизма разрешения споров.

По мнению автора этих строк, китайско-северокорейские отношения по-прежнему обуславливаются соотношением двух трендов. Первый связан с противостоянием КНР и США, в рамках которого Северная Корея, может, и не союзник, но враг врага или некое буферное пространство между американскими войсками в Южной Корее и территорией Северо-Восточного региона КНР. Второй — это усиливающиеся «державные настроения» и переход Китая к внешнеполитической модели, в рамках которой окружающие «малые страны» должны учитывать интересы Пекина и не противоречить им: с этой точки зрения, Северную Корею как «непослушного соседа» надо окротить².

Похожий набор факторов встречается и в открытых источниках: так, в материале Global Times от 23 февраля 2017 г.³ в качестве факторов «политической турбулентности» отмечается отсутствие ясности в азиатской политике США, обострение японо-китайских отношений, ох-

лаждение отношений между КНР и Южной Кореей после принятия решения о размещении ТНААД, испытания в КНДР ракетно-ядерного оружия.

Взгляд на развитие ЯПКП

Китайская сторона допускает, что скоро у КНДР могут быть сотни ядерных зарядов, которые там будут делать со скоростью 10—15 шт. в год.

При анализе мотивов Пхеньяна отмечается не только «выживание режима», но и понимание того, что ядерный статус дает КНДР ранг великой державы. Это важно, потому что для вопросов выживания сделано уже достаточно — нынешний объем ядерного потенциала делает превентивный удар по КНДР относительно маловероятным. Однако такая стратегия вызывает «дилемму безопасности» и риск перегнуть палку: Север может оказаться в стратегической ловушке. ЯО, с одной стороны, обеспечивает выживание в холодной войне, а с другой — усиливает обстановку холодной войны и ее инфраструктуру, начиная с ТНААД. Чем мощнее становится ядерная программа КНДР, тем больше санкций и давления на Север со стороны США и Южной Кореи. Котел нагревается, и повышается риск взрыва.

В результате, как отмечается в статье военного аналитика Цзя Сюйдуна в «Жэньминь жибао» от 17 апреля 2017 г., «процесс решения ядерного вопроса на Корейском полуострове зашел в тупик». Наследие холодной войны и «глубокое стратегическое недоверие между КНДР и США» создают дилемму безопасности, которая «с виду имеет под собой логическое обоснование, поэтому никто из сторон не хочет уступать по вопросу диалога и переговоров»⁴.

Китайская сторона понимает, что США никогда не признают ядерный статус КНДР, но среди китайских экспертов есть довольно сильная дискуссия по поводу того, признавать таковой или нет. Налицо три варианта:

- действительно не признавать ядерный статус КНДР. Признание — это законные аргументы для торга в будущем;
- не признавать на словах, но де-факто соглашаться, ограничиваясь только риторикой;
- отказаться и от риторики, но выдвинуть пакет условий, о котором лет пять назад говорили в ИДВ РАН: де-факто признается ядер-

ный статус, но при этом — «нет» новым испытаниям, «нет» продаж ядерного оружия, «нет» разработкам новых моделей, «нет» угрозам третьим странам.

Одновременно изучается вопрос, может ли КНДР сделать мирный атом и собирается ли вообще: часть экспертов уверена, что все северокорейские реакторы — это только военная, а не мирная программа.

Отношение к объединению страны

По мнению китайских специалистов, приемлемый вариант объединения возможен как итог постепенного (наверняка длительного) процесса воссоединения корейского народа в государстве, внутреннее устройство которого определяют сами корейцы. При этом нейтральный и безъядерный статус страны (естественно, предусматривающий отсутствие на её территории иностранных войск) должен быть утверждён ООН. Однако с учётом умножающихся разногласий между ведущими региональными игроками, для которых Корейский полуостров представляет собой лишь одну из зон противостояния, подобное решение кажется утопией⁵.

Что же до объединения как поглощения Севера Югом, то в Китае это активно дебатруется. Аргумент «за»: в случае объединения китайско-корейское экономическое сотрудничество увеличится, поскольку единая Корея будет удобнее с точки зрения инфраструктуры. В РК используют этот аргумент для того, чтобы подталкивать Китай к такому решению вопроса, но, по мнению респондентов автора статьи, от объединения Китаю будет меньше пользы, чем от статус-кво⁶.

В целом китайская сторона согласна, что проблемы объединённой Германии в корейском случае умножаются на 20, и потому Китай выступает за объединение Кореи только в том случае, если оно будет мирным и выгодным. Объединённая Корея должна учитывать китайские интересы и не быть военным союзником США.

Вопрос о прямом вмешательстве КНР

Китайские специалисты стараются уйти от разговоров на эту тему, но, судя по статье в «Хуанцю шибао»⁷, «красной линией», после которой

Китай «любой ценой» начинает защищать безопасность и стабильность Северо-Востока, является:

- ситуация, когда северокорейская ядерная активность «загрязняет» китайский северо-восток, включая радиоактивные осадки после применения ЯО;
- в результате гуманитарной катастрофы или внутренней нестабильности образуется большой поток беженцев из КНДР;
- на границе с Китаем появляется враждебный КНР режим или тем более американские войска выходят на р. Ялу/Амнокан.

Все эти варианты рассматриваются Пекином как однозначно неприемлемые и ни в коем случае не имеющие права на возникновение. Тем не менее нам не стоит забывать про информацию о том, что в Китае разрабатывали планы вторжения в КНДР. Правда, введение войск рассматривалось только как ответ на коллапс режима для предотвращения потока беженцев, ликвидации радиоактивного заражения в случае ударов по ядерным объектам Северной Кореи или обеспечения безопасности оказавшихся бесконтрольными ядерных боезарядов и расщепляющихся материалов⁸.

Оценка силового решения проблемы Америкой

В статье в «Хуанцю шибао»⁹, вышедшей после ракетной атаки США по Сирии в апреле 2017 г., отмечается, что Трамп выглядит более склонным к силовым решениям, нежели Обама, однако итог подобного демонстративного удара применительно к КНДР будет иметь меньший эффект и большие риски ответных действий, включая артобстрел Сеула. Как говорил министр иностранных дел КНР Ван И, «в проблеме на Корейском полуострове победителем не будет тот, кто делает более жесткие заявления или показывает больший кулак. В случае возникновения военных действий победителей не будет»¹⁰.

Тем не менее вероятность того, что подобный удар может быть совершен в ответ на шестое ядерное испытание или запуск МБР, теоретически способной достичь континентальной части США, газета считает весьма высокой, призывая добиться того, чтобы КНДР не могла дать подобного повода.

Как отмечает американская пресса¹¹, китайские эксперты не считают, что военный конфликт разгорится в ближайшем будущем, но полагают, что ответ Пекина на будущие ядерные испытания КНДР будет

очень жестким. Такого мнения, в частности, придерживается директор Цзилиньского института исследований США Гуй Жуй.

Однако в статье Цзя Сюдуня, как и в оценках респондентов автора, отмечается высокая вероятность «войны по ошибке»: «любой произвольный выстрел, недопонимание или неправильное решение могут стать причиной развития ситуации, которая станет необратимой»¹².

Перспективы и варианты урегулирования

По китайскому мнению, на данный момент в наибольшем выигрыше от развития ситуации на Корейском полуострове оказываются Соединенные Штаты и Япония. Америка наращивает свое военное присутствие в регионе, Япония получает возможность превратиться в государство с нормальной армией. В наименьшем выигрыше Север и Юг: их теоретическая уязвимость возросла, а экономическое положение существенно ухудшилось (у Юга — из-за действий Китая).

В дальнейшем китайская сторона видит несколько сценариев развития ситуации:

- худший — окончательное обретение Севером ядерного статуса, что повышает вероятность превентивного удара, а также «ядерного домино»;
- просто плохой — предполагает, что Север не делает резких движений, но санкции, ТНААД, треугольник Вашингтон—Сеул—Токио и вероятность спонтанного конфликта тоже никуда не исчезают;
- хороший — Соединенные Штаты начинают «новое мышление» в стиле Никсона: возобновляется шестисторонка и случается договоренность. Или хотя бы понижение температуры напряженности в США, что представляется невозможным без участия США, РФ и КНДР.

Однако при попытках выявить, как именно проблема должна быть решена, становится видно, что в Пекине понимают, что «хорошего» решения у нее нет. Мирные методы не работают, силовые — неприемлемы. Призывать к решению ЯПКП политико-дипломатическим путем можно долго, но такие слова останутся сотрясением воздуха. Восстановление процесса шестисторонних переговоров, как минимум, связано с вопросом, что теперь на них обсуждать: денуклеаризация возможна только в связи со сменой режима, зафиксировавшего ядерный статус в

своей конституции. Наконец, действия северокорейского руководства диктуются не злой волей Ким Чен Ына, а геополитическим трендом, менять который не менее сложно, чем добиваться смены северокорейской позиции. Также понятно и то, что американо-китайская борьба на пространствах Восточной Азии в ближайшее время вряд ли ослабеет.

Если смотреть в среднесрочной перспективе и вывести за скобки вариант, при котором Китай продолжает откладывать свой выбор, то направлений принятия решений будет три (хотя на самом деле два):

- либо Китай сохраняет Северную Корею, но меняет тамошний режим на прокитайский;
- либо Китай признает ядерный статус КНДР и отказывается от мер, направленных на ее сдерживание, подталкивая, таким образом, существенные изменения в миропорядке;
- либо в союзе с Соединенными Штатами Китай ведет дело к смене режима, а точнее — к неизбежному в подобных условиях поглощению Севера Югом.

Оттого речь идет о выборе из двух зол, причем которое из них меньшее — совершенно неочевидно. Каждый выбор несет свой пакет неприятностей.

Если Пекин будет поддерживать Север против США или откажется от тактики размена уступок КНР на уступки США по более принципиальным вопросам, неприятности могут заключаться в следующем:

- используя северокорейскую угрозу как повод, Соединенные Штаты будут усиливать свои позиции в регионе и наращивать там военную инфраструктуру, направленную не столько против КНДР, сколько против КНР;
- упорствование в поддержке Севера как бы сжигает мосты, снижая возможность того, что в краткосрочной или среднесрочной перспективе во взаимоотношениях Пекина и Вашингтона возобладает тренд на сотрудничество;
- более активная поддержка Северной Кореи может повлечь за собой распространение на Китай тех или иных санкционных мер. Китайско-американские торговые отношения могут оказаться под угрозой, а сколачивание региональной антикитайской коалиции — ускорено;
- между тем бросать вызов Америке Китай еще не готов. Теоретически, время работает на него, но чем раньше дело дойдет до военного столкновения, тем удобнее США, которые, возможно, уже

используют северокорейский козырь для того, чтобы навязать Китаю противостояние на более выгодных условиях;

- поддержка ядерных амбиций Севера размывает статус-кво, где КНР занимает довольно весомое место. Открыт вопрос о том, насколько новый миропорядок, где, например, за ядерной КНДР последуют ядерные Япония, РК и Тайвань, будет для Пекина выгоднее прежнего.

Соответственно, главный риск для КНР в этом варианте — втянуться в конфликт в невыгодной для себя позиции либо разрушить тот миропорядок, который дает Китаю определенные бонусы, заменяя его на неизвестность. Вашингтон же не свернет критику Китая по другим направлениям.

Если же Китай начинает сотрудничать с США против Севера (что, по мнению автора, приведет к смене режима, а точнее, к ликвидации КНДР), его ждет иной пакет неприятностей:

- Китай становится не только целью для потока беженцев, но прибежищем и для потенциальной организованной преступности или террористических организаций, которые будут пытаться «бороться с южнокорейскими оккупантами» с его территории;
- буферная территория в лице КНДР теряется, а Соединенные Штаты получают в свои руки чрезвычайно удобный политический плацдарм, с которого можно эффективно угрожать китайским интересам в Северо-Восточном регионе. Сомнительно, чтобы в случае объединения Кореи американские войска немедленно покинули её. Наоборот, скорее всего, они переберутся и на Север, «для борьбы с незаконными вооруженными формированиями прежнего режима»;
- утрата условного вассала — это еще больший удар по престижу, чем неспособность его полностью контролировать;
- идеологией объединенной Кореи, скорее всего, будет агрессивный национализм, что может означать интенсификацию попыток превращения корейской диаспоры КНР в пятую колонну или оживления территориальных споров вплоть до реанимации претензий на район Цзяньдао;
- после исчезновения Северной Кореи следующей по «уровню нарушений прав человека» страной может оказаться Китай, в отношении которого уже существует целый ряд расхожих мифов о жестокостях против политических противников;

- но и тут есть каверзный вопрос: насколько нынешний тренд на противостояние Америке неизменен. Точно ли ситуация катится под откос или шанс все исправить все-таки существует?

0 конкретных шагах

В отношении Южной Кореи Пекин продолжает проводить жесткий курс, направленный на то, чтобы заставить Сеул отменить решение о размещении на юге Корейского полуострова американских комплексов ПРО THAAD¹³. Как подсчитали в РК, в 2016 г. Китай в общей сложности 43 раза принял меры, ставшие косвенным проявлением протеста. В социальной сфере и в области культуры было зафиксировано 23 случая оказания давления со стороны Китая, в экономике — 15, во внешней политике и безопасности — 5¹⁴. К их числу относятся закрытие примерно 50 магазинов компании «Лотте» в Китае, применение жестких правил в отношении работающих в Китае южнокорейских предприятий, запрет на продажу турпутёвок в РК, отмена культурных мероприятий с участием южнокорейских артистов¹⁵.

Отдельно необходимо отметить шаг, который давно напрашивался. В конце декабря 2016 г. власти Китая в 24 часа выдворили из Яньбянь-Корейского автономного района около 30 южнокорейских протестантских проповедников, по поводу которых у властей давно были поводы для недовольства: пасторы занимаются не столько проповедями, сколько вывозом перебежчиков и попытками создать в КНДР христианское подполье¹⁶.

В отношении КНДР Пекин, с одной стороны, демонстрирует лояльность санкционным резолюциям Совета Безопасности ООН, которые он формально не может не исполнять, с другой — не выходит за их рамки.

25 января 2017 г. в рамках реализации Резолюции Совбеза ООН 2321 Министерство коммерции Китая опубликовало список запрещённых к экспорту на Север товаров и технологий двойного назначения. А 19 февраля 2017 г. на официальном веб-сайте Минкоммерции КНР появилось извещение о том, что в соответствии с резолюцией СБ ООН 2321 Китай приостанавливает импорт угля из КНДР до конца 2017 г.¹⁷

Ожидается, что при проведении нового испытания или иных действий КНДР Китай не будет возражать против принятия ещё более

строгих санкций. В комментарии, опубликованном 17 апреля 2017 г. в «Хуаньцю шибао»¹⁸, отмечается, что если КНДР проведёт шестые ядерные испытания, Китай может прекратить поставки нефти Пхеньяну. Однако даже СМИ РК отмечают, что «в настоящий момент (т. е. пока испытания не проведены) Пекин не рассматривает такой возможности, поскольку это не соответствует его курсу».

С другой стороны, 1 марта 2017 г. глава МИДа Китая Ван И встретился с министром иностранных дел КНДР Ли Гиль Соном, прибывшим с визитом в Пекин по приглашению китайского руководства¹⁹. После этого Пекин выступил с предложением, которое фактически повторяло инициативы КНДР, озвучиваемые ее представителями в течение ряда лет: «Китай предлагает как первый шаг, что КНДР могут приостановить свою ядерную активность и пуски ракет в обмен на приостановку учений США и Южной Кореи».

По некоторым сведениям, это предложение было даже продублировано во время закрытых переговоров Си Цзиньпин — Трамп²⁰, а 17 апреля 2017 г. оно было в очередной раз озвучено в «Жэньминь жибао» в статье Цзя Суйдуна:

«...китайская сторона предложила идею о “двухколейном разрешении проблемы” (необходимо придерживаться денуклеаризации полуострова и смены механизма перемирия на мир) и инициативу о “двусторонней приостановке действий” (остановка ядерных действий КНДР и крупномасштабных военных учений США и Республики Корея). Именно такой подход сможет синхронно решить проблемы всех сторон, затронутых в ядерной проблеме на Корейском полуострове, а также стать фундаментальным политическим курсом, нацеленным на долгосрочный порядок и долгосрочную стабильность на Корейском полуострове. В настоящее время еще не наблюдается активной реакции со стороны США и Республики Корея на инициативу о “двусторонней приостановке действий”, однако лучшего способа возобновления диалога между сторонами пока никто не предложил»²¹.

Кроме равноориентированной политики в отношении Севера и Юга, КНР пытается донести до США особенности КНДР и её позиции. Как минимум, полагает автор, речь идет о разубеждении Дональда Трампа в том, что все свои действия Пхеньян предпринимает с одобрения Пекина, обладающего полным контролем над ситуацией. И хотя после саммита с председателем КНР Трамп признался, что «имел несколько иное представление о КНДР»²² и заявил, что «эта встреча позволила мне

многое узнать»²³, неясно, насколько успешным будет просвещение. Как заявила заместитель советника американского президента по национальной безопасности Кэтлин Макфарлэнд в эфире телеканала Fox News, «Трамп смог донести до председателя Китая, что Северная Корея больше не является активом. Северная Корея — это помеха, обуза для всех и угроза не только для США ..., но в том числе и для Китая»²⁴.

Таким образом, пока непонятно, какое решение в итоге примет китайское руководство и какой груз неприятностей покажется ему меньшим. Из Пекина многие проблемы наверняка видятся иначе, чем из Москвы, но автор полагает, что рано или поздно Китай должен принять это тяжелое решение, каким бы оно ни было.

Примечания

¹ Последнее высказывание весьма важно, так как было ответом на распространённые представления о надеждах, которые возлагались на ныне покойного Ким Чен Нама. По заявлениям китайской стороны, его никогда не рассматривали как элемент влияния на Пхеньян.

² Более подробно см.: *Асмолов К.В.* Современное состояние китайско-корейских отношений // *Корейский полуостров в эпоху перемен. Коллективная монография.* М.: ИДВ РАН, 2016. С. 55—68.

³ Хуанцю шибао/Global times. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1034561.shtml>

⁴ URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0417/c95181-9203953.html>

⁵ Новое восточное обозрение. URL: <http://ru.journal-neo.org/2017/03/03/global-times-o-situatsii-v-severo-vostochnoj-azii/>

⁶ Более подробно данная аргументация изложена ниже, при разборе проблем, возникающих у КНР в случае ликвидации КНДР и её поглощения Югом.

⁷ Хуанцю шибао/Global times. URL: <http://w.huanqiu.com/r/MV8wXzEwNDI0Nzc0XzI4MI8xNDkxMzIzNDYw>; англоязычная версия: URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1040827.shtml>

⁸ URL: http://www.usip.org/pubs/working_papers/wp6_china_northkorea.pdf

⁹ Хуанцю шибао/Global times. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1041579.shtml>

¹⁰ Жэньминь жибао. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0417/c95181-9203953.html>

¹¹ URL: <http://www.foxnews.com/world/2017/04/14/latest-china-experts-see-low-chance-korea-fighting.html>

¹² Жэньминь жибао. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0417/c95181-9203953.html>

¹³ Новое восточное обозрение. URL: <http://ru.journal-neo.org/2017/01/25/taad-kitajskij-otvet-i-razgovory-na-fone-impichmenta/>

¹⁴ Международное радио Кореи. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_In_detail.htm?No=47025&id=In

¹⁵ URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_newsthema_detail.htm?No=10068362

¹⁶ Российская газета. URL: <https://rg.ru/2017/02/02/vlasti-kitaia-vydvorili-30-iuzhnokorejskih-propovednikov.html>

¹⁷ Жэньминь Жибао. URL: http://russian.news.cn/2017-02/19/c_136067522.htm

¹⁸ Международное радио Кореи. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_In_detail.htm?No=47948&id=In

¹⁹ Международное радио Кореи. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/news/news_In_detail.htm?lang=r&id=In&No=47375¤t_page=

²⁰ Сообщение Российского информационного агентства. URL: <https://ria.ru/world/20170408/1491814312.html>

²¹ Жэньминь жибао. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0417/c95181-9203953.html>

²² Российская газета. URL: <https://rg.ru/2017/04/19/tramp-grazhdanam-ssha-s-leduet-opasatsia-iadernoj-vojni-s-kndr.html>

²³ Российская газета. URL: <https://rg.ru/2017/04/19/amerikancy-ne-podderzha-li-vozmozhnyj-udar-ssha-po-kndr.html>

²⁴ Сообщение агентства РБК. URL: <http://www.rbc.ru/politics/17/04/2017/58f3e9eb9a79476707236fd3?from=main>

В.В. Хрусталёв

СРЕДСТВА ДОСТАВКИ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ КНДР: ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ ПРОГРАММ И ПОПЫТКИ ПРОГНОЗА

В настоящее время военно-политическое руководство КНДР решает задачу перехода от «минимального» ядерного сдерживания (когда есть лишь некая теоретическая вероятность ядерного ответа на атаку противника) к «надежному» (высокая вероятность) или еще лучше «гарантированному» ядерному сдерживанию. Одновременно решается переход от непрямого сдерживания США (угрозы ударов по их базам в регионе и по странам-союзникам) к прямому (угрозой атаки целей на территории США, в идеале — на основной континентальной территории). Здесь большая роль принадлежит средствам доставки ядерного оружия.

Ключевые слова: КНДР, США, ядерное сдерживание, средства доставки ядерного оружия.

Общие тенденции

В настоящее время военно-политическое руководство КНДР сосредоточено на решении нескольких ключевых проблем.

Во-первых, переходе от «минимального» ядерного сдерживания (когда есть лишь некая теоретическая вероятность ядерного ответа на атаку противника) к «надежному» (высокая вероятность) или еще лучше «га-

рантированному» ядерному сдерживанию. Причем в последнем случае возникают очень высокие требования к выживаемости и эффективности ядерных сил в самом широком спектре неблагоприятных военных сценариев.

Во-вторых, переход от непрямого сдерживания США (угрозы ударов по их базам в регионе и по странам-союзникам) к прямому (угрозой атаки целей на территории США, в идеале — на основной континентальной территории).

Решения указанных задач следующие.

Выживание и возмездие

Проблема создания системы «гарантированного» ядерного сдерживания довольно масштабна, и многие её аспекты тут не могут быть рассмотрены из-за недостатка места. Однако в контексте средств доставки ядерного оружия вполне можно оценить ситуацию достаточно исчерпывающе.

Ввиду довольно небольшой территории страны и значительно меньшего по сравнению с противниками потенциала обычных вооружений, самой серьезной для Пхеньяна проблемой является обеспечение должной защищенности и живучести своих ядерных сил на случай первого удара, а также возникновения конфликта вообще.

Особо следует отметить, что для многих состоящих на вооружении ракетных комплексов существуют ограничения на плотности грунтов, на перепады высот и т. д. для площадок, с которых можно запускать ракеты. А значительная часть страны вообще горы, где ракетные установки, по сути, зажаты в заранее известных долинах. Это было бы не так критично, если бы не еще одна проблема.

Это проблема поддержания в относительно высокой боеготовности группировки жидкостных ракет, созданных на базе технологий советских оперативно-тактических ракет Р-17. В отличие от распространенного мифа, такие ракеты можно хранить заправленными и даже долгое время держать установленными на пусковой установке в вертикальном положении (с присоединенной головной частью). Но трудоёмкость и потребный парк техники, чтобы это все работало как часы, по современным меркам слишком большие. К тому же привязывает группировки пусковых установок к своим базам обеспечения, что повышает их уязвимость.

Добавляется также проблема преодоления системы противоракетной обороны (ПРО) противника. Если раньше даже одиночные, очень

простые и медленные баллистические ракеты практически гарантированно могли поразить цели, то теперь им придется преодолевать ПРО.

Поэтому Пхеньян принимает разнообразные меры по повышению выживаемости своих ракетных комплексов в условиях войны, а также по преодолению ПРО.

Ключевым успехом в этом является испытанная 12 февраля 2017 г. ракета средней дальности «Пуккыксон-2». Её преимущества следующие¹:

во-первых, новая ракета КНДР твердотопливная. Это позволяет улучшить выживаемость ракетных комплексов за счет более короткого времени нахождения на позиции как перед пуском, так и после него.

Другими важными её характеристиками являются более простое хранение и короткое время приведения в готовность, а также отсутствие необходимости работ с жидкими компонентами (горючим и окислителем), которые обычно огнеопасны, взрывоопасны и ядовиты. Это ещё более критично, если речь о размещении и эксплуатации комплексов на подземных базах. Ещё один плюс новой ракеты в том, что в отличие от жидкостных ракет твердотопливная не требует большого числа обслуживающей техники, что упрощает как эксплуатацию комплекса, так и маскировку, организационно-штатные структуры подразделений;

во-вторых, ракетный комплекс выполнен на гусеничной базе, что значительно увеличивает свободу манёвра, т. е. те площади, по которым он способен передвигаться и откуда способен осуществить пуск. При этом и сама ракета находится в транспортно-пусковом контейнере, это также позволяет перевозить её до точки старта по более трудным маршрутам в целостности и сохранности. Кроме того, у неё система «холодного старта», когда ракета вначале поднимается не на струе своего двигателя, а выбрасывается из контейнера вертикально и лишь потом включает двигатель. Это радикально снижает требования к площадке для пуска.

Другим важным проектом, успех которого был продемонстрирован 24 августа 2016 г., является «Пуккыксон-1» — твердотопливная баллистическая ракета средней дальности с подводным стартом. В данном случае появляется реальная возможность прятать ракеты под водой, как и у «больших ядерных держав»².

Принимаются и различные меры по повышению потенциала преодоления противоракетной обороны противника. Перспективное развёртывание ракет на подлодках позволит атаковать прикрываемые районы не только с заранее известных узких направлений. Так, если боль-

шинство наземных систем ПРО ориентировано на заранее известные наземные позиционные районы, то гарантированно плотно закрыть все потенциальные направления ракетной атаки с моря в обозримом будущем как минимум проблематично³.

Одним из теоретических способов преодоления ПРО, построенной на современных противоракетных комплексах, является выход ракеты на цель на большой скорости по крутой (неоптимальной с точки зрения дальности) траектории. В данном случае атакующая боеголовка имеет определенные угол—скорость, либо сильно затрудняющие, либо делающие невозможным перехват. Так, в 2014 г. пуск ракет «Нодон» проводился по навесной траектории, резко снижающей вероятность успешного перехвата современными системами ПРО. Успешный пуск ракеты «Хвасон-10» в июне 2016 г. также производился по навесной траектории. По навесной траектории на малую дальность летели на испытаниях и ракеты «Полярные звезды».

Таким образом, для стрельбы «свечкой» по целям, прикрытым комплексами ПРО в Южной Корее, могут использоваться «Нодон» и «Хвасон-10», а по целям на территории Японии «Хвасон-10». Причем на дальности, вроде как слишком малые для столь мощных ракет. Также и наземные ракеты семейства «Полярная звезда» могут использоваться по навесной траектории по целям в Южной Корее.

Еще одним способом нейтрализации ПРО является использование больших залпов для её насыщения. Наглядный пример — учения северокорейских ракетчиков 5 сентября 2016 г., в ходе обнародования информации о которых было подтверждено существование в КНДР баллистической ракеты (БР) SCUD-ER с максимальной дальностью стрельбы до 1000 км. Сами же ракеты средствами технического контроля стран-соседей были ошибочно идентифицированы как «Нодон». Причем запуск трех ракет производился в сжатый временной промежуток, и две из них запускались практически одновременно. А значит, для преодоления ПРО, прикрывающей цели в Японии, могут использоваться теперь и запускаемые залпами ракеты с многочисленных обычных SCUD-овских пусковых установок.

Однако настоящей сенсацией в плане возможностей преодоления ПРО стала именно испытанная 12 февраля 2017 г. новая ракета. В заявлении Центрального телеграфного агентства Кореи (ЦТАК) по этому поводу было сказано следующее: «Были проверены динамические характеристики управления положением, наведением и маневрированием

управляемой боеголовки, способной нести улучшенный по мощности ядерный заряд, во избежание перехвата на промежуточном участке и при входе в атмосферу после ее отделения». Косвенным подтверждением могут быть некоторые странности во внешнем виде головной части «Полярной звезды-2», которые ряд наблюдателей интерпретируют как двигательные системы самой боеголовки.

Таким образом, можно говорить о том, что Пхеньян успешно решает задачи, связанные с постепенным переходом от «минимального» к «надежному» ядерному сдерживанию, в плане общих боевых качеств национальной ракетной техники, а также разработки и отработки различных способов ее применения в возможном конфликте.

В перспективе просматриваются новые возможности быстрого развития твердотопливной ракетной техники: как в плане увеличения диаметра двигателей, так и длины и числа ступеней. А значит, появляется возможность создания твердотопливных баллистических ракет с головными частями с достаточно большими полезной нагрузкой и объемом. Отсюда следует возможность создания радикально новых проблем для ПРО. Речь идет о создании разделяющихся головных частей рассеивающего типа. Такая система была на старой американской баллистической ракете подводных лодок (БРПЛ) «Поларис-А3». Она не обеспечивала индивидуального наведения на цель каждого из трех блоков — прицелить можно было один из блоков либо центр их группировки. Разведение блоков осуществлялось по сигналу системы управления: все одновременно отводились от рамы, на которой они крепились, с помощью системы гидравлических толкателей, придававших каждому относительную скорость всего 5 м/с. Для страны, уже запускающей спутники на орбиту, создать нечто подобное уже не столь сложно, как может показаться на первый взгляд.

Необязательно чтобы все блоки нагрузки были в ядерном снаряжении, даже если лишь один из трех будет реально ядерным, а два будут «болванками» идентичной формы с тем же весом и объемом — это будет резким ростом сложности перехвата. А массивированный залп, к примеру, 20—50 таких ракет будет приводить не 20—50 целей для перехвата, а 60—150. А значит, резко растет вероятность преодоления ПРО.

При этом, КНДР нет острой необходимости в ближайшие годы разрабатывать ракеты, по совершенству сопоставимые один в один с первыми БРПЛ основных участников холодной войны — СССР и США. Ракеты с параметрами в интервале максимальной дальности 1500—

3000 км и с полезной нагрузкой в пределах 1000—1500 кг вполне может хватить для надежного перекрытия всей территории Южной Кореи и Японии, а также находящихся там американских военных баз. А при соответствующих численности ракет и их оснащении — и для гарантированного преодоления ПРО⁴.

Рано списывать со счетов и старые модели жидкостных ракет. Стоит особо отметить, что, как показывает опыт ракетных программ СССР, Ирана и т. д., старые моноблочные баллистические ракеты могут быть модернизированы и оснащены либо новыми маневрирующими боеголовками, либо простыми разделяющимися головными частями рассеивающего типа. В качестве примера можно привести советский проект модернизации ракет Р-17 под оснащение их тремя боеголовками. Или разнообразные иранские модернизации серии ракет, прообразом которых в свое время была «Шехаб-3». В первую очередь, баллистическую ракету «Имад», оснащенную головной частью с четырьмя аэродинамическими поверхностями, служащими для коррекции полета отделяемой головной части ракеты и повышения точности.

Тем более что, несмотря на свои привычные недостатки, старые жидкостные БР, составляющие основу арсенала КНДР, стабильно улучшают свои характеристики. Во время пусков 2016 г. у новых ракет SCUD, запускаемых на дальность в 1000 км, отмечен уровень точности, на порядок лучший, нежели ранее предполагался для ракетной техники КНДР на такой дальности!

Сдерживание США

В последние полтора года власти КНДР, а также политики стран-оппонентов и военные эксперты говорят о выходе Северной Кореи на финишную прямую в деле создания межконтинентальных баллистических ракет.

Ближайшая к КНДР континентальная цель в США — это Анкоридж: 5400 км от ближайшей возможной позиции старта; Гонолулу, столица островного штата Гавайи: около 7000 км. Расстояние до целей на континенте: Сан-Франциско — 8400, Чикаго — 9900, Нью-Йорк — 10 400 км.

Формально до континентальной территории США полезную нагрузку весом 800—1000 кг может доставить и космическая ракета-носитель «Ынха-3». Однако всерьез считать применимым в реальных условиях оружием ракету с многодневным циклом приведения в готовность,

да еще на открытом наземном сооружении было бы странно. Хотя и не исключен вариант с неким символическим оружием.

В принципе, на парадах в Пхеньяне в 2012, 2013, и 2016 гг. демонстрировались макеты неких ракет, получивших в мировой печати индексы KN-08 и KN-14. Их местное название «Хвасон-13».

KN-08 явно трехступенчатые (диаметр третьей меньше, чем у первых двух), причем с габаритами, не характерными для уже известных образцов северокорейских военных БР. Максимальный диаметр, согласно большинству оценок, составил 1,8 м (оценки варьировались от 1,7 до 2 м), а длина примерно 17—18 м. KN-14 несколько короче и имеют иную форму головной части — в виде конуса со сферическим затуплением. Исходя из габаритов и пропорций, ракета скорее всего двухступенчатая.

9 марта 2016 г ЦТАК опубликовало снимки, на которых обе ракеты можно было видеть в том числе и в разобранном состоянии. К тому же в кадр попали некоторые элементы внутреннего устройства ракет. 15 марта 2016 г появилось официальное сообщение об успешных испытаниях теплозащиты для головной части проектируемой межконтинентальной баллистической ракеты (МБР). 9 апреля 2016 г. было сообщено об успешных испытаниях двигателя для МБР.

Судя по тому, что было продемонстрировано, в КНДР ведется разработка многоступенчатой жидкостной баллистической ракеты на базе технологий, аналогичных ракете «Хвасон-10» («Мусудан»). На этой ракете следует остановиться особо. Как и на ее технологиях.

Именно на этой ракете впервые был продемонстрирован отход от технологий советских Р-17 (SCUD-B). По сути это северокорейское «творчество по мотивам» советской БР Р-27.

Первая версия Р-27, принятая на вооружение в 1968 г., была довольно компактна: длина — около девяти метров, максимальный диаметр — 1,5 м. Полный вес заправленной ракеты с установленной головной частью — около 14 т. Максимальная дальность стрельбы 650-килограммовой боеголовкой — 2400—2500 км. Таких характеристик удалось добиться за счет ряда конструктивных решений.

Во-первых, маршевый блок двигателя 4Д10 для экономии пространства утоплен в баке горючего. Для повышения плотности компоновки использовались совмещенные днища баков окислителя и горючего, что позволило обойтись без межбакового отсека. Аппаратура системы управления размещалась в герметизированном объеме, образованном

верхним днищем бака окислителя. Отказ от отсеков, свободных от топлива (межбакового, двигательного, приборного), колоссально сократил габариты.

Во-вторых, в отличие от семейства БР Р-17 и их прямых потомков, в качестве основного конструкционного материала в Р-27 использовались легкие алюминиево-магниевые сплавы, а не сталь. Это облегчало ракету.

В-третьих, в качестве горючего вместо ТМ-185 (смеси на основе нефтепродуктов) применялся НДМГ (несимметричный диметилгидразин), энергетически более эффективный, чем углеводородные составы.

В 2010 г. местная ракета, внешне похожая на Р-27, но более длинная, была впервые показана на параде в Пхеньяне. Еще в 2012 г. опубликовались расчеты, по которым, если принять что эта ракета находится примерно на том же уровне совершенства, что и «Нодон», её дальность с полезной нагрузкой в 700 кг — не более 1500 км. Если же технологический уровень ракеты соответствует советской Р-27, то дальность стрельбы с той же нагрузкой достигнет 3000 км.

На опубликованных после первых удачных испытаний фото хорошо просматривается компоновка двигательной системы «Хвасон-10» («Мусудан»). Сразу бросается в глаза, что инженеры вдохновлялись советским 4Д10. Отчетливо видно, как работает двигатель, состоящий из однокамерного маршевого блока (основная струя) и двухкамерного рулевого блока (две заметно меньшие струи по бокам).

Согласно заявлению Пхеньяна (в целом подтвержденному внешними источниками), дальность составила 400 км, а максимальная высота полета — свыше 1400 м. Следовательно, ракета летела по навесной траектории. Пересчет же на траекторию, оптимизированную под максимальную дальность, дает более 3000 км.

Даже если брать самые скептические оценки, сделанные из допущения, что на самом деле ракета испытывалась без нормальной полезной нагрузки и т. д., то даже они дают от 2000 до 2800 км при стрельбе на максимальную дальность с полной полезной нагрузкой (в зависимости от расчетной модели). То есть все равно значительный отрыв от уровня SCUD при этой компоновке — не более 1500 км.

Вероятно, эта ракета изготовлена из алюминиево-магниевого сплава, но по более простой технологии, чем советская. Сплав, аналогичный АМгб, примененному в Р-27, использовался и в первой ступени космической ракеты «Ынха-3-2», успешно доставившей на орбиту в декабре 2012 г. спутник «Кванменсон-3». Судя по факелу ракеты, в качестве го-

рючего применялся НДМГ, как и у Р-27, наблюдается и сходство общей компоновки двигательной установки.

Сама по себе эта ракета не имеет особой ценности в плане максимальной дальности. Да, она может эффективно использоваться для ударов по целям в Южной Корее и Японии по высоким траекториям. Также ее применение целесообразно для доставки очень тяжелых и громоздких головных частей (более 1 т) на дальности в 1500—2000 км, т. е. мощных термоядерных боеголовок, аналогичных китайским первого поколения. Но её ключевая ценность — это платформа-демонстратор технологий, вполне подходящих для создания настоящих МБР.

Внутренняя компоновка «Хвасон-13» точно не известна (слишком много вариантов), однако считается, что в этих габаритах при многоступенчатом исполнении и на технологической базе «Хвасон-10» уже реально создать настоящую МБР. Самые скромные прикидки дают максимальную теоретическую дальность с ядерным зарядом в пределах 5,5—6,5 тыс. км (Анкоридж), а самые смелые — до 12 тыс. км (Нью-Йорк). Наиболее распространенная же оценка лежит в районе 7,5—9 тыс. км (Гонолулу, Сан-Франциско)⁵.

Однако после успехов программы ракет «Полярная звезда» не исключено, что в КНДР проектируются не только более мощные твердотопливные ракеты средней дальности, но что-то межконтинентальное. Хотя пока о чем-либо определенном говорить рано. В любом случае, создание относительно транспортабельной межконтинентальной ракеты для Северной Кореи задача вполне решаемая. А уж конкретное техническое решение — вопрос уже скорее вторичный.

И хотя в случае развертывания такую ракету нельзя будет в полной мере считать «средством сдерживания США», то уж точно средством «стратегического влияния» она будет. Это может очень болезненно отразиться на американской свободе военно-политического манёвра на Тихом океане.

Выводы

Пхеньян демонстрирует высокие темпы качественного улучшения своих баллистических ракет. При этом наблюдается выход на принципиально иное качество ракетного оружия, уже сопоставимое по разным

параметрам в чем-то с Китаем начала 1980-х, где-то с Пакистаном 2000-х, а в чем-то даже с Индией 2010-х годов.

В ближайшие пять лет при сохранении текущего темпа следует ожидать развертывания первых военных (а не испытательных) подлодок с баллистическими ракетами, а также испытаний как новых ракет средней дальности, так первой МБР. Также в ближайшие годы следует ожидать полноценных постановки на вооружение и развертывания как «Хвасон-10», так и «Пуккыксон-2». Ключевое условие — сохранение темпа 2014—2016 гг.

И тогда к 2020—2021 гг. на региональном уровне КНДР обретет возможности по надежному ядерному сдерживанию на региональных дальностях, а в отношении США обретет способность пусть и к минимальному, но прямому непосредственному сдерживанию.

Примечания

¹ Хрусталёв В. Ядерная рука Пхеньяна: куда дотянутся баллистические ракеты КНДР // Звезда. 15 февраля 2017 г. URL: http://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201702141927-oi52.htm

² Хрусталёв В. В шаге от межконтинентальных ракет // Лента.Ру. 2 сентября 2016 г. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/09/02/juche/>

³ Хрусталёв В. Основные направления совершенствования ракетного потенциала КНДР // Россия и Корея в меняющемся мировом порядке: политика, экономика, культура: V международная корееведческая конференция, 18—19 мая 2016 г. : тезисы и доклады. Владивосток, Дальневосточный Федеральный Университет, 2016. С. 34—37.

⁴ Хрусталёв В. Твёрдотопливный козырь Пхеньяна // Центр стратегической конъюнктуры. 21 декабря 2016 г. URL: <http://conjuncture.ru/chrustalev-21-12-2016/>

⁵ Хрусталёв В. Многоступенчатые амбиции // Лента.Ру. 6 октября 2016 г. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/10/06/northkorea/>

Д.В. Кикү

ОЦЕНКА РАЗВИТИЯ РАКЕТНО-ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ КНДР ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ САНКЦИОННОГО РЕЖИМА СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ООН

Беспрецедентная интенсивность испытаний КНДР ядерного оружия и баллистических ракет в 2016 г. способствовала достижению этой страной высоких технологических рубежей в развитии потенциала оружия массового уничтожения, и все предпосылки указывают на сохранение взятого темпа. КНДР обозначила намерение довести до конца развитие собственного ядерного потенциала, заявив о создании «водородной бомбы» и наличии «стандартной ядерной боеголовки», а также о «вступлении в окончательную стадию подготовки к проведению испытательного пуска межконтинентальной баллистической ракеты». Заявленные в резолюциях Совета Безопасности ООН цели добиться ликвидации ядерного оружия и мирного урегулирования ситуации представляются все более отдаленными.

Ключевые слова: Совет Безопасности ООН, КНДР, санкционный режим, ядерная проблема Корейского полуострова.

В 2016 г. КНДР значительно активизировала запрещенную деятельность, связанную с развитием ракетно-ядерной программы. В течение указанного периода Пхеньян дважды осуществил испытание ядерного

оружия (6 января и 9 сентября) и запуск ракеты-носителя (7 февраля). Согласно информации, представленной в итоговом докладе (S/2017/150¹) Группы экспертов, учрежденной резолюцией Совета Безопасности ООН 1874 (2009)², Северная Корея также провела 18 испытаний в общей сложности 26 баллистических ракет различных типов, включая баллистические ракеты подводных лодок (БРПЛ). Уже в 2017 г. КНДР запустила шесть баллистических ракет (12 февраля, 6 марта и 22 марта).

В ответ СБ ООН принял резолюции 2270 (2016)³ и 2321 (2016)⁴, беспрецедентно ужесточившие режим санкций в отношении КНДР. Заметно усилилось эмбарго на поставки в эту страну оружия и связанных с ним материальных средств, усилены меры нераспространения и контроля за возможными сетями распространения предметов и технологий, относящихся к северокорейской ракетно-ядерной программе.

Деятельность КНДР в ядерной области

Беспрецедентная интенсивность испытаний КНДР ядерного оружия и баллистических ракет в 2016 г. способствовала достижению этой страной высокого технологического рубежа в развитии потенциала оружия массового уничтожения, и все предпосылки указывают на сохранение взятого темпа. КНДР обозначила намерение довести до конца создание собственного ядерного потенциала, заявив о создании «водородной бомбы» и наличии «стандартной ядерной боеголовки»⁵, а также о «вступлении в окончательную стадию подготовки к проведению испытательного пуска межконтинентальной баллистической ракеты (МБР)»⁶. Заявленные в резолюциях СБ ООН цели добиться ликвидации ядерного оружия и мирного урегулирования ситуации представляются все более отдаленными.

Впервые продемонстрированные официальными СМИ КНДР в марте 2016 г. макет уменьшенной ядерной боеголовки «с корейской структурой смешанного заряда»⁷, а также фрагменты испытания в сентябре 2016 г. твердотопливного двигателя МБР с силой тяги в 80 т⁸ указывают на ближайшую перспективу создания полноценных сил ядерного сдерживания.

Для связанной с баллистическими ракетами деятельности используются два новых объекта: «Чхамчин» (расположен к юго-востоку от Пхеньяна) и «Хамхун» (восточное побережье страны). Полигоны «Сохэ»

и «Чхамчин» используются для испытаний, имеющих отношение к МБР, а объекты «Хамхун» и «Синпо» — для деятельности, связанной с БРПЛ.

9 сентября 2016 г. Институт ядерного оружия (Nuclear Weapons Institute) КНДР объявил, что страна провела «испытательный ядерный взрыв для определения мощности недавно произведенной ядерной боеголовки»⁹. Подготовительная комиссия Организации по Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ПК ОДВЗЯИ) зафиксировала «необычное сейсмическое событие» вблизи места проведения КНДР предыдущего испытания в районе полигона Пхунгери. Мощность в 5,1 кт является самой значительной по сравнению с предыдущими испытаниями, проведенными страной¹⁰. Тип испытанного устройства по-прежнему не подтвержден.

Спутниковые снимки полигона Пхунгери свидетельствуют о проведении там строительных работ и других видов деятельности, в частности у «северного» и «западного» въездов. Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) также указало на признаки работ, связанных с «добычей и измельчением руды» на урановом руднике и обогательном предприятии в Пёнсане¹¹.

Северокорейская ракетная программа

Космические запуски с использованием технологии баллистических ракет

7 февраля 2016 г. КНДР произвела запуск с полигона «Сохэ» трехступенчатой ракеты-носителя «Кванмёнсон». Ступени и обтекатель упали в ранее объявленных местах, и, согласно информации Управления Организации Объединенных Наций по вопросам космического пространства, ракета успешно вывела спутник на околоземную орбиту. Впоследствии КНДР зарегистрировала объект как спутник наблюдения Земли под названием «Кванмёнсон-4». По имеющимся данным, запуск был частью программы КНДР по созданию ракеты с максимальной дальностью полета в 12 тыс. км.

Исследование собранных обломков ракеты (частей первой ступени и обтекателя) показало, что для запуска «Кванмёнсон» использовалась запущенная КНДР в декабре 2012 г. «Ынха-3», о чем свидетельствует заретушированная на ее корпусе цифра «3». Кроме того, произошедший после отделения первой ступени взрыв был предназначен для уничтожения и рассеивания обломков с целью предотвращения их последующего сбора и анализа.

В ходе изучения извлеченных Южной Кореей элементов первой ступени и обтекателя экспертам удалось определить три компонента иностранного производства, находящихся в свободном коммерческом доступе на международном рынке. В их числе — радиальные шариковые подшипники (надпись на кириллице), датчики давления (производство Великобритании) и камера для фильтра электромагнитных помех (Китай)¹².

Примечательно, что в докладе Группы экспертов за 2014 г.¹³ в числе компонентов ракеты-носителя «Ынха-3» иностранного производства фигурировали температурные датчики, датчики давления и резистор (Великобритания); операционные усилители, программируемая пользователем вентиляционная матрица и видеодекoder (США); синхронное динамичное запоминающее устройство с произвольной выборкой (США и Южная Корея); преобразователи постоянного напряжения (Швейцария); а также фильтры электромагнитных помех и камера прибора с зарядовой связью (Китай). Снятые с баллистической ракеты Scud сигнализатор давления и межступенчатый соединитель советского производства были проданы в КНДР компанией, зарегистрированной на Тайване. Вполне возможно, что указанные элементы содержались и в ракете-носителе образца 2016 г.

Баллистические ракеты промежуточной дальности (БРПД)

Группа экспертов выявила две тенденции в осуществляемой КНДР программе по баллистическим ракетам, демонстрирующей значительный технический прогресс за относительно короткое время:

- 1) возросшую дальность вследствие внедрения БРПД; и
- 2) переход на твердотопливное ракетостроение.

Продолжается развитие и программ по созданию одноступенчатых БР с жидкостными реактивными двигателями. Так, ракеты «Мусудан» (оцениваемая дальность до 4 тыс. км) вышли на фазу первых полетных испытаний. Произведенная в апреле—октябре 2016 г. серия из шести запусков восьми ракет данного типа пока не может считаться полностью успешной: полет большинства из них прекращался через короткое время из-за отказа двигателя. Тем не менее успешный запуск «Мусудана» (22 июня 2016 г.) свидетельствует о прогрессе в данной области.

Баллистические ракеты малой и средней дальности (БРМСД)

Линейка Scud

Пуски двух одноступенчатых баллистических ракет малой дальности Scud-C («Хвансон-6»), (дальность полета — 500 км) состоялись в присутствии Ким Чен Ына 10 марта 2016 г., спустя день после демонст-

рации предполагаемого «миниатюрного ядерного устройства» (см. выше). Осуществленные 19 июля 2016 г. запуски одной Scud-C (дальность полета — 500 км) и двух баллистических ракет средней дальности (БРСД) «Нодон» (дальность полета — 600 км) были представлены как «симуляционные запуски для нанесения упреждающих ударов по портам и аэродромам Южной Кореи»¹⁴.

Также 5 сентября 2016 г. были произведены запуски трех модифицированных версий ракет Scud, которые, как сообщалось, пролетели приблизительно 1 тыс. км. Ким Чен Ын вновь присутствовал на учениях, цель которых состояла в проверке «точности наводки усовершенствованных баллистических ракет»¹⁵. Ракеты относятся к новому типу БР класса Scud с увеличенной дальностью, приближающейся к радиусу действия баллистических ракет средней дальности.

Баллистические ракеты подводных лодок

В течение марта—декабря 2016 г. КНДР было произведено четыре испытания двухступенчатой БРПЛ «Пуккыксон-1» из района Синпо, что говорит о быстрых темпах ее разработки. Проведенный 24 августа 2016 г. очередной запуск «Пуккыксон-1» стал наглядным подтверждением, что северяне продвинулись в технологии создания ракет подобного класса намного дальше, чем считалось до сих пор. Расстояние между точкой взлета и падения БРПЛ составило около 500 км, при этом апогей также равнялся 500 км. Продемонстрированные снимки и, в частности, характеристика выхлопной струи позволяют сделать вывод, что данная ракета работала на твердом, а не на жидком топливе.

Меры Совета Безопасности ООН

В приложениях к резолюциям СБ ООН 2270 и 2321 были дополнены:

- списки физических лиц, в отношении которых введен запрет на поездки/замораживание активов;
- списки юридических лиц/организаций, чьи активы подлежат замораживанию¹⁶.

В п. 17 резолюции 2270 СБ ООН постановил, что все государства не должны допускать *специализированной подготовки или обучения граждан Северной Кореи по дисциплинам, способствующим развитию ракетно-ядерной программы КНДР или разработке средств доставки ядерного оружия, включая подготовку или обучение в областях современной физики, передового компьютерного моделирования, геопространствен-*

ной навигации, ядерной техники, аэрокосмического машиностроения, авиационной техники и смежных дисциплин.

Согласно п. 31 резолюции 2270 все государства не должны допускать продажи или поставки *авиационного топлива*, в том числе авиационного бензина, реактивного топлива на основе нефти, реактивного и ракетного топлива на основе керосина.

В соответствии с п. 7 резолюции 2321 оружейное эмбарго было распространено на предметы, перечисленные в новом *Списке обычных вооружений двойного назначения (S/2016/1069¹⁷)*, в который среди прочего вошли предметы из категории «Аэрокосмическая техника и двигатели». В их числе:

- прямоточные воздушно-реактивные двигатели;
- прямоточные воздушно-реактивные двигатели с организацией процесса горения в сверхзвуковом потоке;
- двигатели с комбинированным топливным циклом и специально разработанные для них компоненты;
- программное обеспечение.

В п. 11 резолюции 2321 СБ ООН постановил, что государства приостанавливают *научно-техническое сотрудничество* с участием лиц или групп, официально представляющих КНДР, за исключением обменов в области медицины и, кроме того, когда:

1) в случае научно-технического сотрудничества в области ядерной науки и техники, аэрокосмического машиностроения и авиационной техники или передовых производственных технологий и методов Комитет СБ ООН, учрежденный резолюцией 1718 (2006), *определит*, что такая деятельность не будет способствовать развитию ракетно-ядерной программы КНДР (разрешительная процедура);

2) в случае любого другого научно-технического сотрудничества государство определит, что конкретный вид деятельности не будет способствовать развитию ракетно-ядерной программы КНДР, и заблаговременно *уведомит* Комитет СБ ООН 1718 о таком решении (уведомительная процедура).

Заключение

Имеющийся в распоряжении Совета Безопасности ООН санкционный инструментариум играет важную роль, поскольку призван способст-

водить движению по пути переговорного урегулирования ядерной проблемы Корейского полуострова. Приоритет заключается в том, чтобы санкционные меры не выходили за рамки, оговоренные в соответствующих резолюциях.

Практика введения санкций по линии СБ ООН показывает, что подобные решения являются крайней мерой, когда другие средства воздействия исчерпаны. В контексте КНДР упор делается на «умные» (smart), т. е. адресные санкции, которые затрагивают непосредственно руководство, а не население страны. Как показывает северокорейский опыт, такими мерами являются введение запрета на заграничные поездки старших должностных лиц, а также замораживание их финансовых средств в банковских учреждениях государств — членов ООН.

Вводящие санкции резолюции должны предусматривать гуманитарные изъятия из санкционного режима, ограничения по срокам действия предлагаемых мер, а также критерии по их отмене.

Так, введенные резолюциями СБ 2270 и 2321 финансовые рестрикции ограничили возможность работающих в КНДР организаций системы ООН (ВОЗ, ВПП, ПРООН, ФАО, ЮНИСЕФ и ЮНФПА) получать уже выделенные средства из бюджета Организации на реализацию гуманитарных проектов в этой стране¹⁸. Единственным выходом из крайне неблагоприятной для простых северокорейцев ситуации стало решение России добиться предусмотренного резолюциями изъятия, позволяющего установить корреспондентские отношения с северокорейскими банками, в частности Банком внешней торговли КНДР. В результате средства для нужд ооновских структур в Северной Корее стали переводиться с октября 2016 г. через российский банк «Спутник» (ПАО)¹⁹. Тем самым российская сторона помогла обеспечению гуманитарного содействия северокорейскому населению по линии ООН.

Что касается критериев отмены санкционных мер, то в п. 49 резолюции СБ 2321, равно как и в принимавшихся ранее решениях, Совет Безопасности ООН подтверждает, что будет постоянно следить за действиями КНДР и готов усилить, изменить, приостановить или отменить меры в зависимости от выполнения этой страной установленных требований. Одновременно в документе заявляется о решимости СБ ООН принять дальнейшие серьезные меры в случае осуществления КНДР нового ядерного испытания или ракетного запуска.

Примечания

- ¹ URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/2017/150>
- ² URL: https://www.un.org/sc/suborg/ru/sanctions/1718/panel_experts/work_mandate
- ³ URL: URL: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/2270\(2016\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/2270(2016))
- ⁴ URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/RES/2321%282016%29>
- ⁵ «Развертывание межконтинентальной баллистической ракеты в КНДР является ответом на угрозу ядерной войны со стороны США: официальный представитель Министерства иностранных дел». ЦТАК. 8 января 2017 г.
- ⁶ Новгоднее обращение Ким Чен Ына // Нодон синмун. 2 января 2017 г.
- ⁷ Ким Чен Ын руководит работой по установке ядерных боеголовок на баллистических ракетах // Нодон синмун. 9 марта 2016 г.
- ⁸ Ким Чен Ын руководит наземным испытанием нового типа мощного двигателя ракеты-носителя для геостационарного спутника // Нодон синмун. 20 сентября 2016 г.
- ⁹ КНДР успешно провела испытательный взрыв ядерной боеголовки. ЦТАК. 9 сентября 2016 г.
- ¹⁰ Мощность прошлых испытаний, произведенных КНДР (согласно ОДВЗЯИ): 4,82 кт (январь 2016 г.), 4,92 кт (2013 г.), 4,51 кт (2009 г.) и 4,08 кт (2006 г.).
- ¹¹ Документ МАГАТЭ GOV/2016/45-GC (60)/16.
- ¹² S/2017/150. П. 57—59.
- ¹³ S/2014/147. П. 55—58. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/2014/147>
- ¹⁴ Нодон синмун. 20 июля 2016 г.
- ¹⁵ Нодон синмун. 6 сентября 2016 г.
- ¹⁶ URL: <https://www.un.org/sc/suborg/ru/sanctions/1718/materials>
- ¹⁷ URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=S/2016/1069>
- ¹⁸ URL: http://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/Press%20Release_DPRK%20CERF%20UFE%202016_02%20Feb%202016%20%28FINAL%29.pdf
- ¹⁹ URL: <https://www.un.org/sc/suborg/ru/correspondent-account-approvals>

А.Ю. Иванов

СЕВЕРНАЯ РАЗГРАНИЧИТЕЛЬНАЯ ЛИНИЯ КАК ИСТОЧНИК ПРЯМОГО ВОЕННОГО КОНФЛИКТА МЕЖДУ РЕСПУБЛИКОЙ КОРЕЯ И КНДР

Одним из факторов напряженных отношений между КНДР и РК является проблема приграничных конфликтов. Вопрос о морской границе между корейскими государствами до сих пор остается неурегулированным, что создает условия для периодического обострения напряженности. В связи с этим Северная и Южная Кореи вынуждены содержать в Жёлтом море значительные корабельные группировки. Таким образом, залив Канхва (Кёнги), непосредственно прилегающий к Корейскому полуострову, сделался потенциальной горячей точкой, способной превратиться в источник широкомасштабного конфликта.

Ключевые слова: КНДР, Республика Корея, Жёлтое море, «северная разграничительная линия», военно-морские учения, пограничные столкновения, военная напряженность.

Раскол Корейского полуострова привел к созданию двух государств с противоположными социально-политическими и экономическими системами. Корейская война 1950—1953 гг. лишь усилила конфронтацию между Севером и Югом Кореи. В результате два корейских государства начали устанавливать вдоль 38-й параллели оборонительные инженерно-технические сооружения. В демилитаризованной зоне ши-

риной 4 км и длиной 241 км время от времени возникала военная напряженность.

Помимо демилитаризованной зоны еще одним источником напряженности между Севером и Югом Кореи является акватория залива Канхва (Кёнги) в Жёлтом море, где двум сторонам не удалось до сих пор официально согласовать морскую границу.

30 августа 1953 г. командующий войсками ООН Марк Кларк без консультации с северокорейской стороной в одностороннем порядке провел крайне невыгодную для Северной Кореи так называемую северную разграничительную линию (North Korean Military Demarcation Line), обозначив ее в пределах трех морских миль (5556 м) от северо-корейского побережья. Кроме того, пять островов к югу от линии были переданы, по сути, под контроль Южной Кореи — на тот момент под контроль ООН. Во многом это ограничило северокорейцев в действиях в акватории залива Канхва и защитило южнокорейский порт Инчхон от возможного вторжения Северной Кореи.

Правительство КНДР эту линию не признало, считая, что страна лишилась части акватории, которая могла бы ей принадлежать по Соглашению о перемирии. В конце 1950-х годов северокорейское руководство предложило создать военную демаркационную линию (NLL), которая должна была на 12 морских миль (18 584 м) отходить от берега и пролегать четко по диагонали между Северной и Южной Кореей в Жёлтом море. Таким образом, Пхеньян получил бы доступ к порту Хэчжу, а также к важным районам, богатым рыбой и крабом. Однако, по мнению Сеула, такая линия поставила бы под угрозу Инчхон, и Южная Корея отказались изменить разделительную линию.

В декабре 1973 г. Северная Корея официально потребовала пересмотра границы в акватории залива Канхва и выступила с притязаниями на ряд островов, находящихся вблизи северокорейского побережья. Таким образом, она претендовала также на районы, богатые рыбными ресурсами. В 1977—1978 гг. оба корейских государства на основе норм международного морского права односторонне приняли законодательные акты, устанавливающие 12-мильные территориальные воды и исключительные экономические зоны в Жёлтом море, в том числе в заливе Канхва. Это привело к возникновению в данной акватории участка, который каждая из сторон относит к своей территории.

Односторонние решения двух корейских государств еще больше осложнили обстановку в Жёлтом море. В сентябре 1999 г. северокорейское

руководство ввело в одностороннем порядке так называемую морскую разграничительную линию¹, которая проходит значительно южнее северной разграничительной линии — по точкам, равноудаленным от побережья КНДР и РК. Кроме того, КНДР определила зону военной охраны, совпадающей с границей исключительной экономической зоны в Жёлтом море. Таким образом, акваторию к северу от морской разграничительной линии, включая прибрежные акватории пяти островов (Пэньнёндо, Тэчхондо, Сочхондо, Ёнпхёндо и Удо), принадлежащих Республике Корея по Соглашению о перемирии, она объявила зоной своего военного контроля.

Но, несмотря на принятие ряда подзаконных актов, вопрос о границе между КНДР и РК в этом регионе остается неурегулированным, что создает условия для периодического обострения напряженности. В связи с этим Северная и Южная Кореи вынуждены содержать в акватории залива Канхва значительные корабельные группировки.

Таким образом, часть акватории Жёлтого моря, непосредственно прилегающая к Корейскому полуострову, стала потенциальной горячей точкой, способной превратиться в источник широкомасштабного конфликта. Северная разграничительная линия, юридически не являющаяся международной морской границей в силу того, что оба корейских государства рассматривают приграничные разногласия в акватории Жёлтого моря как сугубо внутривнутриполитическую проблему, пересекает зону рыбного промысла, имеющего большое значение для переживающей трудные времена экономики Северной Кореи, и проходит недалеко от оживлённых и загруженных портов Южной Кореи. Исходя из этого, конфликтный потенциал разграничительной линии в Жёлтом море определяется такими факторами, как спорный статус, экономическая важность акватории и многочисленные прецеденты военных столкновений.

Первый конфликт в акватории Жёлтого моря произошел в мае — июне 1996 г., когда северокорейские военные корабли дважды нарушали морскую границу, каждый раз в течение нескольких часов устраивая «войну нервов» с ВМС Южной Кореи. В декабре 1998 г. ВМС РК в районе разграничительной линии потопили подводную лодку КНДР. В июне следующего года в Жёлтом море 20 северокорейских рыболовных судов в сопровождении семи катеров (в том числе трех торпедных) ВМФ КНА пересекли разграничительную линию близ о. Ёнпхёндо. В результате боя, начавшегося с таранной атаки южнокорейских кораблей против неприятеля с целью вытеснить его за линию морской грани-

цы, один северокорейский торпедный катер был потоплен. В 2001 г., по словам южнокорейских военных, северокорейские суда нарушали северную разграничительную линию 12 раз².

Еще один значительный вооруженный межкорейский конфликт в Жёлтом море произошел 29 июня 2002 г. По версии южнокорейской стороны, в этот день два северокорейских сторожевых корабля пересекли северную разграничительную линию. В результате 25-минутного боя, развернувшегося между северокорейскими и южнокорейскими сторожевиками, одно судно Южной Кореи было потоплено, 6 южнокорейских моряков погибли, 18 получили ранения³. С северокорейской стороны погибли 13 военнослужащих.

16 и 20 ноября 2002 г. северокорейские боевые катера были отогнаны предупредительным огнем кораблей ВМС Южной Кореи при попытке пересечения северной разграничительной линии.

После этих инцидентов обе стороны, решив не усугублять напряженную обстановку в Жёлтом море, договорились вступить в переговорный процесс. 3—4 июня 2004 г. в горах Сораксан (Южная Корея) прошли межкорейские военные переговоры на уровне генералитета, основным вопросом которых стало обсуждение и принятие ряда мер, которые бы позволили избежать военных конфликтов в этом регионе. Кроме того, был принят конкретный график демонтажа технических средств идеологической пропаганды, которые были установлены сторонами вдоль демаркационной линии. Стороны также обязались не устанавливать эти технические средства вновь и не вести в дальнейшем никакой идеологической пропаганды.

Но, несмотря на договоренности, сторонам так и не удалось достичь существенного прогресса в рамках мероприятий по созданию атмосферы доверия (использование общих радиочастот, улучшение процедур оповещения о намерениях морскими судами, система экстренной связи), которые позволили бы снизить вероятность будущих конфликтов. Также не привели к положительным результатам и переговоры о совместной эксплуатации морских ресурсов, особенно краба, вылов которого осуществляется в акватории Жёлтого моря. Следствием этого стало возникновение вооруженных инцидентов в июне и ноябре 2004 г., связанных с пересечением северокорейских патрульных катеров северной разграничительной линии⁴.

23 марта 2005 г. командование ВМФ Северной Кореи выступило с заявлением о введении ограничений на передвижение военных и гражд-

данских судов США и Южной Кореи в спорных территориальных водах Жёлтого моря. Эти ограничения вводились исходя из того, что пять островов (Пэннёндо, Тэчхондо, Сочхондо, Ёнпхёндо и Удо), «находятся под контролем американских сил, но в территориальных водах КНДР»⁵.

Приход к власти южнокорейского президента Но Му Хена в 2003 г. внес потепление в отношения между КНДР и Республикой Корея. 4 октября 2007 г. в Пхеньяне, куда президент Южной Кореи прибыл на автомобиле, перейдя 38-ю параллель пешком, была подписана Декларация во имя развития отношений между Севером и Югом, мира и процветания. Согласно этой декларации, для предотвращения случайного возникновения вооружённых конфликтов было решено создать в Жёлтом море зону совместного рыболовства.

Во время переговоров глав правительств Севера и Юга, проходивших 14—16 ноября 2007 г. был подписан ряд соглашений, например о начале грузовых железнодорожных перевозок на участке между южнокорейским Мунсаном и северокорейским Кэсоном.

Однако со вступлением в 2008 г. на пост президента Ли Мён Бака отношения между Севером и Югом резко ухудшились из-за намерения новой администрации вести более жесткую политику в отношении КНДР. Это привело к очередным вооружённым столкновениям в Жёлтом море.

10 ноября 2009 г. близ южнокорейского острова Тэчхондо произошел бой между сторожевым катером ВМФ КНА, пересекшим разграничительную морскую линию, и группой кораблей ВМС Южной Кореи в составе корвета и четырех патрульных катеров. В результате боя погибли несколько северокорейских моряков.

Степени крайнего обострения межкорейские отношения достигли после гибели 26 марта 2010 г. в Жёлтом море южнокорейского корвета «Чхонан», который затонул в районе контролируемого Сеулом о. Пэнёндо. В результате сильного взрыва погибло 46 южнокорейских моряков. Несмотря на то что руководство Южной Кореи обвинило КНДР в уничтожении корабля, точная причина взрыва установлена не была.

23 ноября 2010 г. в районе о. Ёнпхёндо произошел крупнейший за последние полвека вооружённый инцидент. Согласно официальной версии Сеула и западных экспертов, остров был подвергнут артобстрелу со стороны Северной Кореи в ответ на проходящие в данном районе ежегодные военные учения «Хогук»⁶. В результате обстрела Ёнпхёндо

погибли двое южнокорейских солдат, 14 получили осколочные ранения⁷.

Для оздоровления отношений Севера и Юга, оказавшихся в сложной ситуации, Ким Чен Ир выступил с инициативой о начале диалога по вопросу обсуждения путей разрядки напряженности на Корейском полуострове как с правительством, так и с политическими партиями и организациями Южной Кореи. В начале 2011 г. КНДР направила руководству Республики Корея ряд предложений по переговорам, включая встречи на уровне представителей парламентов двух стран. В январе 2011 г. министр обороны КНДР направил письмо южнокорейскому коллеге с предложением о проведении консультаций между высокопоставленными военными двух стран.

Однако правительство Южной Кореи приняло от КНДР только предложение по военным переговорам. Вместе с тем южнокорейское руководство дало понять, что разрешение межкорейского приграничного конфликта тесно связано с отказом Пхеньяна от разработки ядерного оружия.

В феврале 2011 г. в Пханмунжоме состоялась встреча военных представителей Республики Корея и КНДР по подготовке военных переговоров на высоком уровне, однако стороны так и не смогли согласовать время и место проведения диалога. Кроме того, южнокорейская сторона настаивала на том, что все вопросы северокорейской стороны будут обсуждаться только в случае, если Пхеньян возьмет на себя ответственность за инциденты с корветом «Чхонан» и вокруг о. Ёнпхёндо. Однако северокорейская сторона рассмотрела данные требования как провокацию, устроенную РК под влиянием США⁸.

Регулярные совместные военные учения с участием ВМФ и сухопутных войск Южной Кореи и США, имеющих чёткое военно-политическое позиционирование в спорной зоне, еще больше подогревают военный конфликт между противоборствующими сторонами. Так, крайне серьезным поводом обострения отношений между Пхеньяном и Сеулом послужили крупномасштабные двухмесячные военные учения Южной Кореи и США Keyresolve («Ключевое решение») и «Токсури» («Орёл»), ежегодно проводимые с 2 марта по 29 апреля вблизи демаркационной линии с КНДР. Подобные совместные учения США и Республики Корея традиционно рассматриваются Пхеньяном как репетиция войны на Корейском полуострове и сопровождаются угрозами со стороны КНДР нанести ответный удар в случае атаки на ее территорию.

В ответ на проводимые южнокорейско-американские совместные военные учения 5 марта 2013 г. КНДР прекратила действие Соглашения о перемирии, а 8 марта заявила об одностороннем отказе от всех соглашений о ненападении, действующих между Пхеньяном и Сеулом, а также о разрыве линии прямой телефонной связи между двумя странами.

В ночь на 29 марта, после того как 28 марта два самолета B-2 Spirit, способных нести ядерное оружие, вылетели в рамках планового учебно-боевого полета с авиабазы в штате Миссури и поразили условные цели на одном из полигонов на территории Южной Кореи, лидер КНДР Ким Чен Ын приказал привести ракетные войска КНДР в состояние готовности к возможному удару по континентальной части США и американским военным базам в Южной Корее и в Тихом океане.

В мае 2015 г. в Жёлтом и Японском морях начались совместные военные учения США и Южной Кореи, в которых военно-морские силы обоих государств провели учебные стрельбы, а также тактические манёвры. В последних приняли участие 10 южнокорейских кораблей. Также были задействованы боевые вертолеты Lynx, самолеты и катера береговой охраны. Кроме того, США направили на манёвры эсминец Michael Murphy и вертолет MH-60 Seahawk⁹.

С 22 по 25 марта 2016 г. Республика Корея и США провели крупномасштабные военные учения в Жёлтом море с применением семи южнокорейских и двух американских боевых кораблей, а также авиации. Эти учения были приурочены ко Дню защиты Западного (Жёлтого) моря, отмечавшегося впервые 25 марта¹⁰. Во время учений объединенный флот отрабатывал морские стрельбы, взрывы глубинных бомб и проводил тактические учения с участием морской пехоты.

Через два месяца, в ответ на запуск Северной Кореей баллистических ракет с подводной лодки, США и Южная Корея вновь провели совместные военно-морские учения в Жёлтом море вблизи разграничительной линии¹¹.

Подобные совместные учения северокорейские власти традиционно рассматривают как подготовку к нападению на Северную Корею. Свои опасения по поводу проведения боевых учений у своих границ Пхеньян обычно сопровождает угрозами нанести «удар возмездия» в случае атаки на свою территорию.

26 марта 2013 г. Северная Корея заявила о приведении в полную боевую готовность вооруженных сил КНА для возможного нанесения превентивных ударов по военным базам США на островах Гуам и Га-

вайи, а также по американским объектам на континенте. В этот период обстановка в регионе накалилась до такой степени, что 27 марта власти КНДР направили в Совет Безопасности ООН письмо с заявлением своего Министерства иностранных дел, в котором указывалось, что ситуация на Корейском полуострове оказалась на грани ядерной войны¹².

27 мая 2016 г. Генеральный штаб Вооруженных сил КНДР предупредил Южную Корею о том, что в случае «пересечения морской границы военно-морские силы Северной Кореи будут открывать огонь без предупреждения». Это заявление военные КНДР сделали после того, как, по мнению северокорейской стороны, боевые корабли Южной Кореи зашли в территориальные воды Северной Кореи и обстреляли «безоружное паромное судно, буксировавшее рыболовный траулер»¹³.

Растущая напряженность между Севером и Югом в зоне конфликта создает благоприятные возможности для продвижения далеко идущих военно-политических планов США в регионе, находящемся вблизи Китая. Ссылаясь на агрессивное поведение Северной Кореи по отношению к Южной Корее, американское правительство создает хороший предлог для наращивания в регионе военной активности США и Республики Корея. Именно военное присутствие США в Жёлтом море и проведение крупномасштабных американо-южнокорейских учений вызывает наибольшую обеспокоенность у китайских дипломатов, считающих, что межкорейские столкновения в районе разграничительной линии — это естественное следствие несогласованности морской границы, не представляющее серьёзной угрозы для безопасности в регионе.

Таким образом, Корейская война на долгие годы отодвинула вопрос об объединении страны, сохранив военную и политическую напряженность на полуострове, которая ставила и до сих пор ставит оба корейских государства на грань очередного военного конфликта. Спорный характер морской демаркационной линии между двумя корейскими государствами, наряду с непредсказуемостью военно-политических решений северокорейского руководства — факторы, предопределяющие серьёзный риск: любая дополнительная провокация может повлечь крупное столкновение. Несмотря на то что внимание международного сообщества приковано, прежде всего, к северокорейской ядерной программе, очевидно необходима необходимость принятия срочных мер, имеющих целью уменьшить вероятность перерастания разрозненных столкновений в Жёлтом море в полноценный конфликт.

В то время как Южная Корея и США пытаются создать надёжную систему сдерживания возможных агрессивных действий КНДР, ее решение не сможет в полной мере урегулировать проблему предотвращения дальнейших конфликтов. Становится очевидным, что совместные южнокорейско-американские учения с боевыми стрельбами близки демаркационной линии не являются необходимыми для обороны Республики Корея и повышения эффективности системы сдерживания КНДР. В связи с этим возникает необходимость продолжения переговорного процесса, где необходимо уделить первостепенное внимание проблеме северной разграничительной линии как потенциальной горячей точке, имеющей огромное значение для безопасности в акватории Жёлтого моря. Учитывая, что КНДР и Республика Корея не смогли демаркировать взаимоприемлемую морскую границу, сторонам следует обратиться в Международный суд в Гааге или иную судебную инстанцию, например под эгидой Конвенции по морскому праву ООН (UNCLOS).

Важную роль в разрешении межкорейского пограничного конфликта обязан сыграть Китай как сторона, заинтересованная в мирном урегулировании проблемы демаркации морской границы между КНДР и Республикой Корея. Именно прагматичный подход Китая к столкновениям в спорных акваториях Жёлтого моря в будущем может послужить мерилем его заинтересованности, умения и авторитета при урегулировании конфликтов на Корейском полуострове.

США, по инициативе которых была проведена морская демаркационная линия, вызвавшая спор между Севером и Югом Кореи, должны внести ясность в вопрос о северной разграничительной линии, дав понять южнокорейскому руководству, что она не является морской границей и что обеим сторонам необходимо стремиться к мирному урегулированию спора в соответствии с международным правом. В ответ южнокорейскому правительству следует отказаться от заявлений о том, что северная разграничительная линия является межкорейской морской границей, и согласиться на урегулирование спора в двусторонних переговорах. Вместе с этим Южной Корее необходимо отказаться от морских учений с боевыми стрельбами в спорной акватории Жёлтого моря, провоцирующих Северную Корею на ответные действия.

В свою очередь Северная Корея обязана соблюдать Устав ООН, условия перемирия 1953 г. и положения Соглашения Севера и Юга Кореи о примирении, ненападении, обмене и сотрудничестве от 1991 г., а также ратифицировать Конвенцию по морскому праву ООН и согласиться

на урегулирование этого спора согласно международному праву в целях демаркации межкорейской морской границы в Жёлтом море.

При соблюдении этих условий КНДР и Республика Корея способны урегулировать пограничный конфликт, длящийся уже 65 лет.

Примечания

¹ Ёнхап. 02.09.1999.

² Сеульский вестник. 20.05.2001.

³ Мунхваильбо. 09.02.2006.

⁴ Материалы доклада Объединенного штаба командования РК и США от 1 ноября 2004 г.

⁵ Сеульский вестник. 23.03.2005.

⁶ URL: <http://inforos.ru/ru/?module=news&action=view&id=27268>

⁷ URL: <http://flot.com>

⁸ URL: <http://inforos.ru/ru/?module=news&action=view&id=27268>

⁹ URL: www.cbc.ca/ru/news/all-news/startovali-amerikano-iujnokoreyskie-voenni-e-ucheniia.page

¹⁰ URL: www.yonhapnews.co.kr/bulletin/2016/03/25/0200000000AKR20160325049051014.HTML

¹¹ URL: www.ytn.co.kr/_ln/0101_201605200014235803

¹² URL: inforos.ru/ru/?module=news&action=view&id=27268

¹³ URL: <http://nktoday.kr/?p=13033>

Глава 3

КОРЕЯ—ЯПОНИЯ: НЕЗАКРЫТОЕ ПРОШЛОЕ

В.А. Гринюк

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ КАРАТАНИ КОДЗИН В ПРИЛОЖЕНИИ И ИСТОРИИ КОРЕИ И ЯПОНИИ

Японский философ К. Каратани разработал концепцию «ядро» — «периферия» — «субпериферия». В соответствие с ней древние мировые империи представляли собой «ядра», вокруг которых располагались государства «периферии» и, на определённом отдалении от них, страны «субпериферии». В Восточной Азии цивилизационное «ядро» представляла Китайская империя, Корея относилась к «периферии», а Япония — к «субпериферии». «Ядро» покоряло и поглощало «периферию» или, наоборот, «периферия» вторгалась в «ядро» и завоёвывала его, т. е. проявлялась тенденция ассимиляции «периферии» и «ядра». Государства «субпериферии», в отличие от «периферийных» государств, могли избирательно воспринимать культуру цивилизационного «ядра» и имели большие возможности формировать самобытный мир.

Ключевые слова: «ядро» — «периферия» — «субпериферия», Китай, Корея, избирательное восприятие культуры, социально-экономическое развитие.

Японский политический философ Каратани Кодзин в работе «Структура мировой истории»¹ сформулировал геополитическую концепцию «Ядро» — «периферия» — «субпериферия», которая, как пред-

ставляется, даёт содержательную подсказку для объяснения причин сложившегося на начало XX в. отставания Кореи от Японии в общественно-политическом развитии.

Каратани опирался на взгляды немецко-американского историка и политического философа Карла Августа Виттфогеля². Этот учёный известен полемическими работами по вопросам «ирригационного сельского хозяйства» и «деспотических государств» древности. Но он выдвинул идею, согласно которой «восточные деспотии» («гидравлические общества») составляли «ядро», а вокруг располагались «периферия» и «субпериферия». Своеобразие идеи Виттфогеля заключалось в категории «субпериферии», существовавшей отдельно от «периферии», за её пределами.

Каратани отмечал сходство этой схемы с формулой «ядро» — «полупериферия» — «периферия», введённой Иммануилом Валлерстайном³ для характеристики современной мир-системы (мир-экономики). Но японский учёный подчёркивает, что эти две концепции только на первый взгляд кажутся похожими, в действительности взаимно различаются главные принципы, лежащие в основе формирования «ядра» — «полупериферии» — «периферии» в мир-экономике и «ядра» — «периферии» — «субпериферии» в мировых империях. В мир-экономике — это «обмен С» (обмен «деньги — товар», свойственный капитализму), в мировых империях — это «обмен В» (захват и перераспределение, предоставление партнёру защиты одновременно с его подчинением и установлением в отношении него господства — характерная черта феодализма). Следовательно, явления «периферии» и «субпериферии» в мировых империях совершенно отличаются от «периферии» и «полупериферии» в мир-экономике», — подчёркивает японский философ⁴.

Он поясняет, что в мировых империях «ядро» покоряло и поглощало «периферию» или, наоборот, «периферия» вторгалась в «ядро» и завоёвывала его. В этом смысле проявлялась тенденция ассимиляции «периферии» и «ядра». Но что касается «субпериферии», то это регионы, которые, в отличие от «периферии», непосредственно соприкасающейся с имперской цивилизацией, могли избирательно воспринимать её культуру. Если бы определённые районы были чрезмерно удалены от цивилизации, они в своём развитии остались бы на этапе племенного общества, а если бы эти районы располагались слишком близко к цивилизации, то они были бы покорены или поглощены. Для того чтобы прояснить суть дискуссии, К. Каратани дополнительно ввёл категорию

«регионов, лежащих за пределами сферы». Племена, которые избегали господства или влияния «ядра», отступали ещё дальше от «периферии» в горные районы или в отдалённые местности. Именно там сохранялись общества, жившие охотой и собирательством⁵.

Учёный считает, что «мировая система, существовавшая прежде современной мир-системы, состояла из многочисленных мировых империй, их “периферии”, немногих “субпериферийных” регионов, а также “регионов, лежащих за пределами сферы”. Когда сложилась современная мир-система, т. е. когда капиталистический рынок распространился на весь мир, регионы, прежде существовавшие “вне сферы”, оказались “загнанными внутрь ограды”. Немало “некультурных” народов подверглись насильственной цивилизации и стали принадлежать к “периферии” современной мир-системы. Кроме того, “периферия” мировых империй также осталась в положении “периферии” современной мир-экономики. *В-третьих*, “субпериферия” мировых империй очутилась в положении “периферии” современной мир-экономики. Вместе с тем были крайне малочисленные случаи, когда, подобно Японии, “субпериферийные” регионы переходили в центр мир-экономики. *В-четвёртых*, “ядра” прежних мировых империй тоже изгонялись на “периферию” мир-экономики⁶.

К. Каратани отмечает, что в отличие от сельскохозяйственных общин, подчинявшихся государству, кочевники сопротивлялись власти, сохраняли родовые обычаи и по-прежнему вели жизнь охотников и собирателей. Иногда кочевники объединялись в армии, вторгались в центр, совершали грабежи или властвовали в захваченных странах, используя их государственный аппарат, как происходило в Китае при чжурчженях (династия Цзинь, XII в.) и монголах (династия Юань, XIII—XIV вв.). В некоторых случаях при участии кочевых народов создавались мировые империи, примером которых, наряду с империей монголов, созданной Чингисханом, была и исламская империя⁷.

Японский философ пишет, что «Виттфогель в качестве примеров «субпериферии» называл древнюю Грецию и древний Рим в начальный период истории этих государств, Киевскую Русь в период до татаро-монгольского нашествия, а также германские племена. «Субпериферия» располагалась за «периферией», но не «за пределами сферы». То есть «субпериферия» не соприкасалась непосредственно с цивилизацией, как «периферия», но и не была отдалена от неё до степени изоляции. Кроме того, условиям «субпериферии» в полной мере отвечали

«морские» общества. Они были связаны морской торговлей с имперским «ядром», но избегали прямого вторжения с его стороны, так как не были доступны по суше и могли формировать самобытный мир.

Таким образом, «субпериферия» могла избирательно воспринимать цивилизацию «ядра». Говоря конкретно, хотя «субпериферия» осваивала культуру (алфавит, технические знания и пр.), она в основном отказывалась от существующей в «ядре» схемы централизованной власти, такой как бюрократическая система. Причина, по мнению К. Каратани, заключалась в том, что, тогда как «периферия» «ассимилировала» с «ядром», в «субпериферии» в значительной степени, хотя и в меньшей, чем в регионах «вне сферы», сохранялся принцип «взаимного вознаграждения» («обмен А», свойственный племенному обществу), который отвергал иерархию. Представители «субпериферии» хотя и использовали культуру «ядра», избегали полного подчинения «ядру» и самостоятельно развивали приобретённую цивилизацию. С точки зрения экономики в обмене и перераспределении в «субпериферии» элементы государственного контроля применялись мало, в этой области здесь больше полагались на рынок. Именно поэтому в «субпериферии» развивалась мир-экономика⁸, полагает исследователь.

В заключительном разделе главы «Мировые империи», посвящённом вопросу возникновения феодального общества, К. Каратани указывает: «В то время как жители древней Греции и древнего Рима находились в положении «субпериферии» в отношении Азии, древние германцы располагались, что называется, «за пределами сферы». Но можно сказать, что в период, когда Греция и Рим превратились в мировую империю, германцы переместились из положения «за пределами сферы» на позицию «субпериферии». То есть, восприняв римскую цивилизацию, они одновременно отвергли политическую систему Римской империи⁹. «Но если Греция и Рим возникли на «субпериферии» восточных империй, можно утверждать, что так называемый феодализм (структура феодального общества) образовался в «субпериферии» Римской империи, т. е. в племенном обществе германцев. Тогда понятно, что введённые К. Марксом категории «азиатский», «античный» и «феодальный» способы производства¹⁰ выглядят не как последовательные ступени развития, а как возникающие в тех или иных странах явления, связанные с расположением этих стран в пространстве мировых империй¹¹, утверждает философ.

Далее учёный подчёркивает, что «поскольку последующими результатами существования феодальной системы стало развитие капитализма и обретение Западной Европой господствующего положения, феодализм воспринимается как некий основной принцип, свойственный Западной Европе. Однако можно сказать, что, подобно тому, как особенности Древней Греции и Древнего Рима проистекали из их расположения в “субпериферии” Египта и других восточных империй, западноевропейский феодализм был явлением, возникшим в “субпериферии” Римской и исламской империй. То есть необходимо отметить, что такие особенности не есть общие характеристики “западного мира”, но черты, связанные с положением в координатах “ядро”, “периферия”, “субпериферия”. Это положение можно разъяснить на примере феодальной системы Японии — государства Восточной Азии»¹².

Исследователь отмечает, что К. Маркс и М. Вебер обращали внимание на реальное существование в Японии феодальной системы. К. Каратани полагает, что под этим названием подразумеваются отношения преданности между людьми, т. е. строй, основанный на отношениях, проистекающих из взаимного договора между хозяином и вассалом о предоставлении последнему лена взамен на его верность. Но, на взгляд философа, только Виттфогель смог убедительно разъяснить, почему это стало возможным (он сделал это в работе «Восточный деспотизм»).

Виттфогель объяснил возникновение в Японии феодальной системы расположением этой страны в «субпериферии» относительно Китайской империи. В Корею, представлявшей собой «периферию» Китая, китайская система государственного управления была введена с ранних времён, а в островной стране Японии её внедрили значительно позже. Здесь стали применять упомянутую систему и строить *рицурёсэй кокка* («государство, основанное на законах») в VII—VIII вв. Однако такое государство во многом было только видимостью. Центральная власть была слабой. Созданный в стране бюрократический механизм действовал недостаточно эффективно, провозглашённые принципы государственной собственности на всю землю и подчинения государству всего населения не соблюдались. При наличии государственного аппарата управления в стране распространялись частная собственность на землю и частные земельные поместья *сёэн*. Возникшие здесь сообщества воинов и крестьян породили феодальную систему, основанную на основе межличностных связей по принципу «предоставление лена взамен на преданность». Такие отношения подрывали традиционный государст-

венный строй. Власть *букэ* — крупнейших военных феодалов и представителей военно-служилого дворянства — сохранялась в Японии с XIII до второй половины XIX в.

«Тем временем в Корее всё активнее продвигалась “китаизация”, в X в. при династии Корё была введена система назначения государственных чиновников по результатам экзаменов. Утвердилось подавляющее преимущество гражданских чиновников над военными. Бюрократическая система в Корее в таком виде существовала до XX в. Но в Японии, хотя во всём почитали китайские образцы, никогда не использовали систему экзаменов для присвоения чиновничьих рангов. Гражданских чиновников недолюбливали, в обществе в значительной мере сохранялись традиции сообщества воинов и крестьян. При всём при том формально сохранялись и продолжали функционировать для поддержания авторитета власти древняя императорская система и строй “государства, основанного на законах”»¹³, — подчёркивает К. Каратани.

По его мнению, использование в Японии традиционных авторитетов сдерживало развитие факторов феодализма. В этой стране не было взаимного проникновения двух систем (государства и феодализма), а было налицо их сосуществование. В период сёгуната Токугава усилилась власть централизованного государства. Однако и в это время сохранялись система и культура феодализма. Например, воинам предоставлялось право и на них возлагалась обязанность мщения. Другими словами, отдельно от государственной системы обеспечения правопорядка придавалось большое значение человеческим связям преданности хозяину. *Самурай* ценился выше, чем бюрократ. «Однако, — подчёркивает учёный, — такое избирательное восприятие имперской цивилизации составляет не особенность Японии, а скорее общую черту стран, расположенных в “субпериферии”. Например, в Западной Европе существовали различия между странами, принадлежавшими к “периферии” и “субпериферии” относительно Римской империи. В то время как Франция и Германия разделяли свойственную “периферии” тенденцию систематически воспринимать идеи и формы римского происхождения и в качестве преемников Древнего Рима следовать им, то располагавшаяся в “субпериферии” Англия сумела занять в отношении них более гибкую, прагматичную, несистемную и эклектичную позицию. Можно сказать, что именно поэтому Англия построила не ориентированную на материк, а “морскую империю” и стала центром современной мир-системы (мир-экономики)»¹⁴.

Если применить логику концепции К. Каратани к анализу культурного, цивилизационного взаимодействия Китая с Кореей и Японией, можно заключить, что вывод японского философа о «гибком, прагматичном, несистемном и эклектичном» подходе Англии к культурному наследию Древнего Рима может быть в большой мере отнесён и к восприятию Японией элементов духовной культуры Китая. При этом очевиден контраст с догматическим отношением к элементам китайской культуры в Корее. На наш взгляд, это положение, прежде всего, справедливо для конфуцианства.

В Корее в XVII—XIX вв. существовала гегемония ортодоксального конфуцианства. Ввиду культивировавшегося презрения к «варварам» и их культуре, правящие круги Кореи не проявляли интереса к попадавшим в страну религиозным, географическим и астрономическим трактатам, изданным европейцами на китайском языке, а также к европейскому оружию, приборам и пр.¹⁵ Кроме того, знакомство с европейскими точными и естественными науками ограничивалось литературой католических миссионеров на китайском языке. В отличие от освоивших голландский язык японских натуралистов того же периода, корейские учёные совершенно не владели европейскими языками, что делало их представления о Западе вообще крайне абстрактными и ограниченными¹⁶.

Государственной идеологией сёгуната Токугава было неоконфуцианство в форме учения Чжу Си. Но если в Корее неоконфуцианская ортодоксия порождала обскурантизм и отторжение прогресса, то в Японии это учение адаптировалось к местным условиям, развивалось в сочетании с буддизмом и синтоизмом.

В работе А.Н. Мешерякова о японском учёном-конфуцианце Нисикава Дзёкэн (1648—1724) говорится, что этот «учёный муж» «занимал достаточно гибкую и прагматичную позицию. Конфуцианское учение было для него наиболее правильным и авторитетным, но всё-таки Нисикава относился к нему без фанатизма и признавал, что и буддийское вероучение может быть полезным для стабильности общества и государства, обозначаемым им как “законы государей и Путь богов”. Как и для всех других японских “конфуцианцев”, императорский дом и синто являлись для Нисикава высшей ценностью, два этих понятия были неразрывно связанными и попадали в одно и то же смысловое поле... Конфуцианские мыслители охотно критиковали буддизм, но антисинтоистский дискурс был для них абсолютно чужд»¹⁷. В цитируемой работе

также отмечается, что Д. Нисикава не настаивал на принятом в ортодоксальном конфуцианстве соблюдении трёхгодичного траура по умершим родителям и с пониманием относился к тем людям, которые не могли соблюдать его. «Такому недогматическому восприятию, безусловно, способствовало то обстоятельство, что никто из японских конфуцианцев периода Токугава никогда не бывал в Китае и потому не имел в качестве живых учителей непосредственных носителей тамошних традиций. Книжное знание, не подкреплённое телесным подражательством, создавало дополнительные возможности для отступления от авторитетов и привнесения отличных от оригинала интерпретаций»¹⁸.

Конфуцианство стало неотъемлемой чертой жизни японцев. Патриархальность в духе конфуцианских категорий сыновней почитательности и родительской любви и сегодня живёт в этой стране в семейной жизни, в бизнесе и политике. Тем не менее конфуцианство в Японии не стало тормозом модернизации в новое время. Хотя в ходе гражданской войны в Японии (война Босин 1863—1869 гг.) сторонники восстановления полной власти императора — противники сёгуна выступали под конфуцианским лозунгом «почитание императора и изгнание варваров», идейной основой реставрации Мэйдзи (1868—1889 гг.) стал государственный синтоизм. Опора на собственный национальный культ почитания предков и императора как потомка богов позволила Японии сохранить самобытность в условиях мощного давления на страну со стороны западных держав после открытия Страны восходящего солнца миру во второй половине XIX в. Синто и непрерывно продолжающаяся в веках императорская линия и сегодня играют роль стержня национальной идентичности японцев.

Таким образом, геополитическая концепция «ядро» — «периферия» — «субпериферия», на наш взгляд, даёт содержательную подсказку для анализа и объяснения феномена различия уровней общественно-экономического развития определённых стран в новое время. Эта концепция проясняет причины сложившегося к началу XX в. отставания Кореи от Японии. Она показывает, как некоторые экономические, политические и идеологические факторы в государствах «ядра» и «периферии» устаревают, перестают соответствовать условиям общественно-экономического развития и действуют как тормозящие моменты, а в странах «субпериферии» эти же факторы из-за их меньшей интенсивности создают менее косную и более приспособленную для общественно-экономического развития систему. В частности, конфуцианство

было воспринято в Японии в недогматической форме. Оно сосуществовало и сегодня продолжает сосуществовать в Японии с синтоизмом и буддизмом, определяя характерные черты межличностных отношений японцев в семье и в обществе и участвуя в формировании национально-го характера японцев.

Вместе с тем автор не согласен с некоторыми положениями работы японского философа.

Похоже, что К. Каратани, признавая существование феодального строя в средневековой Японии, бесосновательно «отказывал» Корею в наличии феодализма в тот же исторический период. В реальности в обеих странах наличествовал феодализм, но скорость вызревания в них предпосылок для перехода к капитализму была разной.

Представляется также, что К. Каратани не избежал идеализации общественной системы Японии периода *сёгуната*. Он пишет о «сообществе воинов и крестьян», в то время как эти классы связывали отношения эксплуататоров и эксплуатируемых. Токугава Иэясу принадлежало высказывание: «Крестьянам нельзя давать жить, и убивать нельзя их»¹⁹. Философ превозносит рынок и одновременно явно третирует государство, хотя именно японское государство на переходе от феодализма к капитализму сыграло главную роль в проведении буржуазных по сути политических и экономических реформ в ходе реставрации Мэйдзи. Так, основа для формирования *дзайбацу* (японских финансово-промышленных групп) была заложена продажей в Японии государственных предприятий частному сектору по закону от ноября 1880 г. Активная промышленная политика государства в Японии в 1950—1970 гг. была сильной стороной японской экономики и служила в тот период фактором её быстрого роста.

Примечания

¹ Каратани Кодзин. Сэкайси но кодзо (Структура мировой истории). Токио, Иванами сётэн. 2010. С. 160.

² Виттфогель Карл Август (1896—1988) — немецко-американский историк и политический философ. В юности увлекался марксизмом. С 1921 г. — член Коммунистической партии Германии. Впоследствии отказался от коммунистических убеждений. В 1934 г. эмигрировал в США, с 1944 г. профессор в Сизтле.

³ Валлерстайн, Иммануил (р.1930) — американский мыслитель, основатель современного мирсистемного анализа, один из лидеров современного радикального обществоведения.

⁴ *Каратани Кодзин*. Указ. соч. С. 160—161.

⁵ Там же. С. 161—162

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 164.

⁸ Там же. С. 165.

⁹ Там же. С. 179.

¹⁰ Очевидно, К. Каратани имеет в виду указание К. Маркса, изложенное в предисловии к «Критике политической экономии»: «В общих чертах азиатский, античный, феодальный и современный буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации» (Прим. авт.)

¹¹ *Каратани Кодзин*. Указ. соч. С. 184.

¹² Там же. С. 184—185.

¹³ Там же. С. 185—186.

¹⁴ Там же. С. 187.

¹⁵ *Тихонов В.М.* История Кореи. Том 1. С древнейших времён до 1876 г. М.: Муравей, 2003. С. 411.

¹⁶ Там же. С. 435.

¹⁷ *Мещеряков А.Н.* Учёный-конфуцианец Нисикава Дзёкэн (1648—1724) о неучах-буддистах // Япония. Ежегодник. М.: АИРО-XXI, 2016. С. 139.

¹⁸ Там же. С. 140.

¹⁹ *Радуль-Затуловский Я.Б.* Конфуцианство и его распространение в Японии. М., 2011. С. 256.

Д.А. Якимова

РАЗНОГЛАСИЯ ВНУТРИ ЯПОНСКИХ ПРАВЯЩИХ КРУГОВ НАКАНУНЕ АННЕКСИИ КОРЕИ

На протяжении трёх последних десятилетий XIX в. Япония стремилась установить контроль над Кореей. После заключения японо-корейского договора о протекторате 17 ноября 1905 г. началось активное продвижение в сторону аннексии. В любой из описываемых периодов истории необходимость захвата Кореи не вызывала сомнений, основной вопрос касался выбора стратегии для осуществления этой цели. Именно это и было причиной разногласий в рядах японских правящих кругов. Стронниками форсированной аннексии были Тэраути Масатакэ, Ямагата Аритомо и милитаристская фракция Будан. Ито Хиробуми и фракция Бундзи выступали за постепенную аннексию Кореи. Выбор стратегии завоевания Кореи осложнялся необходимостью получения поддержки со стороны европейских держав.

Ключевые слова: «Сэйкан рон», договор о протекторате, Будан, Бундзи, аннексия, постепенная аннексия, автономия.

На протяжении трёх последних десятилетий XIX в. Япония стремилась установить контроль над Кореей. Корейский полуостров всегда рассматривался как «кинжал, направленный в сердце Японии». Основной задачей японского правительства было не допустить закрепления влияния западных держав на полуострове. Как написал Хаяси Тадао в

своей статье в июле 1910 г., посвящённой японской выставке в Великобритании, «...если Корею суждено потерять свою независимость, то Япония не сможет видеть её в чьих-либо руках, кроме своих»¹.

В период реставрации Мэйдзи (1868) большую популярность приобрели «дебаты о покорении Кореи» («Сэйкан рон»), главным идеологом которых выступал маршал Сайго Такамори (1827/28—1877). Однако его попытка вторгнуться в Корею в 1873 г. потерпела неудачу, не будучи одобренной руководством страны.

Именно из-за стремления закрепить своё влияние в Корею Япония вступила в войну с Китаем в 1894 г. Что касается войны с Россией 1904—1905 гг., то, по словам Ёсино Макото, «русско-японская война по своей сути была империалистической войной с целью агрессии в отношении Кореи»². Главным её результатом стало установление 17 ноября 1905 г. протектората над Кореей. Однако японское правительство не хотело останавливаться на достигнутом, поэтому следующим этапом на пути закабаления Кореи была аннексия.

По мнению Мацуда Тосихико, продвижение в сторону осуществления аннексии осложнялось не только получением одобрения со стороны великих держав, но и ситуацией внутри японских правящих кругов. По словам Мацуда, «существовали разногласия между японским правительством и Генеральной резиденцией Кореи»³. Как писал в своей книге Окамото Сямпэй, «споры в кругах власти Японии шли не вокруг конечной цели. Желание экспансии Японии на Корейский полуостров разделяли и те, кто требовал немедленной экспедиции в Корею, и те, кто возражал против неё. Следовательно, спор шёл о том, как и когда воплотить эту политику экспансии в Корею»⁴. Несмотря на то что это высказывание относилось к периоду после реставрации Мэйдзи, когда возникли «дебаты об экспансии в Корею», оно полностью характеризует и ситуацию накануне аннексии последней.

Правящие круги Японии разделились на два противоборствующих лагеря. К первому относились представители «милитаристской фракции» (яп. *будан*), ко второму — фракции «просвещённого правления» (яп. *бундзи*). Лидерами милитаристов были маршал Ямагата Аритомо (1838—1922) и военный министр Тэраути Масатакэ (1852—1919). К представителям фракции Бундзи относились, прежде всего, генеральный резидент Кореи Ито Хиробуми (1841—1909), его преемник Сонэ Арасукэ (1849—1910). Премьер-министр Кацура Таро (1848—1913) и министр иностранных дел Комура Дзюнтаро (1855—1911) вначале под-

держивали идеи Ито Хиробуми, однако впоследствии перешли на сторону милитаристов. В корейском вопросе представители группировки Ямагата—Тэраути выступали за немедленную аннексию Кореи, Ито Хиробуми и его соратники были сторонниками постепенной аннексии. Впрочем, представители обоих лагерей рассматривали установление полного господства над Кореей в качестве конечной цели политики Японии. Принципиальное различие во взглядах противоборствующих фракций касалось в основном методов достижения этой цели.

Ито Хиробуми выступал призывал «аннексировать Корею, когда наступит подходящий момент». До этого времени Японии «следует... осуществлять защиту (Кореи) и стремиться к установлению полного контроля»⁵. Тэраути, напротив, стремился немедленно аннексировать Корею, и именно ему принадлежит фраза: «Корейцы должны либо подчиниться власти японцев, либо погибнуть»⁶. Что касается Ито Хиробуми, то он предпочитал управление общественным мнением, нежели вооружённое подавление сопротивления корейского народа. Ито полагал, что главным условием эффективного руководства было обеспечение взаимного согласия, тем более если речь идёт о государстве, в котором проживают различные этнические группы.

Необходимо отметить, что Ито также неоднократно заявлял о своём стремлении к установлению в Корее автономии. В выступлении в июле 1907 г. он раскрыл свои планы на будущее, которые состояли в том, чтобы организовать систему управления в Корее по образцу немецкой Баварии или Вюртемберга и в дальнейшем дать ей статус федеративной земли⁷. По мнению Ито, в отношении Кореи нужно реализовывать курс на «развитие самоуправления»⁸.

Однако уже в апреле 1909 г. во время встречи с премьер-министром Кацура Таро и министром иностранных дел Комура Дзюнтаро Ито Хиробуми «удивительно легко дал согласие на аннексию»⁹. Он утвердил «Первый стратегический документ и план административных мероприятий», предоставленный Кацура и Комура. Однако данный документ гласил, что Япония собирается «аннексировать Корею в подходящее время»¹⁰.

Стоит отметить, что между Комура Дзюнтаро и Кацура Таро были существенные разногласия во мнении относительно времени осуществления аннексии. Кацура считал, что аннексировать Корею следует тогда, когда сами корейцы будут к этому готовы и сами попросят японское правительство помочь стабилизировать обстановку в стране. С дру-

гой стороны, премьер-министр не говорил о том, что ждать этого момента нужно долго. Кацура предлагал аннексировать Корею сразу после заключения русско-японского договора 4 июля 1910 г.¹¹ Что касается Комура Дзюнтаро, он как опытный министр иностранных дел очень опасался критики со стороны западных держав, отчего считал, что не стоит торопиться с аннексией и не поддерживал идею Кацура. Однако, в конце концов, он поменял своё мнение и перешёл на сторону премьер-министра.

Кацура часто консультировался по политическим вопросам с лидером Сэйюкай¹² Хара Такаси (1856—1921). Согласно дневникам последнего, в апреле 1910 г. Кацура поделился с ним информацией, что аннексия Кореи будет осуществлена осенью 1910 г. Сам Хара считал, что чем позже состоится аннексия, тем мягче она пройдёт¹³. По мнению лидера Сэйюкай, главной причиной того, что Кацура так торопился с захватом Кореи, были его личные амбиции и стремление к славе¹⁴. В решении кабинета министров в июле 1909 г. после получения «согласия» Ито сообщалось, что «до того как настанет подходящий момент для осуществления аннексии, следует, используя всю полноту власти государства-протектора, всеми силами стремиться к установлению полного господства»¹⁵. Кроме того, были разработаны основные принципы осуществления захвата Кореи. Аннексия была включена в политику японского правительства в качестве первоочередной задачи. Однако на данном заседании не было определено, как и когда она будет осуществлена.

Стоит отметить, что кабинет министров не одобрил законодательную политику Ито Хиробуми в отношении Кореи, согласно которой местным властям разрешалась законотворческая деятельность и проведение законодательных реформ. В результате, согласно решению кабинета министров, законодательная власть в Корее перешла в руки Японии¹⁶.

Незадолго до своей отставки в 1909 г. Ито «предложил, что в зависимости от трёх факторов — текущей ситуации в Корее, взаимоотношений с западными державами и обстановкой в самой Японии — следует ждать и следить ещё 7—8 лет за тем, как будет развиваться реальная ситуация вокруг аннексии...»¹⁷. Однако замысел Ито Хиробуми не суждено было осуществиться.

После отставки Ито его преемником на посту генерального резидента Кореи стал Сонэ Арасукэ, который продолжал политику постепенной аннексии, начатую Ито Хиробуми, за что его часто называли «преданный интендант»¹⁸.

Разногласие во взглядах между Сонэ Арасукэ и фракцией Ямагата—Тэраути достигло своего апогея к концу 1909 г. Частично это произошло из-за того, что «планы Японии по аннексии Кореи получили международную поддержку»¹⁹. Кроме того, в декабре происходит инцидент с участием прояпонской организации Ильчинхве²⁰. Представители «Общества единого прогресса» отправили премьер-министру Кореи и генеральному резиденту прошение об объединении с Японией якобы от лица корейской нации. Безусловно, в правящих кругах Японии вопрос об аннексии Кореи возник задолго до появления петиции Ильчинхве, однако именно она выявила глубокие разногласия в рядах японских гэнро (Совета старейшин).

Сонэ постарался воспрепятствовать деятельности организации, заявив, что она «должна быть более осмотрительной и не позволять поддаваться на провокации со стороны как японцев, так и корейцев». По мнению генерального резидента, «заявление Ильчинхве об объединении было попыткой спровоцировать ненужный конфликт и внести смятение в народные массы»²¹.

Действительно, Ильчинхве находилась под покровительством японского правительства и не всегда отражала реальное настроение большинства народных масс в Корее. По мнению Ёсино Макото, это была «организация-призрак»²². Действуя согласно распоряжениям со стороны Сонэ Арасукэ и с одобрения премьер-министра Кацура, корейский премьер-министр Ли Ван Ён 8 декабря 1909 г. отклонил петицию Ильчинхве. Однако официально прошение не было отклонено генеральным резидентом, а лишь придержано на некоторое время.

Сонэ Арасукэ очень боялся того, что действия Ильчинхве вызовут негативную реакцию со стороны корейских националистов. Кроме того, он опасался, что данная петиция спровоцирует немедленную аннексию Кореи. Премьер-министр Кацура Таро также был против форсированной аннексии, считая, что должно пройти некоторое время, чтобы сложились необходимые для этого условия. Военный министр Тэраути Масатакэ придерживался диаметрально противоположной точки зрения. Ещё до получения петиции он заявлял: «Я считаю, что единственно верным политическим действием будет принять (петицию), отражающую настоящее положение вещей в Корее»²³. В своём письме к Кацура Тэраути выразил убеждение, что Япония может совсем потерять шанс осуществить аннексию Кореи, и обозначил опасение, что осторожность Сонэ «наоборот приведёт к кровопролитию... и в будущем нам станет

сложнее предпринять какие-либо действия». Под давлением Тэраути Кацура меняет своё мнение. В день своего возвращения в Токио (8 декабря 1909 г.) он отправил телеграмму Сонэ Арасукэ: «...Не важно когда и как они это делают, но если есть корейцы, которые поддерживают политику правительства (Японской) империи, то естественно, что правительство должно поддержать их... Отклонение «петиции Ильчинхве» будет на руку противникам (японо-корейского) объединения, и так как это повредит нашей административной политике, то я хочу, чтобы Вы проследили за тем, чтобы петиция не была отклонена»²⁴.

В ответном послании Сонэ говорилось, что «с одной стороны, можно предположить, что тот факт, что кабинет получил приказ от военного министра в отношении петиции, говорит о том, что он знал об этом заранее. С другой стороны, подобная реакция является чересчур поспешной и не вполне учитывает реальное положение вещей. У меня большие опасения, но Вы можете быть уверены, что я искренне не хочу причинить вред этой стране, поэтому буду абсолютно беспристрастен в данном вопросе»²⁵. Тэраути Масатакэ, в свою очередь, отправил телеграмму Сонэ с просьбой не отклонять петицию Ильчинхве, а просто придержать её.

В нескольких японских газетах появилось высказывание Сонэ Арасукэ, сделанное 14 декабря 1909 г.: «Я не вижу никакой необходимости в настоящее время менять политику Японии в отношении Кореи. Сторонники (японо-корейского) объединения не понимают, что делают, и не заботятся о последствиях... Даже если объединение было бы возможным, мы должны продумать временные рамки и учитывать состояние государства... Отнюдь не просто выбрать, оказать ли поддержку или разрушить, проводить политику дискриминации или объединения в отношении страны с историей, землями и традициями, отличными от наших»²⁶.

Однако Сонэ Арасукэ не удалось добиться своего. Через два дня, 16 декабря, петиция об объединении была принята. Сонэ в письме к своему сыну Ёсикава Кандзи 23 декабря 1909 г. написал следующее: «...Что за необходимость торопиться с объединением? Любой человек когда угодно может осуществить военное объединение, просто сменить табличку на двери... Что плохого в том, чтобы не торопиться и подождать до тех пор, пока придёт время? Корея не похожа на Тайвань. Нам стоит подождать, пока корейский народ осознанно ассимилируется, а затем осуществить объединение»²⁷.

В январе 1910 г. Сонэ был отозван в Японию, где скончался в сентябре этого же года. В марте 1910 г. на совещании Ямагата Аритомо, Кацура Таро и Тэраути Масатакэ подтвердили план аннексии Кореи, а 30 мая 1910 г. Тэраути Масатакэ был официально назначен генеральным резидентом Кореи и по совместительству министром армии, а 3 июня на заседании кабинета министров была принята «Административная политика в отношении Кореи в период после аннексии»²⁸.

Как указывается в подготовленном за год до назначения Тэраути Масатакэ на пост генерального резидента Кореи «Мнении министра иностранных дел Комура», замыслы Тэраути и его окружения заключались в том, чтобы упразднить институт императора Кореи, переселить низложенного монарха в Токио, исключить участие императорской фамилии в управлении государством и «искоренить коварные помыслы корейцев». Кроме того, «возрождение независимости корейского народа» отнюдь не входило в планы нового генерального резидента²⁹.

Немаловажной проблемой, осложнявшей выбор пути по захвату Корейского полуострова, было мнение европейского сообщества. Японская сторона понимала, что должна сначала получить одобрение западных держав прежде, чем начать аннексию Кореи.

Ито Хиробуми и его преемник Сонэ Арасукэ были сторонниками осторожной политики, они стремились к тому, чтобы действия Японии в отношении Кореи не встретили протеста со стороны великих держав. По мнению Ито, чтобы закрепить влияние в Корее, Японии необходимо заручиться поддержкой великих держав. Он сознавал, что в столь сложной международной обстановке, которая сложилась в результате русско-японской войны, усиливать влияние Японии в Корее следует только при сохранении международного сотрудничества³⁰.

После того как кабинет министров Японии принял официальное решение по аннексии в июле 1909 г., следующим шагом было получение одобрения западных держав. Япония заручилась поддержкой Великобритании ещё весной того же года. Официальное согласие с политикой Токио в Корее министр иностранных дел Великобритании Эдуард Грей высказал в телеграмме английскому послу: «Политика Японии направлена на сохранение мира на Востоке... Мир на Востоке и спокойствие Кореи настолько важны для Японии, что она сочла необходимым установить протекторат над Кореей. Однако спокойствие всё же не было достигнуто, и поэтому японское правительство решило.., что Корея должна быть аннексирована». В сентябре 1909 г. Япония получила

согласие США. Президент Тафт намекнул японцам, что «США не собираются мешать Японии пожинать плоды русско-японской войны»³¹. Стоит отметить тот факт, что в августе 1910 г. ещё до провозглашения аннексии текст договора был передан правительству США. Только после получения согласия Америки Япония опубликовала договор об аннексии.

Кроме того, Японии было необходимо заручиться поддержкой России. В результате соглашения от 4 июля 1910 г. Россия вынуждена была пойти на уступки японскому правительству. «Россия и Япония заключают договор: “обмен” Кореи на Монголию»³².

Итак, договор об аннексии был подписан 22 августа 1910 г. Согласно ему, «Корейский император уступал Императору Японии полностью и на вечные времена всю власть по управлению Кореей»³³.

За год до аннексии Кореи происходит инцидент, который породил множество вопросов и споров. 26 октября 1909 г. Ито Хиробуми, уже находясь на должности председателя Тайного совета, прибыл в Харбин, чтобы обсудить планы японской стороны в отношении Кореи на встрече с российским министром финансов В.Н. Коковцевым³⁴. В тот момент, когда Ито подошёл к группе жителей Харбина, приветствующих его, прозвучало шесть выстрелов. Три из них оказались смертельными. Стрелявшим в Ито оказался деятель национально-освободительного движения Ан Чжун Гын (1879—1910).

Впреки ожиданиям убийство Ито не спровоцировало немедленную аннексию Кореи, так как «японское правительство не желало создавать впечатления, что аннексия — акт мести»³⁵. Однако это событие породило множество вопросов. Кто на самом деле стоит за убийством Ито? Знало ли японское правительство о готовящемся покушении? Если знало, то почему не предотвратило его? Ну и наконец: если бы Ан Чжун Гын промахнулся, аннексия Кореи произошла бы по сценарию Ямагато—Тэраути или Ито Хиробуми?

Естественно, после убийства Ито, для корейцев Ан Чжун Гын стал национальным героем. По словам А.Е. Куланова, «для корейцев Ан Чжун Гын — национальный герой, степень почитания которого близка к народной канонизации. Для них Ан Чжун Гын — пожертвовавший жизнью во имя свободы родины патриот»³⁶. Что касается японской стороны, то официальная версия такова: «Террорист Ан, застрелив одного из благороднейших героев Японии Нового времени, спровоцировал очередной виток межнациональной ненависти и обрек свою страну на

колониальный плен»³⁷. Однако настолько ли всё однозначно в этой ситуации? Действительно ли «патриот Ан Чжун Гын» действовал самостоятельно? Как считает А.Е. Куланов, «выводы следователей и историков Японии и Кореи довольно сильно разнятся между собой. Исключение составляет один точно установленный факт: убийца был бойцом подпольной “армии сопротивления” Ыйбён, частично базировавшейся на российской территории»³⁸.

Стоит отметить, что «сотрудники японского посольства вкупе с добровольными шпионами японских тайных обществ во Владивостоке как бы “присматривали” за корейцами, живущими в русском Приморье, вполне разумно подозревая их в организации сопротивления колонизаторам, составляли списки, ведя учет подпольщиков, и тщательно фиксировали до поры до времени их деятельность»³⁹. Напрашивается вывод, что японское правительство должно было быть хорошо осведомлено о готовящемся покушении на Ито Хиробуми, но по какой-то причине не предприняло никаких особых мер. Не было ли это на руку представителям партии Ямагата—Тэраути, жаждущим немедленной аннексии Кореи?

По словам А.Е. Куланова, «несмотря на то, что Ито и Ямагата вместе сражались во время Реставрации Мэйдзи..., со временем их пути всё больше расходились, а политические и человеческие амбиции не давали возможности уступить друг другу лавры славы и тайные нити управления страной. К началу XX века, после десятилетий борьбы, этим политическим гигантам окончательно стало тесно в маленькой Японии»⁴⁰. После отставки с поста генерального резидента Кореи Ито Хиробуми был назначен председателем Тайного совета. Таким образом, Ито всё больше отдаляли от руководства Кореей.

По мнению А.Е. Куланова, «гибель бывшего генерального резидента Ито по большому счету не противоречила планам Ямагата..., но вряд ли в эти планы входила. Достаточно было спровоцировать корейцев и не мешать им. Контроль за подпольем во Владивостоке был организован грамотно — тщательно, но с предоставлением наблюдаемым определенной свободы, и свою задачу оно выполнило»⁴¹. Таким образом, настоящие убийцы Ито Хиробуми так и остались «скрывшимися во мраке»⁴².

Что касается вопроса о том, сложилась бы судьба Кореи иначе, если бы Ан Чжун Гын промахнулся. На взгляд автора, на тот момент судьба Кореи уже была предreshена: одобрение большинства великих держав

было получено, кабинет министров разработал план мероприятий по осуществлению аннексии, даже сам Ито дал согласие на аннексию. К сожалению, вряд ли произошли бы какие-то кардинальные перемены в курсе японского правительства в отношении Кореи даже в случае неудавшегося покушения.

Что касается Ито Хиробуми, то складывается впечатление, что он был ярким защитником независимости Кореи. С другой стороны, по словам И.И. Василевской, «подготовка аннексии составляла основу всей политики японского генерального резидента в Корее Ито Хиробуми в период 1905—1909 г. ... Огромную роль в подготовке аннексии Кореи сыграл первый генеральный резидент Ито Хиробуми, заслуживший ненависть корейского народа. Однако в японской печати Ито всегда выставлялся поборником независимости Кореи»⁴³. На взгляд автора, истина посередине. Ито никогда не сомневался в необходимости захвата Кореи, но при этом был сторонником постепенной аннексии. Он неоднократно заявлял, что аннексировать Корею следует в подходящий момент, когда население будет к этому готово. Ито не был военным человеком, в отличие от Ямагата и Тэраути, поэтому старался больше манипулировать общественным мнением, нежели прибегать к силе.

По словам Ёсино Макото, «если не беспокоиться о международных отношениях и мнении народа, а делать ставку на военную силу, то разногласий в отношении с великими державами не избежать»⁴⁴. По мнению автора, в этом случае неизбежны не только разногласия с великими державами, но и внутри страны. Фракция Ямагата—Тэраути вопреки увещаниям Ито и Сонэ форсировали события в Корее. Можно только предполагать, как бы сложилась история, если бы японское правительство не отошло от заветов Ито Хиробуми и содействовало развитию самоуправления в Корее, а в дальнейшем даровало бы ей автономию. Как отмечает А.Е. Куланов, «сегодня даже часть корейских историков признает... Ито Хиробуми проводил, возможно, единственно правильную на тот момент, относительно мягкую политику по отношению к жителям оккупированного японскими войсками государства»⁴⁵.

В период после окончания Второй мировой войны японский исследователь Такео Судзуки выдвинул идею о том, что корейский народ не был готов к замыслам Ито Хиробуми о просвещении и модернизации Кореи, поэтому они не получили должной поддержки. Политический курс Ито он охарактеризовал как «плохая политика с благими намерениями» (Дзэн и — акусэй)⁴⁶. Тем не менее очевидно, что и политика ми-

литаризма не увенчалась успехом. Именно политический курс Тэраути спровоцировал взрыв национально-освободительного движения корейского народа в марте 1919 г.

Примечания

¹ *Ayako Hotta-Lister*. The Japan-British exhibition of 1910. Gateway to the Island Empire of the East // Meiji Japan series. № 8. Routledge. 2013. P. 85.

² *Yoshino Makoto*. Trend of Research on the Colonization Process of Korea in Japan // The Bulletin of the School of letters. Tokai University. № 94. 2010. P. 26.

³ *Matsuda Toshihiko*. Governance and Policing of Colonial Korea: 1904—1919 // Nichibunken Monograph Series No. 12, International Research Center for Japanese Studies. Kyoto, 2011. P. 30.

⁴ *Сюмпэй О.* Японская олигархия в русско-японской войне 1904—1905 гг. М.:Центрполиграф, 2003.

⁵ 吉野誠, 日本における[韓日合]史の研究, 東海大紀要, № 94, 2010 (*Yoshino Makoto*. Trend of Research on the Colonization Process of Korea in Japan // The Bulletin of the School of letters, Tokai University. № 94. 2010). P. 30.

⁶ *Василевская И.И.* Колониальная политика Японии в Корее накануне аннексии (1904—1910). М.: Наука, 1975. С. 70.

⁷ 吉野誠, 日本における[韓日合]史の研究, 東海大紀要, № 94, 2010 (*Yoshino Makoto*. Op. cit. P. 31).

⁸ *Ibid.* P. 29.

⁹ 吉野誠, 日本における[韓日合]史の研究, 東海大紀要, № 94, 2010 (*Yoshino Makoto*. Op. cit. P. 30).

¹⁰ *Matsuda Toshihiko*. Governance and Policing of Colonial Korea: 1904—1919 // Nichibunken Monograph Series No. 12, International Research Center for Japanese Studies, Kyoto, 2011. P. 30.

¹¹ *Ayako Hotta-Lister*. The Japan-British exhibition of 1910. Gateway to the Island Empire of the East // Meiji Japan series. № 8. Routledge, 2013. P. 81.

¹² Сэйюкай — Риккэн сэйюкай «Друзья конституционного правительства». Основная политическая партия довоенной Японии. Основателем партии был Ито Хиробуми.

¹³ *Ayako Hotta-Lister*. Op. cit. P. 81.

¹⁴ *Ibid.* P. 81.

¹⁵ 吉野誠, 日本における[韓日合]史の研究, 東海大紀要, № 94, 2010 (*Yoshino Makoto*. Op. cit. P. 30).

- ¹⁶ *Matsuda Toshihiko*. Op. cit. P. 30.
- ¹⁷ Ibid. P. 32.
- ¹⁸ Ibid. P. 31.
- ¹⁹ Ibid. P. 32.
- ²⁰ Ильчинхве — «Общество единого прогресса» («Общество единения и прогресса»), созданное в 1904 г. Формально общество выступало за сохранение императорской власти, повышение благосостояния корейского народа и всесторонние реформы, кроме того выдвигало идею объединения с Японией. Про-японская пропаганда Ильчинхве была выгодна Японии, поэтому японское правительство оказывало обществу финансовую поддержку. В 1909 г. направило петицию об объединении с Японией премьер-министру Кореи и генеральному резиденту Кореи. В 1910 г. Ильчинхве было распущено по приказу генерал-губернатора Кореи.
- ²¹ *Matsuda Toshihiko*. Op. cit. P. 32.
- ²² 吉野誠, 日本における[韓 日 合]史の 究, 東海大 紀要, № 94, 2010 (*Yoshino Makoto*. Op. cit. P. 31).
- ²³ *Matsuda Toshihiko*. Op.cit. P. 33.
- ²⁴ Ibid. P. 33.
- ²⁵ Ibid. P. 34.
- ²⁶ Ibid. P. 34.
- ²⁷ Ibid. P. 35.
- ²⁸ 吉野誠, 日本における[韓 日 合]史の 究, 東海大 紀要, № 94, 2010 (*Yoshino Makoto*. Op. cit. P. 32).
- ²⁹ *Yoshino Makoto*. Op. cit. P. 32.
- ³⁰ Ibid. P. 29.
- ³¹ *Василевская И.И.* Указ. соч. С. 59.
- ³² Там же. С. 72.
- ³³ Там же. С. 71.
- ³⁴ *Мещеряков А.Н.* Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис, 2009. С. 602.
- ³⁵ *Василевская И.И.* Указ. соч. С. 68.
- ³⁶ *Куланов А.Е.* Роман Ким. М.: Молодая гвардия, 2016. С. 46.
- ³⁷ Там же. С. 47.
- ³⁸ Там же. С. 47.
- ³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. С. 50.

⁴¹ Там же. С. 51.

⁴² Там же. С. 52.

⁴³ *Василевская И.И.* Указ. соч. С. 67.

⁴⁴ *Yoshino Makoto.* Op. cit. P. 30.

⁴⁵ *Куланов А.Е.* Роман Ким. М.: Молодая гвардия, 2016. С. 53.

⁴⁶ Там же. P. 30.

Л.В. Овчинникова

ЯПОНСКАЯ ПОЛИТИКА ИЗМЕНЕНИЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ КОРЕЙЦЕВ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 30-х — НАЧАЛО 40-Х ГОДОВ XX в.)

Одним из источников изучения колониальной истории Кореи можно считать служебные издания японского генерал-губернаторства. Эти материалы показывают, что во 2-й половине 1930-х — начале 1940-х годов японские колониальные власти проводили политику изменения самоидентификации корейцев, провозгласив идею «слияния Японии и Кореи». Также проводилась мысль, что Корея была для Японии первой пробой методов «руководства народами Азии», своеобразным «испытательным полигоном». Положение Кореи как «передовой базы», как части Японской империи на материке приобрело в указанный период еще большую важность. Населению страны усиленно внушалась мысль японо-корейского единства.

Ключевые слова: самоидентификация корейцев, колониальная Корея, японская администрация, «сфера совместного процветания Азии», «японский дух».

Одним из важных источников изучения колониального периода корейской истории можно считать закрытые издания японского генерал-губернаторства в Корее.

Материалы полиции, суда, прокуратуры, выпущенные в Сеуле на японском языке для узкого круга чиновников японской колониальной администрации и содержащие обширный фактический материал, помогают исследованию ситуации в этой стране, а также методов управления и контроля японских властей. Эти издания показывают, что во 2-й половине 30-х — начале 40-х годов XX в. японские колониальные власти проводили политику изменения самоидентификации корейцев, провозгласив идею «слияния Японии и Кореи». При этом преследовались далеко идущие цели — не только воспитание корейцев в «японском духе», но и создание базы, накопления опыта для того, чтобы эта культура стала источником культуры всего Востока. В создании «сферы совместного процветания великой Азии» именно Корея была призвана сыграть большую роль.

Служебные материалы японского генерал-губернаторства показывают, что во 2-й половине 1930-х годов методы управления колонией стали приобретать новые черты. Усиление милитаризации Японии, захват ею Маньчжурии, подготовка к большой войне в Китае диктовали необходимость дальнейшего превращения Кореи в военно-стратегический плацдарм для продвижения на материк.

Идея о специфическом «духе Ямато», в котором должны ассимилироваться все народы Азии, в том числе и корейский народ, родилась и вынашивалась еще в предыдущий период; оформилась же она уже к середине 1930-х годов. Так, на конференции преподавателей средних школ в сентябре 1934 г. генерал-губернатор Угаки говорил о том важном значении, которое имеет для Японии Корея, и о «блестящем будущем Кореи». Он утверждал, что позиция 20 млн корейцев в поддержку или против Японии как в мирное время, так и в военный период, а также расцвет или упадок этого полуострова, площадь которого почти равна о. Хонсю, оказывает огромное влияние на будущее развитие и процветание Японской империи. Он рассматривал факт слияния Кореи с Японией как первый пример в мировой истории нового времени, когда страна с 20-миллионным населением влилась в другую страну и управляется ею. По его мнению, нет такой страны, которая бы как Корея, народ которой является единой и чистой расой, так совершенно ассимилировалась с другой страной. В доказательство он приводит Индию, управляемую Великобританией: там нет единой нации, и поэтому не может быть и речи об ассимиляции, которая произошла с корейским народом.

Это исключительное положение Кореи поставило Японию, по мнению Угаки, перед величайшим испытанием — доказать всему миру возможность успешного осуществления и полного завершения задачи слияния двух государств. Это жизненно необходимо для чести Японской империи в глазах всего мира, имеет огромное значение для поддержания престижа Японии среди других наций. Отсюда следует, что Японии необходимо постоянно и наиболее полно показывать всему миру те достижения, которые имеет Япония в Корее, для того чтобы дать нациям всего мира пример хорошего управления подданными, вновь присоединенными к Японской империи. Япония чрезвычайно отстаёт в пропаганде своих достижений. Корея показала потрясающий прогресс во всех отношениях благодаря японскому управлению. Если теперь Япония представит эти факты, мир с готовностью признает, что Маньчжурия под руководством Японии сможет стать такой же процветающей страной, как и Корея, что принесет счастье 30-миллионному маньчжурскому народу¹.

Таким образом, при захвате Маньчжурии среди многих других доводов оправдания своих действий Япония приводила в доказательство своей «прогрессивной деятельности», направленной на процветание азиатских народов, быстрое развитие Кореи под японским управлением.

Следующий генерал-губернатор Минами во время своего назначения также говорил, что приложит все силы для стимулирования и развития потенциала народа, роста его благосостояния и развития народного хозяйства и тем самым достижения истинной гармонии Японии и Кореи. Он обещал продолжать прежние мероприятия генерал-губернаторства, при этом подчеркивал необходимость единения Японии—Кореи—Маньчжурии.

В конце 1930-х годов в официальных и общественных кругах стал широко использоваться термин «Корея как передовая база (яп. *хэйтан кити*) на континенте». Эта идея пропагандировалась и в самой Корее; на её претворение в жизнь были направлены все усилия властей. Как указывает японское издание «Корейский ежегодник»² за 1939 г., новый генерал-губернатор Минами, занявший свой пост в 1936 г., принял этот термин как руководящий принцип и на его основе развивал свою политику. Со времени присоединения к Японии было признано чрезвычайно важное значение Кореи как первой линии национальной обороны на материке. До этого её территория непосредственно соприкасалась с тер-

риторией предполагаемого противника, и стратегическое значение Кореи должно было расцениваться очень высоко. Однако с образованием Маньчжоу-го государственные границы отодвинулись к Амуру и ценность Кореи в национальной обороне понизилась. Но одновременно она служила для Японии рынком сбыта товаров и местом для инвестиции капиталов. Считалось также, что Корея должна была «совершенствовать себя» и как рисоводческий район. В новых условиях надо было определить её место в единой экономике Империи. Было принято решение о перестройке корейской экономики с упором на промышленность и одновременно с этим подчеркивалось признание географического и сырьевого значения Кореи в японо-маньчжурском блоке³. Именно признание её важным фактором в этом блоке и привело к формированию термина «передовая база» (*хэйтан кити*).

Впервые этот термин официально употребил генерал-губернатор Минами в мае 1938 г. в Сеуле на конференции Японо-маньчжурского промышленного общества. В 1939 г. в другом своем выступлении он так охарактеризовал миссию Кореи как «континентальной передовой базы»: «При настоящих событиях (война в Китае) наша Корея поставляет для ведения операций против Китая продукты питания, военные материалы и пр. и добилась в этом некоторых успехов... Необходимо сделать многосторонними отрасли народного хозяйства и обратить внимание на создание военной промышленности в Корее... Необходимо пересмотреть положение блока Корея—Маньчжурия—Китай в отношении сырья, рабочей силы, общественного спокойствия, настроения народа, состояния экономики и техники и определить надлежащее место для создания базы снабжения Империи»⁴.

С 1940 г. японская политика изменения самоидентификации корейцев путем слияния Кореи с Японией набирает обороты. Японское издание «30 лет управления Кореей»⁵ приводит слова генерал-губернатора Минами, который во время мероприятий, посвящённых этому событию, говорил об «особом чувстве», с которым администрация встречает эту годовщину: «Со времени начала китайских событий наши соотечественники на полуострове искренне присоединились к патриотическому движению, проникнувшись единым сознанием с народом собственно Японии. Результатом этого было проведение таких мероприятий, как установление системы добровольчества, осуществление реформы народного образования, введение новых фамилий и т. д., в чем наиболее ярко оказалась идея слияния воедино Кореи и собственно Японии. Главным

залогом этого успеха явилось то, что государственные деятели, работавшие в Корее, приложили все усилия к слиянию Кореи и Японии, правильно поняли дух новой политики, направленной на то, чтобы поставить наших новых соотечественников на путь нашего императора, и прониклись сознанием единства судьбы и идей, обусловленного единством культуры и крови. Именно успех политики Ямато и принципа *хакко итиу* (восемь углов под одной крышей), проявившихся в деле управления Кореей, имели решающее значение в создании сотрудничества народов, направленного на возрождение Азии. Именно в этом смысле Корея является базой для распространения «императорского пути» на материке, а также передовой базой Империи в оборонном, экономическом и географическом смыслах. Все должны глубоко осознать эту особенную роль Кореи и ее специфический характер среди других стран Восточной Азии». Японское издание «30 лет управления Кореей» указывает, что «основа политики управления Кореей заключается в стремлении сделать так, чтобы корейский народ проникся идеей государственного строя нашей Империи. Он твёрдо осознал, что является подданным нашего императора и через полное слияние Японии и Кореи прославил “путь императора”»⁶. Идеологи японской колониальной политики ссылались при этом на специфический «дух Ямато», в котором должны ассимилироваться все народы Восточной Азии, и в том числе и корейцы. Они навязывали ему японский язык и культуру, при этом широко пропагандировали благотворительную, освободительную миссию Японии в отношении Кореи. Так, в источниках, в частности, приводится высказывание японского экономиста Судзуки Такэо, что «соотечественники» на континенте никогда не знали колониального или полуколониального господства европейцев или американцев, как это было некогда с Китаем и Таи. Этому в значительной степени помешали японо-китайская и японо-русская войны. В любом случае, «честь Кореи» и слава снова были полностью восстановлены Японией⁷.

Итак, с началом событий в Китае Япония стала быстро продвигаться по пути создания «нового порядка» в Восточной Азии, и положение Кореи, являющейся частью империи на материке, стало иметь очень важное значение. «Непременным условием для выполнения восточной политики Империи, — пишут авторы служебного издания “Обстановка в Корее” за 1941 г., — стало единство и сотрудничество Японии и Кореи в условиях создавшейся обстановки под непоколебимым объединением 24 миллионов корейцев как подданных империи»⁸.

Как указывают авторы издания, со времени аннексии Кореи основной задачей всех генерал-губернаторов было воспитание верноподданных чувств у новых подданных императора. Издание упоминает о начавшем свою деятельность во второй половине 1930-х годов «Движении за мобилизацию народного духа» (яп. *Кокумин сэйсин содоин ундо*:), задачами которого было единение нации, воспитание стойкости и выносливости и подлинный патриотизм. «Движение прежде всего ставило своей целью как можно скорее превратить корейцев в подданных Императора и осуществить окончательное слияние Японии и Кореи в одно целое»⁹. В эту работу были включены и «патриотические группы», другие прояпонские организации. Широко пропагандировался лозунг «Нансэн иттай» («Япония и Корея — единое целое»), девиз «Хакко итиу» («Все углы мира под одной крышей»). По мнению авторов японских служебных изданий, этому должны были способствовать и введенные в 1938 г. система добровольчества в армии и новая система обучения в Корее. Последние также были призваны повысить моральные качества народа, обеспечить должную физическую подготовку, тренировку перенесения трудностей. Отменялось отдельное обучение лиц на японском языке — японцев и корейцев, — они формально получили равные права на образование. С 1939 г. корейцев призывали сменить имена и фамилии на японский лад.

Во второй половине 1930-х годов в период подготовки Японии к «большой войне» пропаганда создания «сферы совместного процветания великой Восточной Азии» набрала самый широкий размах. Целью было создание так называемого нового порядка в Восточной Азии, первым принципом которого была идея *хакко итиу* как поглощение Японией народов Восточной Азии.

В рассматриваемых изданиях генерал-губернаторства проводится мысль, что Корея была для Японии первой пробой методов «руководства народами Азии», своеобразным «испытательным полигоном», что позволило бы ответить на вопрос, как культивировать, насаждать там японские нравы, этику, нормы жизни, воспитывать верноподданные чувства, как использовать литературу, искусство, все сферы духовной жизни для «внедрения японского духа». При этом цели преследовались далеко идущие — не только воспитание корейцев в «японском духе», но и создание базы, накопления опыта для того, чтобы эта культура стала источником культуры всего Востока. В публикациях говорится, что, как известно, долгое время японская культура фактически испыты-

вала влияние культуры Китая и Индии. Некогда именно Корея играла большую роль как проводник их идей культурного воздействия на Японию. Теперь же, наоборот, японская культура должна распространиться на Запад как новый «светоч Востока». И Корея должна снова выступить в качестве проводника — это является, как пишут японские авторы, «блестящим повторением истории». Но это не простое повторение истории. Современный Восток уже не прежний Восток, отделенный от Запада непроходимой стеной.

В управлении Кореей Япония ранее не имела опыта; протекторат и присоединение к Империи были «пробным камнем» её политических способностей в возрождении азиатских народов. Как указывают японские служебные издания, в данный период, когда Япония вместе с Европой строит новый мировой порядок, Корея должна мобилизовать все материальные и духовные силы и принять участие в тотальной войне.

Итак, Корея занимала особое положение среди других колоний Японии. Значение Кореи как «передовой базы», как части японской империи на материке приобрело в указанный период еще большую важность. Являясь базой для распространения «императорского пути», она имела специфический характер среди других азиатских народов и играла особую миссию в создании «сферы совместного процветания Восточной Азии».

Целью японской колониальной политики в этот период было внедрение в общественное сознание корейцев идеи величия Японии, необходимости всячески содействовать её победе. Усиленно внушалась мысль японо-корейского единства. Лозунг «Корея и Япония — одно целое, одна семья» был призван ослабить нарастающий протест корейцев, стать бальзамом для их больного национального самолюбия. Колониальные власти проводили политику изменения самоидентификации корейцев, они стремились подавить национальное самосознание корейского народа, старательно добивались того, чтобы им овладело безразличие к судьбе своей нации, к своей государственности и национальной культуре. При этом идеологи японской колониальной политики широко пропагандировали «благодетельную» и «освободительную» миссию Японии в отношении Кореи.

Примечания

- ¹ Материалы семейного архива Ф.И. Шабшиной.
- ² Корейский ежегодник. Сеул, 1939. С. 72.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же.
- ⁵ 30 лет Управления в Корее. Сеул, 1940.
- ⁶ Там же. С. 827.
- ⁷ Материалы семейного архива Ф.И. Шабшиной.
- ⁸ Обстановка в Корее. Сеул, 1941. С. 272.
- ⁹ Там же.

Р.Н. Лобов

ПРОЦЕСС НОРМАЛИЗАЦИИ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РК И ЯПОНИЕЙ В 1960—1965 гг.: ФАКТОРЫ, ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ, РЕЗУЛЬТАТЫ

Период 1960—1965 гг., в сущности, является завершающим этапом переговорного процесса по нормализации двусторонних отношений, длившегося (с значительными перерывами) с 1951 г. Именно на этом этапе происходит форсированная нормализация взаимоотношений между Сеулом и Токио, увенчавшаяся подписанием 22 июня 1965 г. Договора об основах отношений между Республикой Корея и Японией, заложившего фундамент политического и экономического взаимодействия двух стран в послевоенный период. Существенно осложняло ситуацию в первое десятилетие после провозглашения РК формирование «молодой нации» как политического конструкта, сопровождавшееся всплеском националистических настроений.

Ключевые слова: Республика Корея, Япония, внешняя политика, переговоры по нормализации двусторонних отношений.

Процесс нормализации двусторонних отношений между Сеулом и Токио был начат в октябре 1951 г., когда при посредничестве американской дипломатии стартовал предварительный этап корейско-японских переговоров, продлившихся с перерывами до 1965 г. Наиболее продук-

тивный этап процесса урегулирования взаимоотношений начинается после событий 1960 г., связанных со сменой власти в Республике Корея. Уже правительство Юн Бо Суна — Чан Мёна демонстрировало готовность к диалогу с Токио, что выглядело игрой на контрастах по сравнению с политическими предшественниками Второй Республики, которые, при всей сложности внутри- и внешнеполитической конъюнктуры, не спешили к урегулированию двусторонних отношений, не были готовы к определенному компромиссу и рассматривали диалог с Токио в логике «исторической ответственности».

Вместе с тем фундамент для дальнейшей активизации японо-южнокорейского диалога, с поправкой на многие нюансы, был заложен в 1950-е годы. Кроме того, необходимо учитывать то обстоятельство, что серьезные сдвиги в японской политике Сеула были обеспечены комбинацией как внутренних, так и внешних факторов, стимулировавших успех переговорного процесса.

Международно-политические условия процесса нормализации двусторонних отношений

Среди предпосылок данного рода следует выделить две группы: предпосылки глобального, общемирового характера и предпосылки, относящиеся к трендам, сложившимся в данный период времени в восточноазиатской подсистеме международных отношений.

С одной стороны, международные процессы, протекавшие на рубеже 1950-х — 1960-х годов, характеризуются усилением блокового противостояния между СССР и США, что неизбежно сказывалось и на тех процессах, которые имели место в Восточной Азии. Если в глобальном контексте пиком блокового противостояния стал Карибский кризис (1962), то в региональном — второй Тайваньский кризис 1958 г., едва не приведший к войне между КНР и США.

С другой стороны, если для СССР в указанный период времени первостепенным являлось европейское направление его внешней политики, то США как глобальная держава, напротив, были куда более серьезно вовлечены в восточноазиатскую повестку дня. *Во-первых*, в Вашингтоне не оставляли попыток формирования тройственного альянса Вашингтон—Сеул—Токио, важным звеном которого, по расчетам американских стратегов, должно было стать южнокорейско-японское взаи-

модействие. В реальности же военно-политическое сотрудничество США с ключевыми стратегическими союзниками в данный период происходило по линии Вашингтон—Токио и Вашингтон—Сеул, причем Япония оставалась ведущим военно-политическим партнером США. *Во-вторых*, важной задачей политики США и их союзников в регионе оставалось противодействие продвижению «коммунистической угрозы» в странах Восточной Азии. В этом смысле регион изобилует «болевыми точками», которые либо будут урегулированы позднее, либо останутся достоянием международной и региональной политики, важнейшими среди которых являлись ситуация во Вьетнаме, на Тайване и Корейском полуострове.

Важную роль в регионе играла и Япония, которая в период нахождения у власти кабинета Киси Нобусукэ (1958—1960) переходит к политике «возвращения в Азию» и урегулирования проблем во взаимоотношениях Токио с государствами Юго-Восточной Азии. Вместе с тем, не в последнюю очередь благодаря активным действиям премьер-министра Н. Киси, в 1957 г. происходит восстановление переговорного процесса между РК и Японией. Кроме того, с конца 1950-х годов начинается постепенное проникновение японских компаний на южнокорейский рынок. Вообще говоря, интерес к Корее в Японии был вызван особенностями экономического развития последней: растущей японской экономике требовались источники сырья и рынки сбыта. Впоследствии Япония станет важным внешнеторговым партнером Республики Корея и главным источником инвестиций и технологий.

Внутриполитические предпосылки нормализации отношений

Главным препятствием на пути урегулирования японо-южнокорейских отношений на протяжении всего переговорного процесса было восприятие Японии сквозь призму крайне негативного отношения к японской колониальной политике, едва не увенчавшейся ликвидацией корейцев как самостоятельной этнической группы. Антияпонский консенсус был настолько силен в южнокорейском обществе того времени (и к настоящему моменту ситуация если и улучшилась, то ненамного), что любое заявление японской стороны, рассматривающее период колониального правления со сколько-нибудь положительной стороны, автома-

тически вызывало как минимум серьезное возмущение. Напомним, что именно реакция на речь Кубота Канитиро, высокопоставленного дипломата и одного из представителей на переговорах между РК и Японией, где прямым текстом говорилось о том, что колониальный период был благоприятным для Кореи, фактически поставила крест на переговорном процессе, реанимированном лишь через несколько лет. Кроме того, в 1964—1965 гг. в РК развернулось движение, направленное против переговорного процесса между РК и Японией (кор. *한일협상반대운동*), вызванное во многом «неоправданными» уступками южнокорейской стороны (речь, в частности, о договоренностях между руководителем ЦРУ РК Ким Чон Пхилем и министром иностранных дел Японии Охира Масаёси, предусматривавших значительное снижение финансовых претензий со стороны РК).

Важную роль в активизации переговорного процесса между РК и Японией сыграли и события, приведшие к смене власти в этой стране. Фактически в начале 1960-х годов происходит смена поколений политических элит. Если в 1950-е годы первую скрипку в системе принятия политических решений играли, главным образом, представители национального движения и их приближенные (не секрет, что последнее слово при выработке и принятии важных внешнеполитических решений оставалось за Ли Сын Маном, имевшим богатый послужной список в качестве ветерана антияпонского движения), то в апреле 1960 г. у власти оказываются политические фигуры с принципиально другим опытом и с несколько иным восприятием мира, сформировавшиеся в колониальный период. Уже правительство Чан Мёна, премьер-министра РК в 1960—1961 гг., выступало за развитие взаимоотношений с Японией. Иное дело, что по причине внутривнутриполитической нестабильности в Южной Корее, а также определенной политической инерции важные прощальные решения, обеспечившие подписание Договора об основах отношений между РК и Японией, будут приняты другой группой политических лидеров, которые и придут к власти в мае 1961 г.

Пак Чжон Хи и его окружение (в частности, Ким Чон Пхиль, Чон Иль Хён и др.) по-своему воспринимали внешнеполитические приоритеты Республики Корея, во многом соотнося их с потребностями внутреннего развития, задачами социально-экономической модернизации. В связи с этим Япония воспринималась как источник инвестиций и технологий, крайне необходимых Южной Корее на данном этапе развития. Вместе с тем Пак Чжон Хи, очевидно, понимая, что излишняя актив-

ность на японском направлении может привести к его свержению, старался выдерживать баланс между стремлением обеспечить важный прорыв на дипломатическом направлении и необходимостью обеспечить себе общественную поддержку, легитимизировать собственный статус в южнокорейской политике.

Активизация переговорного процесса в 1960—1965 гг.

После падения режима Первой Республики происходит активизация политического диалога между Сеулом и Токио. 6 сентября 1960 г. в Сеул наносит визит министр иностранных дел Японии Косака Дзентаро. Достаточно сказать, что это был первый с 1945 г. визит в РК официального лица подобного уровня¹. Важно, что в Сеуле, впервые за многие годы, проявился настрой к нормализации двусторонних отношений, несмотря на определенное противодействие со стороны оппозиции.

Переговорный процесс между РК и Японией, прерванный свержением режима Первой Республики 19 апреля 1960 г., был возобновлен 25 октября 1960 г., причем с октября по декабрь 1960 г. происходило согласование повестки дня и переговорных позиций двух стран². Технически период с октября по декабрь 1960 г. был этапом предварительных консультаций. Соответственно, пятый раунд переговоров между РК и Японией начался в январе 1961 г. и продлился до мая, причем переговоры были прерваны из-за переворота в Южной Корее. Каких-либо значимых результатов на данном этапе достигнуто не было, хотя обе стороны были настроены на продолжение диалога, выражая надежду на урегулирование двусторонних отношений на принципах взаимной выгоды. Вместе с тем повестка переговоров включала в себя и территориальные вопросы (проблема «линии Ли Сын Мана»), и проблемы обоюдных прав и притязаний на собственность и т. д., которые неизбежно приводили к оживленным дискуссиям. По всей вероятности, подобно четвертому раунду переговоров, пятый раунд от политического скандала уберег лишь очередной политический кризис в стране.

После переворота 16 мая 1961 г., впрочем, переговорный процесс продолжился с новой силой. В октябре 1961 г. начался шестой раунд переговоров, проходивший в течение трех лет. Переговоры были приостановлены в марте 1964 г. из-за массовых демонстраций в Республике Корея.

Очередная смена власти в Республике Корея, имевшая место в мае 1961 г., однако, лишь укрепила намерения южнокорейской стороны установить дипломатические отношения с Токио. Линия, заданная политическими предшественниками Пак Чжон Хи — правительством Чан Мёна—Юн Бо Суна, — была продолжена и доведена до логического завершения. Важно отметить, что во главу угла в данном случае изначально ставились торгово-экономические отношения, причем в их развитии были заинтересованы и в Сеуле и в Токио.

Одновременно с процессом нормализации двусторонних отношений в обозначенный период имела место и активизация визитов и встреч высокопоставленных лиц Южной Кореи и Японии. В частности, в марте 1962 г. состоялась встреча министров иностранных дел РК и Японии Чхве Док Сина и Косака Дзентаро. Неоднократно посещал Японию и Ким Чжон Пхиль — правая рука Пак Чжон Хи, директор ЦРУ Кореи³. В ноябре 1962 г. Ким Чжон Пхиль и министр иностранных дел Охира Масаёси достигли соглашения. Согласно ему общая сумма денежных выплат, которая будет предоставлена Японией в случае установления дипломатических отношений, составит 800 млн долл.⁴ Дело в том, что в начале 1950-х годов южнокорейская сторона предъявила Японии иск на 8 млрд долл. в качестве компенсации за эксплуатацию людских и материальных ресурсов в Корее и 2,8 млрд долл. в качестве компенсации за принудительный труд корейских рабочих на шахтах и рудниках, расположенных в Японии⁵. Интересно, что сумма предъявляемых требований год от года сокращалась: так, например, правительство Чан Мёна запрашивало в качестве компенсации 1,2 млрд долл.⁶ У Ким Чжон Пхиль же, впрочем, было поручение от Пак Чжон Хи: всеми правдами и неправдами выторговать компенсацию на сумму от 600 млн до 800 млн долл., что и было в конечном итоге сделано. Кроме того, Меморандум Ким—Охира фактически закрыл вопрос об обоюдных правах и притязаниях на собственность, осложнявший двусторонний диалог. Впрочем, аналогичные попытки решить не менее важный и острый вопрос, касающийся проблем рыболовства в спорной зоне, в декабре 1962 г. потерпели неудачу.

В январе 1963 г. Меморандум Ким—Охира был обнародован, что спровоцировало политический кризис в Республике Корея и последовавший за этим уход Ким Чжон Пхиль «в тень». Это, конечно, вызвало временный спад интенсивности в двустороннем диалоге, добавив в итоге азарта и южнокорейской и японской сторонам.

В марте 1964 г. Ким и Охира публично заявили о том, что предварительный проект договора между РК и Японией подготовлен, а дополнительные вопросы, не охваченные договором, будут разрешены в самое ближайшее время. Эти заявления вновь вызвали общественное недовольство в Республике Корея, проявившее себя в массовых демонстрациях, прошедших в крупных городах Южной Кореи с марта по июнь 1964 г.⁷ В этих условиях переговоры между РК и Японией были прерваны до декабря 1964 г.

Заключительный, седьмой, этап двусторонних переговоров был начат 3 декабря 1964 г. и продолжался до 20 февраля 1965 г. К этому времени сторонами был подготовлен и согласован проект договора между РК и Японией. В дальнейшем к 3 апреля 1965 г. были подготовлены соглашения по вопросам правового статуса корейцев в Японии, экономическим и финансовым вопросам, а также демаркации особых и совместных зон рыболовства⁸.

В конечном итоге Договор об основах отношений между Республикой Корея и Японией был подписан 22 июня 1965 г. в Токио представителями РК (Ли Дон Вон, Ким Дон Чжо) и Японии (Сиина Эцусабуру, Такасуги Синъити). Этим была поставлена точка в переговорном процессе между Сеулом и Токио, продолжавшемся с перерывами без малого 14 лет, и начата новая страница в истории японо-южнокорейских отношений.

Предварительные итоги

Взаимоотношения между Республикой Корея и Японией на современном этапе характеризуются необычным по нынешним меркам сочетанием довольно тесного экономического сотрудничества, интенсивных обменов в сфере культуры и даже сложившегося взаимодействия между военными ведомствами двух стран, с одной стороны, и разобщенности на почве вопросов исторического прошлого — с другой. Обращаясь к хроникам полувековой давности, автора не покидает чувство «дежа вю»: все тезисы высказаны неоднократно с обеих сторон, аргументация практически не изменилась, хотя и появились новые, вполне колоритные проблемы, в частности проблема «женщин для утешения» (кор. 위안부), обозначившаяся сравнительно недавно. Действительно, проблемы восприятия исторического прошлого, неизбежно влияющие

на восприятие окружающего мира и в наши дни, поначалу оказались во главе угла в корейско-японских отношениях. Тем не менее политическая практика показывает, что спекуляции на «исторических спорах», в конечном итоге, играют деструктивную роль в процессе двустороннего диалога.

Вместе с тем в начале 1960-х годов дипломатам и политикам с обеих сторон удалось если не преодолеть упомянутые разногласия, то хотя бы отодвинуть оные на задний план, дав фору тем вопросам, которые за столом переговоров было возможно решить, лишь прибегая к компромиссным вариантам. Конечно, в итоге ряд проблем был вынесен за скобки, ибо форсирование процесса двусторонних переговоров было во многом данью времени и текущего политического момента. В частности, спор по поводу принадлежности островов Токто (Такэсима) в сложившейся ситуации было проще «убрать под сукно», что и было сделано: южнокорейская сторона спор не признает изначально, Япония же не может отказаться от своих претензий по сугубо внутривнутриполитическим причинам. Аналогично — к вопросу о возврате культурных ценностей, вывезенных в годы колониального правления. Южнокорейской стороной был передан солидный список на несколько десятков тысяч произведений искусства, хранящихся в государственных и частных собраниях Японии, но на сегодняшний день возвращена лишь малая часть вывезенных артефактов.

В тексте Договора об основах отношений между РК и Японией и японская, и южнокорейская сторона могут допускать двойные толкования. Наиболее известный и характерный пример — ст. 3, которая указывает на то, что «в соответствии с резолюцией № 195, единственным законным на Корейском полуострове признается правительство Корейской Республики»⁹. Дело в том, что южнокорейская сторона использует это положение в качестве обоснования легитимности собственных притязаний на всю территорию Корейского полуострова, а также, на том же основании, ставит под сомнение правомерность контактов Японии с КНДР. В свою очередь, с японской стороны указывают лишь на факт признания легитимности Республики Корея в конкретный момент времени.

Как бы то ни было, основа современных южнокорейско-японских отношений была во многом заложена переговорным процессом 1951—1965 гг., и в особенности его последними шестью годами.

Примечания

- ¹ *Chong-sik, Lee*. Japan and Korea: the political dimension. Stanford, 1985. P.46
- ² 제5차 한·일회담 예비회담 (1960.10.25—61.5.15). 한일협정문서: 공개와 과정. URL: http://www.donga.com/news/d_story/politics/K_J_agreement65/data.html
- ³ *Byung Kook Kim, Ezra F. Vogel*. The Park Chung-Hee Era: The Transformation of South Korea. Harvard University Press, 2011. P. 444.
- ⁴ *Tae-Ryong Yoon*. Learning to cooperate not to cooperate. Bargaining for the 1965 Korea — Japan normalization. Asian Perspective. Vol. 32, No. 2 (2008). P.29.
- ⁵ *Шунаев В.И.* Япония и Южная Корея («помощь развитию» и ее последствия). М.: ГРВЛ, 1981. С. 256.
- ⁶ *Byung Kook Kim, Ezra F. Vogel*. The Park Chung-Hee Era: The Transformation of South Korea. P. 446.
- ⁷ *Victor D. Cha*. Bridging the Gap: The Strategic Context of the 1965 Korea — Japan Normalization Treaty. Korean Studies. Vol. 20. P.134.
- ⁸ Ibid. P. 135.
- ⁹ Договор об основах отношений между Республикой Корея и Японией. Цит. по.: *Шунаев В.И.* Япония и Южная Корея («помощь развитию» и ее последствия)... Указ. соч.

Глава 4

НЕЗАБЫТАЯ ИСТОРИЯ

С.О. Курбанов

ИНТЕРВЬЮ 1904—1905 гг. ЛИ БОМ ЧЖИНА (1853—1911): НОВЫЕ ФАКТЫ И МАТЕРИАЛЫ*

Статья представляет читателю прежде специально не изучавшиеся интервью чрезвычайного посланника и полномочного министра Корейской империи Ли Бом Чжина, которые дипломат давал «Петербургской газете» в годы Русско-японской войны (1904—1905). Интервью также дает возможность познакомиться с отношением Ли к Русско-японской войне, к участию (роли) в ней Кореи, которую дипломат мыслил исключительно как нейтральное государство. В годы войны Ли Бом Чжин надеялся на победу России, или хотя бы на то, что Россия поможет Корее отстоять свою независимость.

Ключевые слова: Ли Бом Чжин, «Петербургская газета», интервью, Русско-японская война 1904—1905 гг., корейская дипломатическая миссия, нейтралитет Кореи, победа России; закрытие миссии.

* Работа выполнена при спонсорской поддержке Министерства образования РК и Академии корееведения (AKS-2016-OLU-2250002).

This work was supported by the Core University Program for Korean Studies through the Ministry of Education of the Republic of Korea and the Korean Studies Promotion Service of the Academy of Korean Studies (AKS-2016-OLU-2250002).

Введение. О доступной информации о Ли Бом Чжине

В конце второго десятилетия XXI в. отношения между Российской Федерацией и Республикой Корея переживают новый этап реструктуризации. Не будет ошибкой утверждать, что история отношений между двумя государствами начинается не в 1990 г.¹, со времени подписания совместного коммюнике между СССР и Республикой Корея, а намного раньше, с начала *активных* контактов между представителями двух стран в 1860-е годы и подписания Договора между Россией и Кореей о дружбе и торговле в 1884 г.

История российско-корейских отношений конца XIX — начала XX в. описана достаточно подробно². Жизни и деятельности ряда российских дипломатов, в частности К.И. Вебера, посвящены целые монографии³.

В начале 2000-х годов особое внимание научной общественности стала привлекать фигура первого постоянно проживавшего в России корейского чрезвычайного посланника и полномочного министра при дворе императора Николая II — Ли Бом Чжина (1853—1911)⁴. В 2002 г. был опубликован сборник статей, посвященный этому дипломату⁵. С открытием в 2006 г. в Санкт-Петербурге Генерального консульства Республики Корея внимание к жизни и деятельности первого корейского посланника в России стало еще более заметным. Тем не менее, несмотря на активные поиски новых материалов, к 2017 г. в сравнении с достижениями начала 2000-х годов ничего принципиально важного открыть не удалось, за исключением записей Особого отдела полиции Российской империи, обнаруженных Б.Б. Пак в московском Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), в которых содержатся донесения по результатам слежки за сотрудниками корейской дипломатической миссии в 1904 г.

Что касается российских газет, издававшихся в начале XX в., то подавляющее большинство из них проявило интерес к фигуре «корейского принца» — так называли Ли Бом Чжина в Петербурге в 1900-е годы — только после его трагического самоубийства 13 (26) января 1911 г. До времени начала Русско-японской войны 1904—1905 гг. некоторые скудные газетные заметки, где упоминалось имя корейского дипломата, появлялись на страницах таких официальных изданий, как «Правительственный вестник». Поэтому, очевидно, вплоть до последнего времени российские исследователи не предпринимали попыток обратиться к

русской периодике 1900-х годов для поиска материалов о жизни и деятельности Ли Бом Чжина в России.

Автор настоящей статьи, учитывая особое внимание к Корее, которое проявляла российская пресса в годы Русско-японской войны, решил тщательно перепроверить самые популярные российские газеты того времени в надежде обнаружить новый материал. В сферу поиска попали газеты «Слово», «Всеобщая газета», «Новое время», «Санкт-Петербургские ведомости», «Петербургский листок» и др. Однако все из просмотренных, за исключением одной, несмотря на то что с той или иной степенью подробности описывали ситуацию на Корейском полуострове, ни разу не обратились к описанию жизни Ли Бом Чжина.

Единственной столичной газетой, у которой были тесные отношения с корейским посланником, оказалась «Петербургская газета», которая на протяжении всего периода Русско-японской войны около 10 раз публиковала различные интервью с корейским дипломатом, авторами которых значились корреспонденты, подписывавшиеся как «Гр.», «Spectator», «Паспарту», «Р.». Более всего о Ли Бом Чжине писал «Spectator».

Интервью Ли Бом Чжина, напечатанные в «Петербургской газете», представляют крайне важную и не встречавшуюся ранее информацию о корейском дипломате, затрагивающую следующие вопросы:

- позиция корейской дипломатической миссии по вопросу Русско-японской войны;
- отношение Кореи к России и Японии;
- описание местоположения и интервьюеров корейской дипломатической миссии в Петербурге;
- описание особенностей проживания корейского дипломата на его даче в Новой Деревне; указание на время переезда в Новую Деревню;
- черты характера корейского дипломата;
- новое изображение Ли Бом Чжина (портретный рисунок);
- сын Ли Бом Чжина Ли Ви Чжон и его позиция по ситуации в Корее;
- жизнь корейской диаспоры в Санкт-Петербурге.

Последний из указанных аспектов интервью Ли Бом Чжина крайне важен, поскольку может послужить толчком для начала изучения истории проживания корейской диаспоры в Петербурге и других круп-

ных городах европейской части России (так, в 1911 г. на похороны Ли Бом Чжина прибыли представители корейской диаспоры из Москвы и Твери)⁶.

Однако обратимся к основной теме нашей статьи — представлению конкретной информации о Ли Бом Чжине, которую мы можем почерпнуть из публикаций «Петербургской газеты» 1904—1905 гг.

Интервью Ли Бом Чжина «Петербургской газете» 1904—1905 гг.

Внимание к персоне корейского дипломата в редакции «Петербургской газеты» возникло сразу после начала Русско-японской войны. Ниже приводится краткое содержание и анализ всех текстов интервью, обнаруженных автором настоящей статьи⁷.

«Петербургская газета», № 28, четверг, 29 января 1904 г. «Беседа с корейским посланником».

Основная часть интервью посвящена описанию способов телеграфного сообщения корейской миссии с Сеулом, а также позиции Кореи в Русско-японской войне. Также интервью приводит подробности из прежней жизни корейского дипломата в Сеуле:

- В прежние годы Ли Бом Чжин занимал пост начальника придворной охраны в Сеуле.
- Экстренная дипломатическая переписка между С.-Петербургом и Сеулом вплоть до начала Русско-японской войны велась с помощью зашифрованных телеграмм, которые отправлялись и получались не напрямую, а через Японию.
- Согласно информации корейского правительства, в Русско-японской войне Корея намеревалась придерживаться нейтралитета.

«Петербургская газета», № 35, четверг, 5 февраля 1904 г. «Что думают корейцы?»

1. Основная часть интервью посвящена вопросу корейского нейтралитета в Русско-японской войне, в связи с чем Ли Бом Чжин делает ряд весьма любопытных замечаний:

- Корея не оказала сопротивления японскому вторжению в её пределы, так как если бы она это сделала, то японцы взяли бы за оружие, что могло угрожать императору.

- Корейцы предпочли не братья за оружие (т. е. не сопротивляться японцам), так как Корея — нейтральное государство.
2. Также в интервью говорится об участии России в судьбе Кореи:
- Ли Бом Чжин ожидал, что «скоро» Россия придет в Корею и прогонит японцев.
 - Согласно Ли Бом Чжину, «можно ожидать» русско-японских сражений в Корее, которые и «решат исход войны».

Последнее утверждение корейского дипломата оказалось провидческим. Уже в середине февраля недалеко от Пхеньяна произошло первое столкновение между русским вооруженным отрядом и японскими войсками.

Ожидание помощи со стороны России указывает на одну любопытную особенность позиции корейцев в вопросе независимости их страны, которая оказалась «трендообразующей»⁸ в корейской истории XX в.: опора не на внутреннее сопротивление внешней агрессии, а ожидание помощи извне (США, Китай, СССР и т. п.).

«Петербургская газета», № 41, среда, 11 февраля 1904 г. «Странная роль Кореи».

В настоящем интервью корреспондент, подписывавшийся псевдонимом «Р.», поинтересовался у Ли Бом Чжина насчет усиления японского контроля над Кореей и того, почему корейские власти не выразят международному сообществу свой протест по поводу действий Японии. В ответ на вопросы Ли Бом Чжин сообщил следующее:

Корея допустила на свою территорию японские войска потому, что её 30-тысячная армия слишком слаба. Но японцы «ведут себя сдержанно», и «пока пребывание японцев в Корее не причиняет никакого вреда ни императору, ни его стране». Поэтому каких-либо особых действий Корея предпринимать не будет, «Корея была и останется простой зрительницей происходящих военных действий», хотя «японцы ни в коем случае не могут рассчитывать на её поддержку».

О возможности ввода американских войск в город Ыйчжу, в котором располагалась американская золотопромышленная компания, Ли Бом Чжин высказалась отрицательно.

Искренне надеясь на победу России в войне, Ли Бом Чжин также совершенно справедливо предсказал то, что основные военные действия с Японией начнутся только в июне—июле, когда Россия стянет в Маньчжурию достаточное количество войск.

Таким образом, в своем интервью Ли Бом Чжин совершенно ясно высказал пассивную позицию корейских властей по отношению к японской оккупации и надежду на то, что именно Россия поможет Корею полностью восстановить свою независимость.

«Петербургская газета», № 45, воскресенье, 15 февраля 1904 г. «Как живут в Петербурге корейцы?»

Настоящая заметка не совсем интервью, а скорее — описание того впечатления, которое произвел на корреспондента «Петербургской газеты» корейский посланник, а также описание внутреннего устройства корейской дипломатической миссии.

Также заметка уникальна тем, что представляет читателю *редкий рисунок* дипломата, очевидно выполненный одним из сотрудников газеты во время посещения миссии. На рисунке Ли Бом Чжин, с усами и бородкой, изображен сидящим в европейском костюме с галстуком-бабочкой, правая нога перекинута через левую. На заднем плане — фортепиано.

Итак, каким же увидели Ли Бом Чжина петербуржцы?

1. Социальное положение.

- Представитель аристократической фамилии. Чрезвычайный министр корейского императора.

2. Уровень образования, вероисповедание, владение языками.

- Один из самых образованных корейцев у себя на родине.
- Не буддист, придерживается конфуцианства.
- Владеет корейским, японским, китайским языками. Может изъясняться на английском (долгое время жил в Англии) и французском. Во время официальных встреч пользуется услугами переводчика, молодого корейца.

3. Адаптация к российским условиям.

- «Успел обзавестись в Петербурге довольно большим знакомством и снискать общие симпатии». Описание одежды, которую носил посланник, также свидетельствует о его прекрасной адаптации к условиям проживания в России.

4. Одежда.

- В большинстве случаев г. Чинг-Помм-И [Ли Бом Чжин] неукоснительно носит европейское платье. Одевается он вообще очень скромно. Зимой его можно видеть одетым в обыкновенное барашковое пальто, летом — в мягкой черной шляпе и ле-

гоньком “ульстере”». Национальную корейскую одежду практически никогда не надевает.

5. Описание интерьера миссии.

- «Всего года три, как корейское посольство обзавелось собственной квартирой, до этого же времени посланник и его секретари принуждены были жить в Северной гостинице, где занимали, все вместе, два номера.

Нынче корейское посольство помещается в одном из домов Пантелеимоновской улицы и занимает довольно большую и сравнительно недурно обставленную квартиру.

Направо от гостиной помещается канцелярия посольства, в которой работает барышня, переписывая на пишущей машине бумаги. На лево — приемная, небольшая комната, уставленная книжными шкафами.

Здесь посланник беседует с посетителями, приглашая их сесть к стоящему до середины комнаты столу.

Вероятно, в силу установленного этикета, г. Чинг-Помм-И усаживает своих гостей на маленькие стулья, сам же садится в большое кресло с высокой спинкой, напоминающее трон».

В описании миссии особое внимание привлекает фигура «барышни, переписывающей на пишущей машине бумаги». Очевидно, в корейской миссии было немало документации. Скорее всего, она была уничтожена Ли Бом Чжином накануне его самоубийства 13 (26) января 1911 г.

6. О времени пребывания Ли Бом Чжина в Санкт-Петербурге.

- Любопытно отметить, что корреспондент «Петербургской газеты» пишет о том, что Ли Бом Чжин «на своем теперешнем посту лет десять», т. е. с середины 1890-х годов, хотя доподлинно известно, что он прибыл в Санкт-Петербург в качестве чрезвычайного посланника и полномочного министра только летом 1900 г. Возможно, подобная путаница со временем пребывания «корейского принца» в Санкт-Петербурге связана с тем, что формально корейская дипломатическая миссия была открыта еще в мае 1897 г. Мин Ён Хваном, а переводчик миссии — Ким Бён Ок (единственный человек, представлявший Корею в России) числился в ней с 1897 по 1901 г., что создавало впечатление длительности истории корейской миссии.

«Петербургская газета», № 51, суббота, 21 февраля 1904 г. «Заявление корейского посланника».

В заявлении сказано: «По поводу телеграммы “Times'a” об отозвании корейского посланника Чин-Пом-И [Ли Бом Чжина], аккредитованного при Российском дворе, посланник заявил сотруднику “Торгово-Телеграфного Агентства”, что известие это не верно. С 8 февраля Чин-Пом-И не получал известий из Сеула, хотя телеграф работает исправно».

В данном случае речь идет не об интервью, а об официальном заявлении корейского дипломата прессе, пока что единственного из обнаруженных. В данном заявлении обращает на себя внимание тот факт, что вопрос об отзыве Ли Бом Чжина в Сеул встал не в 1905 г., после объявления японского протектора над Кореей, а гораздо раньше, еще в 1904 г.

«Петербургская газета», № 77, четверг, 18 марта 1904 г. «Час среди корейцев».

Текст заметки рассказывает о встрече корреспондента с псевдонимом «Паспарту» с двумя корейцами, прибывшими в Петербург из Иркутска. Из статьи мы узнаем, что в начале XX в. немало корейцев приезжало на заработки в Россию, и не только во Владивосток, но и в такие города, как Чита, Иркутск, Москва. Многие из них знали русский язык.

Статья интересна рассказом о *консульских* функциях корейской миссии и, в частности, самого Ли Бом Чжина, который, судя по заметке, не отказывал в аудиенции своим соотечественникам даже незнатного происхождения, помогал в устройстве на работу или возвращении на родину.

Как правило, жизнь Ли Бом Чжина в Петербурге рассматривают с точки зрения его «борьбы за независимость Кореи», в то время как его сугубо дипломатическая деятельность часто остается в стороне от внимания исследователей.

«Петербургская газета», № 335, суббота, 4 декабря 1904 г. «У корейского посланника».

Интервью, взятое у Ли Бом Чжина в конце 1904 г., содержит много важной информации как о политике Японии на Корейском полуострове, так и о ходе Русско-японской войны, представляя читателю малоизвестные факты.

- Уже в конце 1904 г., до установления японского протектората, в Токио объявили о скором отзыве *всех* корейских дипломатов из зарубежных стран. В начале 1904 г. речь шла *только об отзыве Ли Бом Чжина* из России.
- Самый большой ущерб японская армия нанесла Корее в первой половине 1904 г., когда перебрасывала свои войска через Корею в Маньчжурию, причем не какими-либо военными действиями, а потреблением местного продовольствия (необходимость кормить «100-тысячную» японскую армию).
- Вплоть до конца 1904 г. в городах Кореи находились отдельные русские отряды (!!!).
- В самой Корее росли антирусские настроения; против русских отрядов поднимались вооруженные восстания «ничтожной горсти корейцев, подкупленных японцами и решившихся пойти против русских».
- Письма из Кореи Ли Бом Чжин получал только 1 раз в 40 дней.
- Ли Бом Чжин искренне надеялся на победу России над Японией.

«Петербургская газета», № 353, среда, 22 декабря 1904 г. «В корейском посольстве».

Любопытно, что настоящая заметка именуется корейскую миссию «посольством», коим она не являлось. Однако это указывает на восприятие в России корейской дипломатической миссии как особо значимой.

«Петербургская газета» представляет читателю уникальное интервью с сыном Ли Бом Чжина — Ли Ви Чжон, поскольку сам дипломат «простудился и слег в постель». Поводом для посещения корейской миссии стали многочисленные сообщения о кровопролитных анти-японских восстаниях в Сеуле. Корреспондент «Петербургской газеты», писавший под псевдонимом «Spectator», обратился к Ли Ви Чжону, слышал ли тот об указанных беспорядках и каковы, по его мнению, причины бунтов.

Ли Ви Чжон сообщил, что ничего еще не знает. Почту получает из Берлина от корейского посланника «при германском дворе», но никаких известий о бунтах в Сеуле не приходило. Ли Ви Чжон никак не увязывал антияпонское восстание корейцев с временными успехами генерала Куропаткина.

Наоборот, по мнению Ли Ви Чжона, падение Порт-Артура не способствовало «приданию корейцам воинственности».

Таким образом, согласно интервью с Ли Ви Чжоном, настроение в корейском обществе в связи с перспективами подчинения Японии было крайне пессимистичным.

«Петербургская газета», № 164, суббота, 25 июня 1905 г. «В корейском посольстве».

Очередное интервью с корейскими дипломатами появилось через полгода после последнего, взятого у Ли Бом Чжина. Причина: усиление японского влияния в Корее, перспектива объявления японского протектората, о чем говорилось открыто, а также не лучшее для России положение дел на фронтах Русско-японской войны и планировавшиеся мирные переговоры в Портсмуте.

Интервью было взято не у самого Ли Бом Чжина, который, что примечательно, уже с 1905 г. проводил летние месяцы не на даче в Новой Деревне, а у «секретаря и переводчика посланника, молодого человека, хорошо говорящего по-русски».

В этом интервью главными являются два аспекта:

- четкое представление корейскими дипломатами того, что после объявления японского протектората последует приказание Ли Бом Чжину вернуться в Сеул;
- намерение Ли Бом Чжина не подчиниться приказу об отзыве и остаться в России.

«Петербургская газета», № 168, среда, 29 июня 1905 г. «Корейское недоразумение (У корейского посланника)».

Предпоследнее интервью, напечатанное в «Петербургской газете», является, пожалуй, одним из самых интересных и самых трагичных. Корреспондент, подписывавшийся псевдонимом «Р.», посетил Ли Бом Чжина не в дипломатической миссии, а на его даче в Новой Деревне. Поводом для визита стало объявление в петербургских газетах, сообщавшее об 1) отъезде корейской миссии; 2) распродаже имущества по адресу: ул. Пантелеймоновская, д. 5, кв. 6, т. е. — имущества корейской миссии; 3) о продаже квартиры.

В связи с указанным объявлением у «Р.» возник вопрос, уж не собирается ли миссия закрываться. Ведь разговоры об этом шли еще с начала Русско-японской войны.

Интервью интересно как описанием предметов, составлявших обстановку корейской дипломатической миссии, так и дачной жизни корейского дипломата, особенностей его характера.

Интервью начинается со следующих строк:

«Мы застали г. Чинг-Помм-И [Ли Бом Чжина] в большом, тенистом саду, мирно любующегося цветами, которые дворник усердно поливал из лейки...

Г. посланник был до того увлечен процессом поливания цветов, что не сразу заметил наше появление.

— В чем дело? — после любезного приветствия, осведомился у нас корейский дипломат.

— В газетах объявлено, что распродается ваше имущество, ввиду вашего отъезда. Смею спросить: чем вызван ваш предстоящий отъезд?

— О каком отъезде вы говорите? — изумился г. Чинг-Помм-И. — В первый раз слышу!..»

Итак, какую значимую информацию возможно почерпнуть из указанного интервью?

- Меблировка корейской дипломатической миссии: «золочен, и мягк. гостин., зеркала золочен. и черн., портьеры, ковры, картины, бронза, кабинет дубов., несгораем. шкафчик, спальня, туалет, зеркал. и платян. шкафы, комоды, столы письм., умывальники, кровати, подушки, одеяла, столов. посуда».
- Ли Бом Чжин лишь «снял вместе с мебелью» квартиру по адресу: Пантелеймоновская ул. д. 5, кв. 6. Мебель распродавал хозяин квартиры.
- Находясь в России, Ли Бом Чжин говорил по-английски; переводчик посланника по непонятным причинам переводил с русского на английский, а не на корейский.
- Ли Бом Чжин планировал прожить на даче в Новой Деревне только три месяца, очевидно до осени, а потом переехать в новую квартиру.
- Ли Бом Чжин не верил в то, что во время мирных переговоров в Портсмуте будет принято японское условие её протектората над Кореей, верил в то, что мировые державы не признают протектората.
- Ли Бом Чжин не верил, что корейские миссии и посольства будут упразднены.

«Петербургская газета», № 183, пятница, 15 июля 1905 г. «В корейском посольстве».

Приводимое в настоящей статье июльское интервью с Ли Бом Чжином *последнее*. Действительно, в середине июля 1905 г. в Портсмут прибыла российская делегация для ведения мирных переговоров с Японией, которые начались 27 июля (9 августа). Мирный договор был подписан 23 августа (5 сентября) 1905 г.; он зафиксировал «преобладающие интересы» Японии в Корее (ст. II). Соответственно, можно сказать, что с июля — августа 1905 г. Корея ушла с российской внешнеполитической сцены. Позже, 17 ноября 1905 г. был подписан договор о протекторате Японии над Кореей.

Соответственно, уже с августа 1905 г. исчезла всякая необходимость, да и возможность, брать интервью у корейского посланника.

Что же мы можем узнать из последнего интервью Ли Бом Чжина?

- Ли Бом Чжин был знаком с содержанием письма японского императора с «советами повелителю Кореи» «смириться перед неизбежностью подчиниться японскому режиму и не оказывать больше пассивного сопротивления», сократить армию и отозвать иностранных представителей Кореи за рубежом.
- Ли Бом Чжин считает, что корейский государь, дипломаты и армия не подчинятся и не будут подчиняться «советам» японцев.
- Будущее Кореи зависит от «предстоящих» мирных переговоров, но Ли Бом Чжин был «лично все-таки уверен, что Корея во всяком случае сохранит свою политическую независимость...»
- Ли Бом Чжин был близко знаком с С.Ю. Витте и провожал его на вокзале во время отъезда последнего в Америку «как старый его знакомый, и просто пожелал ему счастливого пути...»

Портсмутский мирный договор *окончательно предопределил трагическую судьбу Кореи* как протектората, а впоследствии — как японской колонии.

Заключение

Уникальные интервью Ли Бом Чжина, данные им корреспондентам «Петербургской газеты» в 1904—1905 гг., являются не просто ценным источником неизвестной прежде информации о различных аспектах деятельности корейской дипломатической миссии и жизни Ли Бом

Чжина в России в годы Русско-японской войны, но по-своему представляют собой хронику мужественного сопротивления корейской дипломатии японской колониальной политике, трагическую хронику крушения надежд.

Если с конца июля — августа 1905 г. российская пресса просто потеряла интерес к личности корейского дипломата, то с 29 декабря 1905 г. всякое публичное упоминание о корейской миссии и ее членах становилось нарушением закона.

29 декабря 1905 г. директор Первого департамента МИД Российской империи издал распоряжение следующего содержания⁹:

«Ввиду предстоящего прекращения деятельности Корейской Миссии в С.-Петербурге, обращаюсь к Вашему Превосходительству с почтеннейшей просьбой не отказать сделать распоряжение об отмене дальнейшего помещения в *Liste du Corps Diplomatique* личного состава означенной Миссии *и вообще упоминания об оной*».

Примечания

¹ Курбанов С.О. «Договор об основах отношений между Российской Федерацией и Республикой Корея» от 19 ноября 1992 г. и его значение для развития российско-южнокорейских отношений // Вестник Центра корейского языка и культуры. № 17. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2015. С. 104.

² См., например, труды Б.Д. Пака, Б.Б. Пак, Ю.Е. Пискуловой, Т.М. Симбирцевой и др.

³ Пак Б.Б. Российский дипломат К.И. Вебер и Корея. М.: Институт востоковедения РАН, 2013.

⁴ Юридически первым посланником, назначенным в Россию и вручившим императору Николаю II верительные грамоты, был известный корейский политик и дипломат Мин Ён Хван. См.: Российский государственный исторический архив. Ф. 4730. Оп. 3. Д. № 459. «О приемной аудиенции у Его Величества Государя Императора вновь назначенному Корейскому Посланнику Мин-Ионг-Хоану. 1897 года».

⁵ Ли Бомджин. М.: Институт востоковедения РАН, 2002.

⁶ Новая столичная газета. № 22 от 22 января 1911 г. С. 3. «Похороны корейского принца».

⁷ С полным текстом приводимых в статье интервью можно также ознакомиться в издании: *Корейская дипломатическая миссия в Санкт-Петербурге в 1900—1901 гг. (Деятельность ч. п. п. м. Ли Бом Чжина)*. Избранные материалы / Автор-составитель д.и.н. С.О. Курбанов. СПб.: Издательство РХГА, 2016.

⁸ Подробнее см.: *Курбанов С.О.* Размышления об исторической науке и роли личности в истории. С примерами из истории Кореи. СПб: РХГА, 2016. С. 83—84. (О векторных социально-исторических модулях).

⁹ Российский государственный исторический архив. Ф. 473. Оп. 2. Д. 1050.

В.С. Акуленко

ОППОЗИЦИОННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ: ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ ИЛИ БОРЬБА С НЕЙ?*

В конце 1970-х — начале 1980-х годов в южнокорейской исторической науке проявляется новое течение, так называемая оппозиционная историческая школа (кор. *재야사학*), формирующаяся из псевдоисториков, намеренно игнорирующих применение общепризнанных методов исторического исследования либо работающих на материале, который научным сообществом признан недостоверным. Несмотря на критику со стороны академического сообщества, «оппозиционеры» в последние годы значительно укрепили свои позиции, в том числе благодаря покровительству на самом высоком уровне. Активность представителей оппозиционной исторической школы в отстаивании своей позиции делает изучение данного феномена чрезвычайно актуальным для будущего корееведения не только в России, но и за рубежом. Однако ещё более актуальным видится изучение основных положений работ представителей данного направления.

Ключевые слова: Южная Корея, Тангун, Хванин, Хванун, Оппозиционная историческая школа.

* Данное исследование было поддержано Министерством образования РК и Академией корееведения (AKS-2015-OLU-2250003).

This work was supported by the Core University Program for Korean Studies through the Ministry of Education of the Republic of the Korea and Korean Studies Promotion Service of the Academy of Korean Studies (AKS-2015-OLU-2250003).

Сложный исторический путь, проделанный Республикой Корея за полвека, не мог не оказать значительного влияния на развитие южнокорейской исторической науки. Если до конца 1960-х главной её задачей являлось преодоление колониального наследия, выразившееся в критическом переосмыслении истории, написанной в период колониального господства Японии на Корейском полуострове, то с 1970-х у неё появилась новая задача — формирование патриотичной молодёжи. В этот период историческая наука фактически была поставлена на службу диктаторскому режиму периода Юсин. Несмотря на протесты академического сообщества, был введен государственный учебник истории. Последние годы существования диктатуры Юсин характеризуются нарастанием протестных настроений в обществе. На фоне этих настроений проявила себя и окрепла так называемая *оппозиционная историческая школа* (кор. 재야사학).

В 1990-е историческая школа РК столкнулось с новым вызовом — попыткой переноса китайскими историками записанного в Конституции КНР положения об унитарном многонациональном государстве на историю регионов, некогда входивших в состав древних корейских государств. Такое развитие событий привело к новому росту популярности в Южной Корее сочинений «оппозиционных» историков, которые не только агрессивно отстаивают право Кореи на историю этих государств, но и открыто бросают вызов сложившимся взглядам на историю Китая. Последовавшая за этим в начале 2000-х реализация Академией общественных наук КНР «Северо-восточного проекта» позволила «оппозиционерам» получить широкую финансовую поддержку для своих исследований.

Данные тенденции в изучении древней истории Кореи, развивавшиеся в течение последних четырёх десятилетий, привели к формированию в РК двух параллельных и значительно отличающихся друг от друга взглядов на её историю, соперничающих между собой не только за источники финансирования, но и за умы и сердца простых корейцев. Несмотря на важность борьбы, происходящей внутри южнокорейской исторической школы, в работах российских историков редко встречаются упоминания о ней, что и составляет актуальность данной работы.

Главной целью статьи является описание истории формирования и современного состояния оппозиционной исторической школы в РК, а также попытка ответить на вопрос, насколько научными являются её достижения.

При подготовке данного сообщения был использован широкий круг литературы и источников на корейском языке, проанализированы наиболее известные сочинения представителей оппозиционной исторической школы — Им Сын Гука, Ан Хо Сана, Син Ён Ха, Ан Гён Чжона и др. Для восстановления истории развития оппозиционной исторической школы были использованы газетные и журнальные статьи на корейском и английском языках, размещённые в Интернете, а также произведение бывшего руководителя парламентской рабочей группы по пересмотру содержания школьного учебника по истории Кореи Юн Чон Ёна — «Волнения из-за учебника отечественной истории»¹. Для анализа текущего состояния оппозиционной исторической школы использовалась находящаяся в открытом доступе в Интернете информация о ней и её главных сторонниках.

Впервые термин «*чэясахак*», переводимый нами на русский язык как «оппозиционная историческая школа»², появился в статье газеты «Кёнхьян синмун» в ноябре 1978 г.³ применительно к историкам, которые не работали в университете либо избегали участия в научных конференциях, разрабатывая при этом свои альтернативные концепции древней истории Кореи. Впоследствии этот термин начали распространять на более широкий круг историков, намеренно игнорирующих применение общепризнанных методов исторического исследования либо работающих на материале, который не принимается частью научного сообщества. Ещё одной особенностью «оппозиционеров» стал их выбор в пользу изучения периода до объединения полуострова королевством Силла.

В 1970-е — начале 1980-х такие исследователи оформляются в отдельную группу, сплотившуюся вокруг движения за изменение содержания школьного учебника истории и опубликованного Национальным институтом корейской истории (кор. 국사편찬위원회) многотомника «История Кореи»⁴, а также с целью популяризации летописи «Хвандан коги» (кор. 환단고기), признанной как южнокорейской, так и северокорейской академической наукой подделкой.

В результате бурной деятельности представителей нового течения в сентябре 1979 г. копия «оригинала» «Хвандан коги» была издана в количестве 100 штук. А в 1982 г. был впервые издан её перевод на иностранный язык (японский). В 1986 г. вышел её перевод и на современный корейский язык, после чего книга стала известна широкой общественности и завоевала популярность среди рядовых южнокорейских читателей⁵.

Изданию книги предшествовало создание в 1975 г. «Совета по поиску государственной истории» (кор. 국사찾기협의회), в который, кроме Ли Ю Рипа, подозреваемого в авторстве «Хвандан коги», вошли Пак Чхан Ам, Ан Хо Сан, Ю Бон Ёён, Мун Чон Чхан, Пак Си Ин, Им Сын Гук и др. Главной целью нового общества становится изучение «Хвандан коги», а также проведение раскопок и экспедиций с целью подтверждения её достоверности⁶.

Начиная с 1976 г. участники Совета непрерывно критикуют представителей официальной исторической школы, в том числе через печатный орган общества — журнал «Свобода» (кор. 자유)⁷. А в 1978 г. Ан Хо Сан даже подаёт на имя президента, премьер министра и министра культуры и образования РК докладную записку о необходимости исправления содержания школьного учебника истории и вышеупомянутого многотомника. Под этим документом подписались ещё восемь членов Совета. Основное содержание записки можно свести к следующему:

1) территория Древнего Чосона распространялась в северо-восточном направлении вплоть до морского побережья, на север — до р. Амур, а на запад — до Пекина;

2) необходимо вернуть в учебники 1200 лет эры Тангуна;

3) признать Тангуна реальной личностью;

4) перестать называть выходца из царства Янь — Вимана — основателем Чосона;

5) Вангомсонь — столица Чосона Вимана — находилась около Шаньхайгуаньского прохода;

6) округ Лолань находился в районе Пекина;

7) Пэкче в течение 400 лет управляла южной частью Центрального Китая;

8) после объединения трёх государств с королевством Силла в течение 68 лет его территория распространялась на территорию от китайского Цзилиня до Пекина⁸.

Таким образом, в своеобразном манифесте оппозиционной исторической школы можно увидеть глубокие расхождения со сложившимися на тот момент взглядами на древнюю историю Кореи, выработанными южнокорейской академической наукой⁹.

Каким же образом люди, не имеющие отношения к академической науке, смогли быть услышаны на столь высоком правительственном уровне? Ответ на этот вопрос кроется в личности человека, от имени которого был подан своеобразный манифест «оппозиционеров». Дело в

том, что Ан Хо Сан не только являлся первым министром культуры и образования Республики Корея, но и с 1992 г. стал патриархом религиозного учения Тэчжонгё (кор. 대종교), почитающего Тангуна¹⁰.

Стоит ли после этого удивляться, что представители оппозиционной исторической школы получили возможность отстаивать свою точку зрения на уровне парламентской комиссии и даже добились частичного удовлетворения своих требований о внесении изменений в официальную трактовку древней истории Кореи.

Постепенно арсенал источников, с помощью которых «оппозиционеры» изучают прошлое Кореи, пополнился и другими материалами — «Танги коса» (иер. 檀奇古史) и «Кювон сахва» (иер. 揆園史話). Стоит отметить, что последнее сочинение в 1972 г. было признано подлинным специальной государственной комиссией.

Опыт изучения истории предыдущими поколениями южнокорейских историков «оппозиционеры» всячески критикуют, так как те, по их убеждению, работали в рамках «колониального мировоззрения» (кор. 식민사관). Впрочем, это отрицание является достаточно выборочным. К примеру, в своих работах они часто цитируют Чхве Нам Сона (иер. 崔南善), автора теории о пульхамской культуре (иер. 不咸文化論), активно сотрудничавшего с японцами в колониальный период. Кроме того, целый ряд членов организации, лежащей в основе оппозиционной исторической школы, также активно сотрудничали с японскими оккупантами. К примеру, Мун Чон Чхан, автор знаменитого псевдоисторического сочинения «История Кореи, шумеров и Израиля» (кор. 한국*슈메르*이스라엘의 역사)¹¹ и теории о связи корейцев с израильтянами, с 1923 г. работал в колониальной администрации на различных должностях, вплоть до главы уезда Ыньюль пров. Хваньхэ и председателя по общественным вопросам при администрации этой провинции¹².

В 1980-е некоторые представители оппозиционной школы негативно относились к использованию в исследованиях достижений археологии. В качестве аргумента они приводили довод об ограниченности южнокорейской археологии, не способной вести исследования на всех территориях, где ранее обитали предки корейского народа (Корейский полуостров, Северный Китай, Монголия, Маньчжурия, Сибирь, Дальний Восток РФ и Япония)¹³. Вместо этого они настаивали на пристальном изучении письменных источников, критикуя при этом представителей академического сообщества за незнание иероглифики¹⁴. Можно обнаружить в их произведениях и критику зарубежных историков¹⁵.

Впрочем, глубину анализа письменных документов представителей оппозиционной исторической школы можно проиллюстрировать на примере уже названного произведения Мун Чон Чхана. По его словам, упомянутые в Ветхом Завете Chosen people при правильном ударе превращаются в Choseon people, т. е. корейцев (кор. 조선 사람)¹⁶.

В эти годы сторонники оппозиционной исторической школы издаю́т целый ряд сочинений, в том числе несколько переводов «Хвандан коги» с пояснениями. Кроме Древнего Чосона, который традиционно считается первым корейским государством, в книгах «оппозиционеров» рассказывается о государствах Хвангук (кор. 환국), якобы являвшемся общей прародиной всех мировых цивилизаций, и Пэдадь (кор. 배달), считающемся прародиной культур Восточной Азии. Описывая более поздний период трёх государств, «оппозиционеры» расширяют сферу их влияния далеко за пределы Корейского полуострова и южной части Маньчжурии, включая в неё значительную часть современной Японии, Китая и российского Приморья¹⁷.

Особый интерес в произведениях оппозиционной школы вызывает интерпретация процесса этногенеза корейцев. *Во-первых*, в некоторых сочинениях корейцы объявляются избранным народом, носящим в своём нынешнем этнониме имя бога, так как *хан* (кор. 한) интерпретируется как производное от *ханьним* (кор. 하늘님)¹⁸. *Во-вторых*, стоит обратить внимание на этноним, которым называются протокорейцы — люди *пэдадь* — по названию государства, основанного Хвануном¹⁹. Пэдадь, в свою очередь, интерпретируется как *палк-ттан* (кор. 밝-땅 — светлая земля), данное положение содержится также в теории пульхамской культуры Чхе Нам Сона²⁰. *В-третьих*, прародиной корейцев называются окрестности Байкала — древней колыбели всего человечества²¹. *В-четвёртых*, история корейского народа, по их мнению, насчитывает более 9 тыс. лет²².

Таким образом, корейский народ, являющийся богоизбранным, появился на просторах Азии более 9 тыс. лет назад из местности к востоку от оз. Байкал, где, в свою очередь, был расположен центр древнейшей человеческой цивилизации.

Непрерывное давление, оказываемое оппозиционной школой на южнокорейское академическое сообщество, выражающееся в издании книг и статей провокационного характера²³, создании специфических организаций — среди них, например, «Народный совет по приведению в порядок национальной истории» (кор. 민족사 바로잡기 국민회의), —

возглавляемых известными политиками (такими как второй президент РК Юн По Сон²⁴), а также подача петиций на имя президента, премьер-министра и других видных политических деятелей²⁵, в итоге оказали влияние на академическое сообщество РК, выразившееся, прежде всего, в корректировке содержания учебников для школьников²⁶.

Следующий этап развития оппозиционной школы начинается в 1990-е и связан с уже упомянутыми выше изменениями политики КНР в области истории, с одной стороны, а также геополитическими изменениями в мире и развитием информационных технологий — с другой.

Начало переноса китайскими историками записанного в Конституции КНР 1982 г. положения об унитарном мультинациональном государстве на историю регионов, некогда входивших в состав древних корейских государств, привело к конфликтам с южнокорейскими и северо-корейскими историками. В свою очередь, представители оппозиционной школы получили реальный аргумент в пользу ужесточения своей позиции относительно необходимости пересмотра древней истории Кореи. Сложившуюся ситуацию «оппозиционеры» открыто называют «войной за историю», в которой они являются правой стороной, отстаивающей истину²⁷. Такое развитие событий привело к новому росту популярности в Южной Корее сочинений «оппозиционных» историков.

Последовавшая за этим в начале 2000-х реализация Академией общественных наук КНР «Северо-восточного проекта» (иер. 东北边疆历史与现状系列研究工程) вынудила Сеул на официальную ответную реакцию, вылившуюся в месяцы напряжённых дипломатических переговоров, приведших к отказу Пекина от намерения включить в собственные учебники истории притязания на историю королевства Когурё²⁸. Ещё одной реакцией на сложившуюся ситуацию стало принятие южнокорейским руководством решения о создании в 2006 г. специальной организации, которая занялась финансированием исследований в области древней и средневековой истории Кореи, — «Фонда исследования истории Северо-Восточной Азии» (кор. 동북아역사재단)²⁹. По признанию большинства южнокорейских археологов и историков, изучающих древнюю историю Кореи, никогда раньше государство так щедро не финансировало их исследования и экспедиции.

Такое внимание государства и общества к древней и средневековой истории Кореи не могло пройти мимо оппозиционной исторической школы, активно занимавшейся исследованием именно этого её периода. Однако реальных успехов представителям оппозиционной историче-

ской школы удалось добиться благодаря привлечению в свои исследования археологической источниковой базы, что является непосредственным результатом бума археологических исследований в Восточной Азии в связи с описанными выше событиями.

Ещё одним фактором, сыгравшим на руку «оппозиционерам», стало активное проникновение в Республику Корея информационных технологий. Интернет стал альтернативной площадкой для презентации результатов исследований псевдоисториков. К примеру, вышедшее в 2006 г. произведение Ким Ун Хи «В поисках великих чусин» (кор. 대쥬신을 찾아서)³⁰ до своего издания в бумажном варианте было частично опубликовано в Интернете в 2005 г.³¹ Такой подход способствовал популяризации альтернативной истории среди активных пользователей Сети.

Несколько меняется характер продельваемых «оппозиционерами» исследований, а также их качество. Если в 1990-е всё ещё можно было встретить произведения, где авторы игнорируют принятые в академической науке правила цитирования и делают смелые выводы относительно прошлого целых народов лишь на основе собственной интерпретации письменных источников спорного происхождения либо вообще слов выдающихся, по их мнению, личностей, не утруждая себя проверкой изложенных ими фактов, то с 2000-х такой стиль повествования постепенно уходит в прошлое. Такой качественный скачок, возможно, связан с приходом в ряды «оппозиционеров» профессиональных историков.

Среди таких качественно сделанных исследований хотелось бы выделить, прежде всего, работы профессора Син Ён Ха «Этносоциология и формирование корейского народа»³² и «Социальная история формирования Древнего Чосона»³³.

Появляются новые переводы текста «Хвандан коги» на современный корейский язык с пространными его разъяснениями, сопровождающимися ссылками на археологические источники³⁴.

Из 19 обнаруженных через электронный каталог Библиотеки Национальной ассамблеи РК переводов «Хвандан коги», 10 было издано после 2000 г., ещё пять — после 1990 г. и четыре — в 1980-е годы³⁵. А на сайте крупнейшего в РК книжного магазина Кёбо мунго можно заказать 35 книг, являющихся различными переводами «Хвандан коги» или отдельных её частей³⁶. Среди таких переводов можно встретить не только полные или сокращённые (карманные) версии, но даже книги для детей³⁷. То есть «оппозиционеры» не просто делают ставку на широкий

круг читателей, а ориентируются на воспитание у подрастающего поколения нового понимания истории.

Центральное место в археологических исследованиях «опозиционеров» занимает так называемая хуншаньская археологическая культура (иер. 紅山文化), впервые обнаруженная в Северном Китае в 1908 г. японским антропологом Торио Рюдзо. Данная культура относится к периоду 5—3 тыс. до н. э. и была распространена на обширном пространстве Внутренней Монголии, а также китайских провинций Лаонин и Хэбэй. Оппозиционная историческая школа рассматривает её в качестве одной из древнейших в мире цивилизаций, а потомками её создателей считает современных корейцев. «Оппозиционеры» считают, что наиболее ранний период существования данной культуры можно отнести к 7 тыс. до н. э., а поздний — к 2 тыс. до н. э.³⁸

Бурное развитие оппозиционной исторической школы открыло двери её представителям в крупные университеты и позволило получить частное и государственное финансирование на исследовательские проекты, проведение конференций, издание книг и прочие мероприятия. В связи с этим термин «*чэсахак*», некогда применявшийся к её представителям, утратил свою актуальность. Поэтому с начала 2000-х оппозиционную историческую школу называют *псевдоисторической* (кор. 사이비 사학), иногда в академической среде можно услышать и другое название — *хванппа* (кор. 환빠), означающее «фанаты Хвандан коги».

С октября 2012 г. организация псевдоисториков «Историческая и культурная ассоциация Тэхан» (кор. 대한사랑) начала проводить ряд мероприятий по популяризации «Хвандан коги» и изобличению «фальсификации» истории Кореи как в самой РК, так и за её рубежом³⁹. В 2014 г. при его поддержке было создано «Международное научное общество истории и культуры Хвандан» (кор. 세계환단학회), которое продолжило продвижение изучения «Хвандан коги» по всему миру, в том числе и в России. А в феврале 2016 г. в Москве прошла организованная обществом Международная конференция по проблемам древней истории и культуры Кореи, на которой выступали южнокорейские псевдоисторики и российские учёные⁴⁰. Встречей корейцы остались довольны и даже выложили в Интернете почти трёхчасовой ролик⁴¹, чего нельзя сказать о российских экспертах, многие из которых, возможно, впервые столкнулись с феноменом подобной псевдоисторической школы.

Таким образом, за почти четыре десятилетия существования феномена оппозиционной исторической школы в ней произошел ряд суще-

ственных изменений. *Во-первых*, её представители добились от академических историков частичного изменения официальной трактовки древней истории Кореи. *Во-вторых*, предлагаемая ими трактовка завоевала достаточное число почитателей среди всех слоёв населения РК. *В-третьих*, оппозиционная историческая школа получила поддержку со стороны государства и ряда политиков. *В-четвёртых*, сформировался более-менее прочный понятийный и доказательный аппарат школы, её представители стали больше внимания уделять доказательной стороне и оформлению своих работ в научном стиле, применять междисциплинарный подход.

В целом, оппозиционная историческая школа из организации, борющейся за популяризацию «Хвандан коги», превратилось в устойчивое объединение профессиональных историков и любителей, критикующих сложившиеся подходы в интерпретации древней истории Кореи. Это объединение состоит из целого ряда организаций и отдельных членов, имеет своих представителей во многих университетах страны — особенно много приверженцев данного течения в университетах Инха и Тангук, — а также в органах власти.

Проиллюстрировать последнее утверждение можно всего одним примером. Во время речи по случаю празднования 68-й годовщины освобождения Кореи прежний президент Республики Корея Пак Кын Хе процитировала «Хвандан коги»⁴².

Отвечая на вопрос о влиянии школы на мировое корееведение, хотелось бы рассмотреть конкретный кейс, связанный с закрытием успешного проекта по изучению древней истории Кореи в Гарвардском университете.

Early Korea Project официально начал свою работу 1 ноября 2006 г. Он получил финансовую поддержку от двух крупнейших южнокорейских фондов, занимающихся продвижением корееведения за рубежом, — Academy of Korean Studies и Korea Foundation. За время своей работы организация провела ряд успешных мероприятий, направленных на популяризацию изучения древней истории Кореи, а также издала целый ряд монографий. Однако в 2016 г. она лишилась финансовой поддержки. Причиной тому, по мнению директора проекта, стала публикация в 2013 г. в очередной монографии проекта карты, на которой китайские военные округа, существовавшие на территории Корейского полуострова после падения Древнего Чосона в 108 г. до н. э. и до падения последнего из них — Лолана в 313 г. н. э., были помещены авторами

на севере Корейского полуострова. Дело в том, что с такой трактовкой в корне не согласны псевдоисторики. Их реакция была стремительной: уже 19 марта 2014 г. в стенах Национального собрания прошла церемония создания «Штаба народного движения за ликвидацию колониальной исторической школы» и приуроченная к ней научная конференция, во время которой книги, изданные под эгидой Early Korea Project, были раскритикованы, что фактически привело к закрытию удачного и перспективного проекта по изучению древней истории Кореи⁴³.

Переходя к ответу на главный вопрос, поставленный в докладе, — занимается ли оппозиционная историческая школа фальсификацией истории или борьбой с ней, необходимо, в первую очередь, определить с тем, что можно считать фальсификацией истории. На наш взгляд, фальсификацией истории нужно считать намеренное её изменение (искажение) для достижения определённых целей с использованием недостоверной или сфальсифицированной информации либо при помощи ненаучных методов.

С уверенностью можно сказать, что изменение истории, осуществляемое псевдоисториками, имеет определённую цель — дискредитацию и изменение определённых положений традиционного представления о древней истории Кореи. Изменение это происходит на основе недостоверной (к примеру, использование данных, не подтверждённых ссылками на источники) и сфальсифицированной информации (к примеру, «Хвандан коги», «Хваран сэги» и других подделок), а также с применением ненаучных методов (к примеру, вульгарной интерпретация источников, отсутствие внятной аргументации выводов и т. п.). Иными словами, факт фальсификации истории Кореи, допускаемой представителями оппозиционной исторической школы или псевдоисториками, является вполне очевидным.

Безусловно, плюрализм мнений в науке — это обязательное условие её развития. Однако участники научной дискуссии должны отстаивать позицию, основываясь на фактах, полученных научным методом. В ином случае такая дискуссия перестаёт быть научной и превращается в спор, участники которого не могут договориться о самом главном — критериях определения истины.

В связи с этим хотелось бы выразить надежду на то, что задача преодоления пустивших глубокие корни заблуждений о древней истории Кореи всё же будет решена, так как от этого во многом будет зависеть облик мирового корееведения в будущем.

Примечания

- ¹ 윤종영. 국사교과서 파동. 서울: 해안, 1999.
- ² В своём переводе мы исходим из толкования термина 재야 (иер. 在野), который буквально означает «находиться в оппозиции». Стоит отметить, что с начала 2000-х гг. представители академической науки стали называть оппозиционную историческую школу псевдоисторической (кор. 유사역사학; иер. 類似歷史學, либо кор. 사이비 사학; иер. 似而非 史學).
- ³ 이것이 韓國古代史다 (1) 說話와 正史 혼동말아야, 《경향신문》, 1978.11.7
- ⁴ 韓國史. 25책. 서울: 국사편찬위원회, 1973—1979.
- ⁵ 이문영. «환단고기»의 성립 배경과 기원. URL: <http://www.ikaa.or.kr/webzine/read.php?pid=8&id=99&PHPSESSID=b3d9f1db5d7894d2c5b66c95d7d186f0>
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ 윤종영, 1999 «국사교과서 파동». С. 12—13.
- ⁹ 이용범, 2008 ?현대 한국의 단군 인식과 민족 문제? «동북아역사논총» 20, 74쪽.
- ¹⁰ 안호상. URL: <http://100.daum.net/encyclopedia/view/14XXE0035104>
- ¹¹ 문경창. 한국*슈메라*이스라엘의 역사. 서울: 백문당, 1978.
- ¹² 문경창. URL: <http://100.daum.net/encyclopedia/view/14XXE0019663>
- ¹³ 임승국. 환단고기. 서울: 정신세계사, 1986. С. 346.
- ¹⁴ 김세환, 국사 광복의 햇불: 민족혼의 사활문제, 1985, с. 26; 윤종영, 1999 «국사교과서 파동», с. 11—12.
- ¹⁵ 임승국. Указ. соч. С. 345
- ¹⁶ 문경창. Указ. соч. С. 152.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. С. 356.
- ¹⁹ Согласно мифу о Тангуне, его отцом был сын небесного бога Хванина — Хванун.
- ²⁰ Там же. С. 19.
- ²¹ Там же. С. 25—26.
- ²² Там же. С. 357.
- ²³ 김세환, 국사 광복의 햇불: 민족혼의 사활문제. 서울: 국사찾기 협의회후원회, 1985.
- ²⁴ 윤종영. С. 132.
- ²⁵ Там же. С. 289—295.
- ²⁶ 안돈구. 새로운 신화 만들기. 정신문화연구 23 (1), 2000. P. 3—26.

- ²⁷ 계연수. 환단고기. 대전: 상생출판, 2012. С. 6—11.
- ²⁸ Seo Hyun-jin, Skepticism Lingers over History Issue. URL: <http://yaleglobal.yale.edu/content/skepticism-lingers-over-history-issue>
- ²⁹ Вебсайт Фонда по изучению истории США. URL: <http://www.hflib.kr/>
- ³⁰ 김운희. 대주신을 찾아서. 서울: 해냄출판사, 2006.
- ³¹ 김운희, 대주신. URL: http://www.pressian.com/news/review_list_all.html?rvw_no=1127
- ³² 신용하. 한국민족의 형성과 민족사회학. 서울: 지식산업사, 2000.
- ³³ 신용하. 고조선 국가형성의 사회사. 서울: 지식산업사, 2010.
- ³⁴ 계연수. 환단고기, 대전: 상생출판, 2012.
- ³⁵ Вебсайт Библиотеки Национальной ассамблеи РК. URL: <http://dl.nanet.go.kr/index.do>
- ³⁶ Вебсайт книжного магазина Кёбомунго. URL: <http://www.kyobobook.co.kr>
- ³⁷ 안경전. 어린이 환단고기. 대전: 상생출판, 2013.
- ³⁸ 계연수. 환단고기, 대전: 상생출판, 2012. С. 96—113.
- ³⁹ 사단법인 대한사랑. URL: <http://www.daehansarang.org/>
- ⁴⁰ Международная конференция по вопросам древней истории и культуры Кореи в Москве. URL: <http://onekorea.ru/2016/01/23/mezhdunarodnaya-konferenciya-po-voprosam-drevnej-istorii-i-kultury-korei-v-moskve/>
- ⁴¹ Видеозапись международной конференции по вопросам древней истории и культуры Кореи в Москве. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=q7dxouTYPbs>; URL: <https://www.youtube.com/watch?v=oMfa5fOqOxw>
- ⁴² 제68주년 광복절 경축사. URL: https://ko.wikisource.org/wiki/%EC%A0%9C68%EC%A3%BC%EB%85%84_%EA%B4%91%EB%B3%B5%EC%A0%88_%EA%B2%BD%EC%B6%95%EC%82%AC
- ⁴³ 미국의 유명 한국 고대사 교수가 중국 고대사로 전공을 바꾸는 이유는? [출처: 중앙일보] 미국의 유명 한국 고대사 교수가 중국 고대사로 전공을 바꾸는 이유는? URL: <http://news.joins.com/article/21035975>

А.В. Пак

ХРИСТИАНСКИЙ ФАКТОР В ПОЛИТИКЕ РОССИИ В КОРЕЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Впервые мысль об открытии Православной миссии в Корее высказали не священники, а русские дипломаты. Однако деятельность Российской духовной миссии (РДМ) в Сеуле, несмотря на широко заявленные в первоначальном плане задачи усиления культурного влияния в Корее, практически с самого начала столкнулась с многочисленными проблемами и трудностями: не хватало ни необходимого финансирования, ни энергии православных миссионеров, ни нужного политического решения. Недооценка влияния религиозного фактора, наряду с просчётами наших дипломатов и сменой приоритетов во внешней политике России, оказалась в числе многих объективных факторов, закономерно приведших к тому, что мы отказались от проведения активной политике в Корее, перенеся центр своих интересов в соседнюю Маньчжурию.

Ключевые слова: Н.А. Шуйский, Российская духовная миссия (РДМ), православный храм, религиозный фактор, культурное влияние.

История первых контактов между Россией и Кореей уходит своими корнями в XVII в., когда после начала официальных сношений с Китаем россияне получили доступ к сведениям о Стране утренней свежести.

Эпоха «открытия Кореи» положила собой начало соперничеству великих держав за господство в этой стране. Однако помимо военного,

экономического и политического соперничества здесь развернулась борьба за человеческие души: иностранные миссионеры стали активно проповедовать христианство. Каждая из ветвей христианства была представлена интересами одной из великих держав, борющихся в то время за преобладание на полуострове.

Католицизм представляла Франция, интересы которой в Корее на всём протяжении проникновения туда христианства оставались незначительными. Однако поскольку католики являлись там первопроходцами, им поначалу принадлежал приоритет.

Протестантское направление было представлено большим разнообразием стран, среди которых бесспорными лидерами были США, которые помимо заинтересованности в христианизации, имели здесь свои политические и экономические интересы.

Что касается православия, то оно пришло на полуостров позже других христианских конфессий. Российская духовная миссия (РДМ) была учреждена в 1897 г.¹

Для сравнения отметим, что первые католики сумели проникнуть в Корею ещё в XVIII в., а протестанты в 80-х годах XIX в. Положительное влияние на создание РДМ сыграл факт массового переселения корейцев в конце XIX — начале XX в. на территорию Российской империи и работа православного духовенства в их среде. Однако, несмотря на большой успех православия среди российских корейцев, в самой Корее достижения русской церкви оказались весьма скромными.

Впервые мысль об открытии Православной миссии в Корее высказали не священники, а русские дипломаты. В 1889 г. представитель Российского МИДа Н.А. Шуйский составил весьма любопытный документ, в котором содержался план её основания. В нём, в частности, подчёркивалось, что поскольку Корея представляет для России интерес с точки зрения её политики на Дальнем Востоке, то «это должно побуждать озаботиться изысканием мер к приобретению там культурного влияния как составляющего фундамента, на котором строится влияние политическое...»². Шуйский считал, что Россия не сможет укрепиться в этой стране экономически, и ей следует с выгодой для себя использовать православную миссионерскую деятельность с тем, чтобы со временем завоевать симпатии со стороны местного населения.

Отдавая дань исторической справедливости, следует отметить, что записка Шуйского на момент её написания нашла немало приверженцев среди прогрессивно мыслящих российских дипломатов, работавших

на корейском направлении. В частности, в одном из комментариев к ней было отмечено, что следует обратить особое внимание на организацию РДМ и на состав её будущих членов, которые помимо высокого нравственного уровня должны были обладать большим запасом знаний. Причём кроме знания местного языка особое внимание уделялось навыкам практического плана (обиходная медицина, знание некоторых ремёсел и даже основ сельского хозяйства), поскольку только так можно было показать корейцам выгоды и удобства жизни цивилизованных народов³.

Примечательно, что и американские проповедники, которые в это время только присматривались к Корее как к перспективному полю для будущей христианской деятельности, также не обошли своим вниманием этот момент. Вот что писал в 1884 г. из Китая своим коллегам — протестантским миссионерам, находящимся в Японии, пастор Джилберт Рейд:

«Я считаю, что для работы там (в Корее. — *А.П.*) нужны не столько проповедники, сколько учителя и врачи. Они должны приехать сюда хорошо снабженными, с надлежащими учебниками для того, чтобы преподавать английский язык, а врач обязательно с медицинскими книгами и инструментами. Тем самым они сразу сумеют завоевать уважение народа, в то время как иная политика возбудит подозрение и даже ненависть со стороны местного населения»⁴.

Несмотря на усилия дипломатов Н.А. Шуйского, З.М. Поляновского и личное одобрение императора Николая II, Святейший Синод лишь спустя 11 лет, в 1897 г., утвердил этот проект, но с оговоркой, что главной целью Миссии является «обслуживание русских православных, проживающих в Корее» и лишь «*по возможности*» (выд. *А.П.*) насаждение христианской веры среди местного населения⁵. Столь долгую паузу между планом и его практической реализацией российские историки объясняют тем, что верховные иерархи тогдашней Русской православной церкви (РПЦ) попросту не были заинтересованы в расширении деятельности православных миссионеров за рубежом⁶.

Кроме того, следует учитывать и тот факт, что российская дипломатия в начале 80-х годов XIX в., делая первые шаги на корейском направлении, выжидала более благоприятного момента для укрепления здесь своего политического и экономического влияния. Он наступил в 1896—1897 гг., когда после бегства вана Кочжона в здание русской миссии и назначения нового корейского правительства, из которого были удале-

ны все японские ставленники, позиции России в Корее значительно усилились. Именно в это время в страну прибывают русские военные инструкторы и финансовый советник, которые благодаря своей своевременной и успешной деятельности сумели приобрести высокий моральный авторитет среди тогдашней корейской правящей элиты⁷.

Не случайно именно в это время российский дипломат в Корее З.М. Поляновский обратился с прошением направить православного священника в Сеул и построить там храм. Эта просьба была связана с увеличившимся в столице числом православного населения, которое, по подсчетам российского представителя, составляло около 150 человек. В основном это были российские военные инструкторы, военные агенты, учителя русской школы и российские корейцы, работавшие по найму в различных государственных учреждениях⁸.

Деятельность РДМ в Сеуле, несмотря на широко заявленные в первоначальном плане задачи усиления культурного влияния в Корее, практически с самого начала столкнулась с многочисленными проблемами и трудностями. Одной из главных стало отсутствие храма для проведения богослужений. Несмотря на то что путём сложных переговоров с корейским правительством подходящий участок земли для сооружения православного храма был приобретён уже в 1898 г.⁹, он, к сожалению, остался лишь бумажным проектом, так и не сумевшим обрести под собой реальной почвы¹⁰.

Основными причинами такого исхода дела стали как нежелание российского МИДа слишком активно вмешиваться в корейские дела, чтобы не вызвать осложнений с Японией, так и равнодушие тогдашнего руководства РПЦ к нуждам православных миссионеров, работавших за границей. Однако помимо них были и другие не менее значимые причины. К ним можно отнести смену приоритетов во внешней политике России в конце XIX — начале XX в., отсутствие достаточного количества надлежащим образом подготовленных проповедников, сильную конкуренцию со стороны иностранных христианских миссий (католиков и протестантов), а также Русско-японскую войну, которая окончательно поставила крест на планах России по усилению культурного и политического влияния в Корее¹¹.

Отсутствие материальных средств и непростая ситуация в Корее привели к тому, что России пришлось понизить планку своих первоначальных притязаний и ограничиться более скромными целями. Соответственно этому были выделены и финансирование, которое составля-

ло примерно 7—10 тыс. руб. в год, при том что для постройки хотя бы одного приличного храма по сведениям, приводящимся в мемуарах православных миссионеров, требовалась сумма никак не меньше 30—40 тыс. руб.¹² По мнению же российских дипломатов, работавших в Сеуле, денег требовалось даже ещё больше. Вот что отмечал тогдашний российский поверенный в делах в Сеуле М.Н. Матюнин:

«Мне представляется преждевременным учреждать здесь теперь же отдельную духовную миссию и строить для неё особый храм. В материальном отношении отпущенного на это кредита в 25 000 рублей (он был отпущен в 1898 г. указом Святейшего синода. — *А.П.*) совершенно недостаточно: половина этой суммы уйдёт на уплату за землю и ограду... Остальная половина уйдёт на жилой дом и необходимые хозяйственные постройки миссии, следовательно для храма необходимо новое ассигнование, и если принять в соображение, что на католический собор (имеется в виду католический храм Мёндон. — *А.П.*), строившийся с лишком четыре года и весьма хозяйственно, уже затрачено 60 000 долл., то нашему правительству вряд ли возможно будет ограничиться для отдельной церкви суммой меньше этой»¹³.

Поэтому российское Министерство иностранных дел, тщательно взвесив все факты и внимательным образом ознакомившись с мнением православных священников и экспертными оценками наших дипломатических представителей в Корее, пришло к заключению, что возведение в Сеуле отдельного храма, как это первоначально предполагалось, является преждевременным, поскольку постройка церкви потребовала бы неоправданно больших расходов, в несколько раз превышающих уже выделенную на это сумму. Поэтому министерство решило ограничиться пристройкой к зданию российского консульства помещений для домашней церкви и переименовать Духовную миссию в Корее в причт церкви при дипломатической миссии¹⁴.

Такое компромиссное решение этого вопроса, давая немедленное удовлетворение духовной потребности малочисленной российской колонии, проживавшей на тот момент в Сеуле, представляло бы возможность, что в будущем, когда наступит более благоприятный момент, российские дипломаты всегда могли бы вернуться к первоначальному плану постройки православного храма и вновь учредить там Духовную миссию.

Однако благоприятный момент не представился. Православный храм так и не был построен. Для этого, к сожалению, не хватило ни не-

обходимого финансирования, ни энергии православных миссионеров, ни нужного политического решения. Поэтому в 1910 г., когда практически вся Корея покрылась широкой сетью католических и протестантских храмов, русская церковь продолжала ютиться в маленьком помещении при российской дипломатической миссии. А.С. Сомов — российский дипломат, работавший тогда в Сеуле, подводя своеобразный итог работе русских православных миссионеров, отмечал:

«Члены нашей Духовной Миссии глубоко преданы своему делу, ревностно изучают корейский язык и стяжали себе всеобщее уважение. К сожалению, деятельность их малопродуктивна... Нашей Духовной Миссии невозможно соперничать с Миссией католической и миссионерами протестантскими, располагающими миллионными средствами. Кореец, желающий принять христианство, обратится не в Православную Миссию с церковью, помещающейся в душной комнате, с плохим пением, со смешанной службой на русском и корейском языке, без проповедников, а в Католическую или Протестантскую, где он находит роскошные храмы, прекрасное пение, службу на корейском языке, школы, библиотеки, больницы, докторов, сестёр милосердия, амбулатории, богадельни, приюты, общественные собрания и проч.»¹⁵

Несмотря на скудость финансирования и относительную малочисленность штата церковных служащих, в Российской православной миссии практически с момента её основания трудились талантливые проповедники — настоящие подвижники своего дела. К таковым, безусловно, относятся архимандриты Амвросий, Хрисанф и Павел Ивановский, которые не только приложили немало усилий в деле пропаганды православия среди корейцев, но и оставили после себя массу бесценных исторических свидетельств, в которых подробнейшим образом освещалась как работа наиболее значимых христианских миссий в Корее, так и описание традиций, обычаев и нравов самих корейцев.

Изучая материалы по Корее, написанные православными священниками и российскими дипломатами той поры, возникает убеждение, что основным противником на поле религиозного влияния они видели католическую церковь. Этому способствовали, с одной стороны, исторически сложившиеся непростые отношения между католиками и православными, а с другой — реальный опыт столкновения с католическими прозелитами в других странах, где они прямо характеризуются как «мастера политических интриг»¹⁶. На протестантов же до определённого момента представители российского духовенства и наши дипломаты

смотрели с изрядной долей скептицизма, характеризуя, в частности, тех же американских миссионеров как «тунеядцев и неудачников», способных лишь к заботе о собственной выгоде¹⁷.

Между тем, начиная с 90-х годов XIX в., за очень короткий срок на первый план стали выдвигаться именно американские миссионеры. Проповедники из США были первыми, кто в конце XIX — начале XX в. привнесли в тогда ещё единое корейское государство прогрессивные идеи западной культуры. В своей деятельности американцы успешно использовали принципы Джона Невиуса, которые российские священники отметили, но отнеслись к ним снисходительно, посчитав их «протестантским чудачеством»¹⁸.

В то же время среди десяти пунктов, сформулированных Невиусом, содержались по меньшей мере два, которые без всякого преувеличения можно назвать новаторскими. Это — опора в религиозной работе на простонародный корейский национальный алфавит *хангыль* и то, что пропаганду христианства в Корее должны были вести сами корейцы, а не чуждые ему по культуре и внешнему облику европейские миссионеры¹⁹.

Поэтому очень скоро помимо самих американских миссионеров, которые активно стали открывать в Корее свои церкви, школы, типографии и больницы, по всей стране с целью пропаганды нового верования начали ездить *квонсо* — добровольные помощники миссионеров, на которых помимо распространения Библии была возложена и роль популяризаторов христианства. Часто религиозная деятельность *квонсо* сочеталась с ликвидацией неграмотности среди местного населения и обучением простонародья алфавиту *хангыль*. Ничего подобного православные священники в своей практике не использовали.

Немалые трудности представляло для русских миссионеров и изучение корейского языка. На это обратил особое внимание российский дипломат в Корее Н.Г. Матюнин, который, говоря о деятельности европейских миссионеров, писал:

«Успех европейских миссионеров истекает из того, что они в совершенстве владеют корейским языком, на котором ведут проповедь и обучают детей... Много лет потребуется нашим миссионерам, чтобы изучить язык, отличающийся отменной сложностью речи, а без этого они не найдут искренних прозелитов»²⁰.

Российские же священники пошли по традиционному пути своих духовных предшественников в Китае, решив использовать уже пере-

ведённые на китайский язык религиозные тексты, поскольку они посчитали, что иероглифы являются универсальным ключом к традиционной культуре всех народов Дальнего Востока²¹. При этом ими, к сожалению, не был учтён тот факт, что китайский язык и литературу знали лишь достаточно образованные слои корейского общества. Работа по переводу текстов на корейский, начатая ещё в 1899 г. при архимандрите Хрисанфе, была закончена лишь при Павле Ивановском в 1910 г., когда весь Корейский полуостров уже покрывался многочисленными католическими и протестантскими церквями.

Что касается принципа использования самих корейцев в пропаганде христианских идей, то православные миссионеры предпочитали привлекать к своей работе тех из них, кто уже перешел в российское гражданство, при том что последние сами стремились максимально «русифицироваться», поскольку с приобретением нового статуса приобретали немало выгод²². К другим же гражданам Кореи, искавшим путь в православии с целью материальных выгод, они относились резко отрицательно, следуя идеалистически-консервативному принципу не допускать в лоно церкви людей с мирскими интересами.

Американские протестанты, напротив, с самого начала выстроили пропаганду христианства среди корейцев не через формальные проповеди, а посредством образовательно-благотворительной деятельности. При этом создание ими школ, больниц и богоугодных заведений, столь хорошо известное российским востоковедам, было лишь внешней стороной их деятельности.

Не без участия протестантских миссионеров шла трансформация традиционной корейской культуры — появлялись новые виды спорта (футбол, теннис, бейсбол, регби и т. д.), европейская музыка, новые увлечения и пристрастия. Главным механизмом ненавязчивого внедрения новых ценностей стали миссионерские школы, которые являлись не только чисто образовательными учреждениями, но и своеобразными центрами культурной жизни для местных корейских общин. Не случайно в протестантских колледжах часто проходили зрелищные спортивные соревнования, концерты самодеятельных ансамблей, пользующиеся заслуженной популярностью у местных жителей²³.

Причём этот процесс постепенного изменения традиционных конфуцианских ценностей шёл в равной степени как среди корейской элиты, видевшей в идеях протестантизма духовный двигатель обновления и

модернизации, так и в среде простонародья, которое благодаря обучению в христианских школах приобщалось к новым знаниям.

Не случайно успехи в просветительной деятельности, начатой американскими миссионерами в конце 80—90-х годах XIX в., совпали по времени с движением корейского «Общества независимости» («*Тоннип хёнхвэ*»), большинство членов которого было протестантами. Наряду с пропагандой прогрессивных идей социального равенства, прав граждан и демократических свобод, Общество стало главным орудием части корейской элиты и заинтересованных держав, направленным против усиления влияния России в Корее.

Недооценка влияния религиозного фактора, наряду с просчётами наших дипломатов и сменой приоритетов во внешней политике России, оказалась в числе многих объективных факторов, закономерно приведших к тому, что мы отказались от проведения активной политике в Корее, перенеся центр своих интересов в соседнюю Маньчжурию. Слова Шуйского о важности культурного влияния, которое переходит в политическое, сбылись, но, к сожалению, не для России.

Сегодня как востоковеды, так и историки православной церкви высказывают различные мнения в отношении того, почему православию не удалось занять в Корее места, достойного великой державы. В числе многих объективных причин случившегося, основной, на взгляд автора, было равнодушие высшего руководства РПЦ к реальным нуждам своих проповедников, работавших за пределами России.

Вот что писал русский священник, работавший в начале XX в. в соседнем Китае, где позиции РДМ были более весомы, чем в Корее. «Дело миссии не есть дело только её членов, это дело всей церкви, всего православия. И если инославные поставляют в Китай тысячные полки своих миссионеров и тратят миллионы на внешнее представительство своих церквей, то русскому человеку должно всеми силами поддерживать работоспособность нашей миссии»²⁴. Однако ни аналогичные отчёты наших дипломатов, работавших в Корее²⁵, ни просьбы православных миссионеров не нашли отклика у высших иерархов РПЦ.

Некоторым утешением российским политикам может служить тот факт, что не мы одни не сумели своевременно оценить влияние протестантизма на корейское общество. Когда Корея в 1905—1910 гг. окончательно потеряла свою национальную независимость, став частью Японской империи, корейские христиане сыграли важную роль в национально-освободительном движении. Протестантская церковь, набравшая к

1910 г. значительную численную силу, имевшая широкие коммуникационные связи по всей стране и пользовавшаяся большим моральным авторитетом среди корейцев, стала серьёзным оппонентом колониальной власти.

И сегодня религиозный фактор продолжает играть важную роль в жизни современного южнокорейского общества, являясь, с одной стороны, достойной частью традиционной корейской истории, а с другой — одним из духовных источников новых идеалов, которые необходимы РК в эпоху всемирной глобализации.

Примечания

¹ *Шкаровский М.В.* Русская православная духовная миссия в Корее. URL: <http://www.bogoslov.ru/greek/>

² Архимандрит Феодосий (Перевалов) «Российская Духовная Миссия в Корее (1900—1925 гг.) // История Российской духовной миссии в Корее. М., 1999. С. 173.

³ Краткий очерк распространения христианства в Корее в связи с вопросом об учреждении там Православной Духовной Миссии // АВПРИ. Ф. 150. Японский стол. Оп. 493. Д. 37. Л. 35.

⁴ *Paik L.G.* The history of protestant missions in Korea 1832—1910. Seoul, 1987. P. 75.

⁵ Архимандрит Феодосий (Перевалов) «Российская... // История Российской Духовной Миссии в Корее. С. 181.

⁶ *Волохова А.* Из истории российской политики на Дальнем Востоке: МИД, министерство финансов и учреждение Российской Духовной Миссии в Корее // История Российской Духовной Миссии в Корее. С. 323.

⁷ *Пак А.В.* Общество независимости в Корее. М., 2011. С. 191—192.

⁸ Архимандрит Феодосий (Перевалов) «Российская... // История Российской Духовной Миссии в Корее. С. 180.

⁹ Архимандрит Феодосий (Перевалов) «Российская... Указ. соч. С. 198.

¹⁰ План постройки церкви в Сеуле // АВПРИ. Ф. 150. Японский стол. Оп. 493. Д. 37. Л. 106.

¹¹ Извлечение из письма Д.С.С. Н.Г. Матюнина от 30 сентября 1897 г. АВПРИ. Ф. 150. Японский стол. Оп. 493. Д. 37. Л. 55.

¹² Архимандрит Феодосий (Перевалов) «Российская... Указ. соч. С. 182.

¹³ Письмо Н.Г. Матюнина министру иностранных дел графу В.Н. Ламздорфу от 10 мая 1898 г. из Сеула, АВПРИ. Ф. 150. Японский стол. Оп. 493. Д. 37. Л. 94.

¹⁴ Письмо управляющего МИД М.Н. Муравьёва Обер-прокурору Святейшего Синода К.П. Победоносцеву от 10 октября 1898 г. // АВПРИ. Ф. 150. Японский стол. Оп. 493. Д. 37. Л. 124—125.

¹⁵ Дешеша Д.С.С. А.С. Сомова из Сеула от 8 октября 1910 г. // АВПРИ. Ф.150 Японский стол. Оп. 493. Д. 38. Л. 39.

¹⁶ Архимандрит Феодосий (Перевалов) «Российская.... Указ. соч. С. 175.

¹⁷ Секретная телеграмма А.Н. Шпейера из Сеула от 15 мая 1898 г. // АВПРИ. Ф. 150. Японский стол. Оп. 493. Д. 8. Л. 63.

¹⁸ *Ивановский П.* Современное положение христианских миссий в Корее. Владивосток, 1904. С. 44.

¹⁹ *Wanne J.J.* A cultural history of modern Korea. Seoul, 2000. P. 536—537.

²⁰ Письмо М.Н. Матюнина министру иностранных дел графу В.Н. Ламздорфу от 10 мая 1898 г. из Сеула // АВПРИ. Ф. 150. Японский стол. Оп. 493. Д. 37. Л. 94.

²¹ Архимандрит Феодосий (Перевалов) «Российская.... Указ. соч. С. 194.

²² *Пак Б.Д., Бугай Н.Ф.* 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. М., 2004. С. 42.

²³ *Fisher J.E.* Democracy and mission education in Korea. New York, 1928. P. 95.

²⁴ *Иванов П.* Из истории христианства в Китае. М., 2005. С. 144.

²⁵ *Волохова А.* Из истории российской политики... // История Российской Духовной Миссии в Корее. С. 375.

Д.А. Садаков

ФИКСИРОВАНИЕ РАСКОЛА КОРЕИ АМЕРИКАНЦАМИ В 1948 г.: ПРИЧИНЫ, МЕТОДЫ И РОЛЬ ООН*

Решение о фиксации раскола Кореи было принято США в условиях стремительно ухудшающегося внутреннего положения в американской оккупационной зоне и параллельного усиления позиций СССР к северу от 38-й параллели. В качестве инструмента для претворения этого решения в жизнь американцы избрали Организацию Объединённых Наций, в которой Вашингтон обладал доминирующим влиянием на абсолютное большинство её членов. Автор анализирует непосредственные причины взятия американцами данного курса на раскол Кореи и освещает процесс достижения этой цели.

Ключевые слова: ООН, раскол Кореи, Трумэн, советско-американские отношения, Республика Корея.

Провозглашение двух независимых и враждебных друг другу корейских государств, состоявшееся в 1948 г., ознаменовало собой окончательный провал попыток советско-американского взаимодействия по вопросу о будущем Корейского полуострова и фактически предопределило скорое начало Корейской войны. Решение о переходе к сценарию на фиксирование раскола было принято в Вашингтоне и претворилось в

* Статья подготовлена в рамках Гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ РФ, НШ-9803.2016.6.

жизнь с исключительной последовательностью: американцы практически проигнорировали пожелания мирового сообщества и местных политических сил, а также жёсткую критику со стороны СССР. Цель этой статьи — проанализировать причины принятия данного решения, выделить инструменты претворения его в жизнь и проанализировать американский опыт использования ООН для продвижения своих внешнеполитических задач и принятия решений, фактически противоречащих международному праву.

У американцев были свои причины для того, чтобы взять курс на раскол. К началу августа 1947 г. они убедили себя в бесперспективности продолжения диалога с СССР по вопросу о Корее: в США были уверены, что Советский Союз стремится создать в Северной Корее марионеточное коммунистическое государство с последующим расширением его территории на Юг¹. Работа Совместной советско-американской комиссии, которая, по идее, должна была заниматься созданием единого и независимого корейского государства, к тому времени уже не выходила за рамки бесплодных дискуссий и взаимных обвинений². Вместе с тем администрация США на полуострове опасалась, что Советский Союз будет пытаться продлить жизнь Совместной комиссии, дабы воспользоваться плодами выгодной для него внутренней ситуации в американской оккупационной зоне³. В Вашингтоне осознавали, что только присутствие армии США на полуострове удерживает Корею от того, чтобы попасть под коммунистическое влияние целиком.

Ситуация мало-помалу приближалась к критической: американцы помнили опыт народных восстаний в своей оккупационной зоне и опасались, что если работа Совместной комиссии в ближайшее время закончится провалом, то радикалы правого или левого толка смогут подогреть настроения местного населения до такой степени, что продолжение военного присутствия США на полуострове станет невозможным. Кроме того, общественное мнение в Соединенных Штатах всё громче начало требовать снизить военные расходы и вернуть солдат домой⁴. Беспokoили американцев и вопросы поддержания международного престижа: потеря Кореи нанесла бы по нему тяжёлый удар и стала бы свидетельством американского бессилия в деле защиты других стран от проникновения коммунистического влияния⁵. В этих условиях задача американцев заключалась в том, чтобы минимизировать своё участие в корейских делах, но сделать это так, чтобы продемонстрировать корейцам и мировому сообществу верность предшествующим соглашениям и

идее независимости Кореи, а также избежать попадания полуострова в орбиту влияния Советского Союза целиком⁶.

Общая концепция нового курса США на полуострове была проработана в начале августа 1947 г. подкомитетом по Корее при координационном комитете Государственного, Военно-морского и Военного департаментов, который разработал комплекс предложений, целью которых было переломить сложившуюся неприятную ситуацию. Решить эту непростую задачу планировалось через передачу корейского вопроса на рассмотрение четырёх держав — США, СССР, Великобритании и гоминьдановского Китая. Впрочем, сами американцы, в частности посол США в СССР Смит, считали, что Советский Союз вряд ли согласится на эти условия⁷. Следующий шаг был продуман заранее: при ожидаемом отказе СССР сотрудничать в указанном формате судьбу Кореи было решено отдать в руки Генеральной Ассамблеи (ГА) ООН, где американцы могли рассчитывать на подавляющее преимущество при голосовании по любой проблеме⁸.

В начале осени 1947 г. Москва ожидаемо отвергла последнее и заведомо неприемлемое американское предложение о проведении в северной и южной частях Кореи сепаратных выборов под наблюдением ООН по двум различным принятым действующими корейскими представительными органами избирательным законам. Вслед за этим, 17 сентября 1947 г., ещё до окончательного завершения работы Совместной комиссии, представитель США в ООН У. Остин отправил на имя генерального секретаря ООН Трюгве Ли запрос о внесении проблемы будущего Кореи в повестку дня второй сессии Генеральной Ассамблеи⁹. 23 сентября Генассамблея утвердила предложение американцев 41 голосом «за» при 6 «против» и 6 воздержавшихся¹⁰. Это решение вызвало резкий протест со стороны Москвы.

Стоит отметить, что возражения относительно целесообразности переноса вопроса о Корее на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН имелись и у других государств, в том числе у ближайших союзников Соединённых Штатов. Внутри Южной Кореи американская политика также находилась под огнём критики как слева, так и справа. Однако сложившаяся на полуострове угрожающая ситуация заставляла американцев продолжать двигаться выбранным курсом.

Целью представленного США в ООН проекта резолюции по Корее провозглашалось создание в максимально короткий срок независимого корейского государства. Главным механизмом для этого должна была

стать комиссия ООН по Корее, обладающая широчайшими полномочиями и практически полностью контролирующая политическое развитие последней на начальном этапе¹¹. Обсуждение в ООН, по сути, прошло по американскому сценарию: большинство в ГА стабильно поддерживало все предложения США вопреки периодически высказывавшимся в ходе дебатов возражениям. Наиболее опасное для Вашингтона советское предложение предусматривало привлечение к обсуждению корейского вопроса в ООН «избранников корейского народа из Северной и Южной Кореи, а не просто назначенцев иностранных военных властей»¹².

Американцы опасались, что присутствие в ООН северокаорейских представителей может помешать реализации задуманного ими сценария¹³. Не доверяли в Вашингтоне и Ли Сын Ману, чья неутомимая деятельность могла бы продемонстрировать на весь мир всю непримиримость позиций различных корейских политических сил и помешать спокойному рассмотрению корейского вопроса ГА ООН¹⁴. Американцы решили прибегнуть к дипломатической уловке. Представитель США в ООН Дж. Даллес заявил о согласии с советским предложением, но посетовал на то, что Москва не предлагает метода отбора полноценных легитимных представителей корейского народа¹⁵. Для того чтобы разрешить эту «проблему», американцы внесли поправку, фактически обесценивающую советские предложения. Убедиться в том, что представители корейского народа на самом деле выбраны населением, а не назначены оккупационными властями, предполагалось через всё тот же механизм временной комиссии ООН по Корею¹⁶.

14 ноября 1947 г. американский проект устройства Кореи был официально закреплён в резолюции ГА ООН. Для наблюдения за выборами предполагалось создать комиссию ООН из представителей Австралии, Канады, Китая, Сальвадора, Франции, Индии, Филиппин, Сирии и Украинской ССР¹⁷.

СССР ожидаемо отказался принимать участие в работе комиссии ООН по Корею, мотивировав это тем, что создание подобного органа противоречит принципу национального самоопределения корейского народа¹⁸. Избежать участия в работе комиссии пытались также власти Канады и Сальвадора. Для обеспечения явки их представителей американцам пришлось оказать достаточно заметное давление на своих партнёров по «свободному миру».

Принятие резолюции ГА ООН по Корее от 14 ноября 1947 г. задало новые условия для внутренней политической борьбы в Южной Корее. Большинство партий Юга поначалу выразило готовность сотрудничать с ООН, однако закономерные вопросы местного населения вызвала перспектива проведения всеобщих выборов на полуострове в случае, если Советский Союз откажется взаимодействовать с комиссией Организации Объединённых Наций.

Вне зависимости от политической активности корейцев администрация США продолжала претворять в жизнь свой сценарий будущего Южной Кореи. По факту американцы готовились всеми силами подталкивать ещё не собравшуюся в Сеуле комиссию к легитимизации избранного ими сценария раскола полуострова. В начале 1948 г. госсекретарь США Маршалл, инструктируя американские власти на полуострове, прямо говорил о том, что как только СССР откажется сотрудничать с делегатами ООН, администрация США на полуострове должна нацелить комиссию на то, чтобы как можно скорее провести сепаратные выборы на юге Кореи¹⁹.

8 января 1948 г. делегаты ООН прибыли в Сеул. В администрации США и СССР на полуострове были направлены официальные письма с предложением о сотрудничестве²⁰. Реакция СССР на предложение о сотрудничестве ожидаемо оказалась холодной. Советский отказ от взаимодействия дал толчок новым протестам со стороны левых сил Кореи, которые последовательно требовали проведения всеобщих выборов на полуострове и выступали против дальнейшего иностранного вмешательства в политический процесс. Для продвижения своих требований левыми был создан «Южнокорейский комитет всеобщей забастовки против Комиссии Объединённых Наций по вопросу о Корее». Под влиянием левых по Южной Корее прокатилась волна нападений на полицейские участки и объекты инфраструктуры.

Вскоре отказ Советского Союза сотрудничать, а также более глубокое знакомство членов комиссии ООН с местными реалиями привели к существенным разногласиям в ходе работы комиссии. Уже к началу февраля в составе этого органа оформились две фракции, одна из которых преимущественно поддерживала внешнеполитический курс США на фиксирование раскола, а другая стремилась дословно выполнить резолюцию Генеральной Ассамблеи и попытаться сохранить единство страны. Кроме того, каждый член комиссии придерживался собственных взглядов на цели и принципы работы ООН на полуострове.

В условную проамериканскую фракцию входили представители Филиппин, Франции, Сальвадора и Китайской Республики. При этом представитель гоминьдановского Китая стоял особняком: его правительство имело в Корее свои собственные интересы и ориентировалось преимущественно на фракцию Ким Гу.

«Антиамериканская» фракция в комиссии ООН состояла из представителей Австралии, Канады, Индии и Сирии. Двое первых из них — австралиец С. Джексон и канадец Дж. Паттерсон — были шокированы и встревожены антидемократическими реалиями Южной Кореи²¹. Особое их недовольство вызывало отсутствие на полуострове конкурентоспособного политического центра, что связывалось с деятельностью местной полиции и политикой американской администрации²². Характерно, что выводы «антиамериканцев» частично подтверждались и в отчёте личного представителя Трумэна генерала А. Ведемейера, который обратил внимание на несовершенство местной полиции, на 80 % укомплектованной бывшими коллаборационистами. Её методы, во многом унаследованные от японцев, а также многочисленные случаи преследования невинных людей снискали органам правопорядка дурную славу и способствовали повышению популярности левых идей²³. В то же время генерал Ходж всячески пытался защитить южнокорейскую полицию от огня критики, которую он связывал с происками коммунистов, поскольку именно органы правопорядка стояли «на пути осуществления коммунистической революции и захвата власти»²⁴. Генерал Векерлинг, представитель Ходжа в комиссии, на одном из заседаний органа ООН охарактеризовал работу местной полиции как «великолепную», поскольку она парализовала активность левых партий и несколько охладила пыл правых²⁵.

На 11-м заседании Временной комиссии ООН по Корее позиция «антиамериканской» фракции возобладала. С подачи Джексона и вопреки сопротивлению Китая, Сальвадора и Филиппин, большинство членов комиссии ООН отвергло идею о немедленном проведении выборов на Юге Кореи. Вопрос об их проведении передавался на рассмотрение Межсессионного комитета ООН²⁶. На рассмотрение Малой ассамблеи американцами был внесён проект резолюции, требовавший проведения выборов лишь в тех частях полуострова, к которым у комиссии есть доступ. В документе оговаривалось, что избранные на них депутаты не только смогут принять участие в консультациях с ООН, но и войдут в состав Национального собрания, ответственного за формирование

правительства²⁷. Джексон был уверен, что Малая ассамблея не поддержит позицию США²⁸, однако их Государственный департамент обладал достаточными ресурсами, чтобы добиться принятия в ООН нужного документа²⁹.

В ходе обсуждения американского проекта в Межсессионном комитете, которое состоялось 24 и 25 февраля 1948 г., высказывались в том числе и отличные от США мнения: провести выборы в Южной Корее исключительно с целью создания консультативного органа или созвать специальную сессию Генеральной ассамблеи³⁰. Впрочем, представитель США отверг все предложенные к резолюции поправки³¹. Дополнительно, как вспоминал представитель Индии в комиссии В. К. К. Менон, американцы оказали существенное давление на членов ООН для обеспечения нужного им результата голосования³². Оно, в свою очередь, прошло без неожиданностей: 26 февраля предложенная США резолюция была принята³³.

Москва предпочла активно не реагировать на принятое на Межсессионном комитете решение, которое было подвергнуто критике исключительно в печати³⁴. В то же время население полуострова восприняло новость о решении Малой ассамблеи как триумф тех, кто ратовал за принесение в жертву единства Кореи на алтарь создания сепаратного южнокорейского государства. И американцы, и члены комиссии ООН понимали, что противники фиксирования раскола Кореи будут бойкотировать грядущие выборы³⁵. Тем временем в публичном поле Соединённые Штаты продолжали декларировать, что их главной целью на полуострове по-прежнему является создание единого и независимого демократического корейского государства. Формирование в Южной Корее сепаратных органов власти, согласно официальным заявлениям Вашингтона, должно было послужить делу объединения, а не разделения страны³⁶, поскольку новопровозглашённый южнокорейский режим в будущем может быть использован в качестве основы для грядущего единого демократического правительства³⁷.

При этом Временная комиссия ООН по Корее должна была приступить к подготовке проведения выборов к югу от 38-й параллели. Основные принципы их организации были согласованы в марте 1948 г. Выборы должны были пройти не позднее 10 мая в течение одного дня на всей территории Южной Кореи³⁸. В качестве основы для разработки избирательного законодательства был избран закон, ранее подготовленный

Южнокорейской временной ассамблеей³⁹ и дававший заведомое преимущество правым партиям.

По мере того как планы комиссии ООН приобретали конкретные очертания, прояснялись и стратегии, избранные лидерами корейских политических сил. Наибольшие опасения у Соединённых Штатов вызывала активность тех правых националистов, которые выступали против фиксирования раскола Кореи по 38-й параллели. Недовольных американским курсом возглавили Ким Гу и Ким Гю Сик, обладавшие большим влиянием на полуострове, а также проводившие последовательный курс по противодействию американским планам левые партии. Их усилия увенчались созывом Объединённого совещания партий севера и юга Кореи, которое проходило с 19 по 30 апреля 1948 г. в Пхеньяне. Итогом переговоров стал манифест, в котором критиковалось проведение сепаратных выборов на юге Кореи и выдвигалось требование немедленного вывода с территории полуострова иностранных войск и проведения всеобщих демократических выборов. Ответственность за существующую «невыносимую политическую ситуацию» целиком и полностью возлагалась на США⁴⁰. Как бы то ни было, эта декларация уже не могла оказать реальное воздействие на ситуацию и могла быть использована лишь в качестве инструмента ведения антиамериканской пропаганды.

Тем временем в комиссии ООН не стихали дебаты. Главным возмутителем спокойствия по-прежнему выступал Джексон, настаивавший на недопустимости совершения любых действий, которые бы способствовали фиксированию раскола страны. В преддверии выборов американским командованием были предприняты определённые шаги навстречу требованиям критиков. Американцы гарантировали населению базовый набор демократических прав⁴¹, были внесены определённые изменения в уголовное судопроизводство, призванные защитить корейцев от незаконного ареста⁴². Согласно рекомендации делегатов ООН, к 31 марта 1948 г. американским военным губернатором были помилованы 3140 политических заключённых⁴³. Но все эти меры носили половинчатый характер и не могли коренным образом изменить положение с соблюдением прав человека на юге Кореи.

В итоге американцы демонстрировали миру свою готовность сотрудничать с ООН в деле строительства демократической Кореи, а по факту следовали своему прежнему курсу. На деле Вашингтон по-прежнему контролировал большинство голосов членов комиссии ООН в поддержку своей позиции. Нашлась управа и на неугомонного Джексо-

на: к концу апреля он получил от своего правительства новые инструкции и теперь пытался согласовать свою позицию с американской и сохранить при этом лицо⁴⁴.

На пленарном заседании Временной комиссии ООН по Корее, которое состоялось 29 апреля 1948 г., были подтверждены прежние решения относительно выборов, а политическая атмосфера в американской оккупационной зоне признавалась «в достаточной степени свободной»⁴⁵. Против данной резолюции голосов подано не было. Воздержались трое делегатов — представители Франции, Сирии и Канады.

10 мая 1948 г. состоялись отдельные южнокорейские выборы в Национальное собрание. По их итогам уверенную победу одержали правые партии, многие члены которых были зарегистрированы в качестве независимых кандидатов. Наибольших успехов добилась возглавляемая Ли Сын Маном «Национальная ассоциация за скорейшее достижение независимости Кореи»⁴⁶. Что результат будет именно таким, американцы не сомневались⁴⁷. По данным комиссии ООН, явка составила 95,2 % зарегистрированных избирателей (75 % от общего числа корейцев, обладающих избирательным правом). Левыми партиями было заявлено о большом количестве нарушений и случаев давления на избирателей, однако комиссией ООН не было выявлено конкретных доказательств большинства из них⁴⁸.

Джейкобс, политический советник администрации США в Корее, сообщая в Вашингтон о ходе голосования, передавал, что оно прошло без существенных негативных инцидентов⁴⁹. Очевидно, он не причислял к таковым сообщения о том, что в день выборов были убиты 44 и ранены 62 человека⁵⁰. Всего в марте—мае 1948 г. в инцидентах, связанных с организацией и проведением выборов, по разным данным, погибли от 245⁵¹ до более чем 600 корейцев⁵². Проведение выборов было полностью сорвано на охваченном восстанием о. Чечжудо⁵³. Протесты против разделения страны продолжались и после 10 мая.

Сразу после выборов роль комиссии ООН в процессе строительства южнокорейского государства резко снизилась. Как отмечает Л. Горденкер, её деятельность стала фактически незаметной, новоизбранные корейские лидеры проконсультировались с ней лишь дважды, причём сделали это сугубо формально⁵⁴. Пользуясь американской поддержкой, корейцы предпочли действовать самостоятельно. 12 июля 1948 г. была принята и спустя пять дней вступила в силу первая южнокорейская Конституция, предусматривавшая сосредоточение основных рычагов управ-

ления страны в руках президента. Как отмечалось в отчёте ЦРУ за этот период, попытка Ли Сын Мана заложить фундамент под свою личную диктатуру не встретила эффективного сопротивления⁵⁵. Спустя три дня Национальное собрание избрало на этот пост Ли Сын Мана, контролировавшего абсолютное большинство голосов в парламенте⁵⁶. 15 августа 1948 г. было провозглашено создание независимой Республики Корея, представители которой немедленно вступили в переговоры с американцами по вопросу о передаче контролируемых США корейских активов новому правительству. В тот же день военная администрация США на полуострове прекратила свою работу в качестве верховного органа власти и передала свои функции южнокорейским органам власти. Процесс передачи власти закончился в декабре 1948 г.⁵⁷

12 декабря Генеральная ассамблея ООН утвердила американско-китайско-австралийский проект резолюции по Корее, согласно которому в той её части, к которой у делегатов ООН имелся доступ, было создано единственное на полуострове законное правительство⁵⁸.

Принятие резолюции открыло путь для частичной легитимизации южнокорейского режима на международной арене. Китайская Республика приняла решение о признании южнокорейского режима ещё до этого, в августе 1948 г. 1 января 1949 г. Республика Корея была официально признана Соединёнными Штатами⁵⁹. Послом США в Корее стал Дж. Муччио⁶⁰. В течение нескольких месяцев примеру американцев последовали Великобритания⁶¹, Франция⁶² и Филиппины⁶³. В то же время Австралия и Канада пошли на этот шаг только в середине 1960-х годов⁶⁴, а Индия — в 1973 г.⁶⁵ Провалились попытки США добиться вступления Республики Корея в ООН: помехой было вето СССР в Совете Безопасности⁶⁶.

Таким образом, к концу 1948 г. благодаря усилиям Соединённых Штатов в Южной Корее было создано сепаратное независимое государство, частично признанное международным сообществом. Это событие стало закономерным итогом курса на фиксирование раскола страны, взятого администрацией США осенью 1947 г. Решение о создании сепаратного правительства в Южной Корее было принято в условиях стремительно ухудшающегося внутреннего положения в американской оккупационной зоне и параллельного усиления позиций СССР к северу от 38-й параллели. Фиксирование раскола Кореи позволило американцам защитить своё влияние на полуострове от практически неизбежной победы левых сил и обеспечить формирование зависимого от Вашингтона

и способного гарантировать его интересы правонационалистического режима.

Ключевым инструментом корейской политики США в рассматриваемый период стала Организация Объединённых Наций. В рамках ООН международное сообщество продемонстрировало своё бессилие повлиять на американскую политику в случае, если Вашингтон считал это нецелесообразным. Как на ГА ООН, так и в рамках работы Временной комиссии по Корее, любая оппозиция американской точке зрения либо игнорировалась, либо подавлялась. В лучшем случае, Вашингтон мог сделать некоторые формальные уступки в пропагандистских целях. Столь же неэффективными оказались и попытки воспрепятствовать фиксированию раскола страны со стороны местных политических сил. Наиболее продуктивной оказалась деятельность Ли Сын Мана, который сумел максимально эффективно воспользоваться сложившейся конъюнктурой и достичь своей главной цели — стать первым президентом Республики Корея.

Примечания

¹ Foreign relations of United States (далее — FRUS). 1947. Vol. VI. P. 845—846

² См. подробнее: *Садаков Д.А.* Развитие и причины провала советско-американского диалога Совместной комиссии в Корее (1946—1947 гг.) // Сотрудничество России с государствами Восточной Азии. Доклады, представленные на II международной конференции молодых востоковедов в ИДВ РАН (Москва, 22—23 октября 2014 г.). М., 2015.

³ FRUS 1947. Vol. VI. P.757

⁴ Hyun Woong Hong American foreign policy toward Korea, 1945—1950. Stillwater, 2007. P. 176.

⁵ Containment: documents on American policy and Strategy, 1945—1950. N.Y., 1978. P. 78.

⁶ FRUS 1947. Vol. VI. P.738—739.

⁷ Ibid. P. 776;

⁸ *Halliday J.* The United Nations and Korea // Without parallel, The American-Korean relationship since 1945. N.Y., 1974. P. 110.

⁹ A Program for a More Effective United Nations // The Department of State Bulletin. 1947. Vol. 17. P. 618.

¹⁰ FRUS 1947. Vol. VI. P. 792.

- ¹¹ Ibid. P. 834—835.
- ¹² Отношения Советского Союза с народной Кореей, 1945—1980: Документы и материалы. М., 1981. С. 36.
- ¹³ FRUS 1947. Vol. VI. P. 815.
- ¹⁴ Ibid. P. 822.
- ¹⁵ *Soon Sung Cho*. Korea in world politics 1940—1950. Berkeley, 1967. P. 178.
- ¹⁶ Yearbook of the United Nations. 1947—1948. NY. 1949. P. 83—84.
- ¹⁷ FRUS. 1947. Vol. VI, P. 857—859; Resolutions : General Assembly (GA), 2nd session: United Nations (UN). 1947. A/RES/112(II)[A-B] The problem of the independence of Korea. Режим доступа: URL: <http://www.un.org/ru/ga/2/docs/2res.shtml>
- ¹⁸ *Петухов В.И.* У истоков борьбы за единство и независимость Кореи. М., 1987. С. 132.
- ¹⁹ FRUS. 1948. Vol. VI. P. 1083.
- ²⁰ Объединённые Нации. Годовой доклад генерального секретаря о работе Организации с 1 июля 1947 года по 30 июня 1948 года. Нью-Йорк, 1948. С. 49.
- ²¹ *Deane H.* The Korean War 1945—1953. San Francisco, 1999. P. 63.
- ²² FRUS. 1948. Vol. VI. P. 1090—1091.
- ²³ FRUS. 1947. Vol. VI. P. 802.
- ²⁴ Объединённые Нации. Первая часть доклада Временной комиссии Организации Объединённых Наций по вопросу о Корее. Том III. Нью Йорк, 1948. С. 55.
- ²⁵ Там же. С. 9.
- ²⁶ Объединённые Нации. Годовой доклад генерального секретаря о работе Организации с 1 июля 1947 года по 30 июня 1948 года. Нью Йорк, 1948. С. 49; FRUS. 1948. Vol. VI. P. 1093.
- ²⁷ Need for Elections in Korea // The Department of State Bulletin. 1948. Vol. 18. P. 297—298.
- ²⁸ FRUS. 1948. Vol. VI. P. 1132.
- ²⁹ Ibid. 1108.
- ³⁰ Объединённые Нации. Доклады Межсессионного комитета Генеральной ассамблеи (5 января — 5 августа 1948 года). Париж, 1948. С. 22.
- ³¹ АВП РФ. Ф. 047. Оп. 3. П. 10. Д. 34. Л. 32.
- ³² *Menon K.* Many Worlds. L., 1966. P. 257.
- ³³ Объединённые Нации. Годовой доклад генерального секретаря о работе Организации с 1 июля 1947 года по 30 июня 1948 года. Нью-Йорк, 1948. С. 50.

³⁴ АВП РФ. Ф. 0102. Оп. 4. П. 9. Д. 1. Л. 1.

³⁵ Election in Korea. UNO Committee Decision // *The Sydney Morning Herald*. 1948. March, 13. P. 3; FRUS. 1948. Vol. VI. P. 1136.

³⁶ FRUS. 1948. Vol. VI. P. 1128.

³⁷ Ibid. P. 1137.

³⁸ Ibid. P. 1142—1143.

³⁹ Ibid. P. 1147.

⁴⁰ Коммюнике совещания руководителей политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи // *Правда*. 1948. 4 мая. С. 4; Объединённые Нации. Первая часть доклада Временной комиссии Организации Объединённых Наций по вопросу о Корее. Том I. Нью-Йорк, 1948. С. 27; FRUS. 1948. Vol. VI. P. 1185—1186.

⁴¹ Объединённые Нации. Первая часть доклада Временной комиссии Организации Объединённых Наций по вопросу о Корее. Том II. Нью-Йорк, 1948. С. 72.

⁴² Там же. Том I. Нью-Йорк, 1948. С. 24.

⁴³ Там же. С. 39.

⁴⁴ FRUS. 1948. Vol. VI. P. 1183.

⁴⁵ Объединённые нации. Годовой доклад генерального секретаря о работе Организации с 1 июля 1947 года по 30 июня 1948 года. Нью-Йорк, 1948. С. 52.

⁴⁶ *Beigbeder Y.* International Monitoring of Plebiscites, Referenda and National Elections. Self-determination and Transition to Democracy. Dordrecht, 1994. P. 123.

⁴⁷ FRUS. 1948. Vol. VI. P. 1092.

⁴⁸ Объединённые Нации. Первая часть доклада Временной комиссии Организации Объединённых Наций по вопросу о Корее. Том I. Нью-Йорк, 1948. С. 52.

⁴⁹ FRUS. 1948. Vol. VI. P. 1192.

⁵⁰ Объединённые Нации. Первая часть доклада Временной комиссии Организации Объединённых Наций по вопросу о Корее. Том I. Нью-Йорк, 1948. С. 51.

⁵¹ Там же. С. 51.

⁵² *Stueck W.* The Korean War in World History. Lexington, 2004. P. 38.

⁵³ *Петухов В.И.* Указ. соч. С. 140.

⁵⁴ *Gordenker L.* The United Nations, the United States Occupation and the 1948 Election in Korea // *Political Science Quarterly*. 1958. Vol. 73. № 3. P. 450.

⁵⁵ Intelligence highlights no. 10 week of 13 July — 19 July 1948 [Electronic resource]. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP79-01082A000100010011-7.pdf>. P. 3.

⁵⁶ *Stueck W.* Op. cit. P. 38.

⁵⁷ FRUS. 1949. Vol. 7. Part 2. P. 971.

⁵⁸ FRUS. 1948. Vol. 6. P. 1274—1275.

⁵⁹ A Guide to the United States' History of Recognition, Diplomatic, and Consular Relations, by Country, since 1776: The Republic of Korea (South Korea) [Electronic resource]. URL: <https://history.state.gov/countries/korea-south>

⁶⁰ FRUS. 1948. Vol. 6. P. 1264—1265.

⁶¹ Ministry of Foreign Affairs, Republic of Korea-Europe. The United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland. [Electronic resource]. URL: http://www.mofa.go.kr/ENG/countries/europe/countries/20070823/1_24592.jsp

⁶² Ministry of Foreign Affairs, Republic of Korea-Europe. France. [Electronic resource]. URL: http://www.mofa.go.kr/ENG/countries/europe/countries/20070818/1_24631.jsp

⁶³ Ministry of Foreign Affairs, Republic of Korea-Asia Pacific. Philippines. [Electronic resource] URL: http://www.mofa.go.kr/ENG/countries/asiapacific/countries/20070802/1_24411.jsp

⁶⁴ Ministry of Foreign Affairs, Republic of Korea-Asia Pacific. Australia. [Electronic resource]. URL: http://www.mofa.go.kr/ENG/countries/asiapacific/countries/20160720/1_75018.jsp; Ministry of Foreign Affairs, Republic of Korea-North America. Canada. [Electronic resource]. URL: http://www.mofa.go.kr/ENG/countries/northamerica/countries/20070803/1_24559.jsp

⁶⁵ Ministry of Foreign Affairs, Republic of Korea-Asia Pacific. India. [Electronic resource]. URL: http://www.mofa.go.kr/ENG/countries/asiapacific/countries/20071018/1_24388.jsp

⁶⁶ В Совете Безопасности // Правда. 1949. 17 февраля. С. 4.

Глава 5

ЭКОНОМИКА РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ ПЕРЕД НОВЫМИ ВЫЗОВАМИ

А.Ф. Синякова

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СТРАХОВОГО РЫНКА РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ*

Рынок финансовых услуг РК, включая страховые услуги, оставался достаточно закрытым на протяжении долгого периода времени. Иностранные компании пришли на страховой рынок РК сравнительно недавно, причем их доля по-прежнему невысока как в сегменте страхования жизни, так и в иных видах страхования. В качестве основных тенденций страхового рынка РК в настоящее время можно выделить развитие системы добровольного пенсионного страхования и расширение линейки соответствующих продуктов, увеличение объемов продаж через Интернет, оптимизацию тарифов в перестраховании, изменения в ценовой политике и, как следствие, рост капитализации рынка в среднесрочной перспективе.

Ключевые слова: Республика Корея, страхование, перестрахование, рынок финансовых услуг, страхование жизни, иные виды страхования.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России», № 16-03-00602.

Рынок страховых услуг в Республике Корея активно развивается на протяжении последних нескольких лет. Отметим, что начиная с 2015 г. особенно динамично растет рынок услуг пенсионного страхования, что обусловлено, с одной стороны, желанием граждан обеспечить собственную пенсию, а с другой — намерением государства использовать соответствующие механизмы стимулирования. Институциональную поддержку получают новые страховые продукты личного пенсионного страхования. В конце 2015 г. Комиссия по финансовым услугам выпустила дорожную карту с целью повышения конкуренции в страховом секторе и расширения линейки страховых продуктов, предлагаемых клиентам. Для этого снимаются или упрощаются стандартизированные требования и ограничения в сфере личного страхования, в результате чего страховые компании в РК стали продавать два новых продукта страхования жизни. Один из страховых продуктов представляет собой договор на дожитие, страховая сумма по которому выплачивается заранее, а не по факту страхового случая (смерти застрахованного лица), другой страховой продукт разработан с учетом возможности досрочного прекращения договора страхования жизни. В этом случае выкупная сумма, выплачиваемая страхователю, будет ниже, чем по иным договорам страхования жизни, однако страховая сумма по завершении договора, т. е. не прекращения его досрочно, будет выше, чем по иным существующим договорам. Изменения также коснулись страхования здоровья: франшиза, т. е. минимальная не покрываемая страховым полисом сумма ущерба, выросла до 20 %¹ реально понесенных расходов, увеличение размера франшизы привело к уменьшению страховой премии, что делает приобретение медицинской страховки более привлекательным для клиентов.

Начали осуществлять деятельность страховые агенты, которые продают только одну специализированную линейку продуктов с расширенной гарантией, например титульное страхование у брокеров по страхованию недвижимости.

Продолжается программа повышения финансовой грамотности населения, стартовавшая в 2002 г., а в 2014 г. Управление финансового надзора² стало расширять программу, вводя соответствующие образовательные курсы в учебных заведениях. Учебные программы разрабатывают 49 финансовых институтов³, объединенных в «сеть финансовой грамотности». Другой целевой аудиторией стали материально и социально незащищенные слои населения с ограниченным доступом к финансовым услугам и знаниям, для которых предусмотрена выездная информа-

ционно-разъяснительная работа. Также с целью расширения доступа граждан к финансовым услугам был запущен интернет-сайт, на котором можно получить информацию о страховых продуктах и сравнить цены. Несмотря на жалобы пользователей о том, что пока доступно сравнение цен только на базовые страховые продукты, это уже является позитивным шагом для снижения размера страховых премий для покупателей. Кроме того, Управление финансового надзора предпринимает активные меры противодействия мошенничеству в сфере страхования, развернута масштабная агитационно-просветительская кампания, которая ставит своей целью защиту потребителей финансовых услуг, в том числе страховых. Информация в средствах массовой информации, специализированные брошюры и проспекты нацелены на информирование в особенности граждан с низким уровнем доходов и представителей малого и среднего бизнеса. Для привлечения инвесторов и стимулирования развития конкуренции на страховом рынке информация предоставляется на английском языке в специализированных пресс-релизах, в СМИ, в Интернете.

Произошли изменения и на рынке перестрахования. После крупных техногенных катастроф в 2015 г., в частности пожара на складе Чейль Индастриз (Cheil Industries) в Кимпхо (Республика Корея), взрывов в китайском Тяньцзине, страховщики и перестраховщики понесли огромные убытки. До этого премии в страховании ином, чем страхование жизни, для корпоративного сегмента рассчитывались на основании тарифов, предлагаемых перестраховщиками, исходя из того что перестрахование будет размещаться у этих перестраховщиков. В соответствии с новой дорожной картой страховые компании получили возможность рассчитывать премию на основании тарифов по своему усмотрению. В целом перестраховочный рынок Южной Кореи становится более конкурентным за счет появления в стране хоть и небольшого числа новых зарубежных участников, в частности американская компания Pacific Life Re получила окончательное разрешение открыть в РК отделение, а сингапурский перестраховщик Asia Capital Reinsurance Group — предварительное одобрение на открытие своего филиала.

Деятельность участников страхового рынка и допуск иностранных страховых компаний на южнокорейский рынок регулируется Законом о страховом бизнесе и Положением о договорах страхования⁴. Закон регламентирует финансовые требования к страховым компаниям: размер уставного капитала; процедуру аудита; размер резервного капитала, ус-

танавливаемого на основе оценки риска в объеме не менее 100 %, тогда как Управление финансового надзора рекомендует 150 %⁵; необходимость получения одобрения от Управления финансового надзора для новых страховых продуктов.

Положительная динамика южнокорейского страхового рынка достигается преимущественно за счет сегмента страхования жизни, на который в 2015 г. приходилось 64,2 % собранных премий⁶. По итогам 2014 г. сумма страховых премий по всем видам страхования составила 159,5 млрд долл. (11,3 % ВВП), что на 4,67 % выше итогов 2013 г. Доля страхового рынка Южной Кореи составляла 3,34 % мирового рынка, и РК занимала 8-е место по суммарному объему собранных страховых премий (1-е место США, Япония — 2-е, Китай — 4-е)⁷. Так называемое страховое проникновение, т. е. процентное соотношение суммы аккумулированных премий к ВВП по сегменту страхования жизни, в Республике Корея составило 7,2 % ВВП при среднемировом показателе 3,4 %, по иным видам страхования 4,1 % при мировом показателе 2,7 %⁸. По величине премий на душу населения южнокорейские показатели сопоставимы со средними по странам ОЭСР: 3163 долл. по итогам 2014 финансового года (финансовый год завершился в апреле 2015 г.), в том числе 2014 долл. по страхованию жизни и 1149 долл. по прочим видам страхования; величина собранных премий на душу населения по странам ОЭСР составила суммарно 3665 долл.: 2090 долл. и 1575 долл. по видам страхования соответственно, — тогда как среднемировой показатель суммы собранных премий на душу населения составляет 662 долл.⁹

В настоящее время в Южной Корее осуществляют деятельность 56 страховых компаний, из них 25 в сегменте страхования жизни и 31 в сегменте иных видов страхования. Суммарные активы этих компаний на начало 2016 г. составили 951 трлн вон (примерно 836 млрд долл.¹⁰), что на 88,6 трлн больше показателя за предыдущий год. Чистая прибыль страховых компаний достигла по итогам 2015 г. 6,3 трлн вон (5,5 млрд долл.), чистая прибыль страховых компаний по направлению страхования жизни выросла на 400 млрд до 3,6 трлн вон (3,2 млрд долл.) преимущественно за счет роста операционной прибыли. В сегменте иных видов страхования чистая прибыль участников рынка увеличилась также на 400 млрд до 2,7 трлн вон (2,4 млрд долл.), но в отличие от страхования жизни здесь рост прибыли был обеспечен инвестиционным доходом (6,3 трлн вон), в то время как страховой доход снижался как в 2014 г.,

так и в 2015 г.: –2,5 трлн вон (–2,2 млрд долл.) и –2,8 трлн вон (–2,5 млрд долл.) соответственно¹¹.

Число страховых компаний на южнокорейском рынке остается неизменным на протяжении нескольких последних лет. Услуги по страхованию жизни предоставляются в Республике Корея 25 компаниями, из которых 17 являются южнокорейскими, а 8 иностранными. В конце 2013 г. изначально нидерландская компания ING Life была приобретена частным южнокорейским фондом MBK Partners, в настоящее время она является пятым по размерам активов страховщиком (31,8 трлн вон [27,9 млрд долл.] на конец 2016 г.) с заявленной чистой прибылью 304,8 млрд вон (268 млн долл.) в 2015 г. по сравнению с 223,5 млрд вон (196,5 млн долл.) в 2014 г.¹² Доля зарубежных компаний в суммарном объеме собранных страховых премий сократилась до 13,1 %¹³ после данного поглощения. В целом на фоне глобального экономического кризиса рыночная доля зарубежных страховщиков заметно снизилась. Причина этого отчасти заключается в сравнительно слабой сети дистрибуции в РК, национальные компании смогли увеличить свою долю рынка за счет банкострахования, т. е. видов страхования, предоставляемых банками. На этот вид продаж приходится почти половина собранных премий. В сегменте страхования жизни большим спросом пользуется накопительное страхование, что объясняется как старением населения, так и тем, что для страхователей это является привлекательным инструментом накопления и сбережений в период низкой инфляции. Суммы выплаченных возмещений по накопительным видам страхования по вsem страховщикам ежегодно росли с 2012 г.

Страховые услуги по иным видам страхования предоставляет в Южной Корее 31 компания, 24 из которых занимаются непосредственно страхованием, а 7 являются перестраховочными компаниями. 14 компаний являются южнокорейскими, 17 — зарубежными. Доля рынка зарубежных компаний невелика и сохраняется на уровне примерно 2—3 %, причем эти компании не являются лидерами рынка.

Наибольшая доля рынка страхования жизни принадлежит трем южнокорейским компаниям: Samsung Life (25,5 % на начало 2015 г.), Hanwha Life (12,4 %), Kyobo Life (11,1 %) ¹⁴. По итогам 2016 г. компания Samsung Life Insurance заявила чистую прибыль в размере 2,13 трлн вон (1,83 млрд долл.). Чистая прибыль по результатам основной операционной деятельности несколько снизилась: 936,1 млрд вон (823 млн долл.) по итогам 2016 г. по сравнению с 985,9 млрд вон (866,8 млн долл.) в

2015 г.¹⁵ Сумма собранных премий также немного сократилась: 22,11 трлн вон (19,4 млрд долл.) в 2016 г. против 22,93 трлн вон (20,2 млрд долл.) в 2015 г. в связи с сокращением продаж накопительных страховых продуктов.

В сегменте иных видов страхования лидерами рынка являются Samsung Fire & Marine, Hyundai Marine & Fire, Dongbu Insurance, LIG Insurance, Meritz Fire & Marine. Чистая прибыль компаний выросла на 400 млрд до 2,7 трлн вон (2,4 млрд долл.) в 2015 г. Сумма страховых премий по итогам 2014 г. составила 76,6 трлн вон (67,3 млрд долл.)¹⁶, что на 8,3 % превышает показатель предыдущего года. Несмотря на рост собранных премий, ситуация в сегменте прочих видов страхования остается не слишком позитивной для страховщиков. Снижение спроса на страховые продукты отмечается практически по всем направлениям бизнеса. Премии в сегменте страхования от пожаров снизились на фоне замедления строительного бизнеса, морское страхование, в котором основная доля приходится на страхование грузов и КАСКО страхование судов, также зафиксировало снижение объема собранных премий на 2,2 %¹⁷ вслед за общеэкономическим спадом. Он же послужил причиной снижения суммы собранных премий в сегменте страхования финансовых гарантий. Сегмент автомобильного страхования, традиционно отмечающий самый большой убыток по выплачиваемым возмещениям, несколько выправился в связи с повышением тарифов, особенно для владельцев автомобилей премиального класса. Улучшение финансовых результатов деятельности Hyundai Marine & Fire (на 23,3 %), KB Insurance (на 88,3 %), Meritz Fire & Marine (на 72,9 %)¹⁸ было отмечено в первой половине 2016 г. по сравнению с тем же периодом 2015 г., а лидер рынка Samsung Fire & Marine, напротив, зафиксировал снижение чистой прибыли за указанный период. В целом ситуация на страховом рынке Республики Корея достаточно устойчива, резервный капитал, устанавливаемый на основе оценки риска, у национальных компаний составил 288 % в середине 2016 г., в среднем по сегменту страхования жизни этот показатель составил 297,1 %, по иным видам страхования 269,1 %¹⁹.

В 2017 г. можно ожидать замедления роста суммы собранных страховых премий в РК, причиной являются низкие процентные ставки и снижение темпов экономического роста в целом. В 2015 г. прирост составил 5,5 % к предыдущему году, в 2016 г. — 3,2 %, в 2017 г., по оценкам Корейского страхового исследовательского института (KIDI), не превысит 2,2 %. Такая динамика коснется как сегмента страхования

жизни, так и сегмента прочих видов страхования. На фоне снижения темпов прироста аккумулированных премий страховые компании сокращают работников, летом 2016 г. число занятых в южнокорейском страховом секторе достигло минимума за последние пять лет — 59 400 человек²⁰. Еще одной тенденцией можно назвать рост объемов продаж страховых продуктов через Интернет: в 2012 г. сумма собранных таким образом премий составила 1,9 трлн вон (1,7 млрд долл.), а в 2015 г. 7,5 трлн вон (6,6 млрд долл.)²¹, наиболее востребованными продуктами, приобретаемыми он-лайн, являются срочное страхование и страхование на случай критических заболеваний. Через Интернет страхователи склонны покупать простые и типовые страховые продукты, на которые удобно сравнивать цены, поскольку их разница у иных страховщиков может достигать 50 %. В сегменте перестрахования выход на рынок новых зарубежных игроков приведет к обострению конкуренции на внутреннем рынке и заставит ведущую южнокорейскую перестраховочную компанию Korean Re расширять бизнес путем выхода на иностранные рынки.

Примечания

¹ Health Insurance Guide. National Health Insurance Corporation. URL: <http://www.nhic.or.kr/english/usrguide/guide05.html> (дата обращения: 17.04.2017).

² Financial Supervisory Service Annual Report 2015. URL: http://english.fss.or.kr/fss/eng/p/publications/ar_list.jsp?bbsid=1289364303986 (дата обращения: 19.02.2017).

³ A total of 667 Schools Selected for the 2015 Financial Literacy Pilot Program (Press Release March 25, 2015) Financial Supervisory Service. URL: http://english.fss.or.kr/fss/eng/p/news/pr_view.jsp?bbsid=1289277491315&idx=1427264050230 (дата обращения: 17.04.2017).

⁴ Laws Regulations. Korean Insurance Development Institute. URL: https://www.kidi.or.kr/eng/other/laws_regulations.asp (дата обращения: 19.02.2017).

⁵ Korean insurers' RBC ratio continues to rise. Insurance Asia News, August 26, 2016. URL: <http://insuranceasianews.com/topics/legal-regulatory/korean-insurers-rbc-ratio-up-for-second-consecutive-quarter/> (дата обращения: 17.04.2017).

⁶ Life Insurance in South Korea, Key Trends and Opportunities to 2020. URL: <http://www.crossroadstoday.com/story/34001774/life-insurance-in-south-korea-key-trends-and-opportunities-to-2020> (дата обращения: 19.02.2017).

⁷ Sigma 4/2015 — World insurance in 2014: back to life. Swiss Re. URL: http://www.swissre.com/reinsurance/insurers/sigma_42015_world_insurance_in_2014_back_to_life.html (дата обращения: 19.02.2017).

⁸ Там же.

⁹ Korean Insurance Industry 2015. Korean Insurance Research Institute. URL: http://www.kiri.or.kr/web_eng/pdf/Korean%20Insurance%20Industry%202015.pdf (дата обращения: 19.02.2017).

¹⁰ Здесь и далее сумма в долларах США рассчитана по курсу на апрель 2017 г. с помощью конвертера валют URL: <http://hqrates.com/konverter/>

¹¹ Financial Supervisory Service Annual Report 2015. URL: http://english.fss.or.kr/fss/eng/p/publications/ar_list.jsp?bbsid=1289364303986 (дата обращения: 17.04.2017).

¹² S. Korea's ING Life Insurance applies for IPO approval — Korea Exchange. Reuters, Feb 12, 2017. URL: <http://www.reuters.com/article/southkorea-ing-life-insurance-ipo-idUSL4N1FR1A1> (дата обращения: 19.02.2017).

¹³ Korean Insurance Industry 2015. Korean Insurance Research Institute. URL: http://www.kiri.or.kr/web_eng/pdf/Korean%20Insurance%20Industry%202015.pdf (дата обращения: 17.04.2017).

¹⁴ Korean Insurance Development Institute. KIDI Monthly Insurance Report, Issues. URL: <https://www.kidi.or.kr/> (дата обращения: 19.02.2017).

¹⁵ Samsung Life's 2016 net profits hit US\$1.83bn. Insurance Asia News, January 27, 2017. URL: <http://insuranceasianews.com/news/samsung-lifes-2016-net-profits-hit-us1-83bn/> (дата обращения: 19.02.2017).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Korean non-life profits recover in first half. Insurance Asia News, August 03, 2016. URL: <http://insuranceasianews.com/news/south-koreas-non-life-players-report-profits-in-first-half/> (дата обращения: 19.02.2017).

¹⁹ Korean insurers' RBC ratio continues to rise. Insurance Asia News, August 26, 2016. URL: <http://insuranceasianews.com/topics/legal-regulatory/korean-insurers-rbc-ratio-up-for-second-consecutive-quarter/> (дата обращения: 19.02.2017).

²⁰ Korean firms to face sluggish growth in 2017. Insurance Asia News, October 13, 2016. URL: <http://insuranceasianews.com/news/indonesian-reinsurer-seeks-to-challenge-foreign-firms/> (дата обращения: 19.02.2017).

²¹ South Korean Online Insurance Market is Growing Rapidly. Business Korea, April 21, 2016. URL: <http://www.businesskorea.co.kr/english/news/ict/14485-online-insurance-south-korean-online-insurance-market-growing-rapidly> (дата обращения: 17.04.2017).

К.Г. Машарский

СПЕЦИФИКА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ВЫЗОВЫ

Одним из факторов экономического успеха Республики Корея является функционирование ее национальной инновационной системы (НИС). В статье рассмотрены особенности становления и развития НИС РК, а также система государственного управления. Проанализирована специфика южнокорейской модели национальной инновационной системы и проведен ее SWOT-анализ.

Ключевые слова: национальная инновационная система, инновационная политика, Республика Корея.

Теоретические основы национальной инновационной системы (НИС) были сформулированы мировым научным сообществом в 80-х годах 20-го столетия и стали ответом на вызовы глобального технологического и инновационного развития планетарной цивилизации, связанные с формированием инновационно ориентированной экономики («экономики, основанной на знаниях»)¹.

Понятие национальной инновационной системы, возникшее в последние годы XX в., включает систему учреждений, организаций, отдельных людей, деятельность которых координируется и мотивируется экономическими законами, наряду с нормативно-правовой, культурной, социальной средой данного государства². Существует множество

определений понятия «национальная инновационная система», в фокусе которых оказывается содержательный аспект НИС. Среди современных исследователей оптимальное определение, на наш взгляд, принадлежит Р. Нельсону: «Национальная инновационная система — это сеть институтов, взаимодействие которых определяет инновационную деятельность ... национальных фирм»³.

Традиционно создателями теоретических основ национальной инновационной системы принято считать К. Фримэна (Великобритания), Б.А. Лундвалла (Швеция) и Р. Нельсона (США), проанализировавших становление и развитие инновационной деятельности в разных странах и давших определение понятия НИС. При этом в основу исследования были положены результаты, ранее полученные Й. Шумпетером (теория экономической динамики), Ф. Хайеком (концепция рассеянного знания), Д. Нортон (институциональная теория), Р. Солоу, (роль НТП в экономическом росте), П. Ромером и Р. Лукасом (новая теория роста)⁴.

Следует отметить, что пока исследователям НИС не удалось разработать систему индикаторов, которая позволила бы достаточно полно и ёмко охарактеризовать процессы, протекающие в конкретной инновационной системе, роль этих процессов и эффективность системы в целом. Практически любой анализ НИС, а тем более анализ, связанный со сравнением и оценкой НИС разных стран, всегда страдает некорректностью, поскольку основывается на анализе одних индикаторов и пренебрегает другими, поэтому в рамках данного исследования в качестве методологии мы используем структурно-объективный и функциональный методы исследования НИС РК. Данное исследование преимущественно сосредоточено на SWOT-анализе южнокорейской инновационной системы.

Анализируя становление НИС РК, следует отметить, что фундамент для ее формирования был заложен в 60-х годах XX в., и под влиянием комплекса факторов развитие науки и технологий превратилось в одно из приоритетных направлений политики Республики Корея.

Приоритеты научно-технической политики РК в 60-х годах XX в. были направлены на заимствование иностранных технологий, а также на построение собственной технологической базы для их успешного освоения и внедрения.

В 70-е годы XX в. были выделены следующие приоритеты: развитие тяжелой и химической промышленности, автомобилестроение и судостроение. К концу этого периода была заложена основа для националь-

ной инновационной системы и появилась сложная централизованная бюрократическая система.

В 1982 г. была запущена Национальная программа развития НИ-ОКР. Толчком для развития высокотехнологичных отраслей послужило начало производства полупроводников. Следует отметить, что начиная с 1980-х годов инвестиции со стороны частного сектора в НИОКР начинают превосходить государственные затраты.

В 1987 г. был создан Институт научной-технической политики, основной задачей которого было изучение социальных и экономических проблем, касающихся развития научно-технологического сектора. Институт играл и играет ведущую роль в создании стратегии развития инновационной сферы.

В итоге реализации вышеперечисленного комплекса мероприятий был сформирован фундамент для становления и развития национальной инновационной системы. Реструктуризация этого фундамента потребовалась только в результате Азиатского кризиса 1997 г.

Этот период был ознаменован реструктуризацией крупнейших южнокорейских финансово-промышленных групп. В 1997 г. был принят первый 5-летний план развития науки и технологий, а также введен в действие Специальный закон о научных и технологических инновациях, согласно которому создавался Государственный совет по науке и технологиям при президенте РК. Совет стал главной инстанцией по созданию системы приоритетов развития НИС РК и оценки научно-технической и инновационной политики государства. В 1999 г. был принят долгосрочный план развития науки и технологий до 2025 г.

Таким образом, главная особенность развития НИС РК заключается в реализации правительством стратегии «догоняющего развития» за счет стимулирования трансфера технологий и развития собственного инновационного потенциала для их освоения и создания инноваций на их основе.

Основными факторами, повлиявшими на становление НИС РК, были: сильная государственная поддержка научно-технической и инновационной деятельности; внешнеэкономическая помощь; доминирующая роль финансово-промышленных групп; южнокорейская модель взаимодействия государства и финансово-промышленных групп; трансфер технологий и создание технопарков.

Рассмотрим основные современные законодательные акты в области научно-технической и инновационной политики Республики Корея.

В основе современной законодательной базы лежит Конституция 1988 г. Статья 127 гласит:

1. *Государство обязуется стимулировать развитие национальной экономики посредством развития науки и технологий, информационных и людских ресурсов и поддерживать инновационную деятельность*⁵.

В 1990 г. президентом был подписан Закон о поддержке фундаментальных научных исследований. В 1991 г. был создан Президентский консультационный совет по науке и технологиям. Совет состоит из 30 человек, в его состав входят представители ключевых отраслей промышленности, академических кругов и руководители ведущих научно-исследовательских институтов. Члены Совета назначаются президентом на один год, и встречи в таком составе проводятся на ежемесячной основе⁶.

Нельзя оставить без внимания тот факт, что большинство иностранных исследователей системы государственного управления НИС РК делятся на два лагеря: тех, кто по каким-то причинам не заметил или пропустил этот совет, и тех, кто в результате исследования, вероятно исходя из первого слова в названии совета — *президентский*, решил, что это последняя инстанция по принятию решений в сфере научно-технической и инновационной политики РК. Как следствие, это приводит к непониманию всей архитектуры НИС РК.

Как уже ранее упоминалось, в 1999 г. был создан *Национальный совет по науке и технологиям*, который является ключевым центром для принятия решений в сфере научно-технической и инновационной политики РК (рис. 1)⁷. С 2013 г. Совет возглавляет премьер-министр, 10 человек представляют госсектор и 9 человек — частный сектор.

Как видно из схемы, наиболее активными игроками среди министерств являются: Министерство науки, информационно-коммуникационных технологий и планирования (MSIP), Министерство торговли, промышленности и энергетики (MOTIE) и Министерство образования. На MSIP и MOTIE приходится около 60 % от общего государственного объема расходов на НИОКР. Министерство стратегий и финансов (MOSF) ответственно за формирование бюджета, который утверждается Национальным собранием в декабре каждого года.

Анализируя систему управления научно-технической и инновационной политикой Республики Корея, следует отметить, что в 2008 г. Министерство науки и техники было объединено с Министерством образования, и до 2013 г. сферу ответственности разделяли два министер-

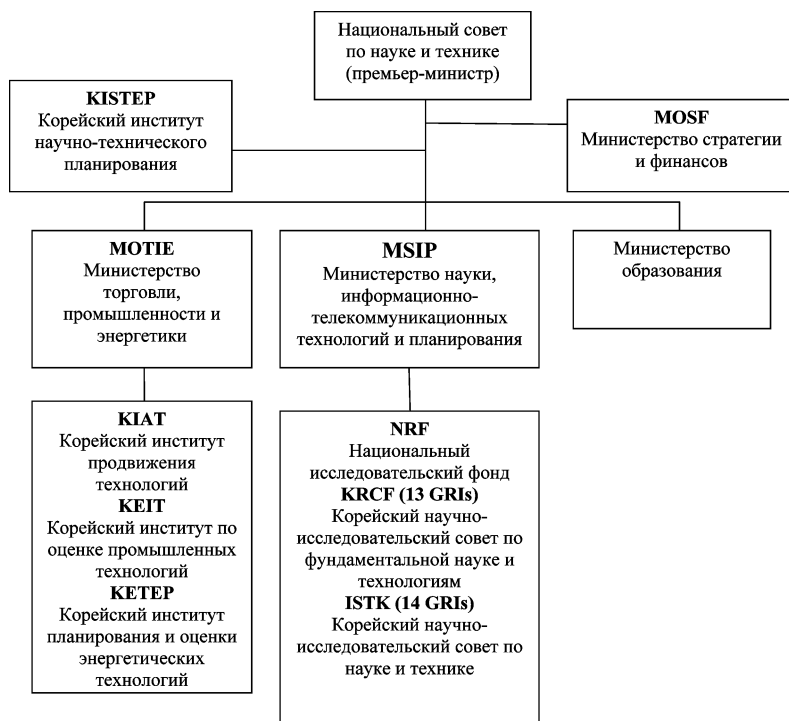

Рис. 1. Структура современной системы государственного управления НИС РК

ства: Министерство образования, науки и технологий и Министерство экономики знаний. В 2013 г. по инициативе президента Пак Кын Хе было создано Министерство науки, информационно-коммуникационных технологий и планирования⁸. Данная хронология событий свидетельствует о высокой динамике институциональных трансформаций, направленных на поиск оптимальной системы управления НИС, отвечающей трендам четвертой индустриальной революции.

Предполагалось, что новоиспеченное министерство послужит катализатором развития и реализации концепции «креативная экономика» — сочетание корейского творческого потенциала с наукой, информационно-коммуникационными технологиями, ориентированное на создание нового импульса для роста южнокорейской экономики. План

креативной экономики декларирует, что Южная Корея достигла предела экономического развития в стратегии догоняющего роста, и сейчас правительство работает над поиском нового драйвера. План креативной экономики включает три цели, шесть стратегий и 24 задачи⁹, которые, на наш взгляд, имеют абстрактный и лозунговый характер.

Министерство науки, информационно-коммуникационных технологий и планирования опирается на Корейский институт научно-технического планирования (KISTEP) в сфере планирования, координации и оценки национальных программ НИОКР. Национальный исследовательский фонд, находящийся в подчинении данного министерства, оказывает поддержку в сфере финансирования фундаментальных исследований.

Министерство промышленности, торговли и энергетики (MOTIE), отвечает за разработку, трансфер и коммерциализацию промышленных технологий и инноваций.

MOTIE опирается на Корейский институт продвижения технологий (KIAT) в сфере внедрения новых технологий в промышленность. KIAT сосредоточен на исследовании и анализе промышленных технологий и инноваций. MOTIE при поддержке Корейского института по оценке промышленных технологий (KEIT) и Корейского института планирования и оценки энергетических технологий (KETER) проводит диагностику промышленной политики в сфере НИОКР. KEIT сосредоточен на промышленном секторе, а KETER — на энергетическом.

Таким образом, ключевой структурой в системе государственного управления НИС РК является Национальный совет по науке и технологиям. Основными игроками в системе НИС являются: Министерство науки, информационно-коммуникационных технологий и планирования (MSIP), Министерство торговли, промышленности и энергетики (MOTIE), Министерство образования и Министерство стратегий и финансов (MOSF).

Как показало время, такая структура позволяет эффективно управлять высокотехнологичным сектором экономики, хотя ряд исследователей считают южнокорейскую систему управления НИС РК чрезмерно бюрократизированной и запутанной из-за смежных полномочий государственных учреждений.

В 2012 г. расходы Южной Кореи на НИОКР в процентном соотношении к ВВП составили — 4,3 %, что является самым высоким показателем в мире¹⁰. Также Республика Корея занимает лидирующие пози-

ции по количеству ученых на душу населения. По данным Bloomberg Innovation Index 2015/2016, РК занимает 1-е место в мире среди 50 наиболее развитых инновационных стран¹¹. По данным Global Innovation Index 2015. Effective Innovation Policies for Development, РК занимает 14-ю строчку¹².

Как видно из табл. 1, в последние годы у Южной Кореи наблюдается стремительный рост расходов на НИОКР в процентном отношении к ВВП и по данному показателю она является мировым лидером.

Таблица 1. Расходы на НИОКР, % от ВВП

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Республика Корея	3,1	3,3	3,5	3,7	4,0	4,1	4,3
Япония	3,5	3,4	3,3	3,4	3,3	3,5	3,6
Германия	2,6	2,7	2,7	2,8	2,9	2,8	2,9
США	2,8	2,8	2,7	2,8	2,7	2,7	...
Израиль	4,3	4,1	3,9	4,0	4,1	4,1	4,1
Швеция	3,5	3,45	3,22	3,25	3,28	3,31	3,16

Источник: Всемирный банк.

По абсолютной величине затрат, бесспорно, лидируют Соединенные Штаты Америки, годовые расходы которых превышают аналогичные затраты Южной Кореи, Германии, Великобритании, Франции вместе взятых и составляют более 450 млрд долл. Второй по величине показатель принадлежит КНР, где ежегодные расходы на НИОКР составляют порядка 368 млрд долл. Следует отметить, что за период с 2004 по 2014 г. они возросли более чем в 5 раз (в 2004 г. показатель расходов составлял 70 млрд долл.). На долю США приходится 28 % мировых расходов на НИОКР, на долю КНР — 20 %, на долю ЕС — 19 %, Японии — 10 %¹³.

Национальные инновационные системы отличаются многообразием источников финансирования. Если в развивающихся странах основная доля инвестиций в НИОКР принадлежит государству, то в развитых со значительным перевесом доминирует частный сектор. Распределение ресурсов на НИОКР между частным и государственным секторами в различных странах показаны в табл. 2.

Таблица 2. Структура финансирования НИОКР в странах мира (2013)

Страна	Расходы на НИОКР, млн долл. США	Бизнес, %	Государство, %	Иностранные инвесторы, %	Прочие источники, %
США	456 977	60,9	27,7	4,5	6,9
Китай	333 521,6	74,6	21,1	0,9	3,4
Япония	162 347,2	75,5	17,3	0,5	6,7
Германия	102 573	66,1	29,2	4,3	0,4
Южная Корея	68 051,5	75,7	23,8	0,3	1,1
Франция	57 986,8	55,4	35	7,6	2,0
Великобритания	41 743,4	46,6	27	20,7	5,7
Россия	36 614	28,2	67,6	3,0	1,2

Источник: Шадиева Д. Анализ мировых тенденций финансирования инновационной деятельности. МГИМО. 2016.

Как мы видим из приведенной выше таблицы, расходы со стороны частного сектора в таких странах, как Южная Корея, Япония, Китай, Германия, США, значительно превосходят расходы государственного сектора и составляют около 60—75 % от всего объема финансовых ресурсов.

В финансировании инновационной деятельности далеко немаловажную роль играют инвестиции транснациональных корпораций. В табл. 3 приведены объемы самых крупных корпоративных затрат на НИОКР в 2015 г.

Из таблицы видно, что лидерами являются Volkswagen (15,3 млрд долл.) и Samsung (14,1 млрд долл.), последние годы именно эти две компании возглавляют рейтинг.

Таким образом, увеличение расходов Республики Корея на НИОКР стремительно растет независимо от потрясений в мировой экономике, а это свидетельствует о том, что *инновации стали главным фактором повышения конкурентоспособности и роста национальной экономики РК.*

Несмотря на достигнутые результаты в развитии НИС, Южная Корея пока еще не стала ведущей научно-технической державой, ибо исключительно важное значение имеет не только уровень расходов на на-

Таблица 3. Наиболее крупные корпоративные расходы на НИОКР в мире

№ в рейтинге	Компания	Затраты, млрд долл.	Отрасль	Континент
1	Volkswagen	15,3	Автомобилестроение	Европа
2	Samsung	14,1	Компьютеры и электроника	Азия
3	Intel	11,5	Компьютеры и электроника	Северная Америка
4	Microsoft	11,4	Программное обеспечение/Интернет	Северная Америка
5	Roche	10,8	Здравоохранение	Европа
6	Google	9,8	Программное обеспечение/Интернет	Северная Америка

Ресурс: Bloomberg data; Capital IQ data, Strategy & 2015 Global Innovation 1000 survey data and analysis. URL: <http://www.strategyand.pwc.com/media/file/2015-Global-Innovation-1000-Fact-Pack.pdf>

учно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки и количество ученых на душу населения, но и кумулятивный эффект, накопленный за предыдущие десятилетия. Именно такой кумулятивный эффект определяет уровень зрелости национальной инновационной системы.

На текущий момент НИС РК развита во многих аспектах, но для движения вперед и повышения инновационной производительности необходимо решить ряд экономических и институциональных проблем. Прежде всего, необходимо повысить вовлеченность малого и среднего бизнеса в функционирование инновационной системы (табл. 4).

Ключевой проблемой дальнейшего развития НИС РК является то, что, создаваясь, она была ориентирована на заимствование и совершенствование иностранных технологий, а не на разработку собственных и в данном формате она функционировала длительное время. Это объясняется тем, что РК поздно включилась в процесс индустриализации, поэтому модель «догоняющего развития» была безальтернативной. Послужит ли план развития креативной экономики новым драйвером развития НИС и роста южнокорейской экономики, покажет время.

Таблица 4. SWOT-анализ НИС РК

Сильные стороны	Слабые стороны
<p>Государственная поддержка научно-технической и инновационной деятельности. Высокая интенсивность исследований. Высокая скорость внедрения и адаптации новых технологий в производственном процессе. Наличие конкурентоспособных компаний на международном уровне. Сильная производственная база. Большое количество ученых на душу населения. Высокий уровень бизнес-инноваций. Культура национальной консолидации для достижения общей цели</p>	<p>Неразвитость фундаментального научно-исследовательского потенциала. Глубокий внутривластный кризис. Низкий уровень кооперации между государственными научно-исследовательскими институтами и высшими учебными заведениями. Старение нации, суммарный коэффициент рождаемости один из самых низких в мире — 1,25. Система образования построена на запоминании и заучивании. Наличие коррупционной культуры в южнокорейской модели корпоративизма. Проблемы координации между министерствами в реализации научно-технической и инновационной политики. Высокий уровень забюрократизированности. Маленький внутренний рынок по сравнению с рынками КНР и Японии. Низкий уровень вовлеченности малого и среднего бизнеса в функционирование НИС РК. Неразвитость собственных технологий в сфере ВПК</p>
Возможности	Вызовы
<p>Географическое положение в одном из самых динамично развивающихся регионов мира. Множество соглашений о зонах свободной торговли с развивающимися и развитыми странами</p>	<p>Ухудшение отношений с основным торговым партнером (КНР) из-за размещение на территории РК американской системы ПРО. Появление новых конкурентов в лице развивающихся стран ДВ и ЮВА</p>

Примечания

¹ *Крупский Д.М.* Национальная инновационная система Беларуси: проблемы и перспективы развития. Минск: Иппокрена, 2015. С. 1.

² *Кисилева В.В., Колосницына М.Г.* Государственное регулирование инновационной сферы. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2008. С. 21.

³ Инновационное развитие. Экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями / под ред. Б.З. Мильнера. М.: ИНФРА-М, 2016. С. 127.

⁴ *Корецкая Л.К., Губернаторов А.М.* Исследование процесса управления инновационным развитием в экономике. М.: Ruscience, 2017. С. 20.

⁵ Конституция Республики Корея. Глава 8. Статья 127. С. 19.

⁶ Presidential Advisory Council on Science & Technology (PACST) [Electronic resource]. Mode of access: URL: <http://english.pacst.go.kr/>. Date of access: 10.04.2017.

⁷ National Science and Technology Council (NSTC) [Electronic resource]. Mode of access: URL: <http://www.nstc.go.kr/eng/>. Date of access: 10.04.2017.

⁸ Ministry of Science, ICT and Future Planning. [Electronic resource.]. Mode of access: URL: <http://english.msip.go.kr/english/main/main.do>. Date of access: 10.04.2017.

⁹ OECD Reviews of Innovation Policy Industry and Technology Policies in Korea. 2014. OECD Publishing. 210 p.

¹⁰ *Lee, Ju-Ho., Kim, K., Hong, Song-Chang., Yoon, J.H.* (2015). Can Bureaucrats Stimulate High-Risk High-Pay off Research? KDI School, 2015. 57 p. (Working paper series, 2015).

¹¹ Bloomberg Innovation Index 2015/2016; Bloomberg. [Electronic resource]. Mode of access: URL: <https://www.bloomberg.com/graphics/2015-innovative-countries/>. Date of access: 10.04.2017.

¹² Global Innovation Index 2015. Effective Innovation Policies for Development. [Electronic resource]. Mode of access: URL: <https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/reportpdf/GII-2015-v5.pdf>. Date of access: 10.04.2017.

¹³ *Бергер Я.М.* Научно-технологическая составляющая совокупной национальной мощи Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 6. С. 15.

А.Г. Зуева

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Транспортно-логистические проекты, разрабатываемые Республикой Корея для увеличения экспорта в Европейский регион, связаны с участием Российской Федерации. Это проект Северного морского пути, который в перспективе может значительно уменьшить временные и топливные затраты по доставке грузов, а также проект Хасан—Раджин, который с марта 2016 г. заморожен. С приходом новой администрации РК в мае 2017 г. встаёт вопрос о том, что будет происходить с выдвинутым предыдущим президентом страны проектом «Евразийская инициатива».

Ключевые слова: Республика Корея, Российская Федерация, транспортно-логистические проекты, Северный морской путь, Евразийская инициатива, Хасан—Раджин.

Одним из перспективных направлений сотрудничества для Республики Кореи и России на данный момент остаются логистические проекты. Фактор географического расположения Корейского полуострова в центре Северо-Восточной Азии — это не только плюс для работы в этом направлении с крупными партнёрами, такими как Китай или США, но и существенный минус для сотрудничества с Европейским Союзом, Европейской частью России и Средней Азией. В 2016 г. две трети южнокорейского экспорта — 62,9 % от общего объема — было доставлено в страны Азии, 16,4 % товаров экспортировано в страны Северной Аме-

рики и только 11,4 % — в Европейский регион¹. Такая разница в показателях во многом обусловлена и территориальными сложностями во время поставок.

Проблема доставки грузов на экономически выгодных условиях в короткие сроки требует не только слаженной работы логистики, но и предварительного этапа создания инфраструктуры, через которую будет проходить новая «дорога». В макромасштабах, когда речь идет о доставке грузов через весь континент, нужно учесть большое количество факторов, которые могут повлиять на качество работы транспортно-логистической магистрали, особенно, когда такой путь проходит по территории другого государства.

Согласно рейтингу Всемирного банка от 2016 г., по уровню развития логистических услуг Республика Корея занимает 24-е место и входит в список 30 стран-лидеров. Политика ориентации на внешний рынок, которой придерживается Южная Корея и которая стала одним из факторов «экономического чуда», обуславливает создание эффективной транспортно-логистической системы не только внутри страны, но и за границей.

В программе по развитию логистики Республики Корея с 2016 по 2025 г., которая является частично переработанным вариантом программы, рассчитанной на период с 2011 по 2020 г., содержатся следующие пункты о перспективных направлениях работы в заданном временном промежутке:

- создание грузового логистического центра в столичном регионе, работа которого будет направлена на осуществление международных грузоперевозок;
- создание железнодорожной цепи перевозок в рамках подготовки к возобновлению работы железной дороги Север—Юг;
- поддержка отечественных логистических компаний в целях повышения конкурентоспособности с компаниями России и Китая;
- поддержка расширения Евразийских логистических проектов, таких как Хасан—Раджин;
- поддержка Расширенной туманганской инициативы;
- присоединение к международной Организации сотрудничества железных дорог (KOREIL* стала членом ассоциации в 2014 г.);

* Корейская высокоскоростная железная дорога.

- расширение комплекса логистических услуг в Арктике;
- расширение морского судоходства в прибрежной зоне Северного Ледовитого океана;
- поддержка логистических компаний и бизнеса в крупных логистических центрах, таких как Дальний Восток России;
- укрепление сотрудничества с крупными евразийскими странами, в том числе Турцией, Грузией, Азербайджаном;
- поддержка корейских компаний, желающих осуществлять поставки сырой нефти с о. Ямал (Россия);
- в случае отмены санкций против России — продвижение финансовой поддержки судостроения;
- создание логистической дорожной карты для Корейского полуострова².

Пункты плана, которые призваны улучшить работу южнокорейской логистики, тесно связаны с участием в них Российской Федерации. Во-первых, это работа в Арктическом регионе и, во-вторых, железнодорожные логистические проекты, связанные с участием в них КНДР.

Северный морской путь (СМП), или Северный коридор, — кратчайший морской путь между европейской частью России и Дальним Востоком; законодательством РФ определен как «исторически сложившаяся национальная единая транспортная коммуникация России в Арктике».

Климатические изменения приводят к постепенному таянию льдов в Арктике, как следствие — в ближайшее десятилетие (2016—2025 гг.) можно ожидать увеличения средних значений продолжительности навигационного периода при степени покрытия акватории льдом меньше 15 % до 3—4 мес., к середине XXI в. — до 4—5 мес., а к концу века — от 5 до 5,5 мес.³ Увеличение навигационного периода делает СМП более привлекательным с экономической точки зрения для осуществления морских грузоперевозок.

Объем перевозок грузов в 2016 г. через Северный морской путь достиг рекордного уровня. Об этом сообщил заместитель министра экономического развития Александр Цыбульский, выступая на Государственной комиссии по вопросам развития Арктики: на 1 декабря 2016 г. объем перевозок грузов составил 6,9 млн т. По данным администрации СМП, в 2016 г. было осуществлено 22 транзитных рейса, в том числе 14 представлено иностранными компаниями⁴.

Северный морской путь представляет большой интерес для Республики Корея.

В течение 2013—2014 гг. южнокорейскими экспертами проводилось комплексное многофакторное изучение конкурентоспособности разных маршрутов транспортировки грузов для внешней торговли РК с Европой, в том числе и по Северному морскому пути. Маршруты оценивались по количественным и качественным показателям (табл. 1).

Таблица 1. Количественные критерии оценки

Транспортный коридор	Расстояние, км	Время, дни	Итоговая стоимость контейнера, долл./20 т
1. Транскорейская железная дорога — Транссиб	12 481	26	4200
2. Пусан — Восточный — Транссиб	12 002	46,5	5016
3. Пусан — Владивосток — Восточный — Транссиб	12 004	47,5	5016
4. Пусан — Ванино — Транссиб	11 081	33	5416
5. Пусан — Суэцкий канал — Европа — Берлин	20 945	45	5665
6. Пусан — Севморпуть — Европа — Берлин	12 645	20	5995

Источник: A Study on Competitiveness of Sea Transport by Comparing International Transport Routes between Korea and EU Dae-seop MOON, Dong-jin KIM, Eun-kyung LEE. The Asian Journal of Shipping and Logistics. Volume 31. Number 1. March 2015⁵.

Безусловно, самым выгодным по соотношению цены и скорости доставки стал транспортный коридор, проходящий через Корейский полуостров.

Однако, несмотря на высокую стоимость и проблемы с предоставлением сервисных услуг, Северный морской путь оказался более конкурентоспособным для транспортировки грузов из Южной Кореи в Европу, чем маршрут, проходящий через Суэцкий канал. Более того, в условиях сложности реализации проекта Транскорейской железной дороги из-за периодических обострений отношений между Сеулом и Пхеньяном Северный морской путь по конкурентоспособности оказался лидером, обойдя все остальные линии.

Таблица 2. Конкуентоспособность транспортных коридоров

Маршрут	Совокупный результат конкурентоспособности (1 = 100 %)
Транс-Корейская железная дорога — Транссиб	0,8280
Пусан — Севморпуть — Европа — Берлин	0,6987
Пусан — Ванино — Транссиб	0,5892
Пусан — Восточный — Транссиб	0,4173
Пусан — Владивосток — Восточный — Транссиб	0,4088
Пусан — Суэцкий канал — Европа — Берлин	0,3442

Источник: A Study on Competitiveness of Sea Transport by Comparing International Transport Routes between Korea and EU Dae-seop MOON. Dong-jin KIM. Eun-kyung LEE. The Asian Journal of Shipping and Logistics. Volume 31. Number 1. March 2015.

Уже летом 2016 г. южнокорейская логистическая компания «СЛК-Кукбо» и судоходная компания Pan Ocean осуществили доставку заводского оборудование в Казахстан и Россию через Северный морской путь. Как сообщает издание THE WS PRESS* со ссылкой на Министерство морских дел и рыболовства Республики Корея, вышеуказанные компании перевезли нефтехимическую установку весом 1100 т с южнокорейского порта Ульсан в Павлодар (Казахстан). «СЛК-Кукбо» осуществляет перевозки через СМП и внутренний водный путь, соединяющий Россию и Казахстан, используя при этом арендованное транспортное судно усиленного ледового класса вместо ледокола⁶.

Республика Корея в свою очередь готова инвестировать в инфраструктуру Северного морского пути. Обсуждается совместное использование порта Мурманска. Со слов посла Кореи по делам Арктики Ким Чан У, «важно учитывать то, что экспорт и импорт Кореи сильно зависит от логистики морских перевозок, поэтому для нас Северный морской путь является очень важным. Мы хотели бы исследовать возможности участия в судоходстве по трассам СМП, для того чтобы транспортировать по этому маршруту грузы».

* Южнокорейское интернет-издание.

Торговый оборот между Мурманской областью и Республикой Корея в настоящее время незначительный. Корейская сторона заинтересована в его наращивании, в первую очередь за счет перевозок по Северному морскому пути»⁷.

На экономическом форуме, проходившем во Владивостоке 3 сентября 2016 г., президент Пак Кын Хе подтвердила заинтересованность Южной Кореи в проекте Северного морского пути: «Можно будет разработать новые мультимодальные логистические маршруты, позволяющие соединить Евразийский континент. В частности, Северный морской путь откроет новую возможность для сотрудничества, для устойчивого освоения ресурсов»⁸.

Республика Корея видит в перспективе использования СМП возможность увеличить конкурентоспособность своей логистики и, как следствие, показатели экспорта. Участие в проекте по освоению СМП может принести ей не только выгодные условия по использованию инфраструктуры, но и доступ к углеводородным ресурсам, которые еще только предстоит осваивать в Арктическом регионе.

Таким образом, можно сделать вывод, что СМП предстоит стать выгодным аналогом суэцкому направлению поставки грузов, с условием, что совместная работа над этим транспортным коридором не будет стоять на месте.

Альтернативой морским перевозкам по СМП остаются мультимодальные и железнодорожные поставки грузов с включением в них Транссибирской магистрали.

Реализация проекта Транскорейской магистрали с выходом на Транссибирскую магистраль могла начаться с участия Республики Корея в проекте Хасан—Раджин. Данный логистический проект был разработан и реализован на территории Российской Федерации и КНДР. В рамках этого проекта было реконструировано 54 км железнодорожного полотна от границ Российской Федерации до порта Раджин. Проектная пропускная способность магистрали — 5 млн т в год.

На этапе проектирования контейнерного терминала в порту Раджин в силу изменения экономической конъюнктуры в регионе пришлось отказаться от первоначальных планов и приступить к работе над угольным терминалом, который в перспективе можно было бы переориентировать на перегрузку других видов грузов, включая контейнеры⁹.

Договоренности о возможном участии в логистическом проекте Южной Кореи были достигнуты в 2013 г. За период с 2014 по 2015 г.

Республика Корея совершила только три тестовые поставки российского угля, воспользовавшись проектом Хасан—Раджин¹⁰.

В начале 2016 г. КНДР проводит ряд испытаний баллистических и ядерных ракет, вслед за этим ООН вводит новый пакет санкций, которые значительно ограничивают экономическое сотрудничество с Северной Кореей. В свою очередь, Республика Корея делает заявление о приостановке работы над участием в проекте Хасан—Раджин, а затем 7 марта сообщает, что полностью уходит из этого логистического проекта, ссылаясь на введенные со своей стороны санкции, которые подразумевают запрет на вхождение в территориальные воды страны судов, которые ранее заходили в воды КНДР¹¹. Жесткая позиция южнокорейского руководства по отношению к политике Северной Кореи привела к тому, что проект недополучил ожидаемые инвестиции, необходимые для его дальнейшего развития.

Тем не менее сам проект продолжает функционировать, и, согласно статистике РЖД, уже в 2017 г. наибольший темп прироста продемонстрировал погранпереход Хасан—Туманган (КНДР). Через него перевезено более 244 тыс. т грузов, что в 4 раза больше, чем за аналогичный период прошлого года¹².

Позицию российской стороны по поводу возвращения в проект Республики Корея во время Восточного экономического форума в сентябре 2016 года озвучил министр РФ по развитию Дальнего Востока А.С. Галушка: «Все, что реализуется в рамках проекта, сделано без участия Южной Кореи. При том, что с самого начала и на сегодняшний день позиция России остается неизменной: участвуйте в этом проекте. Мы приглашаем южнокорейские компании в нем участвовать»¹³.

Отказ Республики Корея от участия в проекте Хасан—Раджин стал очередным прогнозируемым витком в сложном процессе по созданию Транскорейской магистрали. Политизация стратегии внешнеэкономического сотрудничества на Корейском полуострове сводит на нет инициативы и попытки стабилизировать работу трансграничных логистических проектов между Республикой Корея и КНДР.

Существуют еще четыре проекта, сроки реализации которых на данный момент неизвестны, но все они призваны положительно повлиять на развитие логистики Республики Корея. *Первый проект*, который был создан в рамках Евразийской инициативы, — «Экспресс Шелковый путь», курсирующий между Республикой Корея (г. Пусан), КНДР, Россией, Китаем, Центральной Азией и Европой. *Второй проект* — это

Расширенная туманганская инициатива, четырёхсторонний диалог с участием России, Китая, Монголии и Республики Корея. Этот формат межправительственного сотрудничества уже более десяти лет работает для стимулирования развития региональной транспортной системы, повышения ее региональной связности и увеличения грузовых и пассажирских потоков в Северо-Восточной Азии¹⁴. *Третий проект* — строительство нового железнодорожного пути, который будет проходить параллельно Транссибу, соединит Пусан и Роттердам, пересекая весь Корейский полуостров.

Четвертый проект — создание зоны свободной торговли с Евразийским экономическим союзом.

Рассматривая логистические проекты Республики Корея, нельзя не обратиться к Евразийской инициативе бывшего президента Пак Кын Хе. Амбициозный план, призванный на то время не только сделать Южную Корею логистическим центром в СВА, но и в перспективе объединить Корейский полуостров. Однако к моменту импичмента отношения с КНДР зашли в тупик, экономические проекты закрыты или приостановлены на неопределённый срок. Политический кризис в южнокорейском руководстве привел к тому, что проект Евразийской инициативы отошел в тень тех проблем, которые в скором времени придется решать новому правительству РК. Скорее всего, в будущем проект приобретет новое название или полностью трансформируется в иное предложение по развитию внешнеэкономических отношений Южной Кореи. Также в перспективе реализация отдельных частей плана видится возможной, с условием того что на Корейском полуострове наступит время эффективного диалога, а не конфронтации. В противном случае логистические проекты, связанные с участием КНДР, так и останутся на бумаге.

Примечания

¹ URL: <http://www.worldstopexports.com/south-koreas-top-import-partners/>

² ?국가물류기본계획(2016—2025)한국교통연구원 2015.12.

³ Арктика: экология и экономика. 2015. № 2 (18). Продолжительность навигационного периода и ее изменения для Северного морского пути: модельные оценки.

⁴ URL: <http://avelana.ru/cherez-severnyj-morskoj-put-v-2016-g-perevezeno-rek-ordnoe-kolichestvo-gruzov/>

⁵ A Study on Competitiveness of Sea Transport by Comparing International Transport Routes between Korea and EU Dae-seop MOON Dong-jin KIM Eun-kyung LEE. The Asian Journal of Shipping and Logistics Volume 31 Number 1 March 2015

⁶ URL: <https://eadaily.com/ru/news/2016/07/18/yuzhnaya-koreya-testiruet-varianty-ispolzovaniya-severnogo-morskogo-puti>

⁷ URL: <http://xn----7sbhwj3brd.xn--p1ai/tv-novosti/koreya-sobiraetsya-snyat-slivki-s-arkticheskogo-proekta>

⁸ URL: https://www.gazeta.ru/business/news/2016/09/03/n_9070403.shtml

⁹ URL: <http://www.morproekt.ru/EngNews/Index/659>

¹⁰ URL: <http://prokorea.ru/economy-technology/smi-seul-ofitsialno-uedomil-rossiyu-o-vykhode-iz-proekta-khasan-radzhin.html>

¹¹ URL: <http://prokorea.ru/north-korea/yuzhnaya-koreya-vvela-odnostoronnie-sanktsii-protiv-kndr.html>

¹² URL: http://dvzd.rzd.ru/news/public/ru/pass/popup/static/portal/ru?STRUCTURE_ID=60&layer_id=4069&refererLayerId=3307&id=114171

¹³ URL: http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:33M5ip50DMoJ:www.zrpress.ru/anews/vladivostok_01.09.2016_79613_rossija-rasschityvaet-na-vkh-ozhdenie-juzhnoj-korei-v-proekt-zheleznoj-dorogi-khasan--radzhin.html+%&cd=3&hl=ru&ct=clnk&gl=ru

¹⁴ URL: http://minvr.ru/presscenter/news_minvostok/?month=03&year=2013&ELEMENT_ID=3375

Глава 6

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РК С РОССИЕЙ, СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

В.Г. Самсонова

ЕАЭС—РК: ПЕРСПЕКТИВЫ И ВЫЗОВЫ ИНТЕГРАЦИИ В РАМКАХ ЗСТ

Активно обсуждаемая после встречи президента РФ В. Путина и президента РК Пак Кын Хе на полях ВЭФ в сентябре 2016 г. инициатива по созданию ЗСТ ЕАЭС—РК берет свое начало еще с 2000-х годов. Несмотря на открывающиеся перспективы в связи с возможным введением данной ЗСТ, существуют некоторые опасения касательно этой инициативы и пока неясен механизм и схема либерализации, взаимовыгодная для всех участников. Более того, необходимо тщательно оценить риски, которые могут возникнуть в результате отмены барьеров на пути взаимного товарооборота, а также выявить уязвимые сектора, которые должны быть изъяты из режима ЗСТ.

Ключевые слова: ЗСТ, ЕАЭС, РК, либерализация торговли, таможенные тарифы.

Мировая экономика переживает один из переломных моментов в своей истории, и состоявшийся 17—20 января 2017 г. форум в Давосе, на котором его участники высказали мысль о затухании глобализационных

трендов, тому подтверждение. Речь не идет о конце глобализации, ведь, как отметил на форуме председатель КНР Си Цзиньпин, «нравится это вам или нет, глобальная экономика — большой океан, от которого невозможно скрыться»¹. Но параллельно, на наш взгляд, в политике стран происходит смещение акцентов к всё большему протекционизму, с одной стороны, и усилению региональных группировок — с другой. Сегодня большинство стран мира участвует в региональных торговых соглашениях, обеспечивающих им существенные взаимные преференции по доступу на рынки, идущие существенно дальше, чем недискриминационный режим, предоставляемый членством в ВТО². Данная тенденция актуальна как для стран, входящих в Евразийский экономический союз (ЕАЭС), так и для РК, активно продвигающей идею интеграционных связей в формате зоны свободной торговли (ЗСТ) со всеми перспективными экономическими партнерами.

Что касается ЕАЭС, то 29 мая 2014 г. в Астане (Казахстан) был подписан договор о его создании, и в настоящий момент государствами—членами Евразийского экономического союза являются Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Киргизская Республика и Российская Федерация³ с совокупным населением 182,7 млн человек и ВВП в размере 2,2 трлн долл.⁴ ЕАЭС позиционируется как значимое интеграционное объединение, в 2015 г. было подписано соглашение о зоне свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом. А в декабре 2016 г. принято решение о начале переговоров по заключению соглашений о свободной торговле с Ираном, Индией, Израилем, Египтом, Монголией, Сербией, Сингапуром и РК.

Активно обсуждаемая после встречи президента РФ В. В. Путина и президента РК Пак Кын Хе на полях Восточного экономического форума (ВЭФ) в сентябре 2016 г. инициатива по созданию ЗСТ ЕАЭС—РК берет свое начало еще с 2000-х годов, когда возникла идея о возможной либерализации торгового режима между РФ и РК. Однако, ввиду новых экономических реалий, обсуждаемый формат партнерства изменился сначала с двустороннего (РФ—РК) до трехстороннего (Таможенный союз — РК), а сейчас и до пятистороннего (ЕАЭС—РК).

Вначале с целью исследования указанного вопроса и в соответствии с российско-корейским совместным планом действий от 19 ноября 2005 г. была создана Совместная исследовательская группа (СИГ) по изучению целесообразности разработки двустороннего соглашения об экономическом партнерстве, проведено несколько заседаний СИГ и от-

мечалось, что представители РК выражали свою крайнюю заинтересованность в продвижении переговорного процесса по соглашению о свободной торговле, тогда как с российской стороны оценка заключения данного соглашения была неоднозначной и переговоры в двустороннем формате не привели к каким-либо существенным результатам⁵.

В открытых источниках недостаточно материалов, предоставляющих информацию об оценке заключения ЗСТ с РК, однако интересным, на наш взгляд, является аннотация к результатам научно-исследовательской работы на тему «Определение перспективных партнеров государств — членов Таможенного союза по заключению соглашений о свободной торговле» от 18 декабря 2013 г., в которой анализируется целесообразность заключения ЗСТ с Вьетнамом, Израилем, Индией, Южной Кореей и т. д. Исходя из данной работы, заключение соглашения о ЗСТ с Республикой Корея является выгодным для Казахстана и особенно России и умеренно невыгодным для Белоруссии. В то же время проигрыш Минска при любом сценарии создания ЗСТ не превышает сотых долей процента от ВВП⁶.

В настоящее время все же существуют некоторые опасения касательно этой инициативы. Ведь в отличие от РК, которая активно ведет деятельность по заключению ЗСТ и на сегодняшний день имеет данные соглашения практически с большинством своих ключевых торговых партнеров, ЕАЭС только набирает интеграционные обороты. К тому же пока неясен механизм и схема либерализации, которая будет выгодна для всех участников. Более того, необходимо тщательно оценить риски, которые могут возникнуть в результате отмены барьеров на пути взаимного товарооборота, а также выявить уязвимые секторы, которые должны быть изъяты из режима ЗСТ.

Несмотря на возможные преимущества, о которых не раз заявлялось различными представителями государственной власти, в том числе приведем слова министра по торговле Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) В. Никишиной о том, что «развитие сети соглашений о свободной торговле обеспечит качественные изменения условий для несырьевых товаров... Если мы собираемся развивать несырьевой экспорт, подобные соглашения смогут помочь преодолеть не только входной барьер на рынок в виде снижения пошлин, но и усилить нетарифную либерализацию экспортных операций...»⁷, все же существует мнение, что создание такой зоны необходимо рассматривать на долгосрочную перспективу, а позитивные последствия после её введения ограничены.

При этом есть опасения, что после введения СЭЗ льготный режим ввоза товаров будет противоречить планам по расширению инвестиций и дальнейшей локализации производства. В том числе нельзя не согласиться с южнокорейскими специалистами, отмечающими, что РК уже заключила такие соглашения практически со всеми основными торговыми партнерами. Поэтому, по их мнению, предельный эффект от создания свободной экономической зоны с ЕАЭС крайне низок.

Проанализируем торговую и инвестиционную составляющие стран в формате ЕАЭС с РК.

Что касается внешней торговли ЕАЭС с третьими странами, то ее объем за январь—ноябрь 2016 г. составил 455,518 млрд долл.⁸ При этом товарооборот ЕАЭС с РК за этот же период составил 14,465 млрд долл. (примерно 3 % от общего объема товарооборота). Экспорт в РК был равен 9,378 млрд долл., причем 97,5 % пришлось на РФ; 2,2 % на Казахстан; 0,3 % на Белоруссию⁹. Импорт из РК за январь—ноябрь 2016 г. достиг 5,087 млрд долл., из них 89,6 % пришлось на РФ; 8,2 % на Казахстан; 1,5 % на Белоруссию; 0,4 % на Киргизию; 0,3 % на Армению (табл. 1)¹⁰. Таким образом, основным торговым партнером для РК в формате ЕАЭС является Россия (табл. 2)¹¹.

Таблица 1. Торговля ЕАЭС—РК (январь—ноябрь 2016 г.), млрд долл.

		Удельный вес в стоимостном показателе по ЕАЭС — всего, %				
		Армения	Белоруссия	Казахстан	Киргизия	Россия
Оборот	14,465	0,15	0,9	5,2	0,2	93,55
Экспорт	9,378	0	0,3	2,2	0	97,5
Импорт	5,087	0,3	1,5	8,2	0,4	89,6
Сальдо	4,291					

Источник: Внешняя торговля с третьими странами // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Pages/2016/11.aspx (дата обращения: 22.02.2017), рассчитано автором.

Причем структура торговли стран ЕАЭС и РК схожа со структурой торговли между РФ и РК, в которой преобладают поставки сырьевых товаров в РК и импорт южнокорейской продукции в ЕАЭС с высокой

Таблица 2. Торговля РФ—РК (2008 г.— январь—ноябрь 2016 г.), млрд долл.

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016 (январь—ноябрь)
Оборот	18,3	10,6	17,7	25,0	24,9	25,2	27,3	18,06	13,6
рост в %	122,0	-42,6	168,0	140,9	-0,2	111,2	108,5	-33,8	-17,4
Экспорт	7,8	5,7	10,4	13,4	13,9	14,9	18,3	13,5	9,1
рост в %	126,3	-27,0	184,0	128,2	104,0	107,3	123,0	-26,1	-26,1
Импорт	10,5	4,9	7,3	11,6	11,0	10,3	9,0	4,56	4,5
рост в %	119,0	-54,1	149,4	159,1	-5,1	-5,9	-12,4	-49,4	+8,1
Сальдо	-2,7	-0,8	3,1	1,8	2,9	4,6	9,3	8,94	4,6

Источник: Внешняя торговля РФ по основным странам за январь—декабрь 2016 г. // Официальный сайт Федеральной таможенной службы. URL: http://www.customs.ru/index2.php?option=com_content&view=article&id=24785&Itemid=1976

долей переработки (табл. 3 и 4). Если процентная доля товаров импорта достаточно сбалансирована, то более половины экспорта из ЕАЭС составляют всего лишь две позиции: это нефть сырая, включая газовый конденсат (более 40 %), и каменный уголь (более 12 %) ¹². На наш взгляд, при существующей товарной структуре (в табл. 4 нет ни одного несырьевого товара) будет сложно резко увеличить несырьевой экспорт продукции из ЕАЭС, о котором упоминала министр по торговле ЕЭК В. Никишина.

Однако отметим, что, несмотря на то что Армения, Белоруссия и Киргизия не могут похвастаться значительными показателями экспорта в РК, его отдельные статьи весьма перспективны и включают в себя продукцию с высокой долей переработки, в частности к ней можно отнести рентгеновскую аппаратуру, трансформаторы, электронные интегральные схемы, устройства на жидких кристаллах, лазеры, бинокли, монокуляры, прочие зрительные трубы и др. (табл. 5) ¹³.

Инвестиционное сотрудничество РК и ЕАЭС

Судя по заявлениям, прозвучавшим после ВЭФ, планируемая ЗСТ не будет ограничиваться только торговлей, но включит в себя и инвестиционное сотрудничество (хотя пока не понятно, в каком формате). Проанализируем основные моменты этого партнерства.

Таблица 3. Топ 10 товарных позиций импорта из РК в ЕАЭС (январь—ноябрь 2016 г.)

Наименование товара	Ед. измерения	Всего по ЕАЭС		Удельный вес в стоимостном показателе по ЕАЭС — всего, %					В % к январю — ноябрю 2015 г.		% от общего импорта
		кол-во	стоимость (долл.)	Армения	Белоруссия	Казахстан	Киргизия	РФ	по кол-ву	по стоимости	
Части и принадлежности для автомобилей и тракторов	кг	97 тыс.	591 580 093	0	0,7	1,6	0,1	97,6	90	84,8	11,63
Суда круизные, экскурсионные, паромы и другие средства для перевозки пассажиров	шт.	3	356 878 420	—	—	—	—	100	100	x	7,01
Кузова для автомобилей	кг	23 тыс.	236 644 716	—	—	1,2	0	98,8	102,2	119,9	4,65
Насосы, компрессоры и вентиляторы	кг	6,6 млн	169 701 625	0	0,3	0,5	0	99,2	168,8	в 3,4 р.	3,34
Машины и аппараты для всех видов пайки	кг	5,4 млн	115 332 966	0	—	0,6	0	99,4	в 2,1 р.	в 2,1 р.	2,27

Окончание табл. 3

Наименование товара	Ед. измерения	Всего по ЕАЭС		Удельный вес в стоимостном показателе по ЕАЭС — всего, %					В % к январю — ноябрю 2015 г.		% от общего импорта
		кол-во	стоимость (долл.)	Армения	Белоруссия	Казахстан	Киргизия	РФ	по кол-ву	по стоимости	
Пульты, панели, столы для электрической аппаратуры	кг	3,5 млн	110 249 886	0	0	1	0	99	109,3	112,8	2,17
Шины	кг	35,8 млн	110 160 595	0,3	6,5	4,3	0,4	88,5	111,7	110,3	2,17
Прокат плоский из нелегированной стали	кг	111 млн	105 834 626	1,9	0,4	1,5	1,2	95	79,5	73,1	2,08
Полимеры этилена	кг	61 млн	89 319 784	0,1	1,7	12,5	0,7	85	85,8	82,2	1,76
Центрифуги, обрудование и устройства для фильтрации жидкостей или газов	кг	7 млн	86 203 081	0	1,1	2	0,2	96,7	125,6	178,9	1,69
Всего			5 087 829 755	0,3	1,5	8,2	0,4	89,6		102,4	

Источник: Внешняя торговля с третьими странами. Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Pages/2016/11.aspx (дата обращения 22.02.17.), рассчитано автором.

Таблица 4. Топ-10 товарных позиций экспорта из ЕАЭС в РК (январь—ноябрь 2016 г.)

Наименование товара	Ед. измерения	Всего по ЕАЭС		Удельный вес в стоимостном показателе по ЕАЭС — всего, %						В % к январю—ноябрю 2015 г.		% от общего экспорта
		кол-во	стоимость, долл.	Армения	Белоруссия	Казахстан	Киргизия	Россия	по кол-ву	по стоимости		
Нефть сырая, включая газовый конденсат	кг	11,9 млрд	3 797 302 894	—	—	2,5	—	97,5	95,9	69,4	40,49	
Уголь каменный	кг	21,3 млрд	1 166 008 966	—	—	—	—	100	122,8	104,7	12,43	
Нефтепродукты	кг	3,6 млрд	1 120 499 494	—	—	—	0	100	53,6	41,7	11,95	
Рыба мороженая	кг	283 млн	494 861 406	—	—	—	—	100	105	95,4	5,28	
Ракообразные	кг	34,5 млн	317 800 154	—	—	—	—	100	105,8	107,4	3,39	
Алюминий необработанный	кг	193 млн	298 727 628	—	—	—	—	100	81,4	69,4	3,19	
Ферросплавы	кг	155 млн	178 133 348	—	—	54,2	—	45,8	132,4	114,4	1,90	

Окончание табл. 4

Наименование товара	Ед. измерения	Всего по ЕАЭС		Удельный вес в стоимостном показателе по ЕАЭС — всего, %					В % к январю—ноябрю 2015 г.		% от общего порта
		кол-во	стоимость, долл.	Армения	Белоруссия	Казахстан	Киргизия	Россия	по кол-ву	по стоимости	
Отходы и лом черных металлов	кг	978 млн	161 801 763	—	—	—	—	100	134,2	97,6	1,73
Кукуруза	кг	906 млн	150 579 553	—	—	—	—	100	114,6	112,5	1,61
Филе рыбное и прочее мясо рыбы (включая фарш)	кг	41,4 млн	89 117 679	—	—	—	—	100	137,3	126,7	0,95
			9 377 574 157	0	0,3	2,2	0	97,5		71,7	

Источник: Внешняя торговля с третьими странами. Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Pages/2016/11.aspx (дата обращения: 25.02.2017), рассчитано автором.

Таблица 5. Основные товары, экспортируемые из Армении, Белоруссии, Киргизии в РК (январь—ноябрь 2016 г.), долл.

Армения	Белоруссия	Киргизия
1. Рентгеновская аппаратура (407 тыс. долл.)	1. Удобрения калийные (24 млн долл.)	1. Части к принимающей и передающей аппаратуре (24,2 тыс. долл.)
2. Табачные изделия (260,5 тыс. долл.)	2. Электронные интегральные схемы (3,8 млн долл.)	2. Растения используемые в парфюмерии или фармации (173,4 тыс. долл.)
3. Камень обработанный для памятников или строительства и изделия из него (222,6 тыс. долл.)	3. Стекловолокно (1,4 млн долл.)	3. Овощи сушеные (131,5 тыс. долл.)
4. Крепкие спиртные напитки (32,3 тыс. долл.)	4. Устройства на жидких кристаллах, лазеры (191,6 тыс. долл.)	4. Оборудование для сортировки и измельчения грунта (54,5 тыс. долл.)
5. Пищевые продукты прочие (21,6 тыс. долл.)	5. Антidetонаторы, антиоксиданты, ингибиторы, загустители (187,2 тыс. долл.)	5. Овощи замороженные (37,7 тыс. долл.)
6. Напитки сброженные прочие (16,8 тыс. долл.)	6. Полиамиды (152,8 тыс. долл.)	6. Мед натуральный (10,6 тыс. долл.)
7. Волокна оптические, линзы, призмы, зеркала и прочие оптические элементы — (11,4 тыс. долл.)	7. Нетканые материалы (130,9 тыс. долл.)	7. Прочие живые растения, черенки и отводки, мицелий гриба (9,8 тыс. долл.)
8. Трансформаторы электрические (3,8 тыс. долл.)	8. Приборы и аппараты для физического или химического анализа (143,2 тыс. долл.)	8. Автомобили легковые (9 тыс. долл.)
	9. Волокна оптические, линзы, призмы, зеркала и прочие оптические элементы (107,8 тыс. долл.)	9. Животные или растительные жиры и масла пищевые (9 тыс. долл.)
	10. Проволока из нелегированной стали (97,2 тыс. долл.)	
	11. Бинокли, монокуляры, прочие зрительные трубы и их арматура (89,8 тыс. долл.)	
	12. Части и принадлежности к станкам (90,4 тыс. долл.)	
	13. Контрольные или измерительные приборы, проекторы профильные (88,8 тыс. долл.)	
	14. Готовые или консервированные продукты из мяса (74,8 тыс. долл.)	
	15. Изделия из камня или других минеральных веществ прочие (64,7 тыс. долл.)	

Источник: Внешняя торговля с третьими странами. Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Pages/2016/11.aspx (дата обращения: 25.02.2017), рассчитано автором.

Среди стран — членов ЕАЭС в инвестиционном сотрудничестве с РК всего лишь две страны (РФ и Казахстан) могут похвастаться своими достижениями. Армения, Киргизия и Белоруссия на сегодняшний день имеют очень скромный показатель инвестиционного партнерства с Южной Кореей. Интересно отметить, что если лидером в торговых отношениях с РК среди стран ЕАЭС является РФ, то в инвестсотрудничестве она уступает Казахстану. Данные по объему накопленных прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в РФ и Казахстане разнятся, в частности приводятся цифры накопленных южнокорейских инвестиций в РФ в размере 2,3 млрд долл., а в Казахстане — 2,5 млрд долл.¹⁴

По данным казахстанской стороны, в настоящее время в совместном портфеле Казахстана с РК находится 17 проектов на сумму порядка 7,4 млрд долл., из них уже реализовано шесть проектов (производство и сборка автомобилей и т. д.), шесть проектов в процессе реализации (строительство Балхашской ТЭС, газохимического комплекса в Атырауской области и т. д.), а также пять перспективных проектов¹⁵. В Казахстане действует 465 южнокорейских предприятий в сферах производства, торговли и услуг, строительства, агропромышленного комплекса, консалтинга и финансов, недропользования и геологоразведки, а также 27 совместных предприятий в других областях¹⁶.

Что касается Белоруссии и РК, то в онлайн-версии белорусской газеты «Белорусы и рынок» по поводу РК отмечается, что в производственной сфере реальные перспективы привлечения южнокорейских инвестиций открылись лишь после формирования общего рынка в рамках Евразийского экономического союза, так как южнокорейские корпорации заинтересованы в закреплении на ёмких рынках партнеров по ЕАЭС. С этой точки зрения преимущественной стороной белорусских предприятий для южнокорейского инвестора является развитая товаропроводящая сеть в Евразийском регионе. Следовательно, точкой соприкосновения белорусских и южнокорейских предприятий может стать освоение производства новой продукции с привлечением южнокорейских технологий и инвестиций для дальнейшей реализации через дилерские ресурсы белорусских предприятий¹⁷.

После всплеска положительных комментариев касательно заключения соглашения о ЗСТ с РК в сентябре 2016 г. сейчас наблюдается некоторое затишье и осторожность в оценках возможности данного проекта. В принципе такая тенденция уже не раз прослеживалась в экономическом сотрудничестве РФ и РК, когда по разным мотивам (двусторонние

визиты, проведение совещаний на высшем уровне и т. д.) подготавливались различные инициативы, которые потом либо пробуксовывали, либо не реализовывались. Судя по тому, что вопрос о ЗСТ был одобрен на высшем уровне в РФ, его разработка будет продолжаться. Однако большой активности со стороны российского бизнеса к этой инициативе не наблюдается; более того, осторожную позицию сейчас занимает и руководство ЕЭК. Например, в своем интервью от 10 февраля 2017 г. газете «Коммерсант» министр торговли ЕЭК В. Никишина отметила, что, согласно результатам совместного исследования, в формате ЗСТ увеличение экспорта ЕАЭС прогнозируемо, но, скорее всего, будет в два раза меньше, чем у РК. И для того чтобы сбалансировать эти выгоды, необходимо, чтобы РК продемонстрировала готовность как минимум сохранить свою инвестиционную деятельность в отраслях, где она уже присутствует, и её расширить¹⁸. Однако пока по данному вопросу стороны пока не пришли к взаимному согласию.

Возможные вызовы и перспективы:

1. Длительность принятия решений и бюрократические проволочки. В связи с тем, что ЕАЭС обладает международной правосубъектностью, а значит, возможное торговое соглашение может быть подписано только с союзом в целом, необходимо урегулирование всех аспектов возможного соглашения о ЗСТ с пятью участниками, интересы которых не совпадают. Следовательно, заключение данного документа может затянуться, например процесс формирования ЗСТ с Вьетнамом занял около двух лет¹⁹. К тому же политический кризис в РК может привести к разработке новой внешнеэкономической модели, в которой не понятно какую роль будет играть соглашение о ЗСТ с ЕАЭС. Более того, существующие разногласия в двусторонних отношениях в рамках самого ЕАЭС также скажутся на скорости принятия решений по ЗСТ.

2. Недостаточная проработка всех аспектов ЗСТ может привести к тому, что чувствительные отрасли окажутся под ударом. К таковым, на наш взгляд, можно отнести: пищевую, текстильную промышленность, отрасли, в которых осуществляется локализация производства (в частности, автопром, электроэнергетика) и т. д. Некоторые специалисты дополняют также данный список такими отраслями, как электроника и сельскохозяйственная продукция²⁰. Отмечается, что самым чувствительным сектором для РФ является автопром, а для Южной Кореи — сельское хозяйство, которое страна стремится защитить во всех своих соглашениях о ЗСТ²¹.

3. На наш взгляд, несмотря на заверения южнокорейской стороны о том, что при создании ЗСТ южнокорейские компании могут отдать предпочтение ЕАЭС как направлению для зарубежных инвестиций²², данная ЗСТ, наоборот, может замедлить приток южнокорейских инвестиций для реализации импортозамещающих инвестпроектов на территории стран ЕАЭС, а также затормозить процесс локализации материалов и компонентов к уже действующим на территории ЕАЭС южнокорейским предприятиям. При этом до сих пор неясно, как РК должна продемонстрировать свою готовность расширить инвестдеятельность на территории ЕАЭС как того ожидают в ЕЭК. Более того, судя по опыту в РФ, в последнее время уже произошло снижение интереса южнокорейских инвесторов к крупномасштабным, глобальным проектам, требующим долгосрочных вложений, и к проектам в сфере добычи природных ископаемых (в основном данные проекты интересуют их только как поставщиков оборудования и услуг). Громко озвученные когда-то инвестиционные проекты простаивают, не торопятся бизнесмены РК и к участию в ТОРах (территории опережающего развития), мотивируя это необходимостью тщательного предварительного расчета проектов. РК охотно ведет переговоры, но дальше этого пока конкретных шагов не предпринимает²³.

4. Возросшая конкуренция со стороны импортных товаров может, с одной стороны, оказать негативное влияние на отечественное производство, а с другой — подстегнуть отечественные предприятия к дальнейшей оптимизации производств.

5. Узость экспортных позиций ЕАЭС в РК может привести к односторонней выгоде для южнокорейского импортера. Однако если будет положительно решен вопрос расширения номенклатуры экспорта ЕАЭС и либерализации выхода на рынок РК перспективных товаров, которые не входят в топ-10 экспортируемых в РК товаров, например таких, как мясная, сельхозпродукция, путем отмены жестких фитосанитарных южнокорейских норм, то двустороннюю выгоду можно будет сбалансировать. Сейчас из ЕАЭС мясо не экспортируется в РК, в частности также действует запрет на ввоз в РК российской животноводческой продукции. Перспективным, на наш взгляд, является импорт из ЕАЭС в РК мяса птицы, производство которого в 2013 г. в странах Союза достигло 4,4 млн т, что составляет 4,9 % его мирового производства²⁴. Однако не все так просто, ведь, как отмечают специалисты, средний срок допуска российского мяса на зарубежный рынок составляет семь

лет. В частности, Южная Корея в конце 2016 г. затребовала у потенциальных поставщиков подробнейшую информацию по всем видам птицы, которую она обещала рассмотреть в течение как минимум 8—9 месяцев²⁵ (ответа пока нет). Что касается мяса свинины и говядины, то действительно азиатский рынок интересен для его поставок (ведь, например, российская свинина конкурентоспособна на азиатском рынке: ее цена ниже на 20—30 %, чем в Китае), но пока не заключено соглашение о поставке российского мяса, а также нет ветеринарного доступа на южнокорейский рынок²⁶.

6. Возможная отмена ввозных таможенных пошлин на товары из РК, размер которых на некоторые позиции существенен, может привести к значительным потерям для ЕАЭС. Например, на лидирующую позицию в импорте РК в ЕАЭС «части и принадлежности для автомобилей и тракторов» (ТН ВЭД 8708) ввозная таможенная пошлина достигает 10 %, а на «кузова для автомобилей» (ТН ВЭД 8707), занимающие 3-е место в импорте РК, пошлина достигает 15 %, причем на некоторые их виды она составляет не менее 2907 евро за 1 шт.²⁷

В результате отметим, что, по нашему мнению, данное соглашение о ЗСТ будет заключено, но в урезанном масштабе, причем процесс согласования пунктов документа займет длительное время. При этом нельзя не согласиться с мнением директора Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития Е. Винокурова о том, что вряд ли ЕАЭС и Южная Корея будут полностью открывать свои рынки. Скорее всего, будет разработан номенклатурный перечень и зафиксировано то, на какие группы товаров понижаются тарифы. Понижение это должно произойти за достаточно длительный период — 5—7 лет²⁸.

Примечания

¹ Эксперт. 23—29 января 2017 № 4 (1014). С. 6.

² Материалы к выступлению заместителя Министра экономического развития Российской Федерации А.Е. Лихачёва, 9 сентября 2013 г. // Официальный сайт Минэкономразвития России. URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/foreigneconomicactivity/doc20130909_2 (дата обращения: 21.02.2017).

³ Официальный сайт ЕАЭС. URL: <http://www.eaeunion.org/#about> (дата обращения: 16.02.2017).

⁴ Официальный сайт ЕАЭС. URL: <http://www.eaeunion.org/#about> (дата обращения: 21.02.2017).

⁵ Eurasian Economic Union to seek FTA with S. Korea. 27.08.15. URL: <http://pulsenews.co.kr/view.php?year=2015&no=826442> (дата обращения: 01.01.2016).

⁶ URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/NIR/Lists/List/Attachments/35/18_12_2013_annot.pdf. (дата обращения: 22.03.2017).

⁷ Министр ЕЭК Вероника Никишина: «Для выхода экспортеров на новые рынки необходимо развивать сеть соглашений между странами о свободной торговле» // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. 04.10.2016. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/2016-10-04-1.aspx> (дата обращения: 17.01.2017).

⁸ Внешняя торговля с третьими странами // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Pages/2016/11.aspx (дата обращения: 16.02.2017).

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Ом Гу Хо*. Структурные изменения в геополитике Азии и развитие российского Дальнего Востока // XV Материалы российско-корейского форума 25 октября 2016 г. в МГИМО. С. 79.

¹² Внешняя торговля с третьими странами // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Pages/2016/11.aspx (дата обращения: 25.02.2017).

¹³ Внешняя торговля с третьими странами // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Pages/2016/11.aspx (дата обращения: 16.02.2017).

¹⁴ ЕАЭС ищет свободы торговли на востоке и обсуждает создание ЗСТ с Южной Кореей 06.10.16. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3108068> (дата обращения: 26.03.2017).

¹⁵ Официальный сайт Министерства по инвестициям и развитию Республики Казахстан URL: <http://mid.gov.kz/ru/news/press-reliz-po-vstreche> (дата обращения: 10.03.2017).

¹⁶ Официальный сайт Министерства по инвестициям и развитию Республики Казахстан. URL: <http://mid.gov.kz/ru/news/v-seule-sostoyalsya-kazahstansko-ko-geyskiy-biznes-forum> (дата обращения: 10.03.2017).

¹⁷ Опыт Южной Кореи пригодится Беларуси. 26 сентября — 2 октября 2015 г. URL: <http://www.belmarket.by/ru/50/60/26806> (дата обращения: 03.02.2017).

¹⁸ Газета «Коммерсант». URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3214431> (дата обращения: 15.03.2017).

¹⁹ Прайм. URL: http://1prime.ru/state_regulation/20170316/827255123.html (дата обращения: 17.03.2017).

²⁰ Разворот на Дальний Восток: ЕАЭС готовится к ЗСТ с Южной Кореей. 06.10.16. URL: <http://mir24.tv/news/economy/15158668> (дата обращения: 24.03.2017).

²¹ ЕАЭС ищет свободы торговли на Востоке и обсуждает создание ЗСТ с Южной Кореей 06.10.16. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3108068> (дата обращения: 26.03.2017).

²² Там же.

²³ Российско-южнокорейское экономическое сотрудничество в эпоху перемен // «Корейский полуостров в эпоху перемен». Коллективная монография / отв. ред. А.З. Жебин. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 219. URL: http://www.ifes-ras.ru/images/abook_file/book-2016-korea.pdf (дата обращения: 20.02.2017).

²⁴ Отраслевой обзор рынка мяса птицы. ЕЭК.

²⁵ Российское мясо выдавливается на экспорт. URL: <http://expert.ru/south/2016/10/rossijskoe-myaso-vyidavliwaetsya-na-eksport/> (дата обращения: 15.01.2017).

²⁶ URL: <https://rg.ru/2016/09/03/reg-dfo/eksport-rossijskogo-prodovolstviia-v-koreiu-vyros-na-242-procenta.html>; URL: <http://www.rbc.ru/business/20/03/2016/56ebcb9a9a79471a98bf1f27> (дата обращения: 11.02.2017).

²⁷ Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 16.07.2012. № 54 (ред. от 31.01.2017) «Об утверждении единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза» (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.03.2017). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133133/abadac7bd883e1a5529b8953ddc571ded9f6c0f9/ (дата обращения: 18.03.2017).

²⁸ ЕАЭС и азиатские страны: планы, перспективы, трудности. 16.12.2016. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/eaes-i-aziatskie-strany-plany/> (дата обращения: 01.03.2016).

С.С. Суслина

ЮЖНОКОРЕЙСКИЙ МАЛЫЙ И СРЕДНИЙ БИЗНЕС И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО УЧАСТИЯ В ИНВЕСТИЦИЯХ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

Задачи постиндустриального развития, к которым РК приступила в 2000-х годах, потребовали переосмысления роли малого и среднего бизнеса (МСБ) как фактора устойчивого социально-экономического развития. Положение МСБ в Южной Корее на протяжении всего периода капиталистической трансформации Южной Кореи отличалось нестабильностью и противоречивостью. В статье предпринята попытка определить потенциал среднего предпринимательства в экономическом росте РК и оценить перспективы его участия в программах социально-экономического развития российского Дальнего Востока и Сибири.

Ключевые слова: Республика Корея, малый и средний бизнес (МСБ), чеболь, социально-экономическое развитие, российско-южнокорейское экономическое сотрудничество.

1. Роль и значение малого и среднего предпринимательства (МСП) в экономическом развитии

В современных условиях снижения темпов экономического роста в Республике Корея и России все более пристальное внимание ученых и практиков двух стран сосредотачивается на поиске новых «моторов»

развития. И здесь определенные возможности предоставляет изучение потенциала малого и среднего бизнеса (МСБ), который, исходя из постулатов современного постиндустриального общества, обеспечивает его стабильность и перспективы более справедливого социального развития.

Южнокорейский опыт в этом смысле трудно однозначно назвать эталоном, но он может послужить ориентиром в поисках собственной системы государственного регулирования в этой сфере с целью включения МСБ в высокотехнологичные производственные сектора экономики, роста материального благополучия и преодоления социального расслоения общества. Исследование потенциала МСБ имеет для России и большое практическое значение, связанное с решением задачи повышения роли малого и среднего предпринимательства, а также повышения эффективности его экономического сотрудничества с одноптипными компаниями из соседних дальневосточных стран, в том числе из Республики Корея.

2. Генезис и историческая роль МСП РК

История возникновения и динамика развития малого и среднего предпринимательства (МСП) как основы и специфики социально-экономического прогресса РК нашли достаточно полное освещение в трудах таких известных советских корееведов, как Ф.И. Шабшина, В.И. Шипаев, Б.В. Сеницын. Однако в большинстве исследований центральное место традиционно отводилось изучению финансово-промышленных групп (*чеболей*), которые рассматривались, наряду с государственным сектором, главными факторами быстрого экономического роста. В связи с этим большой интерес представляет работа рано ушедшего талантливого исследователя А.А. Бучкина — «Социальная эволюция современной Южной Кореи», опубликованная Институтом востоковедения АН СССР в 1987 г.

В частности, автор отметил как специфику южнокорейской модернизации то, что воспроизводство МСП происходило не в естественных условиях выживания в процессе концентрации производства и капитала, а под влиянием трансформации государственного уклада в систему государственно-монополистического капитализма, минуя стадию «фритредерства». И это наложило особый отпечаток на построенную за вторую половину XX в. социально-экономическую модель РК.

В южнокорейской статистике, категория «малого и среднего предпринимательства» (МСП/МСБ) выделяется исходя из лимитированного числа работников и активов предприятий. В 1977—1987 гг. статус МСП получали предприятия обрабатывающей, добывающей промышленности и транспортные с числом занятых от 5 до 300 человек и активами в пределах 500 млн вон; строительные фирмы, на которых работали от 5 до 50 человек (активы те же), и предприятия в торговле и сфере услуг с числом занятых от 5 до 20 человек (табл. 1) и активами до 50 млн вон¹. Для регистрации в качестве МСП, что давало льготные условия кредитования и налогообложения, было достаточно соответствия одному из указанных лимитов. Что касается его производственного потенциала, то доля последнего в общем объеме промышленного производства в конце 1980-х годов установилась на уровне 30—33 %, а в экспортном производстве несколько выше — 35—38 %². По выработке в расчете на одного занятого МСП значительно уступало крупным предприятиям.

Однако в условиях интенсификации крупного производства современного сектора постепенно повышалась роль малых предприятий в выполнении той задачи, которая раньше решалась за счет экстенсивного роста производства — в расширении занятости.

Таблица 1. Предприятия обрабатывающей промышленности в 1977 г.

Предприятия	Общее число		Общее число занятых		Условно чистая продукция		Капитальные вложения в основные фонды	
	Шт.	%	Тыс.	%	Млрд вон	%	Млрд вон	%
Малые, 5—99 занятых	23 299	87,0	480	25,0	886	15,8	145	10,9
Средние, 100—299 занятых	2382	8,9	403	21,0	979	16,6	220	16,5
Крупные, свыше 300 занятых	1085	4,1	1036	54,0	3782	67,6	971	72,6
Всего	26 766	100,0	1919	100,0	5597	100,0	1336	100,0

Источник: Бучкин А.А. Социальная эволюция современной Южной Кореи. Капиталистическая модернизация и средние городские слои. М.: Наука, 1987. С. 178.

Из табл. 1 видно, что хотя в 1970-е годы МСП доминировали по количеству компаний, но существенно проигрывали по показателям занятости, доле произведенной продукции и инвестициям в производство. Доля МСП в общих капиталовложениях в основные фонды промышленного производства повысилась с 27,4 % в 1977 г. до 30 % в 1981 г.³

Оставаться малому и среднему бизнесу на плаву позволяло то, что многие из предприятий были связаны субподрядными соглашениями или контрактами с определенной монополистической группой. Наибольшее распространение такая кооперация МСП с монополистическими объединениями получила в машиностроении, электронной, текстильной промышленности, в меньшей степени — в химии и металлургии. В сектор МСП также перешло мелкосерийное производство, изготовление специальных моделей. Все большее число мелких предприятий стало закрепляться в узкоспециализированных областях экспортного производства.

Благодаря этому процессу, современные формы мелкого предпринимательства оказались охваченными вертикальной кооперацией, а их производство отвечало технологическим запросам крупного капитала, который стремится снизить издержки производства за счет перевода в сектор МСП наиболее трудоёмких операций.

В то же время за истекшие десятилетия расширилась сеть мелких фирм, ведущих самостоятельные научные разработки, а также занимающихся патентной экспертизой, стандартизацией. Развитие взаимодействия крупного бизнеса с МСП выдвинуло страну в ряды активных участников международного технологического обмена.

Однако есть и обратная сторона: подобная кооперация ставит мелкие предприятия в прямую зависимость от закономерностей и условий воспроизводства в современном секторе, поэтому в периоды экономических спадов, когда незамедлительно рвутся нити кооперирования, мелкие предприниматели остаются без заказов.

3. Современный потенциал МСП Республики Корея

По данным южнокорейской статистики, по состоянию на 2014 г. малый и средний бизнес составлял 99,9 % от общего количества южнокорейских компаний и 87,9 % всех занятых на них⁴. На крупные компании с числом занятых свыше 250 человек приходилось только 0,1 % от

общего их числа⁵. Финансовое положение МСП, если смотреть по удельному весу приходящихся на них займов, ухудшилось с 86,8 % в 2007 г. до 74 % в 2014 г., что все же является достаточно высоким показателем в мире⁶. По данным южнокорейской статистики, по состоянию на 2014 г. малый и средний бизнес составлял 99,9 % от количества всех южнокорейских компаний и 87,9 % всех занятых на них⁷. Одним из главных критериев администрации МСБ РК является объем продаж. По этому показателю МСБ, например, в обрабатывающих отраслях (одежда, сумки, обувь, целлюлоза, бумага, электрооборудование, мебель и др.) ежегодный объем продаж должен быть на уровне 150 млрд вон; в сельском, лесном, энергетическом секторах, оптовой и розничной торговле, обрабатывающей и строительной промышленности — 100 млрд вон⁸.

По данным исследования Министерства труда и занятости РК, уровень зарплат в МСБ в среднем составляет всего половину от уровня зарплат в крупных компаниях, в связи с чем существует проблема заполнения рабочих мест в малых и средних компаниях, особенно среди молодежи⁹.

Интерес представляет сопоставление производственной эффективности тайваньских и южнокорейских МСП по степени участия в международном производстве (табл. 2).

Таблица 2. Изменение уровня вовлечённости в глобальные цепочки добавленной стоимости: РК и Тайвань (2000—2011 г.), %

	2000	2005	2008	2009	2010	2011
Тайвань	53,4	64,4	69,6	64,1	67,1	67,6
РК	50,5	57,5	63,5	59,0	61,3	62,1

Источник: OECD (2015), TiVa GVC Indicators (Ком Сэк Иль: 19.02.2016). КИЕР Енгу Погосо 16-01. Р. 50.

По данным табл. 2 видно отставание РК от Тайваня по степени участия в процессах промышленно-технологической интеграции, несмотря на активную либеральную политику, что объясняется сохраняющимся отставанием в конкуренции южнокорейских компаний по технологической оснащенности и финансовому обеспечению.

В табл. 3 отражены значительные колебания показателей активности МСБ в суммарном объеме экспорта РК во время финансового кризиса 2009—2010 г. и в середине 2010-х годов, что свидетельствует о нестабильности его развития.

Таблица 3. Объём экспорта малого и среднего бизнеса Республики Корея в 2005—2014 г., млн долл. и %

Год	Объём экспорта	Объём экспорта малого и среднего бизнеса	Уровень прироста	Удельный вес
2005	284 419	92 128	1,9	32,4
2006	325 465	103 693	12,6	31,9
2007	271 489	113 546	9,5	30,7
2008	422 007	130 524	15,0	30,9
2009	363 534	76 783	-41,2	21,1
2010	466 384	98 624	28,4	21,1
2011	555 214	101 560	3,0	18,3
2012	547 870	102 872	1,3	18,8
2013	557 720	95 786	-6,9	17,2
2014	572 665	103 292	7,8	18,0

Источник: КИЕР Енгу Погосо 16-01. Р. 41.

Таблица 4. Изменение удельного веса экспорта южнокорейского малого и среднего бизнеса, %

Значения	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Удельный вес экспорта в целом	48,1	45,4	44,4	41,6	38,7	28,5	28,4	26,1	28,3	25,0
Удельный вес прямого экспорта	36,9	32,4	31,9	30,7	30,9	21,1	21,1	18,3	18,8	17,2
Удельный вес косвенного экспорта	141,2	13,0	12,5	10,9	7,8	7,4	7,3	7,8	9,5	7,8
Вклад косвенного экспорта*	23,3	28,6	28,1	26,2	20,2	26,0	25,7	29,9	33,6	31,2

* Вклад косвенного экспорта рассчитан как (удельный вес косвенного экспорта/общий удельный вес экспорта)х100.

Источник: КИЕР Енгу Погосо 16-01. Р.41.

Каковы же причины столь резкого спада и что предпринимается по предотвращению негативных последствий этого процесса?

4. Государственная политика поддержки МСП

Политика государства в отношении малого и среднего предпринимательства осуществляется с 1960-х годов и за это время претерпела существенные изменения. Основным законом, определившим направления правительственной помощи (финансовой и административной), был принят еще в 1966 г., позднее в него неоднократно вносились поправки и дополнения. Администрация РК стремилась к усилению регулирующего воздействия государства на формирование взаимоотношений МСП с крупным монополистическим капиталом. С этой целью в стране образованы многочисленные ассоциации мелкого предпринимательства, среди них следует выделить Корейскую федерацию малого бизнеса, заметно активизировавшую свою деятельность в последнее время.

С 1980-х годов правительство РК зарезервировало за МСП право на производство более 300 видов промышленной продукции; предоставило эксклюзивные права на 23 формы хозяйственной деятельности; был принят ряд антикартельных установок, ограничивших свободу манипуляций с монопольными ценами; предприняты попытки привлечь мелких предпринимателей к выполнению госзаказов; поощряется производство экспортной продукции на малых предприятиях. Однако основная роль в этой политике отводилась кредитно-денежным рычагам. К финансированию помимо специализированного Банка МСП привлекаются многие крупнейшие банки страны, которых обязывают предоставлять в распоряжение МСП ту или иную часть ссудных средств.

В 1997—1999 гг. сектор МСП, как и другие сектора экономики, подвергся реструктуризации, однако это произошло не очень успешно, хотя результаты вскоре проявились. К 2006 г. по сравнению с 1997 г. сектор МСП вырос с 2,67 млн до 3,02 млн компаний и их доля — соответственно с 99,1 до 99,9 % по количеству всех предприятий и с 74,4 до 87,5 % по занятости¹⁰.

За годы правления Ли Мен Бака и Пак Кын Хе было принято немало мер часто популистского характера, нацеленных на поддержку МСП, но, как отмечают эксперты известного аналитического органа РК — Корейского института развития, политика в отношении МСП должна быть

направлена на то, чтобы сделать этот сектор южнокорейского предпринимательства самодостаточным и способным вносить свой полноценный вклад в достижение общенациональных экономических целей. Однако принятые правительством меры фактически понизили производительность компаний МСП, получавших эту поддержку, увеличив выживаемость наиболее слабых и неконкурентоспособных из их числа¹¹.

Как пишет Woo Hyun Chang, аналитик из Корейской федерации МСП, государственная политика в отношении малого и среднего предпринимательства должна быть нацелена на поддержку наиболее эффективных компаний, а не на обеспечение выживаемости мелкомасштабных компаний¹². Он приводит свои расчеты: займы, предоставленные 58,2 тыс. малых и средних предприятий в 2009—2011 гг. увеличили выживаемость мелкомасштабных компаний в добывающей и обрабатывающей промышленности, но снизили их производительность, что примерно эквивалентно потере 0,2 % ежегодного прироста ВВП РК¹³. Этот показатель может быть еще выше, если включить все другие сектора экономики.

Государственное финансирование МСП включает прямые правительственные займы и гарантии, которые позволяют предпринимателям обращаться за кредитами на внутренний и внешний финансовый рынок. На южнокорейском финансовом рынке малому и среднему предпринимателю нелегко получить средства просто по причинам своего небольшого потенциала и неопределенным перспективам роста. В связи с этим правительственные займы и гарантии должны стать для МСП важными поддерживающими инструментами, нацеленными на повышение конкурентоспособности предприятий/компаний, а не на их выживаемость. По данным на 2014 г., эти активы, выделенные правительством для МСП, достигли около 70 млрд долл. и были представлены тремя крупными финансовыми институтами: Korea Credit Guarantee Fund (KODIT), Korea Technology Finance Corporation (KOTEC, или более известного как KIBO) и Small & Medium Business Corporation (SBC)¹⁴. Особое место занимают гарантии по займам для высокотехнологичных компаний из числа МСП.

При президенте Пак Кын Хе правительство Южной Кореи стало выделять миллиарды долларов на создание экономики нового типа, так называемой творческой экономики. Задача проекта — совершенствование существующей производственной базы и открытие направлений,

которые придадут новый импульс экономическому развитию. Южная Корея планирует войти в число мировых лидеров за счет развития стартапов в следующих областях: информационные технологии, биотехнологии, новые материалы для строительства, медицина, космические технологии, робототехника. Южнокорейские компании обладают хорошими конкурентными преимуществами: это опыт, развитая производственная база, квалифицированный персонал, отличная система подготовки новых кадров и государственная поддержка бизнеса. Южнокорейские МСП всё более пристально присматриваются к зарубежным рынкам и при разработке новых продуктов учитывают потребительские предпочтения зарубежных аудиторий.

Согласно правительственным данным, только в 2014 г. частное и государственное инвестирование в технологические стартапы составило 2,5 трлн вон (2,3 млрд долл.), увеличившись на 62 % по сравнению с 2013 г.¹⁵ Принята специальная программа мотивации и стимулирования молодых предпринимателей в целях формирования поколения владельцев собственного бизнеса.

Открытие всевозможных стартапов и венчурное инвестирование является модным и престижным занятием среди южнокорейской молодежи, и это поддерживается на государственном уровне, благодаря запущенным программам поощрения предпринимательской активности, что особенно важно для выпускников вузов, которые решаются открывать собственный бизнес (табл. 5). В 2007 г. была представлена программа поддержки стартапов (консалтинг, гранты, законодательные инициативы и т. д.). Примерно такие же функции в России выполняют фонд «Сколково» и Фонд содействия. В 1999 г. появился Korea Institute of Science and Technology (аналог «Сколтех»), объединивший семь ведущих университетов и девять научных центров. В 2000 г. был создан Korea Tehno-Venture Foundation, в задачи которого входит развитие национальной венчурной отрасли через программы популяризации, формирования предпринимательской культуры и коммерциализация технологий с глобальным потенциалом¹⁶. Эта программа реализуется для обеспечения выживания и роста вновь создаваемых венчурных компаний. Малые и средние предприятия получают земельные участки, консультационную помощь экспертов, образование в сфере маркетинга и другую поддержку. В Южной Корее имеются два государственных исследовательских комплекса для среднего и малого бизнеса, расположенные в городах Тэдок и Кванчжу, промышленные зоны высоких техноло-

гий в городах Тэджон, Пусан, Тэгу, Чхонджу и др. Шесть технопарков были дополнительно построены в городах Тэгу, Тэджон, Кванчжу, провинциях Кенсанбук-до, Кенги-до, Чхунчхонбук-до. Кроме того, созданы Региональный исследовательский центр и Технологический бизнес-инкубатор, через которые системно поддерживаются коммерческие предприятия.

Таблица 5. Тенденции открытия и банкротств стартапов в РК

Годы	2011	2012	2013	2014	2015
Приобретение новых компаний (А)	65 100	74 162	75 574	84 697	93 768
В том числе в промышленности	15 557	17 733	18 721	19 509	20 155
Приобретение в результате банкротства (Б)	967	890	1001	841	720
А/Б, %	67,3	83,3	75,5	100,7	130,2

Источник: Bank of Korea, Korea Financial Telecommunications and Clearings Institute. URL: <http://www.smba.go.kr/site/eng/02/1020100000002016111504.jsp>

Как видно из табл. 5, в РК в развитии инновационного бизнеса преобладают тенденции открытия новых компаний, а не приобретение их из числа обанкротившихся предприятий.

Следует также отметить, что не все венчурные компании РК имеют сертификаты о производимом ими продукте или услуге (табл. 6).

Таблица 6. Венчурные компании и сертифицированные компании

Годы	1998—2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Венчурные компании	43 646	7967	9732	12 218	14 015	15 401	18 893
В том числе сертифицированные	5321	2762	3454	7183	11 526	14 626	15 940
Годы	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Венчурные компании	24 645	26 148	28 193	29 135	29 910	31 260	32 451
В том числе сертифицированные	16 243	16 944	17 298	17 080	16 878	17 472	17 573

Источник: Korean SMEs-Statistics. Small and Medium Business Administration.

5. Экспортные и инвестиционные возможности МСП РК

Администрация малого и среднего бизнеса (Small and Medium Business Administration, SMBA) РК активно ищет возможности кооперации с иностранными государствами, чтобы помочь малым и средним предприятиям выйти на зарубежные рынки. SMBA проводит активную работу по подготовке к заключению соглашений о стратегическом сотрудничестве с рядом иностранных государств, чтобы открыть двери на внешние рынки малым и средним предприятиям Кореи. (SMBA уже подписала договор о сотрудничестве в сфере СМБ с 19 странами, включая Китай, Индию, Индонезию, Вьетнам, Турцию и Мексику.)

В апреле 2012 г. SMBA подписала Меморандум о сотрудничестве в сфере СМБ с Россией, что позволит создать условия для работы южнокорейских фирм в различных отраслях российской промышленности. В 2011 г. объем экспорта малых и средних предприятий Кореи составил 114,6 млрд долл., что соответствует 20,6 % от общего объема экспорта страны. Говоря о стратегических целях SMBA, следует отметить два направления: 1) увеличение объемов зарубежных поставок посредством развития экспортного потенциала южнокорейских компаний; 2) повышение конкурентоспособности малых и средних предприятий на мировом рынке. Малые и средние предприятия Южной Кореи поставляют продукцию в 227 стран. Количество наименований товаров, поставляемых за рубеж такими компаниями, достигло 1,175 тыс. Главными статьями экспорта были автозапчасти, конструкции корпусов морских судов, компьютеры и бытовая электроника.

6. Проблемы развития МСП РК и перспективы участия в экономических проектах на российском Дальнем Востоке

Небольшая часть южнокорейских МСП уже знакома с российским рынком и деловой средой. Это знакомство южнокорейских и российских компаний до сих пор не вылилось в эффективное и взаимовыгодное деловое партнерство. Южнокорейские МСП за рубежом обычно сталкиваются в основном со следующими проблемами:

- недостаточность финансирования;
- падение конкурентоспособности (из-за дешевой китайской продукции и других стран ЮВА);

- влияние внешних факторов (колебания курса воны относительно доллара, иены, юаня, изменения учетной ставки ФРС США);
- введенные недавно ограничения на ввоз товаров из РК (в США — на 23 вида товаров, в Китай — 13. Всего 181 ограничение на южнокорейскую продукцию в 30 странах мира¹⁷).

Если исходить из интересов каждой из сторон, то их можно представить следующим образом, взяв для примера слабую активность южнокорейцев на открытой для международного сотрудничества площадке Дальнего Востока России (табл. 7).

Таблица 7. Основные цели инвестиционного сотрудничества РФ и РК

Интересы России	Интересы РК
Приток ПИИ. Развитие инфраструктуры городских агломераций. Создание деловой среды. Инновационные технологии. Венчурный бизнес. Выход на внешние рынки	Новый рынок. Устойчивые поставки сырья, топлива. Дешевые научно-технические кадры. Технологическое сотрудничество. Упрочение позиций и преодоление конкуренции китайских компаний

Российский Дальний Восток предоставляет для южнокорейского МСП во многом уникальные возможности выхода на внешний рынок со своей продукцией, которая является конкурентоспособной и пользуется широким спросом на рынке России. Это такие товарные позиции, как: продукция производственной и бытовой электроники, одежда, обувь, спортивный инвентарь, продовольствие и продукция сельского хозяйства и т. д.

Кроме того, на Дальнем Востоке России еще не заполнен сегмент спроса и предложения по линии различных областей сферы услуг. Это такие отрасли и производства, как: туристский бизнес, в том числе медицинский и оздоровительный, сотрудничество в области образования и подготовки преподавательских и научных кадров, семейное гостиничное дело, рестораны и кафе, торговля.

Все это сферы интересов МСП и области, где южнокорейский мелкий и средний бизнес имеет сравнительно высокую конкурентоспособность и может предложить российским участникам взаимовыгодное сотрудничество по капиталовложениям и модернизации имеющихся предприятий или созданию новых.

Особую значимость имеют сферы инновационного сотрудничества, которые могут быть в фармакологии, в том числе в южнокорейской традиционной медицине, в косметологии, в пошивочном производстве, гостиничном деле, индустрии развлечений и ресторанного бизнеса.

Выводы

Несмотря на то что правящая элита Южной Кореи создала довольно успешную социально-экономическую модель, в которой ключевыми игроками и выгодополучателями являлись государство (бюрократия) и крупный частный капитал, основную производительную силу составляло малое и среднее предпринимательство, в большинстве своём включенное в производственные цепочки крупного бизнеса, осуществлявшее стратегию экспортно ориентированного развития.

В начале XXI в. Республика Корея стала уделять повышенное внимание развитию в секторе МСП малых венчурных фирм и содействовать повышению роли технологических стартапов в экономическом развитии страны. Южная Корея открыла для себя новые возможности МСП в продвижении к вершинам мирового технологического прогресса. Накопленный ею опыт по финансированию и поддержке новаторских компаний заслуживает пристального внимания российских экономистов, и не столько с точки зрения его копирования, сколько ориентации в выборе компаний для более эффективного сотрудничества, а также сфер и форм оптимального взаимодействия с ними российского МСП, прежде всего на территории Дальнего Востока России, где сейчас предпринимаются активные меры по созданию транспортной и производственной инфраструктуры и насыщения региона притоком инвестиций и новейшей технологии.

Примечания

¹ Бучкин А.А. Социальная эволюция современной Южной Кореи. Капиталистическая модернизация и средние городские слои. М.: Наука, 1987, С. 37.

² Там же. С. 38.

³ Там же. С. 40.

⁴ Korean SMEs Statistics. National Statistical Office (2014).

-
- ⁵ Financing SMEs and entrepreneurs 2016. OECD 2016. P. 316.
- ⁶ Ibid.
- ⁷ Korean SMEs Statistics. National Statistical Office (2014).
- ⁸ URL: <http://www.smba.go.kr/site/eng/02/10201000000002016111504.jsp>
- ⁹ The Korea Herald. February 27, 2017.
- ¹⁰ *Anna Bakiewicz*. Small and medium enterprises in South Korea. In the shadow of big brotyers. *Asia& Pacific Studies*. Warsaw.2008, #5. P. 63.
- ¹¹ *Woo Hyun Chang*. Is Korea's Public Funding for SMEs Achieving Its Intended Goals?
KDI FOCUS February 3, 2016 (No. 63, eng.).
- ¹² *Woo Hyun Chang*. Help for South Korean SMEs should be refocused. Korea Federation of SMEs (KBIZ). April 20, 2016.
- ¹³ Ibid.
- ¹⁴ KOTEC (also known as KIBO in Korean) is a non-profit government agency responsible for operating the loan guarantee scheme specifically for high-tech SMEs in Korea. It is often targeting high risk, technology intensive SMEs which are often too risky for normal bank loans. As there is another similar organization which provides credit guarantee service to the SMEs such as Korea Credit Guarantee Fund (KODIT), KOTEC was motivated to develop KIBO Technology Rating System (KTRS) to provide differentiated service to its customers. As the loan guarantee provider, KOTEC gets its funding from fees paid by financial institutions for the guarantee service and from guarantee fees paid by companies. Korea's Loan Guarantees for High Tech SMEs. Jeong Eun Ha, Officer for Innovation, Technology and Science, January 13, 2016.
- ¹⁵ Korea's Loan Guarantees for High Tech SMEs. Jeong Eun Ha, Officer for Innovation, Technology and Science, January 13, 2016.
- ¹⁶ URL: <http://www.rbc.ru/opinions/business/22/03/2016/56ea7ee59a79475ebe38ae55>
- ¹⁷ WORLD KBS News. 17.03.2017.

В.Е. Петровский

О ПРОБЛЕМАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА С РЕСПУБЛИКОЙ КОРЕЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В статье представлен анализ проблем и возможностей сопряжения интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и выдвинутой бывшим президентом РК Пак Кын Хе Евразийской инициативы. Этот процесс рассматривается в контексте Меморандума о сотрудничестве между Евразийской экономической комиссией (ЕАЭК) и Министерством промышленности, торговли и энергетики РК от 27 ноября 2015 г.

Особое внимание уделяется совместимости бизнес- и инфраструктурных проектов и приоритетов стратегического планирования развития регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Ключевые слова: ЕАЭС, Евразийская инициатива, стратегическое планирование, Восточная Сибирь, Дальний Восток, территории опережающего социально-экономического развития.

Межрегиональное сотрудничество между Республикой Корея (РК) и регионами Восточной Сибири и российского Дальнего Востока — важный аспект российско-южнокорейских отношений в целом и резерв их активизации. Это особенно важно с учетом того, что товарооборот

между Россией и Южной Кореей сократился в 2015 г. на 33,8 %; за первое полугодие 2016 г. он упал на четверть (в первом полугодии 2015 г. товарооборот составил 8,5 млрд долл., снизившись на 34 % по сравнению с показателем предыдущего года). В 2015 г. объем накопленных прямых инвестиций Южной Кореи в РФ сократился на треть — до 1,3 млрд долл. с 1,9 млрд в 2010 г.

Роль межрегионального сотрудничества между Россией и РК вполне очевидна с учетом нижеследующих основных областей двустороннего сотрудничества:

- *судостроение* (южнокорейская «Хендэ Хэви Индастриз» (Hyundai Heavy Industries) к 2017 г. должна построить для ОАО «Газпром» СПГ-танкер; «Самсунг Хэви Индастриз» (Samsung Heavy Industries Co.) построит шесть челночных танкеров высокого ледового класса по заказу «Совкомфлота»; в 2015 г. в рамках проекта «Ямал СПГ» на верфи в Южной Корее был заложен киль первого арктического газовоза, заказанного группой компаний «Совкомфлот» для перевозки сжиженного природного газа; в ноябре 2013 г. «Роснефть», Газпромбанк, «Совкомфлот» и южнокорейская DSME подписали меморандум о взаимопонимании, предусматривающий сотрудничество в создании судостроительного кластера на Дальнем Востоке; стороны договорились вместе завершить сооружение новой верфи «Звезда» и открыть совместный морской инжиниринговый центр, который будет заниматься разработкой техники для шельфовых проектов);
- *гражданская авиация*;
- *спецтехника и сопутствующие сферы*;
- *автомобилестроение*;
- *медицина, в том числе фармацевтика и медицинский туризм* (в 2015 г. подписано соглашение между российской фармацевтической компанией «Нанолек» и биотехнологической компанией Грин Кросс (РК), предусматривающее стратегическое партнерство в области разработки и производства высокотехнологичных биофармацевтических препаратов; в рамках соглашения «Нанолек» будет производить в России ряд биотехнологических препаратов, разработанных и выведенных на мировой рынок компанией Грин Кросс для лечения социально значимых заболеваний);
- *био-, нано-технологии*;
- *химия и нефтехимия*;

- *вопросы защиты окружающей среды и борьбы с природными катаклизмами;*
- *освоение космоса, мирный атом, ИКТ¹.*

27 ноября 2015 г. в Сеуле министр по торговле Евразийской экономической комиссии Андрей Слепнёв и министр промышленности, торговли и энергетики Республики Корея Юн Сан Чжик подписали Меморандум о сотрудничестве между Евразийской экономической комиссией и Министерством промышленности, торговли и энергетики Республики Корея, который предусматривает создание постоянно действующего механизма сотрудничества Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Кореи. Также в рамках визита министра по торговле ЕЭК в Корею был дан старт совместному исследованию Всероссийской академии внешней торговли и Корейского института международной экономической политики (КИЕП) с целью выработать оптимальную формулу углубления сотрудничества между ЕАЭС и Кореей².

В опубликованном по итогам данного исследования докладе были определены возможные шаги для стимулирования сотрудничества стран в данном регионе. *Во-первых*, было признано необходимым активизировать трехсторонние проекты Российской Федерации, Республики Корея и Корейской Народно-Демократической Республики в сфере транспорта, логистики, энергетики. *Во-вторых*, было признано целесообразным привлечение южнокорейских компаний к участию в проектах на территориях опережающего развития (ТОР) и создание совместных специальных промышленных зон в долгосрочной перспективе.

Взаимовыгодное двустороннее сотрудничество может развиваться в машиностроительной отрасли, благодаря чему Россия получит серьезный стимул для экономического роста, а для Республики Корея появится возможность расширения производства в северных регионах. В докладе было также рекомендовано создание комитета по развитию Дальнего Востока в структуре южнокорейского правительства, который будет осуществлять поддержку национальных компаний при инвестировании в Дальневосточном регионе, координацию всех соответствующих совместных проектов между Республикой Корея и Россией³.

Особенно важна, с учетом конкурентных преимуществ РК в данной сфере, роль потенциальных южнокорейских инвесторов в формировании рынка экологических услуг и «зеленой» экономики, что является одним из новых приоритетов развития российской экономики в целом и социально-экономического развития регионов Сибири и Дальнего

Востока в частности. Основными функциями рынка экологических услуг должны быть следующие:

- разработка ряда законов (стандартов, правил), определяющих требования к работе предприятий и организаций, входящих в рынок экологических услуг;
- ценообразование экологических услуг, работ и продукции;
- прогнозирование будущих потребностей в экологических услугах и работах, а также продукции предприятий этой сферы деятельности;
- применение методов экономического и иного стимулирования предприятий в части повышения экологической безопасности, побуждение производителя к минимизации экологического ущерба;
- проведение государственной политики, стимулирующей внедрение наилучших технологий и техники, направленных на рациональное природопользование, получение экономической выгоды в результате применения технологий, обеспечивающих наибольшую защиту окружающей среды;
- повышение экологического образования⁴.

Вышеуказанные рекомендации нашли свое отражение в утвержденной в марте 2013 г. Государственной программе Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона». В ней устанавливаются основные направления решения проблемы экологической безопасности с целью предотвращения превышения допустимых уровней воздействия на окружающую среду при возрастающем изъятии природных ресурсов для производственных целей и техногенном воздействии в Дальневосточном и Байкальском регионах.

За счет использования инновационных технологических решений обеспечивается минимизация воздействия на окружающую среду, энергосбережение и комплексное использование сырья. Именно в этой сфере присутствие «качественных» южнокорейских инвестиций было бы наиболее желательным.

На формирование рынка экологических услуг и «зеленой» экономики в Сибири и на Дальнем Востоке уже обращают повышенное внимание иностранные инвесторы. Их участие также ожидается при реализации масштабного проекта по созданию свободного порта Владивосток на юге Приморья. Он объединит 13 российских муниципалитетов и бу-

дет наделён особыми правами упрощённой регистрации предприятий, уплаты единого налога, безвизового режима. В перспективе свободный порт позволит сократить транспортные издержки стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), свяжет их транспортными коридорами с российским Приморьем и выведет на кратчайший путь из Азии в Европу⁵.

Руководители крупнейших японских компаний «Сумитомо Корпорейшн» (Sumitomo Corporation), «Кавасаки Корпорейшн» (Kawasaki Corporation), «Соджитс Корпорейшн» (Sojitz Corporation), «Марубени» (Marubeni), «Хитачи» (Hitachi), «Мицубиси Корпорейшн» (Mitsubishi Corporation), «Мицуи» (Mitsui) высказывали интерес к проектам в ТОР на Дальнем Востоке. Были достигнуты договоренности и проработаны схемы предоставления связанных кредитов резидентам будущих ТОР с японским банком международного сотрудничества «JBIC», корейским «Korea Eximbank», Государственным банком развития Китая «CVD». Предположительно, первые ТОР будут привязаны к крупным городам, это наиболее конкурентоспособные места. В перспективе они появятся во всех регионах Дальнего Востока⁶.

На фоне возросшей активности японских инвесторов на Дальнем Востоке бизнесмены Республики Корея также стремились не отстать от своих японских коллег. Участие южнокорейских инвесторов в проектах на территориях опережающего развития и в зоне свободного порта Владивосток стало центральной темой для обсуждения на V Дальневосточном российско-корейском форуме, который проходил с 15 по 16 июня 2015 г. в Хабаровске.

В работе форума приняли участие представители органов власти, бизнеса, научного сообщества из регионов Дальнего Востока и Республики Корея. В рамках пяти сессий участники обсудили новые подходы к расширению международного экономического сотрудничества в таких областях, как торговля, экология, логистика, электроэнергетика.

«Если японский и китайский бизнес заходит в ТОР — это сигнал южнокорейскому бизнесу к более активным действиям», — подчеркнул начальник отдела территорий опережающего развития комитета по инвестициям правительства Хабаровского края М. Потанин. По мнению представителей южнокорейского бизнеса, лидером по привлекательности для инвесторов сегодня на Дальнем Востоке является Республика Саха (Якутия), следом идут Приморье и Хабаровский край. При этом среди факторов, негативно влияющих на привлечение иностранных ин-

весторов в экономику Дальнего Востока, южнокорейские бизнесмены назвали устаревшую инфраструктуру и излишний бюрократизм при выдаче всевозможных разрешительных документов⁷.

Новым важным этапом в развитии российско-южнокорейского межрегионального сотрудничества стал второй Восточный экономический форум (ВЭФ) во Владивостоке в сентябре 2016 г. Как заявила на специальном пленарном заседании форума бывший президент Республики Корея Пак Кын Хе, объем товарооборота между Южной Кореей и Дальним Востоком составляет около 40 % от общего двустороннего товарооборота. Также ежегодно россияне, составляющие 60 % от общего количества туристов, посещают Южную Корею именно через Владивосток. Таким образом, Дальний Восток становится мостом для соединения Республики Корея и России. По ее мнению, необходимо совместно работать над раскрытием потенциала Дальнего Востока и обеспечением его устойчивого роста. Для этого необходимо сделать акцент на трех направлениях сотрудничества.

В первую очередь, следует стремиться к интенсификации взаимодействия в сферах продовольствия, строительства жилищных комплексов, здравоохранения и медицинских услуг. Второе направление — диверсификация промышленной структуры Дальнего Востока с учетом его благоприятного географического расположения. Наконец, для ускорения развития макрорегиона и максимизации экономической отдачи от восточных российских территорий, по мнению бывшего южнокорейского лидера, необходимо увеличить спектр сотрудничества путем соединения Дальнего Востока с экономиками соседних стран. Как заявила г-жа Пак Кын Хе, «соединив различные евразийские концепции, мы должны распространять энергию благоприятного взаимодействия на Дальнем Востоке по всему континенту Евразии»⁸.

Федеральное агентство по рыболовству и Министерство морских дел и рыболовства РК в рамках Восточного экономического форума подписали Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве в реализации инвестиционных проектов в рыбохозяйственном комплексе на Дальнем Востоке РФ. Стороны договорились поддерживать реализацию проектов инвестиционного сотрудничества в рыбной отрасли на Дальнем Востоке между российскими и южнокорейскими предприятиями по таким направлениям, как судостроение, судоремонт, строительство морозильных, холодильных, перерабатывающих мощностей и торгово-логистических центров⁹.

Министерство РФ по делам развития Дальнего Востока (Минвостокразвития) фиксирует интерес предпринимателей из РК к условиям, предоставляемым инвесторам ТОР и свободного порта Владивосток, усилившийся после Восточного экономического форума 2016 г. В Корпорацию развития Дальнего Востока поступили заявки от южнокорейских бизнесменов общим объемом более 2,6 млрд руб.

В частности, в свободном порту Владивосток южнокорейский инвестор разработает систему электронной оплаты проезда во Владивостоке. Общий объем инвестиций в проект составляет более 1,8 млрд руб. На территории свободного порта Владивосток южнокорейские предприниматели планируют построить завод по производству изделий из полиуретана и бытовой химии, общая сумма проекта — 16,8 млн руб.¹⁰

В мае 2016 г. представители южнокорейской компании Pukdoo Industrial Co., Ltd посетили одну из площадок ТОР «Комсомольск», завод Амурлитмаш. Южнокорейские бизнесмены рассматривают возможность организации здесь производства запасных частей для специализированной тяжелой техники¹¹. В декабре того же года власти Хабаровского края и представители южнокорейской TSMGroup обсудили планы по строительству нового предприятия в Комсомольске-на-Амуре. Компания планирует строительство завода по производству энергосберегающих покрытий TSMCERAMIC. Инвестиции оцениваются в 1 млрд руб. Также состоялась встреча с представителями администрации Комсомольска-на-Амуре. Стороны договорились совместно разработать дизайнерские проектные решения по улучшению внешнего облика зданий города, а также совместно внедрять энергосберегающие технологии в городское хозяйство¹².

В декабре 2016 г. Агентство инвестиций и развития Хабаровского края совместно с Корпорацией развития Хабаровского края провели рабочее совещание с инвесторами из Южной Кореи — компанией Wujin Chem Corporation в рамках реализации инвестиционного проекта компании ООО «Трейд», которая является резидентом площадки «Ракитное» ТОР «Хабаровск». В рамках проекта планируется строительство завода по производству пищевой пленки ПВХ и викет-пакетов для автоматических и полуавтоматических машин с флексографической печатью до восьми цветов. Продукция завода составит порядка 30 % рынка России от объема производимых пищевых упаковочных материалов. Общий объем инвестиций в проект составит 777,7 млн руб.¹³

По итогам ВЭФ в сентябре 2016 г. ведущие специалисты южнокорейского исследовательского института КИЕР дают нижеследующие рекомендации:

- Активизация участия южнокорейских резидентов в ТОР с целью создания новой схемы разделения труда при производстве конкурентоспособной экспортно ориентированной продукции, основанной на использовании российских ресурсов, южнокорейских капиталов и технологий и североамериканской рабочей силы.
- Акцент не только на двустороннее, но и на многостороннее торгово-экономическое сотрудничество в регионах Восточной Сибири и российского Дальнего Востока.
- Сотрудничество в сфере логистики и транспорта для развития Северного морского пути (СМП), которое укрепит глобальную конкурентоспособность РК в этой сфере, обеспечит доступ к ресурсам Арктики, позволит соединить Корейский полуостров, Дальний Восток и Арктический регион.
- Создание зоны свободной торговли (ЗСТ) со странами ЕАЭС, которое позволит решить ряд проблем, включая диверсификацию торговли, прозрачность таможенных процедур, снижение таможенных и тарифных барьеров и создание новых цепочек добавленной стоимости, основанных на активизации сотрудничества в индустриальной сфере¹⁴.

Эксперты КИЕР также отмечают роль ТОР в создании российско-южнокорейской платформы в сфере инноваций и научно-технологического сотрудничества, а также в содействии доступа южнокорейским компаниям на российский рынок¹⁵.

В целом следует заключить, что южнокорейская Евразийская инициатива может и впредь оставаться значимым фактором развития двусторонних отношений, несмотря на недавнюю смену политической администрации в РК. По мнению ведущих южнокорейских экономистов, фактор ускоренного развития российских регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока, а также развития и модернизации индустриальной базы северо-восточных районов Китая приведет к наиболее значимым изменениям на Евразийском континенте к северу от Корейского полуострова. Именно он может стать солидным основанием, своеобразным трамплином для реализации Евразийской инициативы. Её воплощение в жизнь требует терпения и долгосрочного подхода, поскольку может стать фактором разрядки напряженности между странами Северо-Вос-

точной Азии (СВА). Поэтому последнюю следует рассматривать как долгосрочную стратегию. В связи с этим один из руководителей Корейского института международной экономической политики Ли Чжэён полагает, что Евразийская инициатива не должна становиться жертвой недавнего обострения китайско-американских отношений или политического кризиса в РК, связанного с импичментом президента Пак Кын Хе. Политические инструменты её реализации могут варьироваться в зависимости от изменений международной обстановки, но конечная цель неизменна — «расширение пространства сотрудничества нашей нации путем укрепления отношений с евразийскими странами»¹⁶.

Примечания

¹ URL: <http://asiavector.ru/countries/south-korea/>

² URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/30-11-2015-5.aspx>

³ Оценка текущего российско-корейского экономического сотрудничества и перспективы развития на средне- и долгосрочный период. М.: ВАЭТ, 2016. С. 144—145.

⁴ Орлова И.Г. Российский рынок экологических услуг: проблемы и перспективы. URL: <http://www.ecovestnik.ru/index.php/2013-07-07-02-13-50/nashi-publikacii/1761-rossijskij-rynok-ekologicheskikh-uslug-problemy-i-perspektivy>

⁵ Зыкова Т. В России создадут ТОР для японских инвесторов. URL: <http://www.rg.ru/2015/05/21/tor-site.html>

⁶ Лобыкин А. Дальний Восток готов к приходу инвесторов // Expert Online. 23.06.2014. URL: <http://expert.ru/2014/06/23/aziatskie-kompanii-rvutsya-na-dalnij-vostok/>

⁷ «Представители корейского бизнеса посчитали устаревшую инфраструктуру и бюрократию негативными факторами для иностранных инвестиций». URL: <http://eaomedia.ru/news/economics/17.06.2015/455546/uchastie-yuzhnokorejskih-investorov-v-proektah-na-torah-obsudili-na-dalнем-vostoke.html>

⁸ URL: http://www.minvostokrazvitia.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=4609

⁹ URL: <http://sudostroenie.info/novosti/17028.html>

¹⁰ URL: http://www.minvostokrazvitia.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=4647

¹¹ URL: <http://www.dvnovosti.ru/komsomolsk/2016/05/24/50829/#ixzz4Xi7vJFL2>

¹² URL: <https://www.khabkrai.ru/TOSER/Novosti-TOSER/161441>

¹³ URL: <https://www.khabkrai.ru/TOSER/Novosti-TOSER/161725>

¹⁴ LEE Jae-Young, The Achievements and Tasks of the Eastern Economic Forum and Korea-Russia Summit. P. 4.

¹⁵ Russia's Economic Modernization Policy and Implications for Cooperation between Korea and Russia, KIEP World Economy Update, January 22, 2016, Vol. 6. No. 2. P. 4—5.

¹⁶ JEONG Yeo Cheon, The Necessity of Continuing with the Eurasian Initiative Policy, KIEP Opinion, August 17, 2016. P. 3—4.

Д.К. Чарская

ПЕРСПЕКТИВЫ УЧАСТИЯ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ СТРАН СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

В статье рассмотрена текущая ситуация на внутреннем энергетическом рынке РК, представлен анализ выгод и перспектив для республики от участия в проектах международного энергетического сотрудничества. Особое внимание уделено проблемам, с которыми может столкнуться Южная Корея, участвуя в единой энергетической системе региона. Для РК это участие позволит решить важнейшую её проблему — нехватку электроэнергии в пиковые сезоны и обеспечит покупку электроэнергии на выгодных условиях.

Ключевые слова: электроэнергетика, энергокольцо, Республика Корея, Северо-Восточная Азия, сотрудничество.

На первых стадиях индустриализации Республика Корея столкнулась с проблемой дефицита энергии. Решение заключалось в максимальном использовании внутренних ресурсов и постепенном наращивании импорта нефти за счет увеличения валютных поступлений от экспорта. Её доля в структуре первичного энергопотребления выросла за 1967—1970 гг. с 26,8 до 47,2 %, а доля угля за этот период сократилась с 40,0 до 29,6 %¹. Стимулируемое правительством развитие энергоёмких производств привело к дальнейшему росту спроса на нефть. В 1978 г. в энергобалансе страны на неё приходилось уже 63,3 %².

С 1986 г. страна начала импортировать сжиженный природный газ (СПГ), доля которого в энергобалансе за 1987 г. была доведена до 3,1 %;

также росла выработка электроэнергии на атомных электростанциях (АЭС), обеспечивших в том же году 14,5 % первичного энергопотребления против 2,1 % в 1982 г. Нарастивались объемы угледобычи. В 1985 г. доля угля в энергобалансе достигла наивысшего предела — 39,1 %³. На континентальном шельфе была активизирована разведка собственных месторождений углеводородов⁴.

Пик роста потребления энергии пришелся на первую половину 1990-х годов, когда среднегодовые темпы роста первичного энергопотребления составили 10,1 %⁵. К концу 1999 г. по совокупной мощности южнокорейских электростанций Южная Корея заняла 12-е место в мире. За период с 2003 по 2014 г. внутреннее потребление электроэнергии в стране выросло в среднем на 4,17 %⁶. И его рост в период с 2015 по 2030 г. прогнозируется на уровне 2 % в год.

Летом 2016 г. в СМИ даже появлялись статьи с просьбой к населению снизить потребление электроэнергии, а именно выключать бытовую технику и кондиционеры в своё отсутствие.

1. Обзор электроэнергетического рынка РК

Современный облик электроэнергетики Республики Корея определяется её комплексным реформированием, которое предусматривало поэтапный переход к конкурентному рынку. На первом этапе, с 2000 по 2002 г., цена на электроэнергию определялась на основе затрат на производство электроэнергии. В 2000 г. была создана Корейская электроэнергетическая биржа (Korea Power Exchange, KPX). В настоящее время среди функций биржи можно выделить: функции системного оператора (управление электрическими сетями и обеспечение надёжного функционирования энергосистемы), долгосрочное планирование развития генерации и электрических сетей с целью обеспечения надежности поставок электроэнергии, предоставление участникам рынка и потребителям электроэнергии информации, необходимой для принятия бизнес-решений. На втором этапе, с 2003 по 2008 г., цена на электроэнергию определялась на основе ценовых заявок производителей и потребителей электроэнергии. На третьем этапе, начиная с 2009 г., установилась розничная конкуренция⁷.

В состав участников электроэнергетического рынка входят производители электроэнергии — по состоянию на 2009 г. — шесть дочерних

генерирующих фирм государственной компании Korea Electric Power Corporation (KEPCO), 295 частных генерирующих компаний — и единый закупщик электроэнергии (KEPCO). 75 % установленных мощностей предоставляются шестью дочерними компаниями KEPCO: East West Power (EWP — 9139 МВт), Korea Midland Power Co. (КОМПО — 8434 МВт), Korea South East Power (KOSEP — 9979 МВт), Korea Southern Power (KOSPO — 9162 МВт), Korea Western Power (KOWEPO — 9305 МВт), Korea Gydro & Nuclear Power (KHNP — 27 039 МВт). Еще 25 % мощностей предоставляют независимые производители энергии Южной Кореи: Pohang Iron and Steel Company (POSCO Energy — 3723 МВт), GS Power (905 МВт), Electric power & Services (GS EPS — 1523 МВт), Sunkyong Group Electric & Services (SK E&S — 992 МВт), Midland Power Company (MPC Korea — 1866 МВт)⁸.

Государственная компания KEPCO контролирует все сегменты рынка электроэнергии⁹. Оптовые цены на электроэнергию частично определяются рынком, розничные — полностью регулируются государством. Функционирование рынка электроэнергии обеспечивается комплексной компьютерной системой управления рынком, которая включает порядок подачи заявок, составления торгового графика, коммерческого учета, финансовых расчетов и распространения рыночной информации.

По потреблению электроэнергии Республика Корея занимает 10-е место из числа самых крупных потребителей мира, на 1-м месте — Китай с объемом потребления 4 831 000 ГВт/ч, Россия на 3-м месте после США. За 2015 г. объем потребления Кореей составил 482 400 ГВт/ч. При этом по состоянию на 2013 г. 53 % от общего потребления страны приходится на промышленность, 46 % потребляет население и сельское хозяйство и около 1 % расходует транспорт. Согласно прогнозам на 2030 г., расход электроэнергии на транспорте сохранится на том же уровне. Увеличится потребление электроэнергии населением и сельским хозяйством до 56 %, расход промышленности снизится до 43 %. По показателям установленной мощности Южная Корея за 2015 г. заняла 13-е место в мире (98,32 ГВт), на 1-м месте — Китай (1247 ГВт), Россия на 4-м месте после США и Японии¹⁰.

Рост энерго мощностей Кореи в целом увеличился в 2015 г. на 1/3 в сравнении с 2005 г. (был 62 258 МВт, стал 96 828 МВт), где большая часть приходится на угольную промышленность и сжиженный природный газ. Также увеличилась выработка электроэнергии: с 364 370 ГВт в 2005 г. до 521 409 ГВт в 2015. В 2005 г. 40,3 % составляла атомная энерге-

тика и 37 % уголь. В 2015 г. процент атомной энергетики уменьшился до 30 %, а процент угля вырос на 2 %, также увеличилась составляющая сжиженного природного газа с 15,9 % до 21,4 %¹¹.

В результате снижения энергоёмкости экономики в будущем ожидается замедление роста потребления энергоресурсов: среднегодовой темп роста в 2000—2014 гг. составил 2,5 %, в 2015—2030 гг. прогнозируется 1,5 %¹².

Стоит отметить, что согласно общей тенденции в мире государственная политика Южной Кореи направлена на развитие чистых источников энергии и снижения выбросов углеводородов (3 ноября 2016 г. Республика Корея присоединилась к Парижскому соглашению, регулиющему меры по снижению углекислого газа в атмосфере с 2020 г.)¹³. Правительство также поддерживает переход на газовую генерацию, распространение электромобилей, субсидирует возобновляемые источники энергии (ВИЭ).

2. Проекты энергокольца и фактор КНДР

За 18 лет обсуждений и дискуссий на тему энергетического объединения стран СВА рассматривались и анализировались различные варианты.

Идея одного из проектов электрической системы связей Северо-Восточной Азии NEAREST обсуждалась с 1990-х годов. Ею занимался Иркутский институт систем энергетики им. Л.А. Мелентьева. Проект предусматривает участие Китая, Японии, Южной Кореи, Монголии и России. В ходе комплексного анализа было выявлено, что при реализации этого проекта в качестве потенциальных положительных эффектов страны-участницы могут получить: снижение спроса на установленные мощности генерации за счет диверсификации нагрузок в пиковые сезоны; повышение надёжности электроэнергетических систем; привлечение крупных возобновляемых источников энергии (преимущественно ГЭС); получение дохода от торговли электроэнергией и снижение цен на электроэнергию¹⁴.

В 2007 г. этим проектом заинтересовались южнокорейские эксперты. Они его несколько модифицировали. Центром обновленного исследования стали Республика Корея, Северная Корея и Дальневосточный регион России. Предполагалось, что ЛЭП будет проходить из Владиво-

стока через КНДР в Сеул. Альтернативным вариантом был транзит из Читы и Благовещенска через Китай (Харбин — Шеньян), через КНДР в Сеул. В третьей схеме планировался транзит из Читы и Благовещенска через Китай (Харбин—Шеньян—Далянь) и далее подводным кабелем в Сеул¹⁵. Проект получил название NEAREL (NEAREST — Reliability «надежность»). После проведенных исследований, в которых прорабатывались четыре варианта энергетического объединения (приблизительной мощностью 3 ГВт) эксперты пришли к выводу, что подобный проект экономически реализуем и выгоден для Республики Корея¹⁶. Однако с технической точки зрения его реализация намного сложнее: ни ТЭЦ на территории Северной Кореи, ни её ЛЭП не смогли бы участвовать в передаче энергии — для этого пришлось бы полностью обновлять весь северо-корейский электроэнергетический комплекс.

Помимо этого, прорабатывался проект объединения Республики Корея и Китая (Korea — China Grid Interconnection) для передачи избытков энергии возобновляемых источников (ветровых и солнечных) к центрам энергетической нагрузки в Корею (Сеул, Инчон) с помощью высоковольтного кабеля. В настоящее время этот проект еще находится на стадии проработки¹⁷.

Еще в одном проекте GRENATEC выдвигалась идея паназиатской энергетической системы. Предполагалось объединение Австралии с Северо-Восточной Азией через Южно-Китайское и Восточно-Китайское моря с помощью высоковольтной линии электропередач постоянного тока, газовых труб и волоконно-оптической инфраструктуры. Цель этого объединения — создание гибких трансграничных энергетических и информационных сетей для замещения угольной энергетики газовой и развития ВИЭ в регионе. Реализация этого проекта планировалась к 2050 г.¹⁸

Японский фонд по возобновляемой энергетике предложил в сентябре 2011 г. концепцию азиатского суперкольца. Предполагалось объединение стран СВА (включая Россию) и южноазиатские страны (включая Индию) через страны ЮВА с помощью высоковольтной линии электропередач постоянного тока. Цель создания этого проекта — это выравнивание поставок электроэнергии, их стабилизация и снижение цены на электроэнергию. В Японии, например, по состоянию на 2014 г. стоимость электроэнергии составляла 0,2 долл./кВт, что в несколько раз превышает цены в любой другой азиатской стране. Однако на текущий момент эта концепция не содержит комплексного технико-экономического анализа¹⁹.

Политический совет Японии также предлагал концепцию азиатско-тихоокеанского суперкольца. Предполагалось объединение Японии и Южной Кореи с Австралией через страны ЮВА. Данный проект был рекомендован Советом как возможность не только участвовать Японии в нем, но и занять лидирующее место. Планировалось включение концепции азиатско-тихоокеанского суперкольца в дипломатическую стратегию страны, чтобы пропагандировать развитие ВИЭ Японии. С помощью продвижения ВИЭ-технологий в Азии могут быть снижены выбросы углеводорода. Также подразумевалось создание международной площадки под предварительным названием Green Energy Grid Organisation, которая не только будет развивать возобновляемые источники энергии, но и выступит основателем международного кольца. Экономические исследования данного проекта еще не были проведены²⁰.

Проект ГобиГЭК прорабатывается с 2011 г. Он рассматривает транспортировку электроэнергии от ветро- и солнечно-энергетического комплекса в пустыне Гоби Монголии. Этот проект включает создание комплекса Gobitec общей мощностью 100 ГВт на базе ветровых и солнечных электростанций (в равной пропорции) и трансграничные электропередачи (ТГЭП) постоянного тока для передачи энергии в Китай, Республику Корея, Японию и Россию. Сооружение этих линий приведет к формированию межгосударственной электрической сети Asia Super Grid. Проект не закрыт и его развитие возможно в ближайшее время²¹. В связи с планом энергетического сотрудничества Кореи с Монголией, его реализация могла бы быть наиболее перспективной для Республики Корея. Согласно южнокорейскому плану энергетического развития в Монголии на второй этап среднесрочной активности (2012—2022 гг.) запланировано: построить Эрдэнбургскую ГЭС на р. Ховд; провести исследование и принять решение относительно строительства АЭС и большого объема мощностей солнечных генераторов в пустыне Гоби; построить ГеоГЭС мощностью 10—15 МВт; провести комплексное исследование и принять решение относительно строительства двух ГЭС на р. Селенге; построить ГЭС мощностью 110 МВт на р. Орхон, а также построить ЛЭП разной протяженностью от 62 до 450 км. Данный план предусматривает схему действий в энергетической области Республики Корея в Монголии до 2040 г.²²

В июне 2015 г. Государственная электросетевая корпорация Китая инициировала в рамках продолжения развития концепции нового экономического Шелкового пути проект Global Energy Interconnection

(GEI). Рассматривается энергетическая кооперация в глобальном масштабе на базе ВИЭ и современных технологий передачи сверх- и ультравысокого напряжения. Предполагается развитие национальных сегментов сетей в период до 2020 г., до 2030 г. — континентальных, до 2050 г. — трансконтинентальных. В рамках глобальной концепции GEI начато обсуждение и продвижение практических форматов по региональному энергетическому сотрудничеству в СВА²³.

Среди всех проектов международного энергетического сотрудничества инициатива GEI получила наиболее широкую поддержку в продвижении, организованную со стороны китайских организаций, лоббистский ресурс которых поддерживается китайским правительством и капиталом (в лице крупнейшей энергетической компании мира — ГЭК Китая). В КНР создана специализированная организация Global Energy Interconnection, Development and Cooperation (GEIDCO) во главе с бывшим председателем ГЭК Китая Лю Женья, основным учредителем которой является ГЭК и которая на июнь 2016 г. насчитывала уже более 80 членов со всего мира²⁴.

Можно сделать вывод, что практически во всех проектах энергетического объединения Япония позиционируется как основной потребитель энергии Южная Корея — транзитёр, а Китай, Монголия и Россия — потенциальные экспортеры. Однако в рамках консультаций экспертов РФ и Японии японской стороной было заявлено, что они не рассматривают варианты энергетического объединения в формате кольца по ряду причин²⁵. Основной из них была причина отсутствия благоприятной политической атмосферы и взаимного доверия между странами СВА для энергетического объединения. По заявлениям китайской стороны, в связи с большим количеством неиспользованной собственной выработанной энергии на территории Китая и Монголии, вариант включения в проект энергетических мощностей, например, России не прорабатывается.

3. Позиция Южной Кореи в единой энергетической системе

От Южной Кореи активным участником проекта объединения выступает компания KEPSCO. 30 марта 2016 г. в рамках форума Global Energy Interconnection Conference был подписан Меморандум между китайской State Grid Corporation of China (SGCC), южнокорейской

КЕРСО, японской Softbank и российской компанией ПАО «Россети». Соглашение предусматривает совместное изучение рентабельности проекта, детализацию первой фазы проекта, а также проведение совместных консультаций.

Первое совещание было проведено в мае 2016 г. в Сеуле. В свою очередь, месяцем ранее КЕРСО начала переговоры с Министерством торговли, промышленности и энергетики РК. В сентябре 2016 г. состоялись переговоры между бывшим президентом РК Пак Кын Хе и председателем SoftBank Масаёси Соном. В ноябре в Сеуле прошел ряд конференций и выставок по тематике азиатского суперкольца и ВИЭ. На международном уровне генеральный директор КЕРСО Чо Хван Эйк провел ряд встреч с главами компаний стран — участниц проекта, в том числе с председателем SoftBank и с главой монгольской госкомпании National Transmission Power Grid (NPTG)²⁶.

В 2017 г. компания планирует закончить предварительное технико-экономическое изучение проекта, проанализировать план поставок и спроса электроэнергии в Южной Корее, Японии и Китае, изучить законодательный компонент торговли электроэнергией при пересечении границ государства, провести комплексную оценку проекта совместно с иностранным специализирующимся институтом, получить необходимое правительственное соглашение на участие в проекте и запустить подготовку межправительственного соглашения²⁷.

Можно сделать вывод, что главный южнокорейский закупщик электроэнергии — КЕРСО — занимает активную позицию и стремится повлиять на развитие проекта энергетического кольца с участием Южной Кореи.

Выводы

К сильным сторонам участия Республики Корея в проекте энергетического объединения стран СВА можно отнести: географическое положение страны, которое дает возможность ей выступать в качестве страны-транзитёра; способность экономического участия в проекте путем выделения средств, например, КЕРСО; гипотетически есть техническая способность страны участвовать в проекте: у Кореи (КЕРСО) есть опыт строительства двух кабелей мощностью 185 кВт и протяженностью 105 км, соединяющих о. Чеджу с материком.

К слабым сторонам можно отнести политически нестабильную обстановку на Корейском полуострове; отсутствие технических способностей для прокладки подводного кабеля высокой мощности (на данный момент не рассматриваются проекты с участием КНДР); сложную экономическую ситуацию в стране.

В качестве возможностей, которые открываются перед Республикой Корея в случае её участия в проекте, можно выделить улучшение электроэнергетической структуры, повышение электроэнергетической безопасности, открытие новых рабочих мест, снижение вредных выбросов в окружающую среду, решение проблемы нехватки мощностей в пиковые сезоны, возможность отказаться от закупки энергоносителей из стран Ближнего Востока (нефти), США (СПГ) и Австралии (СПГ и угля), а также, гипотетически, можно использовать и транспортировать свою энергию из пустыни Гоби (в случае реализации и участия Южной Кореи в проекте ГобиТЭК). Кроме того, можно рассматривать возможность участия в энергетическом объединении как предмет диалога с другими странами, например с КНДР.

Угрозы, с которыми Южная Корея может столкнуться, связаны с зависимостью от единой системы ценообразования для всей системы, с зависимостью от стран — импортеров электроэнергии, например Китая, и в целом с влиянием политических факторов на Единую электроэнергетическую систему. Участие Кореи в объединении стран СВА может ухудшить отношения с США как с поставщиком СПГ.

Бесспорно, осуществление проекта единой энергетической системы стран СВА может принести Южной Корее немало плюсов и возможностей. Однако стоит отметить, что Республика Корея сейчас испытывает внутривнутриполитический и внешнеполитический кризис. Правительством страны были осложнены отношения со всеми соседями и потенциальными участниками проекта: так, с Северной Кореей они сейчас испытывают существенный спад, ухудшились отношения и с Японией по причине вновь возникшего нерешенного исторического вопроса о «женщинах для утешения» со времен Второй мировой войны, и отношения с Китаем сейчас переживают период спада в связи с размещением американских ПРО на территории Южной Кореи. Всё это говорит о политической неготовности Сеула участвовать в подобных проектах.

Для участия стран в энергетическом объединении и создания единой системы энергетического обмена необходимо полное доверие и благоприятная политическая обстановка, так как подобного рода про-

екты выходят за рамки стандартных соглашений об экспорте-импорте энергии между странами. Поскольку в настоящее время подобные предпосылки не созданы, вероятность реализации проекта регионального электроэнергетического сотрудничества в Северо-Восточной Азии с учетом большинства стран в обозримом будущем, к сожалению, невысока.

Примечания

¹ Korea Statistic Information Service [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: http://kosis.nso.go.kr/cgi-bin/html_out.cgi?F=X3d332_r1d2ba.html

² Там же.

³ Там же.

⁴ *Стеклов М.М.* Современные проблемы развития топливно-энергетического комплекса Южной Кореи: автореф. дис. ... канд. эк. наук. 30.10.2008. М., 2008. С. 11—13.

⁵ ROK Ministry of Commerce, Industry and Energy [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mocie.go.kr/eng/policies/energy/energy.asp>

⁶ Trendeconomy [Электронный ресурс]. URL: http://data.trendeconomy.ru/industries/Coal_Electricity/Korea?indicator=Electricity_Consumption

⁷ Ассоциация «НП Совет рынка» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.np-sr.ru/market/cominfo/foreign/index.htm#22>

⁸ Korea East-West Power Co., Ltd. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.coaltrans.com/pdfs/Coaltrans%20Korea/JaeYoungChoi.pdf>

⁹ Ассоциация «НП Совет рынка» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.np-sr.ru/market/cominfo/foreign/index.htm#22>

¹⁰ Там же.

¹¹ Korea East-West Power Co., Ltd. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.coaltrans.com/pdfs/Coaltrans%20Korea/JaeYoungChoi.pdf>

¹² Азиатский вектор. Россия — Азиатско-Тихоокеанский регион [Электронный ресурс]. URL: <http://asiavector.ru/analytics/556/>

¹³ Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unmultimedia.org/radio/russian/archives/230595/#.WKcKgtKLSUk>

¹⁴ Asia Pacific Energy Research Centre [Электронный ресурс]. URL: http://aperc.iecej.or.jp/file/2015/11/27/FinalReport-APERCElectric_Power_Grid_Interconnection_in_NEA.pdf

¹⁵ Глобальная энергетика и геополитика (Россия и мир) / В.В. Бушуев, А.М. Мастепанов, В.В. Первухин, Ю.К. Шафраник. М.: ИД «Энергия», 2015. С. 60—61.

¹⁶ Asia Pacific Energy Research Centre [Электронный ресурс]. URL: http://aperc.ieej.or.jp/file/2015/11/27/FinalReport-APERCElectric_Power_Grid_Interconnection_in_NEA.pdf

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Korea Energy Economics Institute [Электронный ресурс]. URL: [http://www.keei.re.kr/web_keei/d_results.nsf/0/613E645A65550575492573EC0032E706/\\$file/CERNA2007-09.pdf](http://www.keei.re.kr/web_keei/d_results.nsf/0/613E645A65550575492573EC0032E706/$file/CERNA2007-09.pdf)

²³ Asia Pacific Energy Research Centre [Электронный ресурс]. URL: http://aperc.ieej.or.jp/file/2015/11/27/FinalReport-APERCElectric_Power_Grid_Interconnection_in_NEA.pdf

²⁴ Там же.

²⁵ Совещание проходило в Министерстве энергетики РФ по вопросу о рассмотрении на необязывающей основе технических возможностей создания Энергомоста Россия—Япония 11 января 2017 г.

²⁶ KERC's Future Plans of Northeast Asia Supergrid [Электронный ресурс]. URL: http://www.unescap.org/sites/default/files/Session%203.2.%20Junghwan%20Yoon_ROK.pdf

²⁷ Там же.

Э.Р. Расулов

К 25-ЛЕТИЮ УСТАНОВЛЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И РЕСПУБЛИКОЙ КОРЕЯ

Взаимодействие Южной Кореи с Центрально-Азиатским регионом, 25-летие начала которого отмечается в 2017 г., определяется возрастающей ролью Центральной Азии в масштабах евразийского пространства, связанной с наличием значительных природных ресурсов, транзитно-транспортным потенциалом, присутствием в нём корейской диаспоры. Оно осуществляется посредством сочетания корейского опыта развития экономики, передовых технологий и финансовых возможностей с большим потенциалом людских и природных ресурсов региона Центральной Азии.

Ключевые слова: Республика Корея, Центральная Азия, торговля, экономическое сотрудничество, стратегические отношения.

В 2017 г. отмечается 25-летие установления дипломатических отношений Республики Корея со странами Центральной Азии. За эти годы отношения партнерства (с некоторыми странами региона) приобрели стратегический характер и на современном этапе являются одним из важных аспектов внешней политики Южной Кореи на евразийском направлении.

Развитие взаимодействия Южной Кореи с Центрально-Азиатским регионом (ЦАР) определяется всё более значимой ролью Центральной Азии в масштабах евразийского пространства, связанной с наличием значительных природных ресурсов, транзитно-транспортным потенциалом, а также присутствия в ней многочисленной корейской диаспоры.

Страны Центральной Азии стремятся к стратегическому партнерству с Южной Кореей по ряду причин, в частности, учитывая её большой экономический и технологический потенциал, стремление к полномасштабному присутствию в экономике региона, наличию у неё опыта социально-экономических преобразований, который может оказать стимулирующее воздействие на развитие центральноазиатской экономики и на уровень жизни населения республик.

Не случайно, проводя масштабные реформы в своих государствах после обретения независимости, страны Центральной Азии проявляли большой интерес к корейской модели развития¹. Желание изучить опыт Южной Кореи в области экономического развития и проведения широких государственных преобразований высказывали президенты почти всех стран Центрально-Азиатского региона.

Сегодня расширение партнерских отношений между Южной Кореей и странами Центральной Азии осуществляется посредством сочетания корейского опыта развития экономики, современных передовых технологий и финансовых возможностей с большим потенциалом людских и природных ресурсов региона.

Страны Центральной Азии сегодня стремятся к максимальному освоению собственных природных ресурсов, но не обладают достаточным капиталом и технологиями для их глубокой переработки. Через модернизацию своей индустриальной сферы, реализуя проекты высокотехнологичных производств, основанных на переработке местного сырья в нефтегазовой, текстильной промышленности, электроэнергетике и других отраслях в сотрудничестве с Южной Кореей, они ставят задачу постепенно уйти от ресурсозависимой экономики и создать основу для более устойчивого развития.

В контексте развития полномасштабного сотрудничества большое значение имеют общие или близкие позиции Республики Корея и стран Центральной Азии по многим основным актуальным вопросам глобального и регионального характера. Это касается и международного взаимодействия по обеспечению энергобезопасности, надежного и стабиль-

ного транзита энергоносителей, роли транспортных коридоров, экологической проблематики и многих других вопросов.

Одним из ключевых факторов, способствующих достижению нынешнего высокого уровня политического взаимодействия Республики Корея со странами Центральной Азии, является поддержка Сеула странами региона в отношении мирного урегулирования северокорейской ядерной проблемы путем диалога и переговоров. Страны Центральной Азии выступают за сохранение мира и стабильности на Корейском полуострове, тем самым поддерживая его безъядерный статус.

Для Республики Корея данная политическая поддержка в рамках ООН играет важную роль. В этом контексте, Сеул, в свою очередь, также старается активно поддерживать различные инициативы стран региона на международной арене.

Одним из фундаментов укрепления центральноазиатского направления во внешней политике Республики Корея является постоянно действующий механизм встреч не только на высшем уровне, но и на уровне министерств и ведомств. Это работа на регулярной основе межправительственных комиссий (МПК) по торгово-экономическому, научно-техническому и культурно-гуманитарному сотрудничеству; политические консультации между внешнеполитическими ведомствами (межмидовские консультации); межпарламентские связи — обмен делегациями: заседания комитетов и ведомств; визиты на уровне правительственных делегаций и др.

Важное значение для укрепления и расширения отношений является созданный в 2007 г. по инициативе самой Кореи ежегодный форум по сотрудничеству «Республика Корея — Центральная Азия», в рамках которого происходит активный диалог по практическому многостороннему сотрудничеству в различных областях: торгово-экономической, транспортно-коммуникационной, инновационной и культурно-гуманитарной сферах.

Данный регулярный формат является площадкой переговоров, где вместе со всеми странами Центральной Азии обсуждаются актуальные вопросы многостороннего взаимодействия, в том числе в рамках тематических сессий, с целью строительства и развития социально-экономической и сырьевой инфраструктуры, передачи опыта экономического развития, определяются приоритеты на будущее сотрудничество и его наполнение практическим содержанием. С 2008 г. вместе с этим форумом одновременно открывается инвестиционный форум «Корея—Централь-

ная Азия», в котором принимают участие корейские компании, заинтересованные в инвестициях в страны Центральной Азии.

В 2016 г. на 10-м юбилейном форуме в г. Сеуле была поддержана инициатива южнокорейской стороны об объявлении 2017 г. (в связи с 25-летием установления дипломатических отношений и 80-летием проживания корейцев в Центральной Азии) — Годом культурного обмена «Республика Корея—Центральная Азия». На заседании также было объявлено о начале работы с 2017 г. Секретариата форума по сотрудничеству «Республика Корея—Центральная Азия», который будет заниматься расширением сотрудничества между странами в различных областях.

В перспективе, многостороннее сотрудничество Южной Кореи с Центральной Азией может расширяться также и в рамках взаимодействия с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС)², членами которого являются сегодня такие страны региона, как Казахстан и Киргизия, с возможным присоединением в будущем Узбекистана и Таджикистана. С этой целью в 2015 г. был подписан Меморандум о сотрудничестве между Евразийской экономической комиссией и Министерством промышленности, торговли и энергетики Республики Корея, на основе которого создан постоянно действующий механизм сотрудничества Евразийского экономического союза и Республики Кореи для обсуждения вопросов торгово-экономического взаимодействия.

По мнению эксперта из корейского агентства по содействию торговле и инвестициям (КОТРА) Пак Джи Вона³, сегодня для многих южнокорейских предприятий малого и среднего бизнеса данное сотрудничество, направленное на развитие торговли, решение тарифных барьеров, развитие экспортного потенциала, может стать очень востребованным для Южной Кореи.

В целом за прошедшие 25 лет страны Центральной Азии и Республика Корея сформировали солидную договорно-правовую базу из более чем 300 межправительственных документов, благодаря чему сегодня между ними можно наблюдать устойчивую динамику расширения политического, торгово-экономического, культурно-гуманитарного и инвестиционного сотрудничества. Только за один 2016 г. состоялось более 50 встреч между главами государств на высшем уровне, что подтверждает стратегический интерес Республики Корея к партнёрству с центральноазиатскими странами.

Сотрудничество Республики Корея со странами Центральной Азии началось в 1992 г. с торговли, которая по большей части была связана с

развитием «челночной торговли». Большинство инвестиционных проектов первого десятилетия сотрудничества осуществлялось в строительстве, сельском хозяйстве, легкой промышленности — проекты в текстильной индустрии. Самый крупный проект создания новой отрасли промышленности — автомобилестроения — был реализован в Узбекистане в виде завода легковых автомобилей ДЭУ.

Однако активность крупных корейских компаний в центральноазиатских странах замедлилась в конце 1990-х годов после Азиатского финансового кризиса, который начался с валютного рынка, а затем перекинулся на рынок капиталов, вследствие чего резко сократились последовательные инвестиции в страны региона. С середины 2000-х годов, преодолев последствия валютного кризиса 1997—1998 гг, Республика Корея снова начала проявлять активный интерес к региону Центральной Азии, и в первую очередь к странам, имеющим крупные запасы энергоресурсов (Казахстан, Узбекистан, Туркменистан).

Что касается второго десятилетия сотрудничества с ЦАР, то теперь для Южной Кореи важен был уже не просто рынок, а потенциал региона с точки зрения перспективы технологического вхождения в него и последующей совместной разработки природных ресурсов. Правительство РК стало интенсивно проводить так называемую энергетическую (ресурсную) дипломатию⁴ по отношению к странам Центральной Азии.

Так, в частности, одной из первых стратегических инициатив администрации бывшего в то время президента Ли Мен Бака была «Новая азиатская дипломатия»⁵, в рамках которой Сеул также стремился обеспечить доступ к совместной разработке энергетических ресурсов и в Центральной Азии. Реализация данной стратегии, с одной стороны, имела целью продвигать интересы Южной Кореи по всему миру, так как её присутствие на рынках центральноазиатского региона могло бы обеспечить ей доступ к рынкам и пространству других соседних государств, а с другой — преодолеть последствия кризиса в национальных экономиках стран региона. Рассматривая объединение потенциала больших природных и людских ресурсов региона со своими передовыми технологиями, Южная Корея стремилась получить долгосрочный доступ прежде всего к его нефтегазовым ресурсам, что обеспечивало бы укрепление национальной конкурентоспособности, а углублённая кооперация в сфере энергетики стала бы стимулом для развития других отраслей промышленности.

Сегодня многие эксперты в Южной Корее негативно относятся к «ресурсной дипломатии», которая проводилась правительством Ли Мен Бака, сомневаясь в подлинности её успеха и эффективности. Более того, Комиссия по аудиту и инспекциям (КАИ) Республики Корея признала данную программу убыточной, рекомендовав в срочном порядке продать доли и акции в крупных проектах за рубежом, инициированных в период 2008—2013 гг. во время правления Ли Мен Бака, расходы на которые вместо запланированных 3,15 трлн вон составили 12,86 трлн (около 10 млрд долл.)⁶.

Однако, несмотря на негативные оценки ряда корейских экспертов, в странах Центральной Азии данная политика все же имела свои определенные плюсы (закупалось современное оборудование, проводилась модернизация уже существующих производств), что смогло положительно повлиять на развитие промышленной инфраструктуры региона в целом, а деятельность корейских компаний в этих странах начала постепенно диверсифицироваться.

В последнее десятилетие переговоры на высоком уровне касались уже таких серьезных вопросов, как реализация индустриальных, инфраструктурных проектов, финансирования крупных инвестиционных проектов, развития промышленных производств, внедрения информационно-коммуникационных технологий и др.

В свою очередь, изменились стратегии развития и национальных экономик стран региона. Теперь одним из направлений использования природных ресурсов в странах Центральной Азии является максимальное использование возможностей по созданию производств комплексной переработки сырья полного цикла, обеспечивающего выпуск готовой конечной продукции с высокой добавленной стоимостью. Реализация таких проектов сегодня способствует развитию конкурентоспособной экономики. Особенно активно процесс создания перерабатывающих производств с участием Южной Кореи наблюдается в сфере глубокой переработки углеводородного сырья, что связано как с повышенным спросом на нефтегазохимическую продукцию и широкими возможностями её применения, так и с экономической привлекательностью глубокой переработки данного сырья.

Однако потенциал стран Центральной Азии во взаимодействии с Южной Кореей реализуется не только в крупномасштабных проектах нефтегазовой сферы.

Поставив долгосрочные цели в соответствии с собственной стратегией развития, страны Центральной Азии расширяют масштабы проектов социально-экономической инфраструктуры, реализуя преобразовательные программы, ориентированные как на модернизацию национальных экономик и создание мощной индустриальной инфраструктуры, так и на совершенствование социальной сферы с широким внедрением инноваций, передовых технологий и лучшего зарубежного опыта.

Исходя из этого, Республика Корея соответственно начинает менять стратегию взаимодействия, с одной стороны, ориентируясь на уровни и ситуации каждой страны, а с другой — целенаправленно развивая сотрудничество в рамках национальных проектов стран региона в тех отраслях, где эти страны имеют свой потенциал. Это сотрудничество носит комплексный характер, охватывающий как подготовку специалистов, инженеров, так и производственно-технологическое и финансовое обеспечение. Такой подход повышает эффективность взаимодействия и открывает более широкие возможности для развития полномасштабного партнерства.

Вместе с экономическим ростом увеличивается и рынок услуг в странах региона. Постепенно возрастают инвестиции в области медицины, образования, информационных технологий, туризма, что в свою очередь укрепляет культурно-гуманитарное сотрудничество стран региона и Республики Корея. Это сотрудничество выражается в проведении многочисленных культурных мероприятий, конференций и научных симпозиумов, увеличении центров по изучению корейского языка и культуры, установлении прямых контактов вузов и университетов, налаживании связей с ведущими корейскими технологическими компаниями и научно-исследовательскими центрами и институтами.

В последнее время южнокорейские специалисты оказывают содействие странам Центральной Азии в работе по широкому внедрению современных информационных технологий во все сферы жизни стран региона, в развитие системы «электронного правительства», подготовку и повышение квалификации местных кадров.

Сегодня одним из немаловажных направлений сотрудничества между странами Центральной Азии и Республикой Корея является также реализация проектов, связанных с развитием людских ресурсов. В настоящее время Южная Корея привлекает работников на свои предприятия из 17 государств мира, четыре из которых — это центральноазиатские страны Узбекистан, Казахстан, Киргизия и Таджикистан.

Для стран Центральной Азии миграционные процессы имеют большое значение. *Во-первых*, это большой объем денежных переводов от трудовых мигрантов, который стимулирует экономическое положение стран региона; *во-вторых*, многие из мигрантов возвращаются из Южной Кореи с передовыми технологическими навыками, что способствует внедрению новых подходов к производственным процессам на местных предприятиях в своих странах. *В-третьих*, многие побывавшие в Корее мигранты по возвращении пытаются наладить или создать в своих странах небольшие частные или семейные предприятия, тем самым являясь в своем роде катализатором развития малого и среднего бизнеса.

Однако существуют и проблемы, которые сегодня создают немало сложностей для властей Южной Кореи, в частности одна из таких проблем — это проблема незаконных мигрантов, которая в последние годы имеет тенденцию к росту.

Увеличение числа незаконно работающих граждан из стран Центральной Азии на территории Южной Кореи сегодня затрудняет приезд других граждан этих же стран, прибывающих с лечебной, туристической или деловой целью. В связи с ростом числа нелегально находящихся в Южной Корее мигрантов, Сеул ежегодно усиливает к ним требования для въезда в страну. В связи с этим происходит рост количества депортируемых приезжих из Центральной Азии, несмотря на наличие у них ваучера, обратного билета или визы.

Для решения этой проблемы власти Кореи также нередко организуют миграционные амнистии для добровольного выезда трудовых мигрантов, нелегально пребывающих в стране, на родину без штрафных санкций и запрета на последующий въезд.

Еще одна проблема трудовых мигрантов из Центральной Азии в Южной Корее связана с их долговыми обязательствами перед банками или другими государственными организациями и учреждениями РК. Так, в частности, по статистике⁷, около 70 % мигрантов — выходцев из стран СНГ имеют непогашенные задолженности по кредитам и долговым обязательствам. В связи с этим 5 октября 2016 г. в Корее были приняты дополнения к основному закону № 5057⁸, согласно которым иностранцы, проживающие в Южной Корее, отныне будут привлекаться к административной ответственности за невыплату кредита или несвоевременные выплаты любого займа. А наличие административного нарушения, в свою очередь, является нарушением миграционных усло-

вий пребывания на территории Республики Корея, что влечёт за собой отказ от продления внутреннего удостоверения личности либо получения последующей визы или запрет на повторный въезд в Республику Корея.

По данным Национального статистического управления Кореи⁹, сегодня в стране проживают (на постоянной основе) более 70 000 граждан — выходцев из стран СНГ, из них большая часть (90 %) — это выходцы из стран Центральной Азии. В 2016 г. из стран Центральной Азии в Южную Корею въехали 103 283 человека из них 67 314 из Узбекистана, 34 068 из Казахстана, 6105 из Киргизии, 1567 из Таджикистана и 335 из Туркменистана¹⁰.

Таким образом, в зависимости от потенциала каждой страны, различается число ключевых направлений взаимодействия. В контексте современных реалий и с расчетом на перспективу, приоритеты сотрудничества Республики Корея со странами региона могут быть следующими:

Казахстан

Южная Корея входит в число основных инвесторов Казахстана в сфере добывающей промышленности и ее перерабатывающих секторов, в строительной отрасли, в сфере сервиса, телекоммуникационной инфраструктуры и электронного оборудования. Широкий спектр взаимодействия двух стран сегодня можно отметить и в таких сферах, как образование, здравоохранение, сельское хозяйство, социальные услуги, а также в целом назвать активное научно-техническое и гуманитарное сотрудничество.

Одним из приоритетных направлений развития казахстанско-корейских отношений на ближайшую перспективу является создание транзитных коридоров, логистических центров и мультимодальной системы дальних грузоперевозок. Немаловажную заинтересованность Республика Корея проявляет также к сотрудничеству с Казахстаном в области ядерной энергетики, а также исследованию космоса.

Узбекистан

Помимо того, что большая часть корейских инвестиций вкладывается в нефтегазовую отрасль Узбекистана, Корея также принимает активное участие в проектах и программах по структурному преобразованию и модернизации экономики страны, расширению выпуска конку-

рентоспособной продукции, усилению ее диверсификации, повышению доли высокотехнологичных и наукоемких производств.

В ближайшей перспективе, благодаря займам Фонда экономического сотрудничества и развития Южной Кореи (EDCF), в стране будут реализованы проекты в таких приоритетных сферах, как здравоохранение, образование, информационно-коммуникационные технологии, развитие энергоэффективных и зеленых технологий, а также использование альтернативных источников энергии, водоснабжение, сельское хозяйство, защита окружающей среды.

Перспективными сферами сотрудничества обеих стран в будущем, с учетом последних договоренностей между правительствами Республики Корея и Узбекистана в торгово-экономической, инвестиционной и финансово-технической сферах, могут быть: информационно-коммуникационные технологии, химическая и текстильная промышленность, фармацевтическая отрасль, производство современной электробытовой техники и стройматериалов. Гарантией реализации перспективных проектов по этим направлениям является привлечение льготных кредитных ресурсов из Южной Кореи. Для финансирования приоритетных проектов в рамках программ модернизации и диверсификации промышленности и развития инфраструктуры привлечены долгосрочные инвестиционные кредиты банков Республики Корея на общую сумму 2,9 млрд долл.

Туркменистан

Одним из ключевых и перспективных направлений стратегического партнерства между Туркменистаном и Южной Кореей является сотрудничество в сфере создания газохимических и газоперерабатывающих предприятий, имеющих экспортно ориентированную направленность.

Наряду с традиционными сферами экономического сотрудничества — энергетика и нефтегазохимия — в Туркменистане имеются возможности для развития партнерства в таких направлениях, как текстильная и химическая промышленность, строительство городской и дорожно-транспортной инфраструктуры. Транспортно-транзитная сфера, являющаяся стратегическим приоритетом внешнеэкономической политики Туркменистана, также представляет интерес для фирм РК.

Несмотря на наличие огромных углеводородных ресурсов, сегодня большое значение для Туркменистана приобретает внедрение энерго-сберегающих и экологически чистых технологий, в первую очередь в

области солнечной энергии. Южная Корея, обладая ноу-хау и современными технологическими решениями в этой области, может иметь в Туркменистане перспективные проекты по созданию высокотехнологичных производств, с учетом большого потенциала солнечной энергетики.

Таджикистан

Отношения Южной Кореи с этой страной развиваются в основном в гуманитарной сфере: это образование, медицина и трудовая миграция. Товарооборот между двумя странами совсем невысок: в основном из Таджикистана в Корею поставляется хлопок и алюминий, а в Таджикистан из Кореи импортируются автомобили и запасные части к ним. Во внешнеторговом обороте около 90 % занимает импорт из Кореи в Таджикистан.

В экономические проекты Таджикистана вкладывать инвестиции Южная Корея не спешит. Для их проработки во время последней встречи на высшем уровне в 2015 г. были обозначены перспективы налаживания и развития сотрудничества в аграрной сфере и промышленной переработке сельхозпродукции, в энергетической и промышленной отраслях, а также в области туризма и культуры.

Недавнее открытие посольства Таджикистана в Республике Корея (2015 г.) также будет содействовать переходу на качественно новый этап в отношениях двух стран.

Киргизия

Для Киргизии важным является расширение инвестиционного взаимодействия с Южной Кореей, так как она имеет определенные запасы угля и металлов, значительные водно-энергетические ресурсы (гидроресурсы). Однако по сравнению с другими странами Центральной Азии объем корейских инвестиций в экономику страны невелик. В основном это финансирование проектов в социальной сфере по линии КОИСА, которое будет расширено в ближайшей перспективе. Одной из проблем, оказывающей сдерживающее влияние на развитие двусторонних отношений, является проблема долгов. Задолженность правительства Киргизской Республики перед Экспортно-импортным банком Кореи составляет 15,4 млн долл. Работа по реструктуризации задолженности была начата в 2005 г., но только в 2013 г. в результате со-

глашения период выплат долга был продлен ещё на 17 лет, а обязательные ежегодные выплаты сокращены втрое.

В связи с этим для сотрудничества Киргизии и Республики Корея в первую очередь перспективным направлением является культурно-гуманитарная сфера: внедрение корейского передового опыта IT технологий в сферу медицины, сельского хозяйства, текстильной отрасли, перерабатывающей промышленности.

Заключение

Внешнеполитические достижения между Южной Кореей и странами ЦА за весь период сотрудничества с момента обретения ими независимости, отвечают не только стратегическим приоритетам развития этих стран, но и имеют все предпосылки для их углубления в долгосрочной перспективе. Динамичное развитие этих отношений идет по пути выработки общих позиций как в рамках двустороннего, так и многостороннего сотрудничества, которое основано на взаимном стратегическом интересе, взаимопонимании, продвижении национальных приоритетов во внешней политике и в экономике как самой Кореи, так и стран Центральной Азии.

Примечания

¹ Корейская модель развития «Экономическое чудо Южной Кореи», также известная как «Чудо на реке Ханган». Данным выражением характеризуют мощный экономический рывок Южной Кореи, за полвека превративший ее из отсталой аграрной страны, разрушенной гражданской войной, в одну из наиболее современных и крупных высокотехнологичных экономик в мире.

² ЕАЭС (Евразийский экономический союз) — международное интеграционное экономическое объединение, в которое входят Россия, Казахстан, Белоруссия и Киргизия. ЕАЭС был создан на базе Таможенного союза Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) в целях укрепления экономик стран-участниц, модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности их национальных экономик на мировом рынке, создания условий для стабильного развития в интересах повышения жизненного уровня населения государств-членов.

³ ParkJiWon // KOTRA GlobalStrategyReport 16-003 — 유라시아경제연합의확장과한국의투자•통상대응전략 (박지원).

⁴ Одна из геополитических стратегий правительства Ли Мен Бака, которая называлась «Доктрина природных ресурсов и энергетическая стратегия Респуб-

лики Корея», в рамках проводимой инициативы «Новая азиатская дипломатия» в 2008 г.

⁵ *Ko Jae Nam*. Broadening the Horizon of New Asia Diplomacy, «Energy and Resource Diplomacy» Institute of Foreign Affairs and National Security, Seoul, June 2009. URL: <http://www.koreafocus.or.kr>

⁶ 감사원, 자원의교 // 해외자원개발사업성과분석' 성과감사결과중간발표보도자료. URL: https://www.bai.go.kr/bai/cop/bbs/detailBoardArticle.do?mdex=bai20&bbsId=BBSMSTR_100000000009&nttId=115210

⁷ Kvanggo — информационно-новостной портал Южной Кореи для русскоязычных пользователей.

⁸ Действующий Уголовный кодекс Республики Корея был утвержден Законом № 293 от 18 сентября 1953 г. Затем в него несколько раз вносились изменения и дополнения, в том числе и Законом № 5057 от 29 декабря 1995 г.

⁹ 통계청. URL: <http://kostat.go.kr/wnsearch/search.jsp> (국제통계연감: 대한등록외국인수및정규입국외국인수).

¹⁰ Национальная Организация Туризма Кореи (HOTK). URL: <https://kto.visitkorea.or.kr>

Глава 7

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РК И КНДР

Л.В. Захарова

ЭКСПОРТ РАБОЧЕЙ СИЛЫ ИЗ КНДР: ОЦЕНКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В условиях ужесточения международных финансовых и экономических санкций возможности заработка иностранной валюты для КНДР все больше сужаются. Резолюции СБ ООН № 2270 (от 2 марта 2016 г.) и № 2321 (от 30 ноября 2016 г.) содержат положения, существенно ограничивающие доходы Северной Кореи от экспорта ключевых товаров. Одной из немногих форм внешнеэкономических связей, пока не затронутых международными ограничениями, для КНДР остается трудовая миграция. В статье представлен анализ имеющейся в открытом доступе информации и оценок по объемам, структуре и специфике организации экспорта рабочей силы из КНДР, а также рассмотрены перспективы развития этого вида сотрудничества Северной Кореи с иностранными государствами.

Ключевые слова: КНДР, рабочая сила, трудовая миграция, сотрудничество, санкции.

До недавнего времени тема северокорейских рабочих за рубежом не являлась в мировой науке предметом самостоятельных исследований. Однако в последние годы интерес к данной проблематике существенно

возрос, особенно на Западе и в Южной Корее, в связи с повышением внимания к соблюдению прав человека в КНДР. Стали появляться различные (в том числе научные) материалы на эту тему, но часто их фокус оказывается смещен к поиску нарушений со стороны северокорейских властей. В частности, в Республике Корея в 2012 г. был опубликован доклад «Условия работы северных корейцев за рубежом» (The Conditions of the North Korean Overseas Labor). Целью этой работы провозглашалось «описание действующей системы и условий жизни северокорейских рабочих за рубежом и выявление нарушений прав человека в этой системе».

В 2014 г. Комиссия по расследованию нарушений прав человека в Северной Корее, созданная Советом по правам человека ООН в 2013 г., выпустила Доклад ООН о правах человека в КНДР, опубликованный на сайте Верховного комиссара ООН по правам человека¹. В нём были описаны многочисленные преступления северокорейского режима против человечности и граждан КНДР, однако тематика «принуждения к труду в невыносимых условиях» на зарубежных объектах затронута не была. Этот пробел был вскоре заполнен южнокорейским Институтом политических исследований Асан (ASAN Institute for Policy Studies), опубликовавшим доклад под названием «Вне рамок доклада Комиссии ООН по правам человека в Северной Корее» («Beyond the UN COI Report on Human Rights in North Korea»), посвященный нарушениям прав рабочих из КНДР, отправленных в другие государства. В 2016 г. в Лейденском университете (Нидерланды) было проведено исследование под говорящим названием «Рабы системы: исследование принудительного труда северных корейцев в ЕС» (Slaves of the system: Research on North Korean forced labour in the EU), посвященное положению северокорейских рабочих в странах Евросоюза (и в особенности в Польше)².

В российской науке теме трудовой миграции из КНДР на Дальний Восток России традиционно отводилось особое место в силу значимости этого аспекта взаимодействия с Северной Кореей. Важный вклад в исследование проблемы внесли Бок Зи Коу, А.Т. Кузин, Г.Б. Дудченко, А.В. Друзяка, И.В. Безик, а Л.В. Забровская и А.С. Вашук предложили свои варианты периодизации сотрудничества КНДР и России в данной сфере.

В Южной Корее силами неправительственных организаций и офиса по правам человека в Северной Корее ведётся сбор информации от

перебежчиков с опытом работы в зарубежных рабочих командах КНДР, в том числе в России. При этом южнокорейские исследователи и правозащитники не вспоминают о практиковавшейся в 1960—1970-е годы в Республике Корея отправке граждан своей страны на работу в западно-германские угольные шахты. Согласно условиям межправительственного контракта, в обмен на импорт рабочей силы ФРГ оказывала финансовую помощь Южной Корее, столь нуждавшейся тогда в притоке иностранной валюты для обеспечения экономического роста³.

На фоне большого количества политически ангажированных докладов цель данной работы — представить объективный анализ имеющейся в открытом доступе информации и оценок по объемам, структуре и специфике организации экспорта рабочей силы из КНДР, а также рассмотреть перспективы развития этого вида сотрудничества Северной Кореи с иностранными государствами.

История временной трудовой иммиграции из Северной Кореи началась даже раньше, чем была провозглашена КНДР. Первые официальные соглашения между Правительством СССР и северокорейскими властями, а затем, после формального провозглашения независимости, и Правительством КНДР, о привлечении корейцев для работы на Дальнем Востоке были заключены еще во второй половине 1940-х годов⁴. На начальном этапе корейцы работали главным образом в рыбной промышленности Дальнего Востока России, а потом сфера их занятости расширилась за счет лесоповала, деревообработки и других областей. В условиях острого дефицита трудовых ресурсов в этом регионе Советского Союза Москва считала привлечение иностранной рабочей силы одним из способов решения этой проблемы.

В постсоветскую эпоху КНДР продолжила отправлять рабочих на Дальний Восток России, обеспечивая себе, таким образом, возможность для заработка иностранной валюты. Началось активное освоение новых территорий, прежде всего за счет Приморского края, и сфер деятельности (сельское хозяйство и строительство). К началу XXI в. на территории Дальнего Востока трудились около 20 тыс. мигрантов из КНДР⁵.

Помимо СССР, Северная Корея в 1970-е годы начала отправлять своих рабочих в Африку и на Ближний Восток. В 1975 г. в рамках Министерства внешней торговли было создано Агентство зарубежного строительства, в ведении которого находилась отправка рабочих соответствующих профессий в иностранные государства, прежде всего на Ближний Восток, переживавший в то время этап бурного строительства⁶.

В дальнейшем стала расширяться как география отправки, так и специальности рабочих из КНДР, привлекавшихся для работы за рубежом.

Северная Корея не предоставляет официальную статистику по количеству выехавших на заработки за рубеж граждан. Основными источниками количественных оценок трудовой миграции из КНДР являются различные доклады, подготовленные гуманитарными и правозащитными организациями. Они рассматривают отправку рабочих за рубеж как целенаправленную деятельность северокорейских организаций по обеспечению притока иностранной валюты, осуществляемую по указанию руководства страны. По их данным, в последние годы количество выезжающих на заработки за рубеж граждан КНДР существенно увеличилось⁷, поскольку государству нужна валюта.

Оценки общего числа северокорейских рабочих, нанятых за рубежом в начале 2010-х годов, обычно колеблются от 50 тыс.⁸ до 65 тыс. человек⁹. К середине десятилетия их количество увеличилось до 100 тыс. человек¹⁰. Среди принимающих стран: Россия, Китай, Монголия, страны Юго-Восточной Азии (Малайзия, Вьетнам, Мьянма), арабские (Кувейт, Катар, ОАЭ, Ливия, Оман, Алжир) и африканские (Ангола, Намибия, Нигерия, Эфиопия, Экваториальная Гвинея) государства. Кроме того, до недавнего времени принимали северокорейских рабочих и европейские страны, такие как Чехия и Польша, а также Нидерланды и Мальта. В 2006 г. Чехия перестала выдавать рабочие визы для граждан КНДР, а в 2016 г. об этом же заявили Польша и Мальта в условиях расширения международной кампании давления на страны-реципиенты трудовых мигрантов из КНДР¹¹.

В зависимости от сферы занятости северокорейских рабочих за рубежом можно разделить на несколько основных групп:

- строители;
- лесорубы;
- работники текстильных и сборочных производств;
- медработники и другие специалисты (например, программисты или инструкторы тхэквондо);
- работники ресторанов (официантки, менеджеры, повара).

На основе опросов, проведенных среди граждан КНДР, участвовавших в зарубежных заработках, возможность выехать на работу за границу получают только те, кого считают благонадежными и политически лояльными. Обычный срок «зарубежной командировки» составляет три года. Некоторые рабочие получают возможность совершить несколько

заграничных командировок с перерывами на пребывание на родине в течение определенного периода времени.

В КНДР существуют специализированные учреждения (компании), которые отправляют рабочих за рубеж и находятся в ведении различных министерств и ведомств, например Chosun Economic Cooperation Company (при Министерстве торговли) и Botonggang Trading Company (при Министерстве легкой промышленности). Часть из них связана непосредственно с армией и афилирована при Министерстве народных вооруженных сил¹². В принимающих странах часто есть местные компании, иногда с северокорейским капиталом, которые осуществляют поддержку и координацию приема рабочих непосредственно на местах. По мнению одного из российских экспертов по Корее, имеющего связи с северокорейскими рабочими, занятыми на стройках в Москве, организация их деятельности напоминает военную структуру. А если учесть, что в КНДР часто именно армия обеспечивает строительные объекты трудовыми ресурсами, то можно сделать вывод о том, что часть трудовых мигрантов из Северной Кореи могут являться военными, особенно в сфере строительства. Это подтверждается и данными южнокорейских организаций¹³. Таким образом, можно говорить о формировании разветвленной системы государственной организации экспорта рабочей силы из КНДР.

По данным исследователей, опрашивавших перебежчиков, многие северные корейцы хотят поехать на зарубежные заработки, поскольку таким образом они смогут заработать больше денег, чем у себя на родине¹⁴. Некоторые из них даже давали взятки за то, чтобы попасть в число избранных для отправки на работу за рубеж¹⁵. При этом «по требованию властей» большую часть своих заработков рабочие должны отдавать на расходы (за проживание и питание) и отправлять на родину в виде различного рода налогов и сборов. Доля, которая подлежит сдаче властям, обычно оценивается в диапазоне от 50 до 90 %. По южнокорейским данным, на руки в виде зарплаты (оставшейся после всех вычетов) северокорейские рабочие за рубежом получают около 120—150 долл. в месяц¹⁶, что обычно существенно больше, чем можно заработать на родине за тот же период. При этом есть и значительно более высокие оценки зарплаты граждан КНДР в других странах.

По некоторым данным, во время зарубежных командировок (например, на Ближнем Востоке и в России¹⁷) после выполнения работ на основном объекте северокорейские строители имеют возможность под-

рабатывать «в частном порядке». И эти подработки могут приносить хороший дополнительный доход, который потом может быть выгодно использован после возвращения на родину, в том числе и для открытия собственного «бизнеса»¹⁸.

Часто ведутся попытки подсчитать, какую сумму ежегодно северокорейское государство получает от экспорта рабочей силы за рубеж. Оценки колеблются от 150 млн долл. (если 65 тыс. рабочих получают по 200 долл. в месяц и 50 % заработка отдают государству)¹⁹ до 550 млн долл. (если 58 тыс. рабочих получают по 1 тыс. долл. в месяц и 80 % отдают государству)²⁰ и даже до 1,5—2,3 млрд долл. в год²¹. Это составляет довольно значимую сумму для экономики КНДР, объем ВВП которой в 2014 г. составил 26,132 млрд долл.²², а внешний товарооборот — 9,95 млрд долл. (включая межкорейскую торговлю)²³.

В России граждане КНДР могут осуществлять легальную трудовую деятельность при условии получения визы и разрешения на работу. Их въезд и деятельность регулируется соглашением между Правительством Российской Федерации и Правительством Корейской Народно-Демократической Республики о временной трудовой деятельности граждан одного государства на территории другого государства от 31 августа 2007 г.. По состоянию на середину 2016 г. на северных корейцев (31,5 тыс. человек) пришлось 18 % от общего числа иностранцев, имевших действующее разрешение на работу в России (2-е место после Китая)²⁴. По некоторым данным, около 80 % из них работают в строительстве, а средняя заработная плата одного трудового мигранта из КНДР составляет 15 тыс. руб. (около 230 долл.)²⁵. По данным миграционных властей России, больше всего северных корейцев приезжает в Приморский край (не менее 25 %), Новосибирскую область, Хабаровский край, Иркутскую область и Амурскую область²⁶.

Северокорейские рабочие имеют хорошую репутацию на трудовом рынке России и востребованы как на Дальнем Востоке, так и за его пределами. Граждане КНДР, в частности, трудились на строительстве комплекса зданий Дальневосточного федерального университета (ДФУ) на о. Русский, где в дни саммита АТЭС 2012 г. проживали мировые лидеры. Очень востребованными являются северокорейские рабочие на строительном рынке Приморья. В Интернете даже можно найти сайт российской компании под названием «Ремонт Корея» ([URL: remontkorea.ru](http://remontkorea.ru)), рекламирующий услуги специалистов по отделочным работам из КНДР. Северокорейские строители принимали активное участие в строительст-

ве аквапарка «Чудо-остров» на Камчатке, оставив о себе самые положительные отзывы²⁷. Швеи из КНДР работают, например, на фабриках в Новгородской области, причем несколько предприятий подало заявки на увеличение количества иностранных рабочих из этой страны²⁸. На стройках Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Томска, Красноярска и других крупных городов трудятся несколько строительных бригад из КНДР.

В последнее время в некоторых СМИ ведется пропаганда нарушения прав человека, которые допускаются на стройках России в отношении северокорейских граждан. Однако согласно межправительственному соглашению условия труда северных корейцев должны быть не менее благоприятными, чем те, которые предусмотрены для россиян, выполняющих аналогичную работу у того же заказчика. За этим следят российские миграционные власти и органы охраны правопорядка. В целом сотрудничество России и Северной Кореи в области трудовой миграции является взаимовыгодным направлением двусторонних связей, осуществляемым с полным соблюдением международных норм и законодательства Российской Федерации.

* * *

Исходя из проведенного автором исследования, краткие результаты которого изложены выше, можно сделать следующие выводы.

Экспорт рабочей силы является важным направлением внешнеэкономической деятельности КНДР на современном этапе. Подобные способы обеспечения притока иностранной валюты для развития экономики использовались и другими странами на разных исторических этапах, например Республикой Корея при президенте Пак Чон Хи.

В текущих международных условиях высока вероятность того, что масштабы временной трудовой миграции из КНДР будут расти. В этом заинтересовано как правительство Северной Кореи, которое получает часть дохода рабочих в виде различных налогов и сборов, так и сами граждане КНДР, заработки которых за рубежом превосходят среднюю зарплату внутри страны. Востребованность данного вида сотрудничества возрастает на фоне снижения доходов КНДР от других источников валюты, таких как экспорт минеральных ресурсов (прежде всего, угля и железной руды), функционирование Кэсонского промышленного комплекса (закрыт с февраля 2016 г.) и др.

Страны, принимающие северокорейских рабочих, заинтересованы в этом, поскольку они приглашают дисциплинированных, квалифициро-

ванных работников, которые готовы работать за сравнительно невысокую зарплату. В частности, специалисты указывают на то, что в начале 2010-х годов расходы на производство одежды в Северной Корее были почти на 30 % ниже, чем в Северо-Восточном Китае за счет более низкой минимальной зарплаты (в КНДР она составляла около 80 долл.)²⁹.

В то же время уже сейчас экспорт северокорейской рабочей силы пытаются представить как нарушение санкций Совета Безопасности (СБ) ООН, запрещающих КНДР получение дохода, который идет на развитие ракетной и ядерной программ. В условиях действующих против Северной Кореи финансовых санкций основным способом доставки заработков трудовых мигрантов на родину является перевозка наличной валюты. Некоторые эксперты указывают на то, что это может являться нарушением резолюций СБ ООН, запрещающих перевод в Северную Корею крупных сумм наличностью, поскольку там она может быть использована для запрещенной деятельности. Кроме того, из разных столиц все громче звучат призывы к введению санкций против «рабского экспорта рабочей силы» из Северной Кореи³⁰. В случае дальнейшего обострения ситуации вокруг ядерной программы КНДР возможно введение международных санкций, ограничивающих или запрещающих экспорт северокорейской рабочей силы.

Примечания

¹ *Асмолов К.В.* Права человека в КНДР: проблема данных. // Корея: 70 лет после освобождения: коллективная монография. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 99—100.

² *Slaves of the system: Research on North Korean forced labour in the EU.* URL: <http://www.leidenasiacentre.nl/projects-en/slaves-of-the-system-research-on-north-korean-forced-labour-in-the-eu> (дата обращения: 04.04.2017).

³ *Coal Miners Sent to Germany: Forgotten Chapter of Koreas Nation Building.* URL: http://m.koreatimes.co.kr/phone/news/view.jsp?req_newsidx=61404 (дата обращения: 04.04.2017).

⁴ *Безик И.В.* Участие граждан КНДР в хозяйственном освоении советского Дальнего Востока (1950-е — начало 1960-х гг.) // Известия Восточного института. 2011. № 17 (1). С. 64.

⁵ *Вашук А.С.* Трудовые мигранты из КНДР на российском Дальнем Востоке во второй половине XX — начале XXI века // Гуманитарные исследования в Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 1. С. 81.

⁶ Kim Han-joo. North Korean Workers Overseas and their Livelihoods // Vantage Point, July 2011. P.25

⁷ Sheena Chestnut Greitens. Illicit: North Korea's Evolving Operations to Earn Hard Currency. Committee for Human Rights in North Korea. Washington, DC, 2014. P. 54.

⁸ *Chang-Hoon Shin and Myong-Hyun*. Go Beyond the UN COI Report on Human Rights in North Korea. Seoul: The Asan Institute for Policy Studies, 2014. P. 21.

⁹ International Network for the Human Rights of North Korean Overseas Labor. The Conditions of the North Korean Overseas Labor. Seoul: North Korea Strategy Center, 2012. P. 5.

¹⁰ Korea Exports Forced Laborers for Profit, Rights Groups Say. 19 February 2015. URL: http://www.nytimes.com/2015/02/20/world/asia/north-koreans-toil-in-slavelike-conditions-abroad-rights-groups-say.html?smprod=nytcare-iphone&smid=nytcare-iphone-share&_r=0 (дата обращения: 04.04.2017). 100,000 North Korea workers facing human rights violations overseas. Sept. 20, 2016. URL: http://www.upi.com/Top_News/World-News/2016/09/20/100000-North-Korea-workers-facing-human-rights-violations-overseas/2451474390641/ (дата обращения: 04.04.2017).

¹¹ *Justyna Radziejewska-Gollob*. North Korean overseas labourers: sustaining the regime and country's isolation or transforming the society? // Paper presented at the 8th World Congress of Korean Studies, 2016. URL: http://congress.aks.ac.kr/korean/files/2_1478847607.pdf (дата обращения: 04.04.2017).

¹² International Network for the Human Rights... Op. cit. P. 16.

¹³ *Chang-Hoon Shin and Myong-Hyun Go*. Op. cit. P. 10.

¹⁴ *Lankov Andrei*. North Korean Workers Abroad Aren't Slaves // NK News. 27 November 2014.

¹⁵ *Yoon Y., and Lee S.* Human Rights and North Korea's Overseas Laborers: Dilemmas and Policy Challenges. Seoul: Database Center for North Korean Human Rights. 2015. P. 65.

¹⁶ *Chang-Hoon Shin and Myong-Hyun Go*. Op. cit. P. 9.

¹⁷ N. Korean workers in Russia failing to pay debts due to extortion: report. URL: <https://www.nknews.org/2016/12/n-korean-workers-in-russia-failing-to-pay-debts-due-to-extortion-report/> (дата обращения: 04.04.2017).

¹⁸ *Lankov A.* Loyalists, Defectors and Life Abroad. The Daily Life of North Koreans. NK Consulting Inc., 2017. P. 37—38.

¹⁹ Sheena Chestnut Greitens. Illicit: North Korea's Evolving Operations... Op. cit. P. 56.

²⁰ 단독]北해외근로자, 산업재해·질병·자살로 올해만 최소 40명 희생. 20.09.2016. URL: <http://www.yonhapnews.co.kr/politics/2016/09/19/0503000000AKR20160919156400014.HTML?template=2085> (дата обращения: 04.04.2017).

²¹ International Network for the Human Rights... Op. cit. P. 12.

²² Ли Ги Сон (научный сотрудник Института экономики АОН КНДР, член-корр., доктор), октябрь 2016 г., в личной беседе с ведущим научным сотрудником ИДВ РАН К.В. Асмоловым.

²³ Данные КОТРА за 2014 г.

²⁴ Число иностранных граждан, имевших действующее разрешение на работу в России, снизилось до 174 тыс. человек, имевших патент — до 1487 тыс. // Демоскоп Weekly. № 697—698. 19 сентября — 2 октября 2016. Институт демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0697/barom06.php> (дата обращения: 04.04.2017).

²⁵ North Korean Workers in Russia: Reality Behind Western Horror Stories. 30.11.2016. URL: <https://sputniknews.com/asia/201611301048015988-north-korean-workers-in-russia/> (дата обращения: 04.04.2017).

²⁶ Yonhap: в 2016 году на стройках в России погибли 13 рабочих из КНДР. URL: <http://www.newsru.com/russia/20sep2016/13rab.html> (дата обращения: 04.04.2017).

²⁷ Губернатор Камчатки встретился с Генконсулом КНДР. URL: <http://pressa41.ru/politics/gubernator-kamchatki-vstretilsya-s-genkonsulom-kndr/> (дата обращения: 04.04.2017).

²⁸ Новгородская фабрика привезёт 20 швей из КНДР: местные кадры не найти. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2206030.html> (дата обращения: 04.04.2017).

²⁹ Paul Tjia. Garment Production in North Korea. 30 August 2012. URL: <http://38north.org/2012/08/tjia082912/> (дата обращения: 04.04.2017).

³⁰ Statement before the House Foreign Affairs Committee «Countering the North Korean Threat: New Steps in U.S. Policy». A Testimony by: Victor Cha, Ph.D., Senior Adviser and Korea Chair Center for Strategic and International Studies (CSIS). February 7, 2017. P. 6.

Chang-Hoon Shin and Myong-Hyun Go. Beyond the UN COI Report on Human Rights in North Korea. Seoul: The Asan Institute for Policy Studies, 2014. P. 10.

А.И. Шарафетдинова

СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И КНДР В ОБЛАСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНЫХ САНКЦИЙ

В связи с ужесточением санкционной политики стран Запада в отношении Северной Кореи на современном этапе становится все сложнее поддерживать такой традиционный сегмент торгово-экономических связей между Россией и КНДР, как привлечение трудовых ресурсов. В статье дан краткий исторический обзор, а также анализируются текущее состояние и перспективы развития сотрудничества в области привлечения северокорейских трудовых ресурсов в Россию. Автор характеризует нынешнее значение северокорейской рабочей силы для РФ и делает прогноз развития ситуации с учетом перспективы принятия новых санкций СБ ООН.

Ключевые слова: КНДР, трудовая миграция, российско-северокорейские отношения, санкции, СБ ООН, США.

Одним из традиционных направлений экономического сотрудничества России с КНДР является привлечение северокорейских рабочих на отечественные предприятия различных отраслей промышленности. История северокорейской трудовой миграции на Дальний Восток России началась после освобождения севера Корейского полуострова советскими войсками от японской аннексии в 1945 г. Рабочие направлялись в отдалённые северные районы Хабаровского края, Сахалинской и Магаданской областей, где были заняты на сезонных работах в сельском хо-

зяйстве, на лесозаготовках и в рыбной промышленности. В те годы въезд завербованных¹ корейских рабочих и членов их семей осуществлялся в упрощённом порядке по специальным разрешениям. Так, в 1946—1949 гг. в Сахалинскую область прибыло в общей сложности 26 065 граждан КНДР, в том числе 20 891 рабочий и 5174 члена их семей. Первые договоренности на межведомственном уровне, с разрешения советского военного командования, а затем, после формального провозглашения независимости в 1948 г., и с правительством КНДР, о привлечении корейцев к работе на Дальнем Востоке были заключены во второй половине 1940-х годов. К началу 1950-х годов был наработан определенный опыт взаимовыгодной кооперации двух стран. Уже в 1951 г. на Сахалине в сфере рыбообработки работали 12,5 тыс. граждан Северной Кореи, прибывших по договорам на срок от полутора до трех лет².

Сотрудничество в освоении природных богатств и совместном их использовании являлось одной из приоритетных форм советско-корейских экономических связей. 30 июля 1957 г. было заключено соглашение о заготовке леса на территории СССР для народного хозяйства КНДР. По нему корейской стороне предоставлялась возможность производить в период с 1957 по 1962 г. заготовку хвойных пород в количестве 1,5 млн куб. м в леспромпхозе Хабаровского края. Советская сторона обязалась оказывать необходимую техническую помощь в проведении работ и доставке леса до границы. 24 декабря 1960 г. был подписан протокол о продлении срока действия соглашения до 1972 г., по которому объем заготовок увеличивался до 500 тыс. куб. м в год, включая деловую древесину лиственных пород. Однако по инициативе северокорейской стороны в 1964 г. лесозаготовки были приостановлены³.

По итогам состоявшейся в мае 1966 г. неофициальной встречи Л.И. Брежнева и Ким Ир Сена во Владивостоке, 20 июня 1966 г. было заключено Соглашение между Правительством СССР и Правительством КНДР об экономическом и техническом сотрудничестве в строительстве и расширении промышленных и других объектов⁴, в частности лесозаготовительных производств. Соглашением от 2 марта 1967 г. лесозаготовительные работы были возобновлены. Конкретные аспекты сотрудничества зафиксированы протоколом от 29 апреля 1967 г. На территории Дальнего Востока, в Хабаровском крае и Амурской области, были созданы лесозаготовительные хозяйства КНДР, осуществлявшие на долевой основе частичную переработку древесины. Заготовленная древесина в определенной пропорции поступала на нужды народного хозяй-

ства СССР и КНДР. Участие северокорейской рабочей силы приобрело такие масштабы, что, к примеру, в Верхнебуреинский район Хабаровского края с 1967 г. на лесозаготовительные работы ежегодно приезжали по 15 тыс. человек. В 1975, 1977, 1985 гг. был подписан ряд соглашений о расширении площадей лесозаготовок на территории советского Дальнего Востока, в соответствии с которыми советская сторона брала на себя обязанность предоставлять технику и отводить участки леса под вырубку, а КНДР — свою рабочую силу. В условиях дефицита рабочей силы в малозаселенных районах Дальнего Востока такая форма сотрудничества являлась для СССР экономически рентабельной⁵.

В мае 1984 г. во время визита Ким Ир Сена в СССР была достигнута договоренность об увеличении численности северокорейских рабочих на территории СССР до 20—30 тыс. человек. Кроме того, было принято решение о переводе оплаты их работы с северокорейских вон на советские рубли, что позволяло КНДР несколько снизить остроту безработицы внутри страны и получить валюту, на которую затем закупались в СССР необходимые товары⁶.

С начала 1990-х годов северокорейские власти вместо предоставления рабочей силы российским фирмам-посредникам, как это было ранее, открыли в России собственные строительные фирмы в целях получения большей прибыли. В составе Кабинета министров КНДР было сформировано специальное подразделение — «Управление по строительству за рубежом», в функции которого входило осуществление руководства деятельностью местных компаний и распределение между ними квот на привлечение рабочей силы⁷.

В связи с изменениями в российской миграционной политике 24 января 1997 г. было подписано Соглашение между правительствами РФ и КНДР о взаимных поездках граждан на визовой основе⁸, в соответствии с которым условия въезда для северокорейских рабочих усложнились. Местные органы власти обязали все фирмы, приглашающие на работу северокорейцев, давать дополнительные гарантии об их полной занятости и своевременном выезде после завершения работы⁹. Тем не менее благоприятные условия труда, а также фактор получения стабильного дохода на российских производствах по-прежнему имеют большое значение для КНДР.

В настоящее время отношения между Россией и КНДР в данной сфере регулируются межправительственным соглашением «О временной трудовой деятельности граждан одного государства на территории

другого государства» от 31 августа 2007 г. С марта 2011 г. на регулярной основе проводятся заседания Совместной российско-корейской рабочей группы по решению вопросов, связанных с реализацией вышеупомянутого соглашения.

С 90-х годов прошлого века до 2000 г. показатели численности граждан КНДР, прибывших на работу в Россию, были невелики. В 2000 г. был заключён Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между РФ и КНДР, а в ходе официального визита президента Российской Федерации В.В. Путина в Пхеньян была подписана Совместная российско-корейская декларация. Вслед за интенсификацией контактов двух стран стал наблюдаться ежегодный рост численности прибывших в Россию на заработки граждан КНДР (табл. 1). Причем в последние два года по показателям численности иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность в России, КНДР уступила странам СНГ и Китаю, опередив Турцию. В 2011 г. Северная Корея резко сократила отправку своих рабочих в РФ из-за наложенных на Пхеньян международных экономических санкций, повлекших за собой резкое ухудшение экономической обстановки в стране. Однако в 2012 г. связи между Россией и КНДР в данной сфере были налажены. Более 7 тыс. северо-корейских граждан были подключены к масштабному строительству в преддверии проведения форума АТЭС в г. Владивостоке в 2012 г., что свидетельствует об обоюдной заинтересованности сторон в сотрудничестве.

Таблица 1. Численность граждан КНДР, имевших действующее разрешение на работу (тыс. человек и в процентах от общей численности)*

2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015**	2016***
8,7	20,1	27,7	32,6	34,9	37,7	36,5	19,3	23,4	27,2	30,7	30,4	32,6
4,1	2,9	2,7	1,9	1,4	1,7	2,2	1,9	2,0	2,4	2,9	16,7	—

* Россия в цифрах 2016 г. Федеральная служба государственной статистики. Россия в цифрах. 2016: Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2016. С. 102—103. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135075100641 (дата обращения: 20.03.2017).

** С 2015 г. изменен порядок осуществления трудовой деятельности иностранными гражданами, прибывшими в порядке, не требующем получения визы.

*** По 2016 г. данные уточнялись дополнительно.

Численность граждан КНДР, имеющих действующее разрешение на работу, по профессиональным группам распределяется примерно следующим образом. По имеющимся данным на 2014 г., из 30 662 северо-корейских граждан, привлеченных на работу в России, большую часть составили рабочие, занятые на горных, горно-капитальных и на строительно-монтажных и ремонтно-строительных работах (22 279 человек); специалисты в области естественных и инженерных наук (1082 человека); квалифицированные работники товарного сельскохозяйственного производства, лесного, охотничьего хозяйств, рыбоводства и рыболовства, имеющие рыночную ориентацию (1062 человека)¹⁰. Меньшее число составили специалисты среднего уровня квалификации, число неквалифицированных рабочих является незначительным (328). В 2014 и 2015 гг. наметилась тенденция к увеличению числа высококвалифицированных специалистов из Северной Кореи (табл. 2).

Таблица 2. Численность иностранных граждан — высококвалифицированных специалистов, имевших действующее разрешение на работу, человек*

2011	2012	2013	2014	2015	2016**
59	35	37	152	236	88

* Труд и занятость в России. 2015: Стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 182. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/trud15.pdf (дата обращения: 28.03.2017).

** Сведения по данным за 2015 и 2016 гг. уточнялись дополнительно.

В последние три года число проживающих и работающих на территории России граждан КНДР составляет в среднем от 30 до 32 тыс. человек. Больше всего северо-корейцев постоянно находится на территории Приморского края, затем следуют Москва и Московская область, Сахалинская, Нижегородская, Иркутская области, Красноярский и Хабаровский края, а также Санкт-Петербург, Амурская и Новосибирская области¹¹. В процессе реализации федеральных и региональных программ развития Дальнего Востока и Сибири сохраняется тенденция к увеличению численности трудовых мигрантов из КНДР.

Одна из крупнейших и старейших северо-корейских фирм «Генеральное общество по строительству за рубежом», или «ЗЕНКО», имеет представительства во Владивостоке, Находке, Кемерово, Краснодаре, Краснокамске, Красноярске, Тюмени, Усурийске, где работают в общей сложности более 10 тыс. строителей из Северной Кореи. В числе десятка крупнейших на Дальнем Востоке фирм остаются «Чхольсан»,

«Рынрадо». По оценке северокорейских диппредставителей во Владивостоке, экономические отношения между нашими странами в области рыбного хозяйства, лесозаготовки активно развиваются, несмотря на санкции Запада, будет продолжено сотрудничество в сфере строительства¹². Стадию согласования проходит строительство понтонного моста между приграничными районами КНДР и Приморья, в связи с чем ожидается привлечение большего числа северокорейских рабочих в дальневосточный регион.

Тем не менее политика усилившегося давления стран Запада ввиду ракетно-ядерной деятельности КНДР угрожает российско-северокорейскому сотрудничеству в такой гражданской области, как привлечение трудовых ресурсов, хотя пока это не ощутимо. Предложенный Соединенными Штатами проект пятой резолюции СБ ООН (2270 от 2 марта 2016 г.) в отношении КНДР включил «большее число точек» нажима на северокорейскую экономику, в основном не связанных с северокорейской ракетно-ядерной деятельностью. Новые санкции были приняты спустя два месяца после заявления КНДР о проведенном испытании водородной бомбы и спустя месяц после проведенного ракетного испытания. Однако официальные представители США «заблаговременно» подготовились, приступив к разработке проекта резолюции за три года до его апробирования, сразу после произведенного КНДР предыдущего ядерного испытания. Это говорит о том, что проект резолюции тщательно был продуман и выверен американской администрацией до мелочей. США, страны Запада и Япония настаивали на принятии новых санкций, выходящих за рамки северокорейских ядерно-ракетных программ¹³. В интервью американскому каналу бывший американский спецпосланник в ООН С. Пауэр заявила, что целью антисеверокорейских санкций является перекрытие поступлений денежных средств в КНДР извне¹⁴. В связи с этим при разработке проекта резолюции Соединенными Штатами рассматривались и такие санкционные меры, которые представляют угрозу нашим традиционным связям с северокорейскими партнерами в области привлечения трудовых ресурсов.

Признавая необходимость принятия ответных мер на проведенные КНДР ядерные испытания со стороны международного сообщества в лице СБ ООН, Россия поддержала две санкционные резолюции (2270 от 2 марта 2016 г. и 2321 от 30 ноября 2016 г.). В то же время она нацелена на сохранение добрососедских экономических отношений с КНДР. Подписанный 29 декабря 2016 г. президентом России Указ № 729 «О

мерах выполнения резолюции СБ ООН 2270» не содержит ограничений на привлечение северокаорейской рабочей силы. Комментируя данную позицию российских властей, С. Пауэр заявила, что у США и Южной Кореи есть возможности принять меры для того, чтобы помешать Пхеньяну уходить от санкций¹⁵.

Очередной «точкой давления» на КНДР послужило принятие 9 декабря 2016 г. Генеральной Ассамблеей ООН резолюции по правам человека в Северной Кореи. Американскими инициаторами данной резолюции КНДР и ее лидеру вменяются «преступления против человечности», представленные весьма широким спектром: от применения пыток в лагерях, сексуального насилия, публичных казней вплоть до рабского положения рабочих, направляемых Пхеньяном за рубеж для зарабатывания валюты.

Резолюция была принята без голосования, несмотря на то что Китай и Россия высказались против, а представители КНДР в знак протеста покинули заседание Генеральной Ассамблеи. Заместитель постоянного представителя КНДР при ООН Ким Ин Рён подчеркнул, что резолюция, «основанная на лжесвидетельствах», является «продуктом заговора со стороны США, которые пытаются уничтожить КНДР, прикрываясь правами человека».

Со слов спецдокладчика ООН по вопросу соблюдения прав человека в Северной Кореи, бывшего генерального прокурора Индонезии при авторитарном режиме Сухарто Марзуки Дарусмана, более 50 тыс. северокаорейских рабочих направляются своими властями на заработки за границу, в основном Россию и Китай, а также Кувейт, Малайзию, Польшу, Катар, ОАЭ и ряд других стран. Нарушение прав этих рабочих со стороны северокаорейских властей, как следует из доклада М. Дарусмана, состоит в том, что «заработанные гражданами КНДР денежные средства в полном объеме изымаются их правительством, сами они не получают надлежащих условий проживания на территории стран-реципиентов, подвергаются голоду и изнуряющим работам до 20 часов в сутки». С его слов, «северокаорейский режим существует за счет поставок рабских ресурсов в другие страны». Со слов другого японского правозащитника Кен Като, «северокаорейские рабочие обязаны перечислять 100 процентов заработанных средств в государственный бюджет, что покрывает проведение парадов по случаю празднования знаковых для КНДР годовщин»¹⁶.

Нельзя назвать состоятельными подобного рода выступления так называемых правозащитных организаций и ее представителей. А поста-

новочные репортажи, распространяемые ими в Интернете на тему рабочего положения северокорейских рабочих в России, и вовсе не выдерживают никакой критики. В Российской Федерации привлечение иностранной рабочей силы, включая северокорейскую, на территорию любого региона полностью регулируется федеральным законодательством. Со стороны государства осуществляется контроль за соблюдением условий привлечения и использования иностранной рабочей силы, соблюдением условий трудовых договоров, уровнем оплаты труда. Единственной целью упомянутых выше провокаций является создание препятствий экспорту рабочей силы, а через него и полное удушение северокорейской экономики.

К этому надо ещё добавить односторонние санкции, введённые Союзом Штатами и Южной Кореей. Последняя закрыла межкорейский проект — Кэсонскую промышленную зону, который субсидировался из южнокорейского бюджета и приносил КНДР по разным оценкам от 30 до 100 млн долл. в год. Со своей стороны, США объявили о санкциях против тех компаний в третьих странах, которые нанимают северокорейских рабочих или же ведут финансовые дела с Северной Кореей. В дополнение к одобренным конгрессом в феврале 2016 г. санкциям, 22 марта 2017 г. Комитет по международным делам палаты представителей конгресса США представил пакет новых санкций, направленных против отправки Северной Кореей рабочих за рубеж. По мнению американских властей, подобное сотрудничество является одним из ключевых источников валютных поступлений для реализации северокорейских ядерных и ракетных программ¹⁷. Эти односторонние санкции и сами по себе вполне способны нанести ощутимый вред северокорейской экономике.

Комментируя сложившуюся ситуацию с влиянием вновь введенных санкций на отношения между Россией и КНДР, посол России в КНДР А.И. Мацегора отметил, что полномасштабное участие нашей страны в антиядерных и антиракетных ограничениях не должно влиять на российско-северокорейское сотрудничество в гражданских областях¹⁸. Вполне логично, что российская сторона воздерживается от рассмотрения дополнительных санкций в отношении Пхеньяна, принимаемых в одностороннем порядке отдельными странами вне рамок Совбеза ООН.

На сегодняшний день вопреки антисеверокорейским санкциям России и КНДР удастся противостоять попыткам стран Запада ввести ограничительные меры, связанные с привлечением северокорейских

трудовых ресурсов в российские регионы. В то же время, судя по развернувшимся действиям КНДР в сфере совершенствования ракетно-ядерного потенциала, в будущем следует ожидать усиления санкционного давления на нее со стороны мирового сообщества. При этом у России есть возможность принимать трудовые ресурсы из Средней Азии, Китая в гораздо большем объеме, делая ставку на взвешенные подходы к решению северокорейского вопроса. Новые санкции на случай новых северокорейских ядерных или ракетных испытаний уже находятся в стадии разработки и могут гораздо более серьезно затронуть интересы российско-северокорейского сотрудничества.

Представляется, более тесное и эффективное сотрудничество России с КНДР в области привлечения трудовых ресурсов должно развиваться на уровне регионов, преимущественно на Дальнем Востоке. Учитывая высокую степень заинтересованности местных компаний в дешевой квалифицированной рабочей силе из приграничных территорий, закономерным является стремление региональных властей поддерживать традиционные для наших стран связи в форме диалогов на уровне представительств. В выработке унифицированных мер в сфере привлечения трудовых мигрантов из КНДР федеральным властям стоило бы учитывать специфику экономического развития отдельных российских регионов. Например, в Приморском крае местные компании в рекрутинговом сотрудничестве предпочитают отдавать северокорейским партнерам по сравнению с их китайскими и среднеазиатскими коллегами ввиду уже давно устоявшихся связей, экономической выгоды, высокого качества работ и положительного имиджа северокорейских рабочих (дисциплина, высокая степень организованности, аккуратность). Степень успешности таких контактов, безусловно, будет зависеть от определяющего внешнего фактора — официальной позиции России по северокорейскому вопросу.

В ближнесрочной перспективе северокорейская рабочая сила на российском рынке, преимущественно в строительном секторе, продолжит составлять конкуренцию турецким и китайским компаниям. Однако поддерживать сотрудничество на данном направлении станет сложнее, так как отправка северокорейскими властями своих рабочих за рубеж рассматривается странами Запада в шаблонном смысле применения санкций ко всему, что имеет даже незначительное значение для получения валютных поступлений в госбюджет КНДР.

Примечания

¹ Общепринятый термин для обозначения наёмных работников из другого государства в СССР в послевоенные годы.

² *Безик И.В.* Участие граждан КНДР в хозяйственном освоении советского Дальнего Востока (1950-е — начало 1960-х гг.). С. 64—65.

³ *Бажанова Н.Е.* Внешнеэкономические связи КНДР. В поисках выхода из тупика. М.: 1993. С. 96.

⁴ Соглашение между Правительством СССР и Правительством КНДР об экономическом и техническом сотрудничестве в строительстве и расширении промышленных и других объектов. 20 июня 1966 // Отношения Советского Союза с Народной Кореей 1945—1980. Документы и материалы. М., 1981. С. 244.

⁵ *Бажанова Н.Е.* Там же. С. 97.

⁶ *Забровская Л.В.* Корейская Народно-Демократическая Республика в эпоху глобализации от затворничества к открытости. Владивосток, 2006. С. 123.

⁷ Из личных контактов по служебной линии в период нахождения в командировке в Посольстве России в КНДР с 2006 по 2009 г.

⁸ Соглашение между правительством РФ и Правительством КНДР о взаимных поездках граждан. 24 января 1997 г. // Внешняя политика России. Сборник документов 1997. МИД России. М., 2001. С. 9—15.

⁹ *Забровская Л.В.* Миграционный вектор сотрудничества России с КНДР // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2014. № 4(69). С. 66.

¹⁰ Труд и занятость в России. 2015: Стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 180—181. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/trud15.pdf (дата обращения: 28.03.2017).

¹¹ Статистика из личных наработок, упомянутых выше.

¹² *Века Е.* Перспективы строительства понтонного моста между Россией и Северной Кореей обсудили администрация Приморского края и МИД КНДР. Официальный сайт администрации Приморского края. 13.09.2016. URL: <http://www.primorsky.ru/news/117980/> (дата обращения: 27.03.2017).

¹³ UN approves toughest sanctions on North Korea in 20 years. Published March 02, 2016. Fox News' Jonathan Wachtel and The Associated Press contributed to this report. URL: <http://www.foxnews.com/world/2016/03/02/un-approves-toughest-sanctions-on-north-korea-in-20-years.html> (дата обращения: 26.03.2017).

¹⁴ Russia holds up vote on US-drafted North Korea sanctions resolution at UN by Jonathan Wachtel. Published February 29, 2016. URL: <http://www.foxnews.com/world/2016/02/29/russia-holds-up-vote-on-us-drafted-north-korea-sanctions-resolution-at-un.html> (дата обращения: 25.03.2017)

¹⁵ Пауэр С. Поправки России не снизили жесткость санкций против КНДР. Оригинал новости ИноТВ. 03.03.2016. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2016-03-03/Samanta-Pauer-Rossiya-pomogla-nam> (дата обращения: 29.03.2017).

¹⁶ Rights group accuses North Korea of using citizens as slave labor by Julian Ryall, Tokyo. 04.12.2015. URL: <http://www.dw.com/en/rights-group-accuses-north-korea-of-using-citizens-as-slave-labor/a-18894803> (дата обращения: 25.03.2017).

¹⁷ U.S. Tries to Cut Off N.Korea's Oil Supplies, Labor Exports by Cho Yi-jun. 23.03.2017 // The Chosunilbo. URL: http://english.chosun.com/site/data/html_dir/2017/03/23/2017032301501.html (дата обращения: 27.03.2017).

¹⁸ Интервью Посла России в КНДР А.И. Мацегоры информагентству ТАСС, 10 февраля 2017 г. URL: http://www.mid.ru/about/professional_holiday/news/-/asset_publisher/15UF6lkPfgKO/content/id/2638857 (дата обращения: 29.03.2017).

П.П. Эм

СРАВНЕНИЕ РАЗВИТИЯ УРБАНИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ И КНДР В ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ

Города — это основные экономические центры в любой стране мира. Города Республики Корея генерируют более 90 % ВВП страны. Следовательно, изучение урбанизации как процесса повышения роли городов в жизни общества просто необходимо для адекватного восприятия экономического развития. Сравнение урбанизации в Республике Корея и КНДР способствует пониманию фундаментальных процессов, происходящих на Корейском полуострове, а также объективных причин территориального аспекта неравномерности экономического развития территории.

Ключевые слова: урбанизация, стадии развития урбанизации, структура городов, Республика Корея, КНДР.

Для изучения урбанизации необходимо определить, какой населенный пункт в разных частях Корейского полуострова называется городом, ведь критерии его выделения значительно варьируются в зависимости от национальных особенностей той или иной страны. В Республике Корея (РК) городом называется населенный пункт, в котором постоянно проживает более 40 тыс. человек. В северокорейской литературе нет четких пороговых границ городов, однако анализ данных позволяет легко определить минимальную людность городов, составляющую 50 тыс. человек. Специалист по городам КНДР Р. Дормелс также

озвучил данный лимит¹. Другие требования к городам в этой стране, как, например, доля населения, занятая в несельскохозяйственной сфере, не обнаружены. Интересно, что в экономически более развитой южной части полуострова порог людности городов меньше на 10 тыс. человек. Несмотря на это обстоятельство, можно сказать, что критерии для выделения городов схожи в обеих частях Кореи, следовательно сравнение развития урбанизации в РК и КНДР оправданно и может быть выполнено без использования дополнительных поправок.

При попытке изучения КНДР перед исследователями всегда остро встает вопрос поиска репрезентативных данных². Относительно достоверными являются данные переписи населения 2008 г.³, которая была обеспечена с участием в ней сотрудников Фонда ООН в области народонаселения⁴. Для подготовки настоящего исследования было проведено сравнение данных, представленных в различных источниках РК, также The World Urbanization Prospects был использован как универсальное издание, выпускаемое профильным подразделением ООН⁵.

Устойчивый рост доли городского населения в РК наблюдается с 1950-х годов и продолжается по настоящее время. Степень урбанизированности южной части Корейского полуострова увеличилась почти в четыре раза: с 21,4 % в 1950 г. до 82,5 % в 2015 г. (рис. 1). При этом в 1950 г. доля городского населения в этой стране (21,4 %) была меньше среднемирового показателя (29,6 %) и значительно отставала от среднего уровня развитых стран, но превышала аналогичный показатель для развивающихся государств (17,6 %). С 1965 по 1970 г. РК за счет быстрых темпов роста городского населения обошла среднемировой показатель, а в период с 1975 по 1980 г. преодолела порог в 50 %. Уже в 1990 г. уровень урбанизации в РК превысил средний уровень развитых стран.

В КНДР уровень урбанизации за аналогичный период возрос практически в два раза: с 31 % до 60,9 % (см. рис. 1). Отметим, что в 1950 г. доля городского населения северной части полуострова (31 %) была значительно выше, чем в южной (21,4 %). Уровень урбанизации КНДР никогда не превышал аналогичный показатель развитых стран, но был выше, чем в развивающихся. При этом КНДР по показателю доли городского населения в изученный период занимала промежуточное положение между развитыми и развивающимися странами.

Изучение темпов роста городского населения РК позволяет выделить два ключевых этапа развития урбанизации (рис. 2). На *первом этапе* (с 1960 по 1990 г.) отмечено варьирование высоких значений показате-

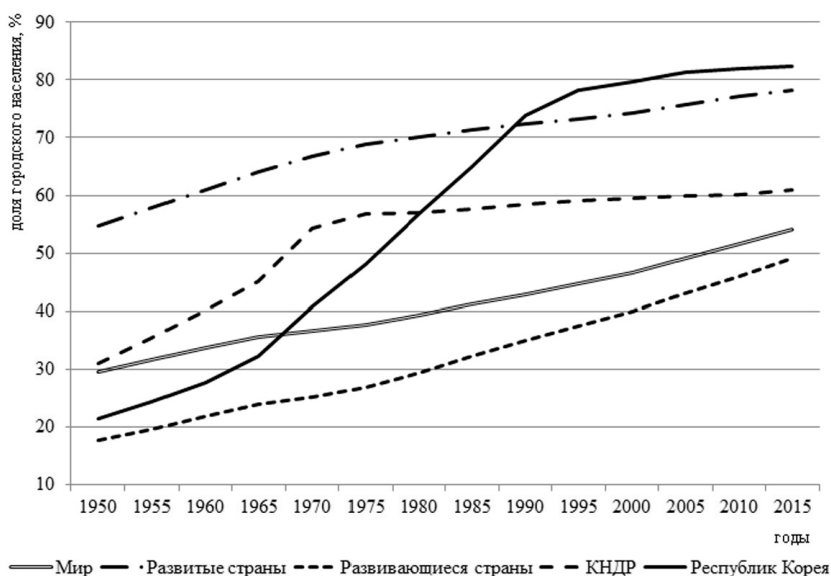

Рис. 1. Динамика уровня урбанизации в РК, КНДР и в мире с 1950 по 2015 г.⁶

теля. Пик изменений пришелся на период с 1965 по 1970 г. и составил 1,26 раза. Несмотря на последовавшее снижение темпов роста, они до 1985 г. не опускались ниже 1,14 раза. Необходимо отметить, что динамика темпов роста ВВП похожа на динамику темпов роста крупного-городского населения, а значит, можно предположить наличие связи между вышеперечисленными показателями. Более глубокое изучение данного вопроса — предмет дальнейших исследований. Во время *второго этапа*, начавшегося в 1990 г. и продолжающегося по сей день, произошло резкое снижение темпов роста урбанизации по причине исчерпания миграционного потенциала села, а также достаточной насыщенности городов населением. Примерно в 2000 г. произошла параллельная стабилизация темпов роста, стремящихся к 1 %, и уровня урбанизации — около 80 %. Значит, развитие урбанизации в этой стране прошло по *классической догоняющей схеме*: чем ниже исходный уровень урбанизации, тем выше ее темпы.

Для КНДР, так же, как и для РК, была характерна классическая схема развития урбанизации до 1970 г. Это обусловлено тем, что отно-

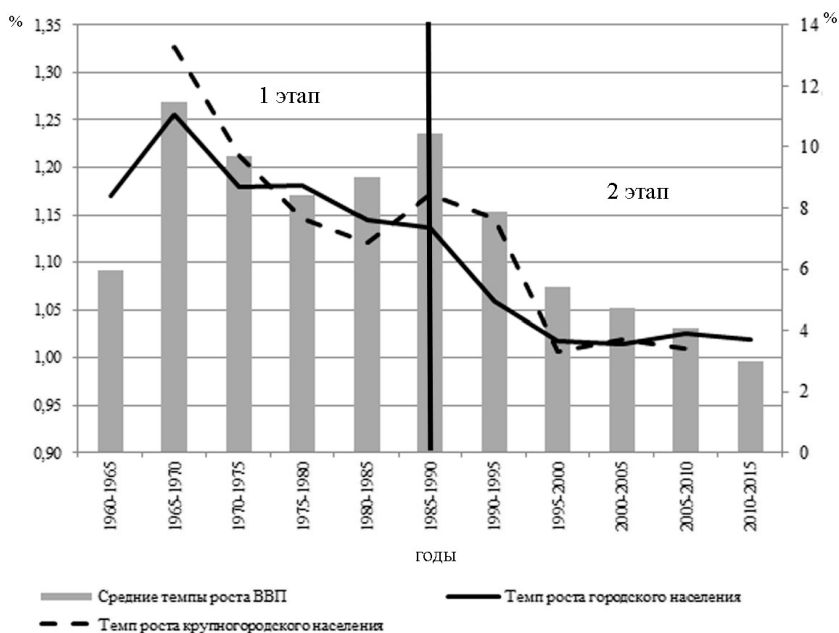

Рис. 2. Динамика темпов роста городского и крупногородского населения, а также средних темпов роста ВВП в Республике Корея с 1950 по 2015 г.⁷

сительно высокие темпы роста городского населения, превышавшие 2 %, были отмечены в течение *первого этапа развития урбанизации* с 1950 по 1970 г. (рис. 3). Именно этот период можно назвать временем экономического доминирования Севера над Югом, ведь в это время уровень жизни граждан КНДР был выше, чем в РК. Высокие темпы роста были обеспечены появлением восьми новых городов, а также послевоенной активизацией промышленности, потребовавшей притока рабочей силы. На *втором этапе* с 1970 по 1980 г. темпы роста урбанизации значительно уменьшились, приблизившись к нулю, в связи с относительным насыщением городов населением, а также введением жесткой системы обязательной регистрации граждан⁸. Проведенная оценка показала, что размещение как населения в целом, так и населенных пунктов в частности не равномерно. Однако стоит отметить, что концентрация населения в КНДР достаточно адекватна потребностям

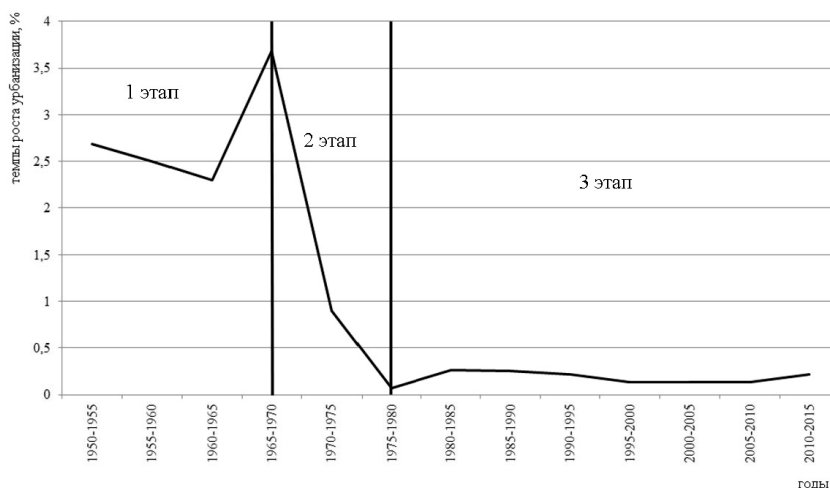
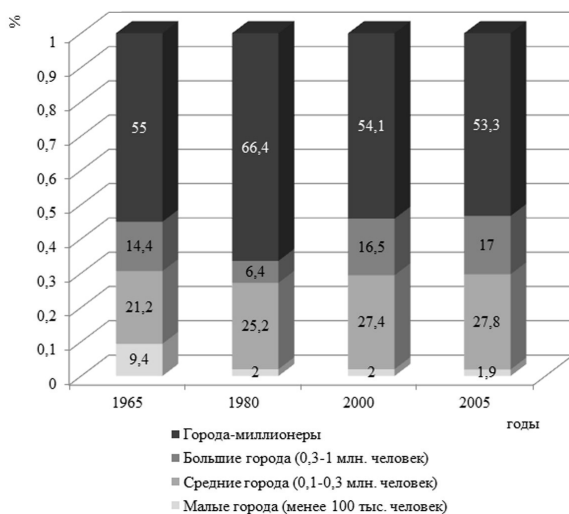

Рис. 3. Этапы развития урбанизации в КНДР с 1950 по 2015 г.⁹

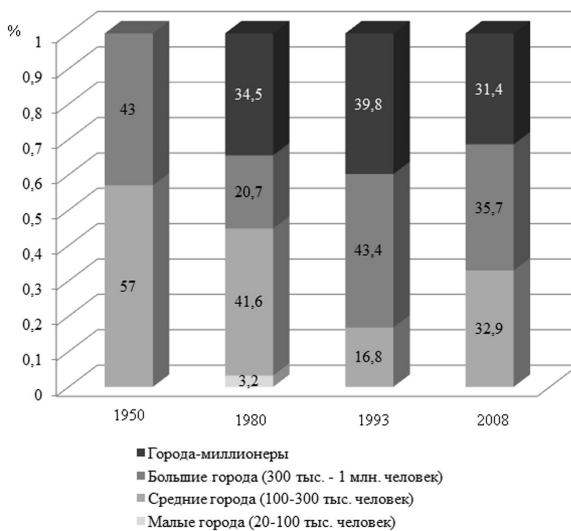
сформировавшейся системы народного хозяйства. На *третьем этапе*, начавшемся в 1975 г. и продолжающемся по сей день, отмечаются очень низкие темпы роста урбанизации, не превышавшие 0,56 % в год, по причинам, аналогичным второму этапу.

Общее количество городов РК увеличилось с 19 в 1950 г. до 85 в 2016 г. Повышение доли населения, проживающего в городах, численность которых составляет более 1 млн человек, с 55 % в 1965 г. до 66,3 % в 1980 г. в РК было обеспечено снижением в 1,45 раза доли больших городов, т. е. с численностью населения от 0,3 до 1 млн человек, и в 4,5 раза доли самых малых городов, в которых проживает менее 0,1 млн человек (рис. 4, а). К 2015 г. благодаря развитию пригородов доля населения городов-миллионеров снизилась и составила 53,3 %, т. е. уменьшилась по сравнению с 1965 г. Одновременно с этим заметно увеличилась роль больших городов, ведь их доля в общей структуре населения выросла за 35 лет с 15,1 % до 28,9 %, т. е. практически в два раза.

Количество городских населенных пунктов в КНДР увеличилось с 14 в 1950 г. до 27 в 2008 г., т. е. практически в два раза. Изменение доли больших городов размером от 0,3 до 1 млн человек в общей структуре городов КНДР имело неустойчивую динамику (рис. 4, б). Её сокраще-

a

b

Рис. 4. Динамика структуры городов Республики Корея (а) и КНДР (б) по размеру¹⁰

ние с 1950 по 1980 г. более чем в два раза с 43 до 20,7 % связано с прохождением столицей рубежа в 1 млн человек и отнесением её в другую группу. С 1980 по 1993 г. большие города выходят на авансцену благодаря увеличению доли проживающих в них горожан более чем в два раза до 43,4 % от общего населения страны. К 2008 г. их доля сократилась до 35,7 % из-за роста количества городов размером от 0,1 до 0,3 млн человек и доли населения, проживающего в них, с 16,8 % в 1993 г. до 32,9 % в 2008 г.

Урбанизация — это стадийный процесс, динамика которого зависит от национальных особенностей. Истоки корейской урбанизации восходят примерно к IV в. до н.э.¹¹ и связаны с образованием древнекорейского государства Кочосон. Именно с зарождением государственности в изучаемом районе началась фаза *преурбанизации*, при которой города были малы и отставали в скорости роста от сел. Дальнейшая активизация политических и торговых процессов на Корейском полуострове послужила катализатором развития малых городов, образовывавшихся как столицы государств и торговые центры районов¹².

Начало XX в. можно считать стартом стадии *начальной урбанизации*, при которой города росли быстрее сел. Данная стадия практически совпала по времени с колониальной зависимостью Кореи. Этому способствовало впечатляющее развитие промышленности на севере, основанное на местных ресурсах, а также экспроприации земель, по результатам которой около 40 % земельного фонда оказалось во владении японского генерал-губернатора¹³. Последнее обстоятельство вытолкнуло селян в города в поисках заработка.

В 1950 г. КНДР, в соответствии с теорией развития урбанизации Джиббса¹⁴, уже находилась на третьей стадии *классической урбанизации*, при которой села депопулируют из-за оттока населения в города. Её начало пришлось на довоенное десятилетие с 1940 по 1950 г. По утверждению Г. Треварта и В. Зелинского, КНДР в 1950 г. была одной из наименее урбанизированных стран мира¹⁵. Несмотря на проведение военных действий, именно десятилетие с 1950 по 1960 г. характеризуется наивысшими показателями скорости урбанизации. Городской бум был отмечен сразу после окончания войны¹⁶. С 1960 по 1980 г. скорость урбанизации постепенно уменьшалась.

Пример РК изучен с использованием *теории дифференцированной урбанизации* Т. Контули¹⁷ на основе выделения различных стадий через различия в миграционном сальдо главных, средних и малых городов.

Использование данной модели более репрезентативно, однако, в силу отсутствия данных по миграционным движениям в городах КНДР разных размеров, её применение для северной части не представляется возможным. Ограниченность данных позволила провести исследование стадий урбанизации РК только с 1970 г. Однако даже подобный временной разрез, безусловно, принесёт пользу для понимания развития изучаемого процесса.

Динамика трендов сальдо миграций по группам городов позволяет утверждать, что в 1970 г. страна находилась на *стадии крупногородской урбанизации (U-I)*, поскольку был отмечен быстрый миграционный рост главных городов за счет средних и особенно малых городов (рис. 5). Своего апогея *стадия урбанизации (U-II)* достигла в 1975 г., когда сальдо миграции в городах-миллионерах было максимально и составляло около 480 тыс. человек в год. В самой продолжительной стадии *U-II* проис-

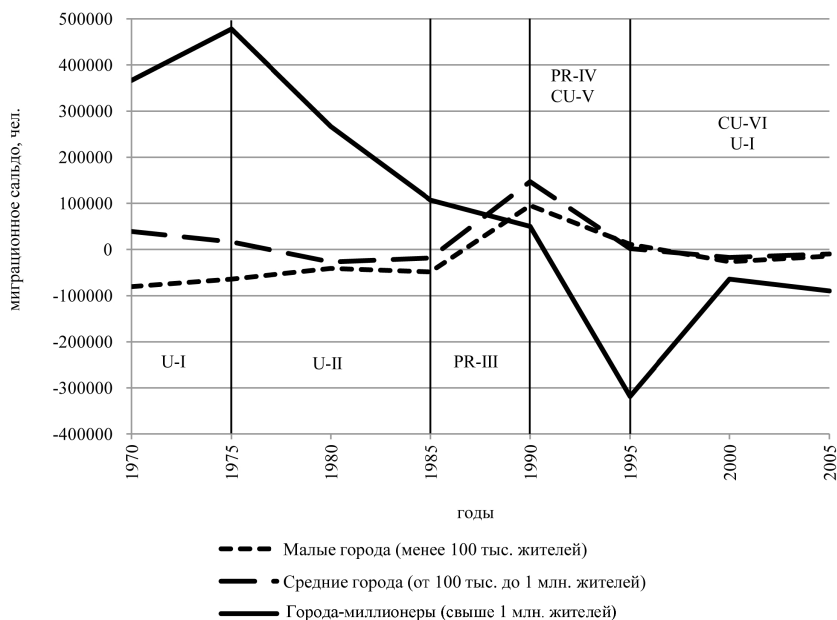

Рис. 5. Стадии дифференциальной урбанизации в Республике Корея с 1970 по 2005 г.¹⁸

ходило постепенное уменьшение числа мигрантов в главных городах и увеличение их числа в средних и в малых городах.

В промежутке с 1985 по 1990 г., когда миграционное сальдо в не главных городах становится положительным, произошел *урбанизационный разворот (PR-III)*. Он знаменует возвысившееся значение в миграционном балансе средних, а также постепенное наращивание привлекательности малых городов. В РК отмечается совмещение *стадии реверсии (PR-IV)* и *стадии начальной контрурбанизации (CU-V)*, начавшихся в 1995 г. С одной стороны, привлекательность малых городов становится максимальной, с другой — средние центры также не утратили свою популярность. В этой ситуации «проигравшими» остались главные города, ежегодно терявшие около 319 тыс. человек. Основные причины — существенное повышение стоимости недвижимости и жизни в целом для жителей крупнейших городов. Эти обстоятельства привели к активизации *субурбанизации*, заключавшейся в возведении огромных спальных районов за пределами главного города, и росту числа городов-спутников вокруг главных экономических центров РК. За период с 1990 по 1995 г. численность населения Сеула уменьшилась на 150 тыс. человек, а Пусана на 120 тыс. При этом увеличилось общее количество городов: в 1985 г. их было 50, а уже в 1990 г. — 73. Особо стоит отметить столичную провинцию, в которой в указанный промежуток появилось 10 новых городов. До 2000 г. города-миллионеры не сумели преодолеть отрицательный миграционный баланс, однако его значение существенно снизилось. Ведь основная часть населения, захотевшая выехать за пределы главного города, сделала это в период с 1990 по 1995 г. Фаза последней стадии большого цикла *CU-VI* совмещена с *U-I* уже второго витка развития урбанизации¹⁹. К 2005 г. отрицательный миграционный прирост увеличился вместе со снижением амплитуд кривых и сжатием области графика. Значит, чуть менее чем за 40 лет в РК после относительно долгого раскачивания стадий урбанизации произошло форсирование стадий разворота и контрурбанизации.

Региональные различия развития урбанизаций обеих частей Корейского полуострова изучены на уровне провинций. Для облегчения расчетов данные по городам с особым статусом прибавлялись к провинциям, из состава которых они были выделены в самостоятельные административно-территориальные единицы. Обоснованность данного подхода была показана ранее²⁰. Развитие урбанизации в провинциях РК и КНДР проходило неравномерно, но со сходной направленностью. Об-

шестрановые тренды носят универсальный характер как на Севере, так и на Юге и с различными вариациями повторяются у большинства провинций, поэтому их можно назвать «стандартными». Для описания пространственных различий в урбанизации корейских государств проведем типологию их провинций по времени наступления урбанистического перехода (50 %).

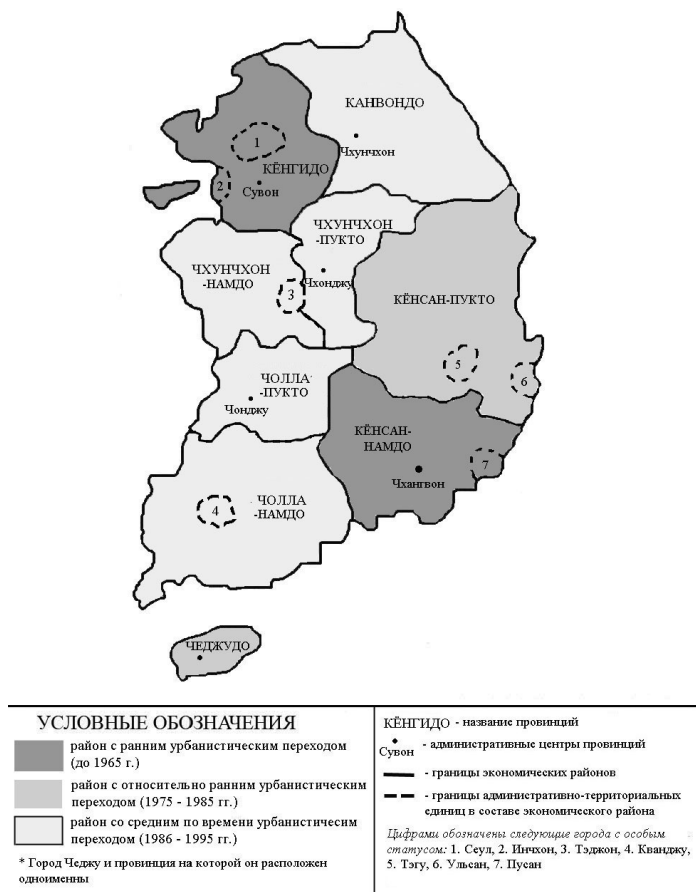

Рис. 6. География урбанизационных типов провинций Республики Корея²¹

В РК к первому типу с ранним урбанистическим переходом, произошедшим до 1965 г., относятся провинции Кёнгидо и Кёнсан-намдо (рис. 6). В них были зафиксированы высокие темпы роста урбанизации, превышавшие общий показатель РК на начальную дату исследования примерно в два раза. Сегодня провинции первого типа играют роль ведущих очагов урбанизации в стране. Именно Кёнгидо сыграла ключевую роль в начале экономического феномена, названного «чудом на реке Ханган». Здесь сформировалась первая в РК агломерация, но из-за высокого стартовых значений урбанизации (64 % в 1965 г.) темп роста городского населения за рассматриваемый период минимален и увеличился примерно в 1,5 раза. Сегодня доля городского населения в столичной провинции приближается к 100 %. Высокий стартовый показатель урбанизации в 1965 г. (60 %) был отмечен в пров. Кёнсан-намдо благодаря соседству с Пусаном — «второй столицей» страны и ее главными морскими воротами. Пусан имеет статус особого города и оказывает большое влияние на близлежащую территорию.

Ко второму типу с относительно ранним урбанистическим переходом, прошедшим с 1975 по 1985 г., принадлежат провинции Кёнсан-пукто и Чеджудо. Начальный уровень их урбанизированности был ниже уровня провинций первого типа (33 %), однако за счет больших темпов роста доли городского населения эти две провинции к 2005 г. практически с ними сравнялись.

К третьему типу провинций со средним по времени урбанистическим переходом (1986—1995 гг.) относятся все оставшиеся провинции РК. В *подтип 3.1* входит Чхунчхон-Пукто — единственная провинция Республики Корея, не имеющая выхода к морю. Доля горожан в ней с 1965 по 2011 г. увеличилась в 17,4 раза. Подобное обстоятельство доказывает сохранившийся колониальный тип территориальной структуры хозяйства. *Подтип 3.2* представлен провинциями Кандондо, Чхунчхон-Намдо, Чолла-Пукто и Чолла-Намдо. Их начальная урбанизированность варьировала от 13 до 21 %, а темпы роста городского населения в среднем составили 4,9 раза. Примечательно, что пров. Канвондо из лидера корейской урбанизации в 1965 г. с долей городского населения 21 % к 2011 г. превратилась в аутсайдера (69 % горожан в общей структуре населения).

Аналогичная типология была проведена и для КНДР (рис. 7). К *первому типу* провинций с относительно ранним урбанистическим переходом до 1970 г. относится только Пхёнан-намдо благодаря локализации в

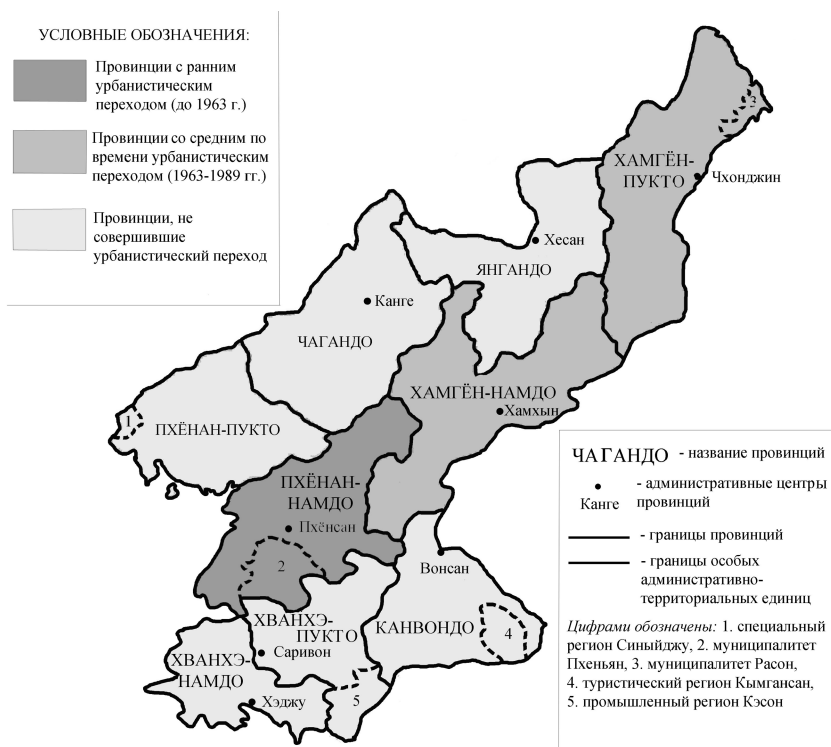

Рис. 7. География урбанизационных типов провинций КНДР²²

непосредственной близости от неё столицы, а также наличие в ней шести других городов. Уровень её урбанизации с учетом столицы в 2008 г. составил 68,7 %.

Ко *второму типу* принадлежат провинции Хамгён-пукто и Хамгён-намдо, а также Пхёнан-пукто, преодолевшие урбанистический рубеж в 50 % в период с 1970 по 2000 г. Активное развитие расположенных в этих провинциях городов часто связано с использованием ими преимуществ своего экономико-географического положения.

Третий тип представляют пять оставшихся провинций КНДР, не совершивших урбанистический переход. В *первый подтип* входят провинции Янгандо и Чагандо с преобладанием горного рельефа, реальная

доля городского населения в которых стремительно приближается к урбанистическому рубежу в 50 %, но еще не преодолела его. *Второй подтип* включает провинции Хванхэ-пукто и Хванхэ-намдо, а также Канвондо, также не совершившие урбанистический переход. Факторы наличия общей границы с РК либо расположения в непосредственной близости от нее, несомненно, оказал влияние на размер расположенных здесь городов.

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы:

1. Основным критерий для получения населенным пунктом городского статуса — его людность, в КНДР и РК отличается не существенно. Это позволяет сравнить развитие процесса урбанизации без дополнительных поправок.

2. Устойчивый рост доли городского населения был отмечен в обеих частях Корейского полуострова с 1950 г. и продолжается по настоящее время. Скорость урбанизации была неодинаковой: в РК уровень урбанизации увеличился почти в четыре раза, а в КНДР в два раза. Впечатляющий рост показателя урбанизации в РК был обеспечен не только ростом количества городов, но и изменением их структуры по размеру. Сегодня на территории малой по площади РК расположено 8 городов-миллионеров. Резкое отставание в скорости урбанизации КНДР объясняется отсутствием крупногородских форм расселения, за исключением Пхеньяна.

3. Развитие урбанизации в обеих частях Кореи прошло по классической догоняющей схеме: с низким исходным показателем и высокой скоростью. Расцветом урбанизации как в РК, так и в КНДР можно считать первые два 20-летия после окончания войны. При этом динамика темпов роста ВВП очень схожа с динамикой темпов роста крупногородского населения, а значит, можно предположить наличие связи между ними.

4. Урбанизация в южной части полуострова за исследуемый период прошла все фазы своего развития — от городского бума до контрурбанизации, при которой население мигрирует из крупнейших городов в более мелкие населенные пункты. Максимальная скорость, как и относительные значения урбанизации отмечены в провинции КНДР, из которой была выделена столица, а в РК — основные очаги урбанизации. Именно эти регионы являются основными экономическими центрами. Если на Севере провинции с минимальными показателями доли город-

ского населения расположены исключительно на границе с РК, то у последней минимальный уровень урбанизации имеет центральная провинция Чхунчхон-пукто.

5. Несмотря на существенные различия в начальной базе и условиях, в которых развивался процесс урбанизации на Севере и Юге Корейского полуострова, можно констатировать его схожий характер.

Примечания

¹ *Dormels, R.* North Korea's Cities: Industrial facilities, internal structures and typification. Seoul: Jimoondang, 2014. P. 247.

² *Eberstadt N.* Disparities in socioeconomic development in divided Korea. *Asian Surveys*. 2000. 40(6). 867—893; *Suh J.J.* The Second Society in North Korea. *Korean Studies*. 1998. Vol. 22. 15—40; *Демик Б.* Повседневная жизнь в Северной Корее. М.: Альпина нон-фикшн, 2017; *Tudor D., Pearson J.* North Korea confidential. Tokyo: TUTTLE Publishing, 2015.

³ DPR Korea 2008 Population Census Report. Pyongyang: Central Bureau of Statistics. 2009. 273 p.

⁴ *Engracia L.* UNFPA's role in the DPRK's 2008 Population Census (paper presented at the meeting of National Committee on North Korea, United Nations Foundation, Washington, D.C. 2010).

⁵ World Urbanization Prospects. The 2012 Revision. Highlights and Advance Tables. New York: United Nations. 2013.

⁶ Составлено по: World Urbanization Prospects. The 2012 Revision. Highlights and Advance Tables. New York: United Nations. 2013.

⁷ Там же.

⁸ *Tudor D., Pearson J.* North Korea confidential. Tokyo: TUTTLE Publishing, 2015; *Jang J.S.* Dear Leader. London: RIDER, 2014; *Ким Ы.С., Фаллетти С.* Побег из Северной Кореи. М.: Кучково поле, 2016.

⁹ Составлено по: World Urbanization Prospects. The 2012 Revision. Highlights and Advance Tables. New York: United Nations. 2013.

¹⁰ Рассчитано по: Database of Korean Statistical Information Service. URL: <http://kosis.kr/nsieng/view/stat10.do> (дата доступа: 15.12.2016); *Korea Statistical Yearbook 1952*. Seoul: Bureau of Statistics. 1953. 368 p.; *Korea Statistical Yearbook 2011*. The 58th edition. Seoul: National Statistical Office of the Republic of Korea. 2011. 1068 p.; World Urbanization Prospects. The 2012 Revision. Highlights and Advance Tables. New York: United Nations. 2013; DPR Korea 2008 Population Census Report. Pyongyang: Central Bureau of Statistics. 2009.

¹¹ Хан Ёнбу. История Кореи: новый взгляд. Пер. с корейского М.П. Пака. М.: Вост. лит., 2010. С. 59.

¹² *Trewartha G., Zelinsky W.* Population Distribution and Change in Korea 1925—1949. *Geographical Review*. 1955. Vol. 45. No. 1. P. 8.

¹³ Хан Ёнбу. Указ. соч. С. 442.

¹⁴ *Gibbs, J.* The Evolution of Population Concentration. *Economic Geography*. 1963. 39(2). 119—129.

¹⁵ *Trewartha G., Zelinsky W.* Op. cit. P. 8.

¹⁶ *Eberstadt N., Banister J.* Divided Korea: Demographic and Socioeconomic Issues for Reunification. *Population and Development Review*. 1992. Vol. 18. No. 3. P. 513.

¹⁷ *Geyer, H.S., Kontuly, T.* A theoretical foundation of the concept of differential urbanization. *International Regional Science Review*. 1993. 15(3). 157—177.

¹⁸ Рассчитано по: Database of Korean Statistical Information Service. URL: <http://kosis.kr/nsieng/view/stat10.do> (дата доступа: 15.12.2016).

¹⁹ Эм П.П. Региональные особенности урбанизации в Республике Корея // Региональные исследования. 2012. № 2. С. 120—133.

²⁰ Эм П.П. Особенности развития урбанизации и системы расселения Республики Корея во второй половине XX — начале XXI вв. // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 3. С. 93—103.

²¹ Рассчитано по: Database of Korean Statistical Information Service. URL: <http://kosis.kr/nsieng/view/stat10.do> (дата доступа: 15.12.2016).

²² Рассчитано по: DPR Korea 2008 Population Census Report. Pyongyang: Central Bureau of Statistics. 2009; Eberstadt, N. & Banister, J. The Population of North Korea. Berkeley: Institute of East Asian Studies, University of California. 1993; Korea in Transition: Demographic Aspects. *Population Index*. 1944. 10(4). 229—242; Trewartha, G., Zelinsky, W. Population Distribution and Change in Korea 1925—1949. *Geographical Review*. 1955. 45(1). 1—26.

Н.Н. Ким

ФАКТОРЫ РОСТА ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ ЖЕНЩИН В СОВРЕМЕННОМ ЮЖНОКОРЕЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ*

Развитие политических прав и возможностей женщин является одним из важных направлений гендерной политики в современном мире. В настоящей статье на основе статических данных, исследовательской литературы определяются факторы роста политического участия женщин и формулируются ключевые проблемы расширения их политических возможностей в современном южнокорейском обществе.

Ключевые слова: политические права, политическое участие, власть, корейские женщины.

Введение

Развитие политических прав и возможностей женщин (political empowerment) является одним из важных направлений гендерной политики в современном мире. В ежегодном отчете женской организации ООН за 2015 г. приоритетной задачей в области развития прав женщин

* Статья подготовлена в результате проведения исследования (№ 17-01-0073) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”» в 2017—2018 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

объявлено увеличение числа женщин на руководящих должностях и расширение их участия в политике¹.

Постановка такой задачи говорит о пока еще неравном участии мужчин и женщин в процессах принятия важных экономических и политических решений в обществе. Вместе с тем нельзя не отметить позитивную динамику в развитии политических прав и возможностей женщин в странах — членах ООН в последние годы. Стабильно растет участие женщин — кандидатов в депутаты на общенациональных и региональных выборах в законодательные органы власти, как следствие, неуклонно возрастает их представленность в национальных парламентах и муниципальных законодательных собраниях. Увеличивается количество женщин-министров, спикеров и вице-спикеров парламента, а также глав государств².

При этом рост политического участия женщин происходит в целом сравнительно медленно и ограничивается преимущественно группой высокоразвитых стран Северной Европы и небольших африканских и латиноамериканских государств (Руанда, Мозамбик, Кабо-Верде, Куба, Эквадор, Боливия).

Республика Корея (РК) как главный объект нашего исследования вряд ли может быть отнесена к наиболее прогрессивным странам с точки зрения развития политических прав и возможностей женщин. Ни по количеству женщин-депутатов национального парламента, женщин-министров, женщин на руководящих должностях Южная Корея не входит в первую группу стран (но и не является последней). По сей день вопрос о расширении присутствия женщин в политике, их участия в государственном строительстве остается ключевой составляющей гендерной проблематики в РК.

В настоящей статье дается определение основных факторов расширения политического участия женщин в южнокорейском обществе в период с 1948 г. по настоящее время, особенно последние 30 лет, в течение которых был достигнут наибольший прогресс в развитии политических прав и возможностей женщин в сравнении со всей предшествующей их историей.

Теоретические аспекты вопроса о расширении политических прав и возможностей женщин

Проблема расширения политических прав и возможностей женщин (political empowerment) является составной частью общей проблемы

увеличения прав и возможностей женщин в современном мире (women's empowerment). Под расширением политических прав и возможностей женщин понимается равное с мужчинами их представительство в органах государственной власти (законодательной, исполнительной и судебной), а также их участие в различных гражданских институтах, позволяющее женщинам влиять на процесс принятия важных решений в обществе³.

Если под политическими правами женщин в узком смысле понимаются их избирательные права, то под политическими возможностями — политическое влияние женщин, т. е. то, в какой степени они могут влиять на процесс принятия решений в государстве и обществе.

Политические возможности женщин — это совокупность их социальных шансов, используя формальные и неформальные институты власти, защищать и лоббировать свои интересы в обществе. Они не ограничиваются только избирательными правами, относимыми к формализованной власти женщин, которые гарантированы основным законом государства (провинции, штата).

Нужно иметь в виду и неформальные возможности женщин влиять на принятие решений. Неформализованное политическое влияние женщин в обществе складывается в силу особенностей политической традиции, исторически сложившихся социальных практик назначения их на авторитетные должности, наличию равных с мужчинами наследственных прав, отсутствию идеологически обоснованной дискриминации женщин (например, в конфуцианской традиции противопоставление мужчины женщине, принижение последних имело онтологическое обоснование и объяснялось разной природой происхождения). Такое разграничение формальной и неформальной власти женщин можно еще обозначить как видимую и невидимую власть⁴.

Политическое участие женщин характеризуется такими показателями, как количество женщин-министров, премьер-министров, глав государств, спикеров (вице-спикеров) парламента, депутатов национальных и местных законодательных собраний, служащих правительства и иных органов государственной власти, судей, юристов и прокуроров. Среди факторов, которые могут влиять на политическое участие женщин, исследователи выделяют экономическую занятость (чем выше коэффициент занятости женщин, тем более вероятно широкое вовлечение женщин в политические процессы), уровень образования женщин, охватенность их высшим образованием (женщины с высшим образова-

ем в меньшей степени подвержены предрассудкам относительно их участия в политике), степень религиозности общества (приверженность религиозной догме — христианской, мусульманской или буддийской — негативно влияет на политическое участие женщин), особенности избирательной системы (разные избирательные системы создают разные условия для участия женщин в политике), финансовые возможности женщин (как правило, женщинам сложнее, чем мужчинам, аккумулировать финансовые средства на проведение избирательной кампании), предрассудки, существующие в обществе в отношении женщин-кандидатов⁵.

Американская исследовательница Пак Кён Э, длительное время занимавшаяся различными аспектами гендерной политики в РК, КНДР, предложила разделить факторы политического участия женщин на несколько видов: 1) позиционные; 2) ситуационные и 3) структурные⁶. Под позиционными факторами понимаются отношение как мужчин, так и женщин к проблеме представленности женщин в органах законодательной власти, а также их участия в процессах принятия важных политических решений.

В обществах конфуцианского типа участие женщин в политике традиционно рассматривалось как «неженское дело». Даже в условиях формального уравнивания мужчин и женщин в основных гражданских правах женщинам сложнее сломить стену предрассудков в отношении их политической активности. Как следствие, это во многом влияет на низкую избираемость женщин в национальные парламенты Японии, Южной Кореи.

Согласно статистике ООН, на 1 января 2010 г. количество женщин-депутатов в нижней палате национального парламента Японии составило 11,3 %, в верхней — 17,4 %, тогда как в Южной Корее — 14,7 %. В 2015 г. в Японии количество женщин-депутатов стало еще меньше — 9,5 % и 15,7 % соответственно в нижней и верхней палатах, тогда как в РК это число несколько выросло, составив 16,3 % (кстати, впервые в истории такое же количество женщин-депутатов было в ВНС КНДР)⁷.

Для сравнения можно сказать, что из всех стран с конфуцианской политической традицией самая высокая представленность женщин в парламенте наблюдается на Тайване: на выборах 2012 г. было избрано 38 женщин-депутатов, или 33,6 % всех членов парламента⁸. Количество женщин в народных собраниях КНР, СРВ колеблется в среднем от 21 до 24 %⁹. Но равно как и в КНДР, система избрания женщин в парламенты социалистических республик является квотированной, и в этом

смысле она не совсем подходит для выявления возможных проблем политического участия женщин (так как, по сути, женщины самостоятельно не решают вопросы расширения своего политического участия в обществе).

Ситуационные факторы включают в себя моменты социально-психологического характера, которые переживают многие женщины-политики. В принципе, до сих пор, несмотря на глобализацию, наиболее значимой социальной ролью женщины в восточноазиатском обществе остается забота о семье, детях. Отношение к женщине как прежде всего к матери серьезным образом ограничивает ее возможности участия в политике. У женщины-матери недостаточно времени, чтобы заниматься политикой или даже просто быть в курсе текущих событий. В тех же случаях, когда молодая женщина-мать вовлечена в политику, она может переживать комплекс вины или же порицания со стороны «женского сообщества». Как следствие, женщины чаще всего позже мужчин вступают в политику, после достижения их детьми подросткового возраста. Например, на выборах в парламент РК в 2016 г. по одномандатным округам было избрано всего 26 женщин, из них самой молодой женщине-депутату было 43 года (Квон Ын Хи)¹⁰, остальные, соответственно, старше этого возраста. Конечно, есть и очень необычные случаи, как избрание Жасмин Ли, женщины-эмигрантки с Филиппин, в возрасте 35 лет (2012 г.). Но это, скорее, исключение, чем правило, тем более что прошла Жасмин Ли в парламент по партийному списку от правящей партии «Сэнури», а не по одномандатному округу.

Под структурными факторами понимают особенности действующей в стране избирательной системы. Помимо этого, к ним можно отнести характерные черты политической культуры, форму политического режима (авторитарные режимы, как правило, поддерживают патриархальную структуру общества, ограничивая реальные политические возможности женщин), а также связь избирательной системы и расширения политического участия женщин.

Статистический анализ результатов выборов показывает, что в тех случаях, когда женщины избираются по партийным спискам, им легче пройти в законодательное собрание, нежели чем по одномандатным округам. В одномандатных округах избиратели чаще всего выбирают кандидатов-мужчин, а не женщин. По всей видимости, именно в ходе выборов по одномандатным округам предрассудки в отношении женщин-кандидатов срабатывают как нельзя лучше. Тогда как в тех

случаях, когда женщины числятся в списке от партии, их гендерная принадлежность не так бросается в глаза избирателя. Но здесь важно учесть наличие специальных законов, которые обязывают или стимулируют политические партии выставлять на выборах в законодательные органы власти определенное количество женщин-кандидатов. В противном же случае и это правило может неэффективно работать.

С 2002 г. в Республике Корея было частично изменено избирательное законодательство, а также нормативные акты о политических партиях, что в значительной степени повлияло на расширение политического участия южнокорейских женщин¹¹. В 2002 г. были внесены поправки в Закон о политических партиях (*чондан поп*): отныне политические партии обязаны включать в свои списки на выборах в парламент более 50 % женщин-кандидатов. В РК действует мажоритарно-пропорциональная система выборов, по которой 253 депутата Национального собрания (НС) избираются по одномандатным округам, а 47 — по партийным спискам (пропорциональной системе). В 2004 г. был принят Закон о материальных средствах политических партий (*чончхи чагыме кванхан помяноль*), по которому партии, выдвинувшие в одномандатных округах более 30 % женщин-кандидатов, получали дополнительное финансирование от государства на их предвыборную кампанию. В 2006 г. были пересмотрены Закон о выборах государственных служащих (*конджик сонго поп*) и Закон о материальных средствах политических партий. Теперь политические партии обязаны были выставлять в качестве кандидатов в депутаты более 50 % женщин не только на выборах в национальный парламент, но и в местные законодательные собрания (по партийному списку); были смягчены условия для дополнительного финансирования государством кандидатов-женщин: сейчас партии достаточно выдвинуть более пяти женщин на выборах в одномандатных округах по всей стране, чтобы получить финансовую помощь.

Политическое участие женщин в Южной Корее: ключевые достижения

Корейские женщины баллотировались в Национальное собрание РК, начиная с первых выборов в 1948 г. В первую избирательную кампанию, вопреки участию достаточно большого числа женских организаций и беспартийных, удалось пройти только одной женщине — Им Ён

Син (Женская национальная партия Республики Корея, *Тэхан ёджа кунминдан*). Вскоре она была назначена министром торговли и промышленности в первом правительстве Ли Сын Мана. В последующее десятилетие женщины по-прежнему были чрезвычайно мало представлены в составе законодательного собрания: в 1950 г. в Национальное собрание было избрано две женщины, в 1954 г. — одна, в 1958 г. — три, 1960 г. — одна¹². И это вопреки официальной пропаганде президента Ли Сын Мана (1948—1960) о важности привлечения женщин к решению государственных дел. Как говорил Ли Сын Ман в апреле 1948 г., «для учреждения подлинно демократического правительства также важна женская эмансипация. Избрание женщин в Национальное собрание поможет строительству государства»¹³. Наиболее яркими женщинами-политиками эпохи Ли Сын Мана были Им Ён Син, Ким Хвал Лан (почетный ректор университета Ихва, общественный деятель), Пак Сун Чхон (депутат НС 2, 4, 5, 6, 7-го созывов) и Пак Хён Сук (депутат НС 4, 6-го созывов). Большинство из них сделали себе политическую карьеру в годы японской оккупации как участницы национально-освободительного движения. Несмотря на свои политические заслуги и активность, роль этих женщин в южнокорейской политике была невелика при Ли Сын Мане и фактически сведена к нулю при Пак Чон Хи.

В период президентства Пак Чон Хи ни одна женщина не входила в состав правительства, процент участия женщин в НС колебался от 1 до 5,5¹⁴. Положительным явлением этого периода с точки зрения расширения политических возможностей женщин была более высокая степень активности женских общественных организаций по сравнению с предшествующим периодом. Общественная деятельность женщин приобрела ряд новых черт. *Во-первых*, благодаря государственной кампании «за новую деревню» в активную общественную деятельность оказались вовлечены сельские женщины, а *во-вторых*, развитие движения за демократизацию Кореи (*минджухва ундон*) содействовало появлению независимых, оппозиционных женских организаций. Для реализации целей «движения за новую деревню» в регионах повсеместно стали создаваться общества сельских женщин (*нончхон пунёхве*), которые должны были содействовать выполнению государственной программы по развитию деревни. Данные общества стали площадкой по обмену знаниями и опытом между женщинами разных поколений, выполняя во многом функцию объединений взаимопомощи.

Большую роль в развитии гражданского самосознания сельских женщин сыграла неправительственная организация, созданная формально под эгидой католической церкви: в 1976 г. было основано Корейское католическое общество сельских женщин (*Хангук католик нончхон ёсонхве*), имевшее филиалы во всех провинциях Южной Кореи. В отличие от обществ сельских женщин, данная организация преследовала конкретные цели развития женских прав: искоренения дискриминации в отношении женщин, ликвидации домашнего насилия, расширения трудовых возможностей, повышения уровня образования и создание благоприятных условий для воспитания детей¹⁵. Несмотря на то что общество именовалось католическим, его участницами могли стать и представительницы других конфессий.

В целом в годы военно-авторитарного режима Пак Чон Хи представительные органы власти функционировали номинально, поэтому говорить о расширении политического участия женщин в этот период можно говорить только в смысле все большей их вовлеченности в активную общественно-политическую работу. Изменение Конституции РК в 1987 г. и начавшаяся политическая либерализация обеспечили стабильный рост участия женщин в представительных органах власти на различных уровнях. С целью стимулирования политического участия женщин, а также совершенствования законодательства, обеспечивающего их политические возможности (например, введения обязательных квот для женщин среди кандидатов, баллотирующихся от партии в законодательное собрание и пр.), создавались специализированные центры и институты, а также учреждались новые общественно-политические женские организации.

С середины 1990-х годов наметился стабильный рост числа женщин в составе Национального собрания. В 1992 г. в парламенте РК их было всего три (из 299), в 2000 — 16 (из 273), в 2012 — 47 (из 300)¹⁶, 2016 — 51 (из 300)¹⁷. Все больше корейских женщин выдвигают себя в качестве кандидатов на выборах в представительные органы власти как на центральном, так и на региональном уровнях. Например, на выборах в Национальное собрание 1985 г. среди кандидатов в депутаты было всего 16 женщин, тогда как в 2000 г. — 69, а в 2012 г. — 152¹⁸. Эти цифры выглядели бы более оптимистично, если бы процент женщин в парламенте РК был сравнительно высоким. В действительности же не только процент низкий, но и в процессе выборов женщинам пока не удается набрать большого числа голосов. В 2000 г. на выборах в парламент им уда-

лось набрать всего 2,1 % из всех проголосовавших¹⁹. Такая «непопулярность» женщин-кандидатов на выборах в законодательное собрание сохраняется и по настоящее время, если учесть, что в действующем парламенте женщины составляют около 17 %.

Тенденция роста участия женщин в политике также наблюдается на уровне формирования центрального и провинциального правительств. В 2005 г. женщины составляли 6,5 % в центральном правительстве и 5,9 — на уровне провинций. В 2014 г. это соотношение уже было другим — 15,2 % против 9,7 %²⁰. Такой же стабильный рост числа женщин можно заметить в составе различных правительственных комитетов: в 2015 г. доля их участия составила 34,1 %²¹. Но наиболее впечатляющие успехи корейским женщинам удалось достичь в судебной сфере: с 2000 по 2014 г. количество судей-женщин выросло с 7,4 до 27,3 %, прокуроров — с 2,4 до 26,8 %, адвокатов — с 2,8 до 19,9 %²². Неуклонно растет занятость женщин в сферах массовой информации. По данным Korea Press Foundation, в 2013 г. женщины составили 29,2 % занятых в газетных изданиях, 23,5 % — в телерадиовещании, 35,4 % — интернет-газетах²³. При этом остается неясным, какие именно должности они занимают в СМИ РК.

Заключение

2000-е годы стали рубежом в истории политического участия корейских женщин: ломались предрассудки в отношении женщин-кандидатов на выборах, принимались законы, направленные на укрепление политических возможностей женщин. Заметно активизировалось женское общественное движение, инициировавшее кампании в поддержку женщин-кандидатов на региональных выборах, за введение квот для женщин в законодательных собраниях страны и пр. В большой степени то, что на сегодняшний день достигнуто корейскими женщинами в области их политических возможностей, является результатом непрерывного диалога женских общественных организаций с правительством РК в последние 20 лет²⁴.

Вместе с тем стоит отметить и ряд негативных явлений, которые продолжают ограничивать политическое участие корейских женщин. Тот факт, что женщины-кандидаты пока сильно уступают мужчинам на выборах в региональные законодательные собрания по одномандатным

округам, а также в парламент РК, говорит пока о наличии серьезных преград в процессе выдвижения женщин в качестве кандидатов от политических партий. Не меньшее значение имеет и тот факт, что в самих политических партиях женщины пока довольно редко занимают лидерские позиции. То же самое касается женщин-министров, женщин на высоких должностях в аппарате правительства, СМИ и пр. — пока они занимают весьма скромное положение. Иными словами, гендерные предрассудки в отношении женщин-политиков, женщин на высоких административных постах продолжают сохраняться в южнокорейском обществе, мешая тем самым расширению их политических возможностей.

Примечания

¹ UN Women Annual Report 2015—2016. P. ii.

² Women in Politics 2010, 2015. URL: http://www.un.org/womenwatch/daw/public/womeninpolitics2010/wmnmap10_en.pdf; URL: http://www.ipu.org/pdf/publications/wmnmap15_en.pdf

³ Jethro Pettit. Empowerment and Participation: Bridging the Gap between Understanding and Practice. P. 5. URL: <http://www.un.org/esa/socdev/egms/docs/2012/JethroPettit.pdf>

⁴ Ibid. P. 5—6.

⁵ Marshall H. Medoff. Determinants of the Political Participation of Women // Public Choice. 1986. № 48. P. 245—253.

⁶ Park Kyung-Ae. Political Representation and South Korean Women // The Journal of Asian Studies, 1999. Vol. 58. P. 432—448.

⁷ Women in Politics 2010, 2015.

⁸ 하영애. 동북아 여성의 정치참여. URL: <http://ecol.khu.ac.kr/KlasLecture.jsp?lectureID=9093&courseID=229>

⁹ Women in Politics 2010, 2015.

¹⁰ 장휘경. 20대 국회 지역구 여성 당선인들 명단...51명 중 26명. URL: <http://ilyoseoul.co.kr/news/articleView.html?idxno=132314>

¹¹ 국가기록원. 여성의원 할당제 도입. URL: <http://www.archives.go.kr/next/search/listSubjectDescription.do?id=009216&pageFlag>

¹² История женщин Кореи Нового и новейшего времени (*Хангук кынхёндэ ёсонса*). Т. 2 / под ред. Чон Гёнука, Ю Суннан, Ли Мёнсилль, Син Хисон. Сеул, 2011. С. 59—61.

¹³ Там же. С. 65.

¹⁴ Park Kyung-Ae. Ibid. P. 433.

¹⁵ Чу Ёнгён. Ом Ёнэ — участница женского сельского движения (*Ёсон нонмин ундонга Ом Ёнэ*) // Жизнь и деятельность корейских женщин (*Хангук ёсоный сальмгва хвальдон*). Сеул, 2000. С. 181—184.

¹⁶ Women in Korea, 2015. P. 66.

¹⁷ 장휘경. 20대 국회 지역구 여성 당선인들 명단...51명 중 26명. URL: <http://ilyoseoul.co.kr/news/articleView.html?idxno=132314>

¹⁸ Women in Korea, 2015. P. 66.

¹⁹ История женщин Кореи Нового и новейшего времени (*Хангук кынхёндэ ёсонса*). Т. 3. С. 75.

²⁰ Women in Korea, 2015. P. 68.

²¹ Ibid. P. 71.

²² Ibid. P. 69.

²³ Ibid. P. 74.

²⁴ Вопрос о роли женских общественных организаций в расширении политических прав и возможностей женщин является самостоятельной темой для исследования. Вместе с тем нельзя не отметить тот факт, что в 1990-е годы в РК стали создаваться различные общественные организации, ориентированные на расширение участия женщин в политике. В частности, в 1990 г. был создан Союз женщин-политиков (*Хангук ёсон чончхи ёнмэн*), в 1999 г. — Демократическое объединение за расширение политических прав женщин (*Ёсон чончхи серёк миндэжу ёндэ*), и др. В 1990-е годы также были созданы различные исследовательские центры, занимавшиеся вопросами политического участия женщин // Движение за расширение политических прав женщин Кореи (*Хангукый ёсон чончхи серёкхва ундон*). Под ред. Чо Хёнок, Сеул, 2005. С. 49—69.

Глава 8

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА КОРЕИ

В ЗЕРКАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

И.В. Цой

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КОРЕЙСКОЙ ПРОЗЫ В XX в.*

Статья представляет собой обзор основных тенденций развития корейской прозы XX в.: даётся общая характеристика каждого периода с выделением самых заметных его авторов, описываются ведущие темы, жанры и проблематика литературных произведений. На многочисленных примерах автор показывает, что в целом в корейской прозе прошлого столетия можно отметить три главных направления: литература, опирающаяся на традиционные элементы, модернистская и постмодернистская проза, социально ориентированная литература.

Ключевые слова: корейская проза XX в., современная корейская литература, тенденции развития корейской литературы.

Начать разговор об истории развития корейской литературы в XX в. хотелось бы с упоминания некоторых общих особенностей, характерных именно для корейской художественной традиции. Ведь в большин-

* Данное исследование было поддержано Министерством образования РК и Академией корееведения (AKS-2016-OLU-2250002).

This work was supported by the Core University Program for Korean Studies through the Ministry of Education of the Republic of Korea and the Korean Studies Promotion Service of the Academy of Korean Studies (AKS-2016-OLU-2250002).

стве случаев читатели, знакомящиеся с корейской литературой, невольно начинают воспринимать ее по аналогии с европейской литературной традицией, так как еще со школьной скамьи знакомы с произведениями европейских авторов и гораздо лучше ориентируются в прозе и поэзии этого типа культуры. Однако важно помнить, что при изучении литературы Кореи правильнее пользоваться иным методологическим аппаратом, другой терминологией, отличающейся от известной нам европейской. Конечно же, это не означает, что познание корейской литературы происходит изолированно, наоборот, дальнейший этап для любознательного читателя — это сравнение восточной и европейской литератур. То, что в Корее понимается под «художественной литературой», у европейцев может не вызывать такого же эстетического чувства, и наоборот. Не будет преувеличением и утверждение, что для корейца письменное слово имеет сакральное значение. С другой стороны, для понимания корейской литературы важны и фоновые знания, а именно знание истории и культуры Кореи, так как политическая и социальная история имеет огромное значение для развития её литературной традиции. Культурное влияние Китая, Японии, России, а впоследствии и Америки на духовные представления корейцев также значительно изменило литературные пристрастия последних. Зарубежными учеными и исследователями признается умение корейских авторов выделить из калейдоскопа европейских литературных традиций самые яркие черты и идеи и преобразовать их в собственно корейские. В итоге получается вещь, знакомая европейцу по очертаниям, но корейская изнутри.

В литературе прошлого столетия, особенно во второй половине XX в., представлены три ветви, или три основных направления: 1) литература, основанная на давних литературных традициях (например, элементы традиционной лирики в современной поэзии); 2) модернистская литература (позже постмодернистская), описывающая переживания во внутреннем мире, при этом герой, как правило, обращен к себе; 3) социально ориентированная литература, когда герой обращается к миру, взгляд его устремлен на других, в произведениях обсуждаются общественно-социальные проблемы. Конечно же, это очень условное деление, поскольку любой художественный текст содержит и те и другие элементы, присущие разным направлениям. В последнее время в современной корейской прозе появляется еще одна актуальная и новая для корейцев тема — тема «другого», тема корейской диаспоры — корейцев, которые по тем или иным обстоятельствам оказались за пределами Кореи. Те-

перь корейские авторы пишут не только о жителях Кореи, но и о тех соотечественниках, которые живут в других странах, в других регионах.

XX век — один из самых интересных периодов в истории развития корейской прозы и поэзии. Именно в этот период в литературном мире Кореи появляются самые известные авторы, которые определяют дальнейший вектор развития корейской литературы новейшего времени, литературы XXI в. Это тот период, который, с одной стороны, перенял и сохранил традиции классической корейской литературы, а с другой — воспринял идеи европейской литературы и, органично перенеся их на «корейскую почву», включил в общий контекст корейской художественной традиции. XX век для корейской литературы — это время расцвета такого жанра, как рассказ. В то же самое время появляются на свет и многотомные исторические романы-эпопеи (например, легендарный 20-томный исторический роман писательницы Пак Кённи «Земля», который переведен на несколько европейских языков).

Если традиционная корейская литература была двуязычной, и в этом заключалась одна из ее характерных особенностей (авторы зачастую писали на *ханмуне* — китайском литературном языке, и в таких произведениях часто встречались аллюзии на образцы китайской прозы и поэзии), то в XX в. в связи со сменой политических и социальных ориентиров корейские писатели уже в полную силу используют родной язык и письменность *хангыль*¹. Более того, многие авторы получают возможность экспериментировать с родным языком и находить новые способы выражения мысли. Соответственно, рождаются и новые художественные формы — развиваются новые структурно-архитектонические, пространственно-временные, ритмико-интонационные отношения, по-новому обыгрывается конфликт. Постепенно традиция отходит на второй план, хотя и сохраняется во многих произведениях как один из внутренних глубинных пластов.

Что касается периодизации литературы этого времени, то, как правило, корейские и российские исследователи выделяют два крупных временных периода — новая литература (первая половина XX в.) и современная литература (вторая половина XX в. и начало XXI в.). Каждый из этих периодов, в свою очередь, делится на более мелкие, например на десятилетия. Принцип такого разделения основывается на том, что историю развития корейской литературы рассматривают с точки зрения тех или иных исторических событий, произошедших в определенный период времени. Другими словами, для корейской литературы основная

тематика произведений выбранного периода, как правило, обусловлена определенным историческим моментом.

В начале прошлого столетия годы жизни и творческой деятельности многих корейских литераторов совпали с серьезным потрясением в жизни Кореи и корейского народа в целом. Страна была объявлена генерал-губернаторством, а корейцы — подданными Японской империи. Во второй же половине прошлого столетия историческим водоразделом становится Корейская война 1950—1953 гг., после которой Север и Юг Кореи подписывают Договор о временном перемирии, что приводит к факту окончательного разделения на два государства. Впоследствии появляется даже такой термин, как «литература разделенной нации» (*пундан-мунхак*). Для корейцев этот исторический факт и по настоящее время является национальной трагедией, которая до сих пор остается актуальной темой многих произведений.

Тенденции развития прозы первой половины XX в.

Возвращаясь же к первой половине XX в., надо сказать, что этот период в истории развития корейской литературы познакомил читателей с такими знаменитыми писателями, как Ли Квансу, Ким Тонин, Хён Чингон, На Тохян, Ём Сансоп, Ким Тонни, Ли Сан и многими др. Именно в этот исторический период рождается литературная критика и появляются первые профессиональные литературоведы. Одна из основных идей, которые обсуждаются в литературном мире Кореи тех времен, — это роль письменного слова в условиях новых исторических реалий, когда в конце XIX в. Корея перестает быть государством-отшельником и открывает свои границы остальному миру. Часть авторов были согласны с тем утверждением, что литература выполняет просветительскую функцию (Ли Квансу) и произведение должно строиться так, чтобы читатели получили новые знания. В то же время его оппонент, Ким Тонин, придерживался взгляда на литературу как на самоцель и писал согласно идее «искусство ради искусства». Ким Тонин утверждал, что произведения не должны быть дидактическими, морализаторскими. Он считал, что пусть автор пишет о том, что видит и слышит, о жизни такой, какая она есть. Примечательно, что эта литературная полемика берет свое начало еще в корейской традиционной литературе, и авторы нового времени лишь подхватывают эти два идейных вектора.

В целом в первой половине прошлого столетия развиваются такие художественные течения, как романтизм, натурализм, реализм, модернизм. Можно сказать, что это тот период, когда в корейской литературе можно было увидеть любые художественные направления, будь то перечисленные выше или такие течения, как имажинизм и дадаизм.

Тенденции развития прозы второй половины XX в.

В истории развития корейской литературы второй половины XX в. решающую роль сыграли два знаковых события, в полной мере отразившие неоднозначный и противоречивый дух эпохи: Корея вновь обрела независимость, но вскоре перестала быть единой. Освобождение страны дало возможность корейской литературе критически оценить своё наследие, оставшееся от времен японского владычества, и одновременно начать дискуссию о новом восприятии концепции «национальной литературы». Поэтому можно без преувеличения утверждать, что для литераторов этого периода (который несколько условно принято называть *периодом после Освобождения*), кардинальный вопрос относительно дальнейших путей развития корейской литературы был вызван к жизни велением самого времени. Создаются новые литературные сообщества, приходит новое поколение авторов, активизируется творческая деятельность.

Военный конфликт 1950—1953 гг. окончательно закрепил обособление Севера и Юга и выступил в качестве предпосылки разделения корейского народа. Именно война в Корее и ее последствия стали главной темой для литературы 1950-х (Хван Сунвон, Ан Сугиль, О Санвон, Сон Чхансон, Ли Хочхоль). Основная проблематика, которая в этой связи волнует корейских литераторов, — сопротивление бездушным механизмам военного времени, а также смысл человеческого существования в условиях войны и её последствий.

В конце 1950-х годов корейское общество постепенно отказывается от того состояния, в которое оно было погружено войной. Данный процесс ознаменовался появлением первых ростков сопротивления системе с её идеологическими установками (Пак Кённи, Чхе Инхун, Ли Чхончжун, Ким Сынок). Соответственно, корейская литература также начинает преодолевать в себе инерцию предыдущих лет, задумываясь о новых жизненных ориентирах и ценностях. С новой силой возобновля-

ется полемика о роли литературы в социуме и обсуждается степень участия литераторов в общественной жизни.

Пережив события апрельской революции 1960 г., корейская литература показывает в своих произведениях новые тенденции как в передаче духовного и эмоционального настроения, так и в технических приёмах. Наследие войны и разделение страны становятся неотъемлемой частью реальной жизни, однако писатели пытаются перевести взгляд с военных событий на образ жизни отдельного человека, включая самих себя, а также на связь личных жизненных переживаний с общественным опытом.

В последовавшие 1970-е — годы военной диктатуры, корейское общество испытывает стремительные социальные перемены в связи с ростом внутривластного насилия и продолжающейся индустриализацией. Например, этой проблеме посвящен цикл рассказов «Мячик, подброшенный карликом ввысь» Чо Сехи².

В это время вновь пересматриваются общие представления о национальной литературе, поднимается вопрос о том, что есть реализм, набирает силу концепция народной, популярной литературы. В качестве побочного продукта процесса индустриализации литература приобретает вид массового общедоступного чтения, так как издательское дело и книгопечатание развиваются с новой силой, что приводит к изданию больших тиражей и общедоступности художественной литературы широким слоям населения.

В период 1980-х годов, которые были отмечены началом демократизации, корейская литература не перестает остро реагировать на разнообразие происходящих перемен (Хван Согён, Ким Вониль, Ли Мунёль). В контексте изменений, связанных с ослаблением идеологического противостояния на Корейском полуострове и ростом открытости общества, она демонстрирует новые подходы к непреходящей проблеме разделения страны, а также стремится придать художественную форму извештым событиям демократического движения в г. Кванчжу.

Можно перечислить основные темы, к которым обращаются авторы во второй половине прошлого столетия:

1) тема города — современного мегаполиса (отношения между людьми, живущими в большом городе; рассказы о лишних людях, о маргиналах, не вписывающихся в рамки современного корейского общества);

2) тема семейных отношений (новые представления о семье, тема отчуждения в семейных отношениях, тема свободной любви);

3) тема потери традиционных корней и возврата к истокам корейской национальной культуры;

4) воспоминания о войне (авторы — поколение писателей, которые в годы войны были детьми, подростками), тема разделенных семей, разделенной Кореи;

5) статус корейской женщины, её роль и место в современном обществе;

б) тема конфронтации между человеком и системой, государственной машиной, связанные с этим политические и философские вопросы.

Корейская литература конца XX в. больше внимания уделяет частной жизни, а не социальным процессам. Иначе говоря, конец прошлого столетия в Корее — это эпоха потребления, когда на первый план выходят проблемы частного, а не общего: человека беспокоят не те «глобальные» вопросы, которые связаны с социальной жизнью общества, а то, как он проживает свою отдельно взятую жизнь в новых условиях, как воспринимает новую действительность и умеет ли к ней адаптироваться. Эти изменения повлияли и на структуру произведений. С развитием художественных форм всё больше разрушаются границы между элитарным искусством и массовой культурой. Появляется целый ряд оригинальных и самобытных авторов: Пак Мингю, Ким Ёнсу, Ким Ёнха и др.

Эта тенденция проявилась ещё и в том, что в ходе демократизации внутренняя структура корейского общества всё больше усложнялась. Роман перестал быть выражением общественного сознания мужчин-интеллектуалов. Автором и героем произведения мог стать кто угодно, независимо от гендера, поколения и класса. Сфера изображаемого тоже расширилась: если прежде литература традиционно освещала политические и общественные вопросы, то в современных текстах появились интроспекция, внутренний мир героя, в них нашлось место для воображения, фантазий и бессознательного.

В целом можно сказать, что литература 1990-х годов предлагает новую парадигму. Время и место действия героев современного корейского романа — постиндустриальное общество. Однако по-прежнему остаются значимыми такие темы, как: контрасты между традиционной системой ценностей и постиндустриальным обществом; традиционный менталитет и постиндустриальная реальность; корейская деревня и ультрасовременный мегаполис; консервативные взгляды и радикальные концепции. В связи с притоком в Корею иностранной рабочей силы и ростом числа международных браков появляется тема межкультурной

коммуникации. Писатели устремляют взгляд из будущего на события прошлого: национальное разделение все еще остается актуальной тематикой, появляются мемуары (например, воспоминания о Корейской войне глазами детей). В прозе происходит обращение к миру ощущений и вкусов. Например, это ранняя проза Син Кёнсук и Юн Тэнёна. Эти авторы уделяют пристальное внимание внутреннему миру человека и его переживаниям. Становится популярным такое направление, как корейский постмодернизм. Авторы обращаются к бодрийеровской концепции симуляции и симулякров, появляются так называемые метатексты (сказывается влияние на литературу поп-культуры и арт-культуры). Границы между высокой литературой и массовой литературой становятся размытыми. Все больше сюжетов посвящается героям — представителям маргинальных слоев либо представителям субкультур. С другой стороны, все более яркой и сильной становится женская проза. Появляется больше авторов-женщин, которые в своем творчестве рассматривают проблемы, связанные с ролью женщины в семье и обществе, с изменениями морально-этических взглядов, вызванных переменами в экономической и духовной жизни страны. Героини их произведений будто бы бросают вызов времени (Пак Вансо, Син Кёнсук, Ын Хигён). Писательницы выделяются своим оригинальным видением мира, особым стилем. Все они работают в разных жанрах, но важное место в их творчестве по-прежнему продолжает занимать рассказ.

Героев, представленных в прозе конца 1990-х, можно условно описать так: они включают компьютер, как только просыпаются утром, слушают музыку в Интернете и предпочитают безликость круглосуточных маленьких магазинчиков. Они гораздо уютнее чувствуют себя среди созданных человеком конструкций, чем на природе, и предпочитают отношения без трудностей, которые они заводят онлайн, отношениям оффлайн. Примечательно то, что большая часть этого созданного человеком мира — реального или воображаемого — помещена в рамки под названием «популярная культура». Так, воспоминания героев ассоциируются с песнями популярных певцов, названиями модных марок одежды и коммерческим производством фильмов.

В целом развитие современной литературы в Республике Корея проходит в русле общих тенденций развития мировой литературы. В последнее время происходит постепенная беллетризация корейской литературы. Среди бестселлеров оказываются такие произведения, как женские романы, детективная литература, психологические триллеры, ли-

тература в жанре *фэнтези*. Широкое распространение получают комиксы. В последнее время предпринимается попытка популяризовать корейскую литературу за пределами Корейского полуострова, в связи с чем наблюдается значительное увеличение объема переводов корейской литературы на многие языки мира. Не последняя роль в сближении корейской и западной культур отводится писателям и поэтам корейской национальности, проживающим за пределами страны.

Учитывая многообразие тем и жанровых особенностей корейской современной литературы, можно предположить, что в России изучение литературы данного этапа — процесс долгий и увлекательный, требующий пристального взгляда на проблемы и вопросы, которые поднимает корейская литература XX и начала XXI в.

Примечания

¹ Таких авторов начинают называть «поколением писателей, пишущих на *хангыле*».

² На русский язык переведены два рассказа: Чо Сехи. Мячик, запущенный карликом ввысь (первая часть) // М.В. Солдатова, К.А. Пак. Современная литература Кореи: учебное пособие. Владивосток, 2003. С. 245—258; Чо Се Хи. Железный город. Пер. Г.Е. Рачкова // Золотая птица Гаруда. Рассказы современных корейских писателей. СПб, 1994. С. 197—212.

М.В. Солдатова

МЕЖДУ КОЛЛЕКТИВНОЙ И ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПАМЯТЬЮ: КОРЕЙСКАЯ ВОЙНА (1950—1953) В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И МЕМУАРАХ

В статье рассматривается процесс формирования коллективных представлений северных и южных корейцев о причинах, сущности и последствиях Корейской войны (1950—1953 гг.) — серьезнейшей трагедии в истории корейской нации. Анализируя соответствующие художественные тексты южно- и северокорейских писателей, а также свидетельства иностранных участников событий, автор выявляет и сравнивает структуру, состав и «болевы́е точки» коллективной памяти южных и северных корейцев о войне, изучает связь между коллективной и индивидуальной памятью о произошедших событиях.

Ключевые слова: Корейская война, корейская литература, коллективная память, мемуары.

Феномен коллективной памяти как совокупности представлений определенного сообщества о своей истории привлекает внимание исследователей уже более 100 лет. М. Хальбвакс, а вслед за ним П. Нора, Я. и А. Ассман и др. подчеркивают, что такие представления играют важную роль в самоидентификации членов сообщества, а также оказывают существенное влияние на индивидуальные воспоминания и их

оценку. В статье «Коллективная и историческая память»¹ М. Хальбвакс отмечает, что само функционирование индивидуальной памяти невозможно без неких инструментов — слов и идей, не придуманных индивидом, а заимствованных им из его среды.

Речь, в первую очередь, идет о том, что осознание любых впечатлений происходит через их вербализацию. Память, особенно мужская, вообще хранит в основном вербализованную информацию, вытесняя непосредственные, неосознанные впечатления в подсознание или изгоняя их вовсе. Иногда, с приобретением человеком новых знаний и возникновением новых контекстов, эти неосознанные личные впечатления вербализуются и вписываются в коллективную историю. Отсюда следует, что важны уже сами понятия и слова, посредством которых происходит описание впечатлений, и то поле, в котором происходит описание, историко-политический дискурс.

В статье «Представления индивидуальные и представления коллективные» Э. Дюркгейм подчеркивал, что коллективные представления имеют принципиально иную основу, нежели индивидуальные². Коллективная память, столь необходимая для решения определенных социальных задач, — это память исключительно вербализованная. Кроме того, эта память не предполагает случайных образов и обязана являть собой некую систему, логичную хотя бы на неаналитический взгляд. События становятся объектом коллективной памяти, будучи трактованы тем или иным образом, и именно в этой трактовке приобретают своего рода вечное значение. (Вечное, если таковое значение не будет намеренно удалено из политического дискурса через запрет на воспроизведение либо, в крайнем случае, уничтожение текстов, имеющее место, например, в КНДР.) Актуализация, т. е. пересоздание и воспроизведение этого значения, происходит в бесконечном множестве текстов — публицистических, научных и, конечно, художественных.

Противники в войне не могут не предлагать жестко конкурирующих трактовок событий, но в случае гражданской войны или войны между частями некогда единого государства формирование негативного образа противника неизбежно сопровождается реформированием всей системы представлений об общей истории.

Война 1950—1953 гг. закрепила разделение Кореи. И теперь, когда в изменившейся международной политической ситуации то и дело обсуждается объединение страны, интересно было бы, проанализировав художественные тексты южнокорейских и северокорейских авторов о Ко-

рейской войне, выявить и сравнить структуру, состав и «болевы́е точки» коллективной памяти южных и северных корейцев о военных событиях.

Сначала хотелось бы представить список произведений, составивших базу исследования. Отметим, что в советский период произведения северо-корейских писателей, в том числе и о войне, переводились на русский язык достаточно активно. В итоге, несмотря на нынешнюю затрудненность информационного обмена с КНДР, мы располагаем уникальными материалами для проведения сравнительного анализа. После развала СССР и установления дипломатических отношений с РК уже совсем другие переводчики стали знакомить российских читателей с южнокорейской литературой.

Северо-корейские источники:

Из переведенного на русский язык³:

1. Корея сражается: сборник стихов корейских поэтов. 1950—1952. Пхеньян: Деп. культ. связи с заграницей М-ва культуры и пропаганды КНДР, 1953.

2. На страже мира: сборник стихов корейских поэтов. 1951—1953. Пхеньян: Деп. культ. связи с заграницей М-ва культуры и пропаганды КНДР, 1954.

3. 조선은 투쟁한다: 중편소설, 단편소설, 오체르크. 한설야, 리태준, 한봉식, 감사랑 등에 의한 작품이 들어감, 1952*: Корея борется. Повести, рассказы, очерки / сост. Д. Усатов. ред. Н. Ким. М.: ИЛ, 1952. Авторы: Хан Сер Я, Ли Тхэ Дюн, Хан Бон Сик, Ким Са Рян и др.

4. 한설야 «대동강», 1952: Хан Сер Я. Тэдонган. М.: ИЛ, 1959, 1961;

5. 황건 «행복»: 장편소설, 1953: Хван Ген. Счастье. Роман. Пхеньян: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1955.

6. 천세봉 «싸우는 마을 사람들»: 중편소설 (Пер. с английского), 1953: Чен Се Бон. Люди борющейся деревни. Повесть. Благовещенск: Амурское книжное изд-во, 1958.

7. «승리»: 단편집, 1955*: Победа: Сборник рассказов. Пхеньян: М-во культуры и пропаганды КНДР, 1955.

8. «조선 영웅들의 단편집»*, 1956: Рассказы героев Кореи / Ред.-сост. полк. Н. Денисов [Записаны полк. В. Старицыным и др.]. Москва: Военное изд-во Министерства обороны Союза ССР, 1956 (туда вошел рассказ китайского летчика Чжао Бао-туна) (сборник включает переводы воспоминаний участников боевых действий на стороне Севера, обработанные российскими военными).

9. «개벽»: 단편집: 이기영, 정자경, 리북명, 권정룡, 황건, 천세봉, 윤시철, 박웅걸, 변희근, 유한립에 의한 작품이 들어감, 1956*: Рождение мира. Рассказы. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1956. Авторы: Ли Ги Ен, Ден Дзя Ген, Ли Бук Мен, Квон Дзон Лён, Хван Ген, Чон Се Бон, Юн Си Чер, Пак Ун Гер, Бён Хи Гын, Ю Хан Лим.

10. 박웅걸 «조국»: 장편소설, 1956: Пак Ун Гер. Отечество. Роман. М.: ИЛ, 1962.

11. «가장 사랑하는...»: 조선에서의 중국 인민 지원병들에 대한 중국 작가들의 단편 소설과 오체르크 (Пер. с китайского), 1957*: Самые любимые: Рассказы и очерки китайских писателей о китайских народных добровольцах в Корее / Предисл. и ред. В. В. Юрзанова. Москва: Военное изд-во Министерства обороны Союза ССР, 1957.

12. «나루터»: 단편집. 박운걸, 김만성, 김복향, 병희근, 홍파, 김재규 등에 의한 작품이 들어감, 1960*: На переправе. Рассказы. М.: Военное изд-во Министерства обороны Союза ССР, 1960. Авторы: Пак Ун Голь, Ким Ман Сон, Ким Бук Хян, Пён Хи Гын, Хон Пха, Ким Чэ Гю.

13. 황건 «불타는 섬»: 단편집, 1960*: Хван Ген. Остров в огне. Рассказы. М.: Военное изд-во Министерства обороны Союза ССР, 1960.

14. 육세중 «시련속에서»: 장편소설, 1960*: Юн Се Дюн. Испытание. Роман. М.: «Молодая гвардия», 1960.

15. 박웅걸 «교환원»: 단편집, 1963*: Пак Ун Гер. Телефонист. Рассказы. М.: Военное изд-во Министерства обороны Союза ССР, 1963.

В.Е. Сухинин, посол России в КНДР (2006—2012 гг.), любезно предоставил в наше распоряжение книги на корейском языке из личной библиотеки, а именно:

16. «철벽의 요새»: 시집, 1968 [Железная крепость: Сборник стихов].

17. 김재규 «진선 지구», 1969 [Ким Чжэгю. Прифронтная полоса].

18. 정창윤 «포성», 1971 [Чон Чхангюн. Канонада].

19. 김봉식 «적후의 수리개», 1973 [Ким Боньсик. Коршуны в тылу врага].

Южнокорейские источники:

Из переведенного на русский язык:

1. 황순원 «학», 1953: Хван Сунвон. Белые журавли // Сезон дождей: Рассказы современных корейских писателей. СПб.: Петерб. востоковедение, 1995.

2. 오상원 «유예», 1955: О Санвон. Отсрочка» // Солдатова М.В., Пак К.А. Современная литература Кореи. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2003.

3. 손창섭 «비 오는 날», 1956: Сон Чхансоп. Ненастные дни // Золотая птица Гаруда: Рассказы современных корейских писателей. СПб.: Петерб. востоковедение, 1994.

4. 하근찬 «수난 이대», 1957: Ха Гынчхан. Что отцу, что сыну // Золотая птица Гаруда: Рассказы современных корейских писателей. СПб.: Петерб. востоковедение, 1994.

5. 박경리 «불신 시대», 1957: Пак Кённи. Эпоха неверия // Золотая птица Гаруда: Рассказы современных корейских писателей. СПб.: Петерб. востоковедение, 1994.

6. 최인훈 «광장», 1960: Чхе (Цой) Ин Хун. Площадь. М.: Готика, 2002;

7. 황순원 «너와 나만의 시간», 1964: Хван Сунвон. Время для тебя и меня // Иностранная литература. 2016. № 11.

8. 박완서 «그 살벌했던 날의 할미꽃», 1977: Пак Вансо. Цветы анемона тех дней, когда убивали в боях // Нева. 2010. № 3.

9. 박완서 «공항에서 만난 사람», 1978: Пак Вансо. Встреча в аэропорту // Koreana. 2010. № 2.

10. 박완서 «그 많던 싱아는 누가 다 먹었을까», 1992: Пак Вансо. Забытый вкус кислички. М.: Время, 2016 (в основу книги легли реальные события из жизни писательницы, можно сказать, что она представляет собой художественные мемуары).

11. 이호철 «남녘 사람, 북녘 사람», 1996: Ли Хочхоль. Южане и северяне. СПб.: Гиперион, 2014.

12. 구효서 «소금 가마니», 2005: Ку Хёсо. Мешки с солью // Иностранная литература. 2016. № 11.

13. 김연수 «뿌녕쉬», 2005: Ким Ёнсу. Словами не передать // Иностранная литература. 2016. № 11.

Для полноты картины в базу для анализа были включены и другие яркие, но еще не опубликованные на русском языке произведения тех писателей, чьи имена знакомы российскому корееведческому сообществу:

14. 김동리 «홍남 철수», 1955 [Ким Донни. Эвакуация из Хыннама].

15. 박완서 «부처님 근처», 1973 [Пак Вансо. В царстве Будды].

16. 이문열 «사과와 다섯 병정», 1981 [Ли Мунёль. Яблоки и пятеро солдат].

17. 이동하 «과편», 1983 [Ли Донъха. Осколок].

Также хотелось бы уделить внимание двум книгам западных авторов. Первая из них, под названием «Солдат», — это мемуары генерала М. Риджуэя, профессионального американского военного, командовавшего войсками ООН в Корее, а вторая — мемуары британского солдата Дж. Танстола «Я воевал в Корее».

Выступления Ким Ир Сена в связи с различными событиями Корейской войны можно найти в книге: Ким Ир Сен. «Об отражении вооруженного нападения американских империалистов и достижении победы в отечественной освободительной войне». Пхеньян: 104 чучхе (2015).

Объективно Корейскую войну по характеру боевых действий сторон и военно-политическим результатам можно подразделить на четыре этапа:

I. Начало войны, наступление Корейской народной армии (КНА) до р. Нактонган. (25 июня — 14 сентября 1950 г.)

II. Контрнаступление американских и южнокорейских войск и их продвижение по территории КНДР. (15 сентября — 24 октября 1950 г.)

III. Вступление в войну китайских народных добровольцев (КНД). Отход американских и южнокорейских войск из КНДР. Боевые действия в районах, прилегающих к 38-й параллели. (25 октября 1950 г. — 9 июля 1951 г.).

IV. Боевые действия в ходе переговоров о перемирии. (10 июля 1951 г. — 27 июля 1953 г.)

Посмотрим, как эти события отразились в художественной литературе и мемуарах.

Литературная жизнь в КНДР протекала в русле генеральной линии партии. С самого начала войны перед писателями были поставлены конкретные пропагандистские задачи, определившие в итоге облик северо-корейской военной литературы.

В своем обращении к корейскому народу 26 июня 1950 г. Ким Ир Сен определенно указывает на врага — это США. Правительство Ли Сын Мана он называет не иначе как «марионеточным» (в некоторых абзацах это слово встречается по несколько раз), использует по отношению к нему такие словосочетания, как «антинародная лисынмановская фашистско-марионеточная власть»⁴. Говорит о том, что народ Южной Кореи, жаждущий объединения, бедствует, будучи обремененным непомерными налогами.

Руководитель КНДР ставит вопрос: «Станет ли корейский народ колониальным рабом или будет сражаться за сохранение свободы, неза-

висимости и чести?»⁵ После присоединения к боевым действиям китайских народных добровольцев Ким Ир Сен все чаще утверждает: «Цель американцев — превратить Корею в плацдарм для вторжения в Азию и, в первую очередь, в великий Китай»⁶. То есть речь идет не о помощи Китая Корее, а о том, что Корея и Китай борются с общим врагом, что похоже на правду.

Примечательно, что в мемуарах британца Танстолла мы читаем о презрительном отношении американцев ко всем азиатам: «Белые зовут всех корейцев и китайцев “туками”, держат их за существ низшего порядка»⁷. Судя по всему, американцы не чувствовали никакого единства с союзническими южнокорейскими войсками. Даже генерал Риджуэй признает это: «Еще один вопрос тревожил войска, и он имел решающее значение. Это вопрос: почему мы вообще воюем? Какого чёрта делаем мы здесь, в этой забытой богом стране?»⁸ Как Танстолл, так и Риджуэй (хоть и с противоположных идеологических позиций) пишут в основном о сражениях с китайцами. Риджуэй в одном месте упоминает, что южнокорейцев привлекали для строительства укреплений, еще в одном — досадует, что на линии фронта войска Ли Сын Мана действовали бестолково. Танстолл говорит, что от действий войск ООН повсеместно страдали местные жители.

Другая ситуация с участием в Корейской войне китайских народных добровольцев. Северокорейцами они воспринимаются, как братья. После войны рассказы китайских добровольцев о военных событиях не только публикуются отдельно в большом количестве (Ян Шо. «Страна гор и рек», 1956; Лао Шэ. «Высота безымянная», 1958; Лю Бай-юй. «Неугасимое пламя», 1959; Хань Фэн. «Восточный фронт», 1959), но и включаются в сборники вместе с рассказами северокорейцев (см., например, сборник «Рассказы героев Кореи»). В результате можно сказать о северокорейской военной литературе следующее:

1. Враг четко обозначен. И этот враг, в первую очередь, — американские империалисты.

В документальном рассказе Ан Чан Кука «На поле боя» из сборника «Рассказы героев Кореи» читаем: «Помощник командира разведывательного взвода по-английски приказал солдатам бросить оружие и поднять руки вверх. Солдаты обернулись на голос, *но не поняли приказа* (курсив М.С.). Тогда разведчики набросились на них и захватили обоих в плен»⁹. Вряд ли тут дело было в плохом произношении; интересно, почему разведчики были уверены, что имеют дело с американцами?

В текстах широко используется не только слово «враг» («적») как таковое, но и такие словосочетания, как «(американские) империалистические бандиты» («미제날강도들»), «империалистическая захватническая армия» («미제침략군»), «империалистические шакалы» («미제승냥이들»), «империалистические наемники» («미제고용병들»). Есть соотечественники, которых нужно освободить, и есть пришлые враги. Никто с северокорейской стороны не хочет замечать, что у части врагов те же корейские лица. То есть война вообще не позиционируется как гражданская. Вполне вписываются в общую картину дружественные китайские добровольцы.

2. Война представлена как нечто организованное, как цепь спланированных и продуманных операций, именно боевых. В таком контексте на передний план зачастую выдвигается фигура человека, отдающего приказы: руководителя конкретного военного подразделения или даже самого народного Вождя (Ким Ир Сена, как мы знаем, хотя он и не называется нигде по имени). Жизнь людей, не участвующих в боевых действиях, сводится к встречам—проводам участвующих. Авторы документальной прозы — военные разных родов войск — рассказывают в основном о боевых операциях, приводя большое количество технических деталей.

3. Налицо некий паранормальный гротеск, совершенно не характерный, кстати, для литературы СССР. В «жарких боях» северокорейские солдаты «героически» и многократно «протыкают врагов штыками», оставляя их отвратительные трупы «гнить в поле». При этом ценности не имеет не только жизнь врага, но и собственная. Интересно, что, глядя на противника со стороны, Танстолл замечает: «Китайцы... словно хотели доказать, что смерть того или иного из них не имеет значения, ибо невозможно уничтожить все многомиллионное население Китая»¹⁰.

4. Именно в контексте данного исследования в качестве особенности северокорейской военной литературы можно назвать неизменность ее параметров на протяжении всего периода существования, очевидную ригидность.

Некоторые особенности литературы Северной Кореи определенно связаны с тем, что в ней реализуется утратившая почти повсеместно актуальность «революционная модель времени», в контексте которой «представляется известным, что из прошлого нужно сохранить, чтобы подготовить будущее. Известно также, что нужно отменить, что забыть, а при необходимости и насильственно уничтожить»¹¹.

Можно сказать, что в северокорейской литературе не нашло отражения «ускорение истории», о котором заговорили во второй половине XX в. западные философы. На фоне осознания этого «ускорения» и разрыва настоящего с прошлым при неопределенности будущего стали активно обсуждаться механизмы упорядочения исторических фактов, был поднят вопрос о соотношении памяти и истории. П. Нора пишет: «Память — это жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы, и в этом смысле она находится в процессе постоянной эволюции, она открыта диалектике запоминания и амнезии, не отдает себе отчёта в своих последовательных деформациях, подвластна всем использованиям и манипуляциям, способна на длительные скрытые периоды и внезапные оживления. История — это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет»¹².

Не случайно в вышеприведенном списке произведения расположены в порядке их выхода в свет. М. Хальбвакс высказывал мнение, что коллективная память о значимых исторических событиях, в том числе травмирующих, начинает формироваться примерно через 15 лет после таковых ввиду того, что около 15 лет остается продуктивной несистемная индивидуальная память непосредственных участников событий. И в принципе творчество корейских писателей подтверждает данное мнение. При этом, например, А. Ассман в своей книге «Длинная тень прошлого...» обращает внимание на то, что в первые 15 лет после Второй мировой войны практически не обсуждался Холокост. Травмирующее прошлое замалчивалось, табуировалось¹³. О Корейской войне того же не скажешь.

В южнокорейских произведениях первых послевоенных лет чувствуется растерянность от того, что недавние друзья вдруг стали врагами («Белые журавли»), и в ненужной войне с этими друзьями—врагами приходится рисковать самым ценным, что есть у человека — жизнью («Отсрочка»). Присутствует отчетливое ощущение хаоса, безнадежности («Ненастные дни»), вторжения в жизнь людей сил, сродни природным, не поддающимся контролю и не знающим чувства справедливости («Эвакуация из Хыннама» или «Эпоха недоверия», где муж героини погибает во время бомбежки Сеула формально дружественными РК силами ООН).

И вот в 1960 г. выходит знаковое произведение Чхве Инхуна «Площадь», в котором автор предельно откровенно устами своего героя объясняет, что и почему произошло с Корейским полуостровом. Говорит о

том, что после освобождения полуострова от японцев отдельные люди, понимавшие глобальный расклад политических сил, стремясь к власти и/или деньгам, вовлекли в свои игры народ, по большей части вообще не разбиравшийся в политике и не имевший каких-либо четких убеждений. Оказавшиеся в экстремальных обстоятельствах, люди из страха, злости или слабости, за безнаказанностью стали вести себя не самым рациональным и благородным образом в каких-то слабо связанных друг с другом ситуациях. Все это чистая правда, но совершенно непонятно, как с этой правдой можно было бы жить дальше. Не случайно главный герой романа Ли Мёнджун не отваживается сделать окончательный выбор между Севером и Югом и, имея потенциальную возможность уехать в нейтральную страну и при этом представляя, какая жизнь ждет его на чужбине, кончает жизнь самоубийством.

В своих мемуарах, написанных в 1992 г., через много лет после окончания войны, Пак Вансо рассказывает, как её брат, имеющий изначально левые взгляды, отказывается от них ради работы, а после начала войны никак не может решить, к кому примкнуть, и в итоге не вполне добровольно уходит на Север. Мать, не разбирающаяся в политике, чувствует, что левые взгляды могут довести сына до беды, и требует отказаться от них, но, не в силах видеть родного человека сломленным, заявляет: «И на что только не пойдешь, чтобы не помереть с голоду!»¹⁴

Следует отметить, что именно на 1960 г. пришелся пик гражданской сознательности и активности образованного населения РК. Активности, вскоре загнанной военщиной Пак Чонхи в узкие рамки.

Срочно понадобился дискурс, который, способствуя консолидации общества, позволил бы ему справиться с перенесенной травмой, задал бы гневу направленность конструктивную, а не деструктивную (с точки зрения власти). Описанные еще З. Фрейдом защитные механизмы, они же средства самообмана, которые на индивидуальном уровне включаются бессознательно, в историко-политическом дискурсе, не имеющем бессознательного, задействуются умышленно, вытесняя определенные мотивы, замещая, проецируя и рационализируя неприемлемые чувства.

В результате в южнокорейской литературе имеем следующее:

1. Мысль о том, что с обеих сторон были виноваты конкретные не очень хорошие люди, постепенно вытесняется. Ей на смену приходит сколь гуманная, столь и лукавая мысль, что виноваты все и никто конкретно. Так, например, в рассказе Пак Вансо «В царстве Будды» брата героини убивают абстрактные правые, отца — абстрактные левые. Поч-

ти нигде не встречается слово «враг». Армии называются так, как назывались по-настоящему, — «Корейская народная армия» («조선인민군») и «Национальная армия Республики Корея», она же в переводе «Национальная армия» или «Национальная армия Кореи» («대한민국 국군»). Это иногда даже мешает восприятию переведенного текста, требуя хотя бы минимальной исторической подкованности. Особенно учитывая, что на европейские языки слова «조선» и «대한민국» переводятся как «Корея».

Американцы, с отношением к которым ввиду вышеупомянутых причин оказалось трудно определиться, упоминаются не так уж часто, в основном как хозяева складов, на которых хранятся продукты и вещи, столь необходимые нищим корейцам, либо как насильники.

Практически не упоминаются китайские народные добровольцы, численность которых, по разным оценкам, достигала 2 млн человек и участие которых в войне (что очевидно для американского военного командования, в частности генерала Риджуэя) определило её исход. Тем больший интерес вызывает рассказ южнокорейского писателя Ким Ёнсу «Словами не передать», в котором повествование ведётся от лица китайца, но вполне в духе принятого в Южной Корее отношения к войне: китаец показан как человек, ставший вместе с корейцами заложником обстоятельств, пытающийся выжить, чувствующий и переживающий.

2. Война ассоциируется с хаосом, нарушением естественного хода событий. Не случайно повторяется мотив сексуального насилия, и если герой Чхве Инхуна совершает его из злости на самого себя и на ситуацию, может быть, из желания вернуть себе контроль хоть над чем-нибудь или кем-нибудь (как, согласно современной теории психопатологии, обычно и случается), то впоследствии насилие представляется уже не только безусловным злом — источником зла, но и контекстом, в котором люди получают шанс быть людьми: дарит парализованной женщине возможность родить ребенка («Яблоки и пятеро солдат»), а пожилым женщинам — вспомнить о своей физиологической природе («Цветы анемона...»), совершить подвиг.

Устойчивым оказывается мотив паралича в качестве метафоры безволия, невозможности что-либо изменить («Ненастные дни», «Яблоки и пятеро солдат»), а также мотив увечья («Что отцу, что сыну»). Нужно учесть, что с гармоничным обликом человека, разумеется, со всеми положенными конечностями, в традиционной литературе, в частности в *хянга*, ассоциировалось гармоничное состояние общества. В рассказе

«Осколок» осколок снаряда, который не удастся извлечь, становится символом неискоренимых последствий войны, непреодоленной душевной травмы.

3. Актуальным остается мотив жажды жизни, отодвигающей на второй план моральные соображения. Эта жажда жизни как личное переживание описывалась в таких произведениях послевоенных лет, как «Отсрочка», «Время только для нас», а потом в результате рационализации трансформировалась в универсальное оправдание всех и вся ввиду того, что и на фронте, и в городах люди просто пытались выжить, на что имели полное право («Встреча в аэропорту», где много раз подчеркивается, что корейцев, тащивших что ни попадя с американской базы, нельзя считать ворами; «Мешок соли», где героиня кормит своим соевым творогом солдат сначала одной, а потом другой армии). Примечательно, что именно на эту тему имели дискуссию А.И. Солженицын с В.Т. Шаламовым: возможно ли в реальности, а не в литературе руководствоваться моральными соображениями при угрозе самой жизни человеческой.

Таким образом, южнокорейские писатели, в отличие от северокорейских, не увлекаясь возложением вины за произошедшее на противника и героизацией служащих собственной армии, сосредоточены в большей степени на осуждении самой войны как источника моральных и физических травм для отдельных людей и нации в целом. (Исключением является крайне ангажированный Ли Хочхоль, сменивший в своё время Север на Юг и последовательно подчеркивающий свою лояльность новой родине.) Возникает мысль, что этот дискурс в случае объединения имел бы реальный шанс возобладать на Корейском полуострове в практически неизменном виде, в то время как северокорейский тоже не безнадежен, за вычетом вышеупомянутого гротеска. При этом налицо присутствие в южнокорейском дискурсе противоречий, которые наводят на мысль, что терминология психоанализа вполне применима не только к индивидуальному, но и к коллективному сознанию.

Хотя у северян литература разделенной нации определяется как «통일 문학» (досл. «литература объединения»), а у южан — как «분단 문학» (досл. «литература разделения»), похоже, сознание и тех и других целенаправленно ориентировалось на принятие некогда потерянных братьев. С каким успехом — отдельный вопрос: сознание общества формируется не только властью и литературой, но и самой жизнью. По статистике, в наше время только четвертая часть населения

РК считает, что объединение необходимо, чего бы оно ни стоило. Почти две трети населения говорит о том, что по пути к объединению нужно двигаться крайне осторожно¹⁵. Только треть населения поддержала в 2010 г. высказанную Ли Мёнбаком идею о введении «налога на объединение», причем среди пожилых людей сторонников такого налога оказалось существенно больше, чем среди молодых¹⁶.

Примечания

¹ Хальбвасс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2—3. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения: 05.05.2017).

² Дюркгейм Э. Представления индивидуальные и представления коллективные // Дюркгейм Э. Социология: ее метод предмет, предназначение. Работы разных лет. М.: Канон, 1995. С. 208—243.

³ Книги, отмеченные «*» (в основном сборники) датированы по русскоязычным изданиям.

⁴ Ким Ир Сен. Великая освободительная война корейского народа за свободу и независимость. Пхеньян: Деп. культ. связи с заграницей М-ва культуры и пропаганды КНДР, 1951. С. 12.

⁵ Там же. С. 89.

⁶ Там же. С. 148.

⁷ Танстолл Дж. Я воевал в Корее. Пер. с англ. М.: Военное изд-во Министерства обороны Союза ССР, 1960.

⁸ Риджуэй М. Солдат. Пер. с англ. М.: Военное изд-во Министерства обороны Союза ССР, 1958. С. 227.

⁹ Ан Чан Кук. На поле боя // Рассказы героев Кореи / Ред.-сост. полк. Н. Денисов. М.: Военное изд-во министерства обороны Союза ССР, 1956. С. 23.

¹⁰ Танстолл Дж. Указ. соч. С. 113.

¹¹ Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2—3. С. 40—41. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения: 03.05.2017).

¹² Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж. М., Винок. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17—50. URL: <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html> (дата обращения: 03.05.2017).

¹³ Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛЮ, 2014. С. 103—104.

¹⁴ *Пак Вансо*. Забытый вкус кислички. Москва: Время, 2016. С. 245.

¹⁵ *Ким Сора*. Чэминнын тхонъге: тхонъир-е тэхан кунъмин-инсик-чоса : [Интересная статистика: исследование отношения граждан к объединению] // Ирё сиса. 07.09.2012. URL: <http://www.ilyosisa.co.kr/news/articleView.html?idxno=22785> (дата обращения: 15.03.2017).

¹⁶ МВ чонъбу панхванчжом ёрон-чоса: 56,9 % «тхонъильсе пандэ»... пугва-панъсик-ын чхэквон тхонъиль-покквон сонхо : [Опрос общественного мнения в переломный для правительства Ли Мёнбака момент: 56,9 % «против налога на объединения»... взимание налога — через облигации или лотерею] // Кунъмин ильбо. 2010.08.24. URL: <http://news.kmib.co.kr/article/view.asp?arcid=0004044757> (дата обращения: 03.03.2017).

Л.Б. Хван

ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО МИРА СОВЕТСКОГО И ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДОВ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИРИКЕ УЗБЕКИСТАНА (на материале лирики В. Ли, Б. Пака, М. Ким)*

В статье раскрываются особенности изображения национальных миров советского и постсоветского периодов в лирике видных русскоязычных поэтов Узбекистана В. Ли, Б. Пака, М. Ким, анализируется проблемно-тематический спектр, схожесть мотивов их поэзии, связанной с судьбой корейцев в СССР, а затем в СНГ. Большое внимание уделяется раскрытию образно-предметного мира, особенностей художественного времени и пространства, своеобразия художественных приемов и средств — этнокультурных компонентов в их произведениях.

Ключевые слова: особенности национального мира, русскоязычная поэзия, Борис Пак, Вячеслав Ли, Марта Ким, этнокультурные элементы, утрата, обретение, память.

«Каждая эпоха, — писал М. Бахтин, — имеет свой ценностный центр в идеологическом кругозоре, к которому сходятся все пути и устремления идеологического творчества. Именно этот ценностный центр

* Статья представлена в авторской редакции.

становится основной темой, или точнее, основным комплексом тем литературы данной эпохи»¹.

Ценностным центром русскоязычной корейской поэзии Узбекистана в первое десятилетие его независимости становится тема депортации корейцев в 1937 г. с Дальнего Востока на новое место, многотрудного сотворения там своей судьбы, обретения нового отчего дома, а также жизни корейцев в постсоветский период — трудовые свершения, образовательный всплеск, возрождение национальной духовности, укрепление единства народов и нации. Все эти жизненные перипетии корейцев получили отражение в русскоязычной поэзии Узбекистана.

Свидетельством тому является творчество известных русскоязычных поэтов Узбекистана Бориса Пака, Вячеслава Ли, Марты Ким.

Идейно-нравственные искания названных авторов в советский период связан с оттепелью (1955—1968 гг.). Однако их произведения вышли в свет лишь 1970-е годы. В этой связи примечательна мысль Л. Павлинского о том, что «на 70-е годы приходится творческий рассвет многих поэтов из национальных республик»².

Широкую известность в 70—80-е годы XX в. обрела поэзия Бориса Пака, одного из первых профессиональных поэтов — корейцев Узбекистана, пишущих на русском языке. В этот период им было издано более 20 сборников, среди которых «Восточные этюды» (1970), «Апрельские рассветы» (1974), «И восходит любовь» (1974), детские стихи «Приключения Лялянты», «Как Петрушка съел ватрушку», сказка «Почему Мишка мёд ест один», ставшая хрестоматийной, изучаемой на протяжении десятилетий в школах Узбекистана. Многие произведения Бориса Пака переложены на музыку известными мастерами Ваню Мурадели, Борисом Зейдманом, Ефимом Шварцом и др. В этих произведениях воспевалась счастливая жизнь корейцев в Узбекистане.

Вершиной творчества Бориса Пака являются «Потомки страны белых аистов», а также поэма «Тридцать седьмой год».

Борис Пак вошел в историю литературы и как мастер-переводчик. «Благодаря ему, — пишет народный писатель Узбекистана А. Якубов, — на русском языке зазвучали произведения выдающихся узбекских поэтов — Навои, Гафура Гуляма, Эркина Вохидова, Халмурата Сапарова; крымско-татарских поэтов — Рашида Мурата, Амета Меулиева; на корейском — народные поэты Узбекистана — Абдулла Арипов, Аман Мухтар, Миразиз Азамов, Кутлукка и др.»³

В 1980—1990-е годы снискали славу Вячеслав Ли и Марта Ким.

Вячеслав Ли — выпускник Московского педагогического института, многие годы работал специальным корреспондентом газеты «Коре Ильбо», являлся руководителем гильдии писателей и журналистов при Ассоциации корейских культурных центров Республики Узбекистан. Начиная с 1991 г. по настоящее время поэт печатается в журнале «Корё Сарам», издающемся в Санкт-Петербурге, республиканском журнале «Звезда Востока», а также в газете «Коре Синмун».

Поэзия Вячеслава Ли пропитана пронзительной грустью, и при знакомстве с ней вспоминаются слова Г. Иванова о том, что «все значительное в лирической поэзии пронизано лучами некой грусти, грусти-тревоги или грусти-покоя — все равно. Лучшие из них — талантливы, милы, лучшие — плоды остроумия. И разве может быть иначе, если само имя этой божественной грусти — лиризм. Тайна лиризма постигается только избранными»⁴.

Вячеслав Ли является автором поэмы «Насильственная депортация», стихотворений «Ак-Курган», «Отчий наш дом», «Корейская сосна», «Тростниковая свирель», «Возвращаюсь домой» и др., многие из них переложены на музыку Анатолием Каном.

В 1990-е годы наметился всплеск в творчестве видной поэтессы Марты Ким. Её перу принадлежат сборники: «Разные миры» (1994), «Эхо» (1996), «Полнолуние» (1998), «Роза ветров» (2001) и многие другие. Высокую оценку её творчеству дали поэты, ученые, педагоги. Так, народный поэт Узбекистана А. Файнберг в статье «Стихи от сердца» писал о лирике М. Ким: «Её строки не только от Страны утренней свежести, но и от гор Чимгана, от песков, пустынь наших, озер, от арыков, кишлаков и городов. В сердце её — жизнь»⁵.

Идейный смысл лирики Б. Пака, В. Ли, М. Ким выводился из непростой, порой трагической, судьбы народа в советский и постсоветский периоды, обусловившей одну из характерных особенностей их поэзии, — изображение национального мира в тесной связи с утраченной родиной земли российской, обретенного узбекского отчего дома, ставших частью жизни народа, определивших общечеловеческое содержание произведений, закономерное единство тем и мотивов, основными из которых являются депортация, тема повседневного тяжелого труда во имя страны, память об утраченной исторической родине, мотив любви, дружбы, природы, благодарности людям, земле, принявших их в единую семью, раскрытие которых помогло поэтам выразить высоконравственные чувства — несгибаемости духа народа, чувство доброты, мило-

сердия, единства нации, сопричастности судеб нации и народов, неприятия жестокости, всяческого зла.

Со всей полнотой тема депортации раскрывается в поэзии Бориса Пака и Вячеслава Ли. Так, Б. Пак в поэме «Тридцать седьмой год» раскрывает трудную судьбу народа, его боль по утраченной российской земле, которая, по свидетельству М. Пришвина, стала им Родиной: «В Посьете живут наши русские корейцы, их даже крестили в свое время, и теперь они, очевидно, не очень довольные прошлым, быстро делаются людьми советскими»⁶.

Художественная концепция поэмы выражена в её заглавии, смысл которого расширяется за счет даты, обозначающей точку отсчёта депортации корейцев, служит свидетельством интереса поэта к судьбоносной проблеме, связанной с насильственным выселением народа с насиженных родимых мест, его душевной боли за трагическую участь безвинного народа. Глубинный смысл произведения — всенародная скорбь, страдания и боль народа обретает силу плача, реквиема:

*Встань, народ мой!
И в скорбном молчании стой!
В этой скорби тебе не до речи.
Вечной болью клокочет год тридцать седьмой!..
Он останется в сердце — навечно!*⁷

Говоря о всенародной скорби, автор подробно раскрывает историческую обстановку, воссоздает апокалипсические картины, используя реминисценции — ссылки на реальных людей, «вершителей судеб»: Сталина, Ежова. Пейзажные зарисовки — «стонала земля», «рис грустит», изображение открытого художественного пространства создают ощущение повсеместности горя, безысходности жизни:

*Каждой ночью ежовцы врывались в дома.
Шли аресты повальные, сеялось горе!
На страну надвигалась тюремная тьма
И объял жуткий страх и деревню и город*⁸.

Реалии, выраженные в произведении, определяют необходимость памяти о ней, служат ярким свидетельством нестихающей боли автора:

*Вечною раной кровавою сердце болит
За лишения всех прав и невзгоды.
Кто, скажите, ответит нам за геноцид,*

За репрессии против народов!

..
*Вечной болью клокочет год тридцать седьмой!*⁹

В постижении горестной судьбы народа-изгнанника немалую роль играет использованный прием контрастов — память о родине предков, радостной жизни на Дальнем Востоке и память о страшном указе «Всех выселить!!!».

*Помнишь родину предков? Наш Дальний Восток?
Шум прибоя? Цветение риса?..
Помнишь страшный Указ —
Наших бед всех исток, —
Как корейцам сказали:
«Всех выселить!!!»*¹⁰

Тема депортации раскрывается в поэме В. Ли «Канде идю» («Насильственная депортация»), которая является своеобразным литературным памятником деяниям тоталитаризма. Заглавие поэмы В. Ли, поэтические особенности свидетельствуют о её сходстве с произведением Б. Пака «Тридцать седьмой год». Как и произведение Б. Пака, поэма В. Ли воспринимается как плач поэта, его исповедь о реальном событии, о муках и страданиях людей, о потерянной родине. С точностью очевидца автор воспроизводит скорбный путь народа, его боль, страдания, несгибаемый дух, неугасимую жажду жизни. Уже с первых строк ощущается кровавый отсвет XX века, жестокость «века волкодава»:

*Век двадцатый на костях,
Век жестокий.
Шпарит, шпарит товарняк
От востока*¹¹.

Существенную роль в стихотворении играет образ «товарняка от востока», вобравший в себя историческую и географическую достоверность, связанную с насильственным выселением корейцев с Дальнего Востока. Этот образ имеет множество смыслов: это не только повседневная реальность, средство передвижения, но и символ тоталитаризма.

Можно отметить, как и в последние годы СССР, в первые годы независимой России в оценке прошлого было много хлестких фраз, не совсем точно отражающих характер событий. Например, при всей трагичности депортации характеризовать её геноцидом, конечно же, не только

явный словесный перебор, но и непонимание самого понятия геноцида. В СССР не было геноцида, власть не стремилась уничтожить ни один народ.

Не менее широкий отклик в русскоязычной корейской поэзии Узбекистана, как советского, так и постсоветского периодов, находит тема труда, обусловленная не только установками партии, связанными с построением социализма, прославлением социалистического труда, но и традиционным трудолюбием корейцев и необходимостью социализации в новом этническом окружении за счет примерного и эффективно-го труда. Впрочем, послевоенное восстановление далось тяжким трудом всем народам страны, а не только корейцам.

Трудности жизни депортированного народа в послевоенные годы, тяжесть труда земледельцев, несгибаемая сила их духа выражены без прикрас, в своей реальной сущности в лирике Ли Вячеслава. Так, в стихотворении «Помню послевоенные» он пишет:

*Помню послевоенные
Жилища наши бедные,
Где было много душевного,
Простого и нетленного.
Поля зеленели весенние,
Поля шелестели осенние,
Спины дымилась потные,
Хлебом пахло, работою.*

Или:

*Камышовая мазанка в памяти ёмко.
Там колыбельная нежно звучала,
Там очень стойко и не случайно
Свет зарождался в бедных потёмках...¹²*

О тяжести жизни, труда рисовода пишет М. Ким:

*О, как нелегко
Добыть горсточку риса!
Жизнь отщумела рекой,
Ночь впереди и опавшие листья¹³.*

В русскоязычной поэзии Узбекистана четко обозначился новый лирический мотив, связанный с утраченной, новообретенной, исторической родиной, внимание к нему усиливается в постсоветский период в

связи с распадом Советского Союза, открывшимися узбекскими границами, возрождением национальной духовности.

Определенная заданность этого мотива прослеживается в названиях сборников: Бориса Пака — «Восточные этюды», «Потомки страны белых аистов», «Гулистанский край»; Марты Ким — «Стебель бамбука»; в заглавиях произведений Вячеслава Ли — «Насильственное переселение», «Корейская сосна», «Корейская соната», «У Арирана мы силы берем», «Наш прекрасный Узбекистан», «Ташкентских сердец красота», «Ак-Курган» и многих других.

Мотив любви к обретенной и исторической родине красной нитью проходит через все творчество Вячеслава Ли. Для его лирического героя равно дороги обретенная и историческая родина:

*С малой родины — милая весть,
С родины предков — памяти зов.
Что может быть приятнее этого*¹⁴.

Неизбывная память об исторической родине, вечный зов предков составляют лейтмотив всего творчества Вячеслава Ли: «О том, что Родина где-то // Теплом бескорыстным зовет»; «С незабываемых лет нам ясен её портрет // Она далеко видна // Корейская сосна»; «Мне бы легкости крыльев орлиных // Я облетел бы долины родные // Где мои деды жили когда-то». «Слышен ваш настойчивый зов // Перевалы, перевалы // наших дедов и отцов» // «Корейское танго — щемящее танго // Он с нами, он с нами // Вчера и сегодня».

Любовь к Корее в творчестве Вячеслава Ли тесно связана с его неподдельной любовью к обретенному отчужденному дому, к родному Узбекистану, с чувством благодарности узбекскому народу. Свидетельством тому цикл его стихов: «Наш прекрасный Узбекистан», «Ташкентских сердец красота», «Полярная звезда», «Ак-Курган», «За фатою — Моргана». Образ узбекской земли воспринимается поэтом как святыня, олицетворяющая щедрость, доброту народа, любовь и свет, родину многих народов:

*Земля доброты, любви и света
Наш прекрасный Узбекистан.
Для многих ты Родиной стала.
Ты в разных концах планеты
Сияй, цвети неустанно!
Щедрых, сердечных людей страна*¹⁵.

Прославляя новый отчий дом, поэт говорит о вкладе его соотечественников в процветание узбекской земли, с гордостью славит героических тружеников:

*Цветы и поклоны — предкам нашим,
Честь и слава — герою Ким Пен Ха.
Они поднимали к жизни пашню,
Бессмертна о них в народе молва...*

Образ обретенной родины составляет основной лейтмотив автобиографической поэмы «Нишона» (Первый цветок хлопка) Б. Пака. Идейный смысл поэмы заключен в её заглавии, связан с образом хлопка, олицетворяющего основное богатство узбекской земли. Образ хлопка обусловлен мировосприятием автора, сформированным на новом месте, ставшим для него родным домом. О его близости сердцу автора свидетельствует поверье, рассказанное им в поэме: «Я знал, что есть поверье в народе: кто самым первым в поле ненароком увидит, как цветёт раскрытый хлопок, сорвет его и принесет сельчанам, тот светлый праздник людям принесет»¹⁶. Трепетное отношение к обретенной родине выражено Борисом Паком в стихотворении «Гулистанский край»:

*Здесь карагач шумит всегда листвою,
И удивительны здесь лилии...
Замри и стой.
Любуйся красотой.
Лови движенье контуров и линий!..
И зреет вечер в поле черносливом
И рядом — хлеб спокойною рекой...*

Утраченная родина — Россия, обретенный отчий дом — Узбекистан становятся предметом медитации в лирике Марты Ким.

Права А. Давшан, которая утверждает, что «образная картина мира в лирике М. Ким наполнена звуками из разных культурных систем напористостью русской частушки («Выйду к речке горевать, горевать — не целовать»), чуть слышным шелестом Востока («Счастье — когда ты рядом. А я — тише воды»), перекличкой с ахматовским словом, цветаевской ритмикой»¹⁷.

О любви Марты Ким к России свидетельствуют ссылки на литературные образы — «поверженного лермонтовского Демона», «есенинскую березу»; использование народной символики — «польнь-трава», «плакучая ива»; библейских изречений — «разбрасывать камни», «соби-

рать камни». Трепетное отношение к российской земле Марта Ким выражает в стихотворении «Над тихой заводью озер»:

*Над тихой заводью озер
Плывет луна, мерцают звезды.
Как будто нет на свете слёз
Тоски есенинской березы*¹⁸.

Наряду с реалиями русской жизни, в поэтическом творчестве М. Ким воссоздан многоликий мир Востока, выражающий восточную ментальность, воплощенную в жизненных реалиях, пейзажных зарисовках.

Примером тому стихотворение «Восток, Восток!» — один из шедевров русскоязычной поэзии Узбекистана, в котором автор трепетно говорит о своей стране, достигая высшего смысла путем символики, использования лексики, определяющей национальный мир обретенной родины (чинары, аксакал, най, нежные тюльпаны), выражающий чувство любви и восхищения:

*Восток, Восток!
Ты древний, но не старый,
Срывает ветер лепесток.
Шумят листвою чинары.
И седовласый аксакал
Берет дрожащими руками
Когда-то сделанный им най —
И льется песнь воспоминаний.*

Или же:

*В горах тюльпаны нежны, как воск,
И воздух чист до головокружения*¹⁹.

В лирике М. Ким прослеживается мотив, обращенный к Стране утренней свежести — Корею, раскрывающийся в стихах поэтессы в образах дождя, ливня, бамбука. Во всем этом лирическом герою слышится зов предков, пробуждающий чувство сопричастности к ним:

*Не выжить бамбуку в пустыне
Чужая земля,
Как мне, где бушуют ливни,
Туманы с утра.
И все же слышу зов предков, вскипает остывшая кровь.
Я чувствую свежесть бамбуковых веток
И жизнь возвращается вновь*²⁰.

Любовь к исторической родине Марта Ким выражает в пейзажных зарисовках. В её поэзии присутствует холм уединения в Корее, который является символом единения человека с природой, раскрепощения души, местом исповеди о сокровенном:

*Есть в Корее холм уединения,
Под низкорослым деревом трава.
Привыкшая к людским откровениям,
...
Как женщина, смиренно прилегла.
Ей выслушать дано о самом сокровенном,
Что не говорят ни другу ни врагу,
В минуту слабости душевного смятения,
И она вернет покой и тишину²¹.*

Образы природы в лирике М. Ким усиливают восприятие чувства любви лирического героя к национальным мирам, близких его сердцу. Свидетельством тому, как справедливо подчеркивает А.Н. Давшан, меткое наблюдение Н. Лукьянова: «Азиатские тополя // Заставляют скучать о соснах»²².

Произведения Бориса Пака, Вячеслава Ли, Марты Ким отличаются не только идейно-нравственным содержанием, но и высокохудожественной формой. Для их раскрытия авторы используют самые разнообразные художественные средства: эпитеты, метафоры, сравнения, этнокультурные компоненты, выраженные в географических, пространственных, культурных названиях: *Кэсон, Ариран, Алмазные горы, Узбекистан, Ташкент, Ак-Курган, Каракум, Чимган, «Полярная звезда»*, а также в рукотворных предметах: *белый рис, корочка хлеба, обжигаящая соевая паста «дян» (чжан)*, первоначных для человеческого существования, выходящих за рамки их материальной значимости; тюркской лексики: *арык, аксакал, най, урюк, арба. Образы России, Узбекистана, Кореи* персонифицированы в образах природы: *горы, море, сосна, туманы, луковые пашни, рисовые поля, кедры; тополь, чинара*, в спектрах реминисценции, определяющих социальную конкретность, экспрессию авторских мыслей, мелодичность и экспрессивность их поэтики.

Вопросы, поднятые в русскоязычной корейской литературе, в частности в лирике Бориса Пака, Вячеслава Ли, Марты Ким, служат благодатным ресурсом нравственности, действенным источником формиро-

вания чувства единства нации, единства человечества, определяющих историческую перспективу развития мира без насилия, вражды, единения разобщенного народа, сближения стран и государств.

Примечания

- ¹ См.: *Голубков М.М.* Концепция личности в критике 20-х годов//Литературоведение на современном этапе. Тамбов, 2014. Вып. 2. С. 61.
- ² *Павлинский Л.* Мера времени, меры вечности. М., 1986. С. 12.
- ³ *Якубов А.* Потомки страны белый аистов // Литературный календарь. 2007. № 6. Ташкент.
- ⁴ *Иванов Г.* Стихи о России Александра Блока. В книге: Александр Блок. Андрей Белый. Диалог поэтов. М., 1990. С. 543.
- ⁵ *Файнберг А.* Стихи от сердца // Современная литература Узбекистана, Ташкент, 2008. С. 70.
- ⁶ Цитируется по следующему изданию: *Давшан А.Н.* Азия в русской литературе XX веков. Ташкент, 2011. С. 537.
- ⁷ Здесь и далее текст цитируется по следующему изданию : Борис Пак. Потомки страны белых аистов. Ташкент, 1990. С. 27.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ *Ли В.* Насильственная депортация. Корё Сарам. Литература: Вячеслав Ли. 06.02.2009.
- ¹² *Ли В.* Под взглядом судьбы. Корё Сарам. Литература. 15.10.2016.
- ¹³ *Ким М.* Роза ветров. Ташкент, 1963. С. 75.
- ¹⁴ *Ли В.* Лепестки времени. Корё Сарам. Литература. 06.04.2014.
- ¹⁵ *Ли В.* Там же.
- ¹⁶ *Якубов А.* Потомок страны белых аистов //Литературный календарь. 2007. № 6. Ташкент.
- ¹⁷ *Давшан А.Н.* Азия в русской литературе XX века. Ташкент, 2011. С. 119.
- ¹⁸ *Ким М.* Разные миры. Ташкент, 1994. С. 69.
- ¹⁹ *Ким М.* Там же.
- ²⁰ *Ким М.* Стебель бамбука. Ташкент, 2016. С. 55.
- ²¹ *Ким М.* Там же. С. 63.
- ²² *Давшан А.Н.* Азия в русской литературе XX века. Ташкент, 2011. С. 118.

Глава 9

ТЕКСТ, ПЕСНЯ, ОБРАЗ, ТРАДИЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОБЩЕСТВО

А.А. Гурьева

К ВОПРОСУ О ВОСПРИЯТИИ РОЛИ ТЕКСТА В СОВРЕМЕННОЙ КОРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ*

В работе рассматривается проблема текста и представлений о его роли в современной культуре Южной Кореи в связи с традиционным пониманием слова как инструмента положительного воздействия на социум и космос в целом. С этой целью, *во-первых*, описываются традиционные представления о тексте. *Во-вторых*, рассматриваются особенности репрезентации текущих проблем в современных текстах. *В-третьих*, выявляется и комментируется участие текстов в регулировании общественных проблем в наши дни. *В-четвертых*, рассказывается об активно внедряемой в Рес-

* Настоящая работа выполнена в рамках Программы поддержки корееведения в ведущих университетах, реализуемой Министерством образования Республики Корея и Центром развития корееведения при Академии корееведения (AKS-2016-OLU-2250002).

This work was supported by the Core University Program for Korean Studies through the Ministry of Education of the Republic of Korea and the Korean Studies Promotion Service of the Academy of Korean Studies (AKS-2016-OLU-2250002).

публике Корея последнее десятилетие идее, представляющей чтение как залог жизненного успеха.

Ключевые слова: текст, письменное слово, корейская литература, культура чтения, текст в корейской культуре.

Культ учености и связанное с ним повышенное внимание к тексту, а также к образованию как процессу и/или результату работы с текстами является общим для всех стран китайской ойкумены. Конфуцианское учение способствовало закреплению этих представлений и их сохранению вплоть до нашего времени. При этом восприятие текста и акт его создания приобретают особые черты в рамках каждой из культур дальневосточного ареала, и эти черты получают своеобразное развитие в современной культуре.

В настоящей работе рассматривается проблема текста и представлений о его роли в современной культуре Республики Корея в связи с традиционным пониманием слова как инструмента положительного воздействия на социум и космос в целом. С этой целью в ней обсуждаются следующие аспекты: традиционные представления о тексте, репрезентация текущих проблем в современных текстах, текст в повседневной жизни южных корейцев, позиционирование чтения как залога жизненного успеха.

1. Традиционные представления о тексте

Впервые вопрос традиционного понимания роли текста в корейской культуре исследовала М.И. Никитина¹. Она показала, что в древности в корейской культуре сложились представления о тексте как об инструменте положительного воздействия на мир. М.И. Никитина объясняла это положение, в частности, фактором культурных миграций, проходивших по Корейскому полуострову, в условиях которых корейцы ориентировались на мирный контакт с иными культурами. Этим обусловлено внимание к фиксированному тексту, передающему знание о положительном опыте контакта и информацию, способствующую налаживанию контактов. Поэтому возростала роль людей, умеющих расширять свою картину мира до чужой картины мира, а также доносящих новое знание до других. Так возникла культурная доминанта образования, которая дала в результате и представление об особом, по сути сакральном, статусе создателей текстов, и особое отношение к тексту.

Ниже (в п. 1) будут представлены примеры такого восприятия в корейской литературе в разные эпохи. Эти примеры были выявлены и прокомментированы ведущими специалистами по корейской традиционной литературе М.И. Никитиной и А.Ф. Троцевич. Также будут даны несколько примеров, выявленных позднее.

Наиболее ранний пример, демонстрирующий ритуальную роль текста, это акт сочинения стихотворения Юри-ваном (I в.) в ситуации, когда он не мог завершить процедуру ритуала. Согласно законам ритуала, ван должен был провести определенные его этапы, вступив в отношения с каждой из двух своих жён. Однако одна из них покинула дворец, и Юри-ван не смог её догнать. Тогда он сочинил знаменитую «Песню об иволгах» («Хванчжо-га»), в которой изображается союз, пара. Таким образом он в тексте воссоздал картину, которая была невозможна в реальности². Отметим, что этот текст представляет собой также один из наиболее ранних дошедших до наших дней текстов, написанных на *ханмуне*.

В эпоху Объединенного Силла (635—918) названные представления сосредоточились в текстах *хянга*, сочинявшихся на корейском языке и входивших в государственный ритуал. Сочинение текстов *хянга* понималось как сакральный акт и являлось частью ритуала, связанного с системой представлений, обозначенных М.И. Никитиной как «система облика». В данной системе текст служил зеркалом, в котором запечатлевалось состояние облика старшего (=социально значимого лица): оно могло быть как идеальным, так и искажённым, нарушенным недостойным поведением. Система предполагала тождество старшего и космоса в целом. Поэтому в таких текстах состояние облика описывалось преимущественно через состояние космоса с помощью включения в текст определённых элементов пейзажа. Тексты сочинялись в определённое время и в определённом положении поэта в пространстве. Представлялось, что текст должен был закрепить идеальное состояние облика старшего или при необходимости исправить его³.

В эпоху Корё (918—1392) сакральная роль текста, в первую очередь поэтических текстов, сохраняется. При этом расширяется их тематический диапазон, а модель, на которую опирается текст, может включать более разнообразные элементы⁴.

С течением времени проявление указанных понятий в литературе несколько меняется. Так, например, в *хянга* предполагалась фиксация поэтом реальной ситуации в запечатленный момент. В текстах на род-

ном языке эпохи Чосон (1392—1897), например в жанре *сичжо*, пейзаж изображается уже, как правило, в идеальном состоянии. Это соответствует китайской традиции, влияние которой возросло в предыдущую эпоху — эпоху Корё, ознаменовавшуюся расцветом поэзии на китайском языке. При этом в *сичжо* сохраняются представления о влиянии текста на реальность: изображение идеального состояния космоса словно подтягивало окружающий мир к этому состоянию. Также тексты были направлены на препятствование старения старшего (родителей, государя) путем «операций со временем», производимых в тексте, часто на символическом уровне⁵.

Примечательно, что представление о воздействии текста на реальную ситуацию не ограничивается поэтическим текстом — традиционным участником ритуала, но также распространяется и на текст прозаический. Характерный пример относится к сравнительно недавнему времени — концу XIX в. В годы дипломатической службы в Корее британский консул Уильям Джордж Астон, японист по образованию, брал уроки корейского языка у учителя-корейца Ким Чэгука. Тот составлял для него специальные учебные тексты. Один их таких текстов, озаглавленный автором как «Записи о том, как уничтожили нечисть» («Мёльса-ги»), содержит в достаточно полном виде миф о Стрелке-Солнце и двух хозяевах стихий, отображающий уничтожение оборотня-агрессора, одним из воплощений которого является ложное солнце. Миф был реконструирован М.И. Никитиной, как нарратив в корейской культуре не сохранился. В конце повествования автор Ким Чэгук оставил приписку, в которой просит прощения за то, что выдал невероятные события за истинные. Он объясняет необходимость записать эту историю как учебный текст «для того, чтобы прогнать затянувшуюся летнюю жару»⁶. Тем самым автор пишет текст с целью повлиять на состояние космоса⁷. О сохранности восприятия предлагаемых в данном мифе моделей в аналогичный период говорит одно из исследований, проведенных А.Ф. Троцевич. В нем исследовательница показала, что патристический акт Ан Чжунгына, стрелявшего в японского генерал-губернатора, опирался на эту же модель⁸.

Действительно, в период японской колонизации тексты играли большую роль в антияпонской деятельности корейцев. Примерами могут служить и многочисленные публикационные проекты, предпринимаемые участниками корейского просветительского движения (Чхве Нам-

сон и др.)⁹, и сочинение патриотических песен *каса*, сотнями опубликованных в газетах до запрещения японскими властями¹⁰.

Одним из примеров того, что текст сам по себе по-прежнему понимался как инструмент, способный повлиять на текущую ситуацию, является неоднократное переиздание поэтической антологии «Песни Великого спокойствия при южном ветре» («Намхун тхэпхён-га») участником просветительского движения Пэк Туёном в собственном издательстве «Ханнам сорим»¹¹. Сама антология впервые увидела свет в 1863 г. и включает в себя поэтические тексты на родном языке, хронологически охватывающие всю эпоху Чосон. По тематике тексты преимущественно сопряжены с идеей свободы от социальных обязательств и наслаждением праздностью, в связи с чем корейские ученые связывают эту антологию с попыткой отвлечь читателя от непростой жизни и тягот, которыми ознаменовался период составления сборника¹². А.Ф. Троцевич отмечает, что такое название антология получила не случайно: обращение к Великому спокойствию призвано сделать мир ближе к этому идеальному состоянию¹³.

В 1920-х годах антология переиздавалась много раз и получила широкое распространение. Так, сегодня она хранится в библиотеках разных регионов страны. Можно предположить, что редупликация сборника с таким названием также имела одной из своих целей способствовать воцарению Великого спокойствия, тем более что одним из условий возможности этого состояния в государстве является совершенномудрый правитель¹⁴. И именно отсутствие такового в условиях, когда «трон» занят иностранными узурпаторами, стало ключевой проблемой в годы колониального правления.

Ещё один важный аспект в понимании текста как явления в контексте корейской культуры — это традиционные представления о его воспитательной функции. В лаконичной форме эти представления выражены в предисловии Ким Пусика к знаменитому историческому сочинению «Исторические записи трех государств» («Самгук саги»), составленному им в 1145 г. «Что касается древних записей, которые велись в трех государствах, то из-за грубого и несовершенного слога, из-за больших пропусков в фактических сведениях они не пригодны для выявления добра или зла государей и государынь, преданности или вероломства их слуг, спокойствия или опасности в государстве, благоденствия или мятежности народа, что могло бы служить назиданием для потомков»¹⁵. В данном фрагменте дано четкое понимание того, ка-

ким требованиям должен соответствовать текст и каковы его основные функции.

Важностью этой функции в восприятии корейцев объясняется специфика многих текстов. Например, литератор XV в. Ким Сисып, который считается первым мастером развлекательной прозы, в своём сборнике волшебных новелл «Новые рассказы на горе Золотой черепахи» («Кымо синхва») подчёркивает свою задачу развлечь читателя. Однако в результате различных занимательных перипетий герои каждой из пяти историй сборника заканчивают свой путь трагически: разочаровавшись в мире после соприкосновения с миром иным, они не могут более оставаться в мире людей и или умирают, или исчезают. С точки зрения западного читателя такой конец однозначно трагичен, и произведение, оканчивающееся подобным образом, сложно назвать развлекательным. Однако для буддиста Ким Сисыпа было важно донести до читателя идею о бессмысленности устремлений человека к личному счастью/славе/схоластической образованности. После прочтения его произведений читатель может понять ошибочность своего пути и познать путь правильный, а это уже не трагедия, а напротив — благоприятный для личности вариант развития событий. Занимательный сюжет произведений развлекает читателя, а трагический конец помогает прийти к правильным выводам.

2. Текущие проблемы в современных текстах

Развитие и трансформацию вышеназванных представлений в современной культуре можно проследить на примерах из южнокорейской поэзии, а также иных текстов, написанных во второй половине XX — начале XXI в.

Особое отношение к роли поэта в установлении благополучного общества, а также взаимосвязь между актом сочинения текста и воздействием на текущую ситуацию, которая требует коррекции, обнаруживается в современных литературных текстах разных авторов.

Так, поэт Чон Хёнчжон, особо популярный в среде корейской интеллигенции, начал публиковаться в период антидиктаторского движения, направленного против политики Пак Чонхи. Сам поэт называет себя учеником Хам Сокхона — литератора и общественного деятеля, активно участвовавшего в этом движении. В своих стихотворениях не раз

предлагает «песню» как некое противодействие режиму¹⁶. Так, в стихотворении «Поднимаю чашку с вином. Корея, моя любовь, моя цепь» («Сул чаньль тыльмё-1. Хангук, на-ый саран, на-ый сасыль») Чон Хёнчжон пишет:

Ко мне пришло несчастье

И велит мне петь песню.

Душа, истекающая кровью, ко мне пришла

И велит мне петь песню¹⁷.

Другим характерным примером являются стихотворения писательницы Пак Кённи. Имя Пак Кённи знаменито в первую очередь благодаря её прозе, в частности романе-эпопее «Земля», однако её перу принадлежит также несколько поэтических сборников, в которых автор регулярно обращается к теме творчества¹⁸. В этих текстах высказывается мысль об особой миссии поэта, творческой личности. Например, в стихотворении «Литератор» («Мунпхильга») писательница говорит о том, что «на кончике кисти должен быть яд, растворяющий зло»¹⁹. Примечательны некоторые параллели, которые обнаруживаются в образе идеального поэта, создаваемого Пак Кённи, и в образе поэта-жреца, каким он понимался в древности и каким предстаёт в источниках, описывающих события Объединенного Силла.

Примеры рассматриваемого восприятия текста не иссякают и в наше время. В связи с этим можно упомянуть кампанию, проводившуюся в 2004 г. крупнейшим книжным магазином «Кёбо мунго». Эта кампания под названием «140 книг, дающих покой душе», подразумевала определение книг, чтение которых способствует преодолению семи основных социальных проблем, и рекомендацию этих книг читателям. В буклете, предлагающем списки книг, которые сопровождаются комментариями известных людей, сказано:

«Несомненно, данные книги, словно вестник, дарующий всем людям возможность в равной степени ощутить ценность здоровья, которым невозможно поделиться с другими, обнаружат значительную мощь в плане сохранения и спасения нашего общества, а вслед за этим — всего земного шара»²⁰.

В приведенных примерах сакральная функция текста или роль поэта как жреца не прописана как таковая, однако связанная с текстом риторика содержит специфические параллели, которые объясняются традицией понимания текста.

3. Текст в корейской повседневной жизни

В этой части работы дается обзор «участия» текстов в различных сферах жизни южных корейцев.

В связи с отмеченной выше общей для Дальнего Востока традицией, в Республике Корея образование предполагает заучивание текстов как основу знания. Помимо формального образовательного процесса, который базируется преимущественно на работе с текстами, написание текстов включено в самостоятельные формы обучения. Приведем несколько примеров.

Школьные экскурсии подразумевают записывание фактов, которые ученики узнают в ходе проведения мероприятий, и последующее составление отчетов или написание сочинений. Примечательно, что эта практика распространяется и на экскурсии с участием взрослых. Например, в программу курсов повышения квалификации для преподавателей корейского языка в Государственной академии корейского языка *Куннип куговон* включено посещение достопримечательностей и написание сочинения по итогам экскурсии.

В связи с неизменной важностью навыков написания текстов, постоянно востребованной в Корее оказывается методическая литература, обучающая грамотному изложению в независимости от формата текста. Умение писать текст входит в базовые требования к подготовке абитуриента или молодого специалиста. Книжные магазины предлагают широкий выбор литературы, обучающей грамотному написанию резюме для каждого этапа профессиональной жизни. Характерно, что бланки для написания резюме продаются в магазинах круглосуточного обслуживания, предлагающих товары первой необходимости. Анализ содержания типичных резюме не входит в задачи данной статьи, однако отметим одну характерную особенность: в резюме нередко требуется дать оценку текущему состоянию общества/ситуации в стране и предложить пути решения проблем. В этом важном для резюме пункте прослеживается влияние традиции проведения экзаменов на чин (*квваго*), которые предполагали умение прокомментировать определенную историческую ситуацию, а также, основываясь на классических текстах, предложить алгоритм действий в этой ситуации.

В профессиональной жизни важность текста остается прежней. Сотрудники компаний любой сферы деятельности сталкиваются с необходимостью постоянно писать отчеты (*ногосо*). Согласование любых дей-

ствий также часто облекается в письменную форму. Данный формат знаком сотрудникам западных фирм, однако корейские компании склонны к большей письменной детализации и демонстрируют стремление к фиксации каждого шага.

Такие негласные правила восходят к представлениям о превосходстве письменного, зафиксированного факта над устным и уважению к письменному тексту как таковому. Это проявляется и при оценке уровня компании или учреждения, где также учитывается наличие буклетов и составленных текстов, подтверждающих историю деятельности и опыт компании/учреждения. Наличие определенной текстовой продукции (буклеты и т. п.) определяет также статус мероприятий, включая культурные.

Отдельного рассмотрения заслуживает такая особенность, как участие текстов в решении социальных проблем. Как в любой другой стране, в Республике Корея регулирование социальных проблем имеет определенную специфику, и одной из характерных её особенностей является как раз активное обращение к тексту, что проявилось, в частности, в развитии традиции социальной рекламы.

Важным элементом данного подхода является задействование слоганов и призывов. Многие из них облечены в пригласительную форму, тем самым подчеркивая единство граждан в рамках единого сообщества.

Еще одним популярным шагом в решении тех или иных социальных вопросов является распространение брошюр соответствующей тематики в оживленных местах (перекрестки, станции метро). Характерный пример — брошюры, определяющие принадлежность о. Токто на основе письменных источников.

Роль в решении проблем отводится не только текстам, подготовленным профессионально, но и произвольным текстам граждан. Правительство организует сбор проектов населения, направленных на решение конкретных проблем или общее улучшение ситуации и повышение благосостояния общества. Характерна ситуация из недавнего прошлого. В 2004 г., когда многие корейцы высказывались против воссоздания ручья Чхонгечхон вместо эстакады, некогда выстроенной над засыпанным ручьем, администрацией Сеула были выбраны специфические контрмеры. Так, активно проводились различные конкурсы детских эссе и прочих текстов, посвященных Чхонгечхону. В Сеуле была выстроена стена, на которой любой желающий мог написать что-либо в поддержку проекта воссоздания ручья. Данный пример демонстрирует, что текст вос-

принимается как одна из форм вовлечения граждан в социальные процессы, а также как инструмент урегулирования проблем.

4. Позиционирование чтения как залог успеха

Последнее десятилетие в корейской культуре активно внедряется идея чтения как способа формирования успешной личности. Сама по себе тема чтения *токсо* обычно составляет отдельную категорию и относится к более крупному тематическому подразделению «саморазвитие» (*чаги кебаль*). В соответствии с этим, в книжных магазинах теме чтения отводятся специальные полки. А книги, посвященные данной теме, регулярно входят в число бестселлеров.

Один из них — книга Ли Чисона «Благодаря чтению будь лидером» («Ридиныро лидохара») ²¹, которая выдержала несколько переизданий и теперь издается в твёрдом переплете с отметкой об особом признании читателями («Выбор 600 000 читателей»).

Большое количество изданий посвящено проблеме выбора книг для чтения. Правильно подбирать литературу учат как сами авторы, так и известные люди, на мнение которых авторы ссылаются. Однако важно не только правильно подойти к тому, что читать, но и как читать. Термин «методика чтения» (*токсопон*) также сопряжён с проблемой саморазвития.

Чтение воспринимается как навык, требующий постоянного развития. Примером может служить книга из серии «Менеджер Хон становится гением...», в рамках которой центральный персонаж, соответственно менеджер по фамилии Хон (Хон-дэри), в ходе определенных приключений осваивает ту или иную сферу. Название сферы выносится в название книги. Одной из книг серии стал выпуск «Менеджер Хон становится гением чтения» («Токсо чхончжэга твен Хон тэри», авторы Ли Чисон, Чон Хвегиль) ²². Героем выбран сотрудник среднего звена компании — один из наиболее типичных представителей современного южнокорейского общества, т. е. в его лице сосредоточились нужды корейского социума. Соответственно, с точки зрения создателей серии чтение оказывается одной из важнейших компетенций, позволяющих члену общества достойно существовать. Отметим, что предыдущие издания серии представляли главного персонажа как овладевшего более актуальными (с точки зрения западного читателя) навыками для профессии ме-

неджега: бухгалтерский учет, международная торговля, рынок акций, обмен валюты, — а также полезными навыками для жизни, например «престижная» игра в гольф и построение романтических отношений.

Согласно дальневосточной традиции, чтение должно предполагать и воспроизведение текста. В этом отношении внимания заслуживают издания, предлагающие подборки фраз (цитат, высказываний, жизненных девизов) для переписывания. В качестве примера приведем издание «Читать, писать и закреплять в душе. Пособие по морали для лидера», представляющее собой прописи, в которых под каждой фразой располагается расчерченное поле для внесения скопированного текста²³. Преимущественно это фразы, принадлежащие конфуцианским мыслителям и снабжённые комментариями, актуализирующими эти фразы применительно к особенностям карьерного пути в наше время. Написание таких текстов нацелено не на освоение подобранных в книге фраз и не на развитие каллиграфических навыков, как можно было бы ожидать. Предполагается, что эти упражнения в переписывании выявляют и развивают способности и, в конечном итоге, способствуют достижению успеха на социальном поприще.

Известно, что корейская культура как часть дальневосточного ареала испытала определенное влияние культуры Китая и, соответственно, разделяет немало общих черт со странами-соседями. Однако при общности в целом эти черты могут носить самобытный характер в частных проявлениях. Кроме того, немаловажную роль в том, как были восприняты заимствованные из культуры Китая элементы и как они проявляются, сыграла собственно корейская культурная основа. В конце XX — начале XXI в. Республика Корея активно участвует в глобализационных процессах, что способствует взаимовлиянию её культуры с культурой Запада. Аналогичным образом с тем, как происходило освоение и адаптация элементов китайской культуры, сегодня культура Южной Кореи перенимает заимствованные элементы, приспособляя их к собственному культурному фону, корректируя и придавая им самобытность и определенную корейскую специфику. Понимание роли текста в жизни современного южнокорейского общества иллюстрирует указанное явление. Наднациональные тенденции, часть которых наблюдается в ряде обществ, в лоне корейской культуры приобретают «корейский характер» и особенные черты, понимание которых возможно только исходя из понимания корейской культурной традиции.

Примечания

¹ Подробнее об этом см.: *Никитина М.И.* Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. М.: Наука, 1982.

² *Троцевич А.Ф.* История корейской традиционной литературы. СПб., 2004. С. 29—31.

³ *Никитина М.И.* указ. соч.

⁴ *Никитина М.И.* Сичжо и хянга. Проблемы взаимосвязи (на примере пейзажной поэзии) // Теория жанров литератур Востока. М., 1985.

⁵ Там же.

⁶ *Никитина М.И.* Древняя корейская поэзия... Указ. соч. С. 210—211.

⁷ Там же. С. 211.

⁸ *Троцевич А.Ф.* Подвиг Ан Чунгына. Взгляд через 100 лет (несколько слов о событиях в Харбине 1909 г.). Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 15. СПб., 2013. С. 203—211.

⁹ Книга как часть культуры Кореи в колониальный период // Письменные памятники Востока. № 2(15), осень—зима. СПб., 2011.

¹⁰ *Kim Hunggyu.* Understanding Korean literature. M.E. Sharpe. Armonk, New York, 1997. P. 147—149.

¹¹ Dissemination of Traditional Korean Poetry in Vernacular in Colonial Korea (using the example of *Namhun taepyeong-ga* anthology) // CEESOK Journal of Korean studies. 14, Seoul, 2013.

¹² *Пак Ичжон.* Тэчжунсон-ый чхымён-есо пон намхун тхэпхён-га сичжо-ый нэжок мунпоп ёнгу (Внутренняя структура сичжо, вошедших в «Намхун тхэпхён-га», с точки зрения их массового распространения. Магистер. дисс. Магистратура Сеульского национального университета, кафедра корейского языка и литературы). Сеул, 2000. 80 с.

¹³ *Троцевич А.Ф.* История корейской... Указ. соч. С. 212—213.

¹⁴ *Гурьева А.А.* Антология традиционной корейской поэзии «Намхун тхэпхён-га (Песни Великого спокойствия при южном ветре)» (по ксилографу из коллекции Института восточных рукописей РАН). Дисс. ... канд. филол. наук. СПбГУ, 2012. С. 15.

¹⁵ Цит. по: *Троцевич А.Ф.* История корейской... Указ. соч. С. 50.

¹⁶ Корейская литературная традиция в раннем творчестве современного корейского поэта Чон Хёнчжона // «Пигё мунхак» («Сравнительное литературоведение»). Вып. 8. 12.2004. Суwon. Республика Корея.

¹⁷ Чон Хёнчжон. Нанын пёль ачжосси. («Я — дядюшка-звезда»). Сеул, 1998. С. 48.

¹⁸ Гурьева А.А. Пак Кённи как лирический поэт: философские взгляды автора в связи с традицией (на примере нескольких стихотворений) // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып. 18. СПб., 2016 — в печати.

¹⁹ Пак Кённи. Уридыль-ый сиган. Наше время. Поэтический сборник. Сеул: Мароние-букс, 2012.

²⁰ Гурьева А.А. Письменное слово в современной корейской культуре (кампания «Книги, дающие силу душе») // Корейский полуостров и вызовы глобализации. Доклады, представленные на X научной конференции корееведов России и стран СНГ. Институт Дальнего Востока РАН. М., 2006.

²¹ Ли Чисон. Ридиныро лидохара (Становись лидером благодаря чтению). Сеул, 2016.

²² Ли Чисон, Чон Хвезиль. Токсо чхончжэ-га твен Хон тэри («Менеджер Хон становится гением чтения»). Сеул, 2011.

²³ Илькко ссыго маыме сегинда. Ридо-ый сусин кёбон. (Учебник морали для лидера). Сост. Ким Мёнсук. Сеул, 2016.

Н.А. Чеснокова

ТВОРЧЕСТВО ЮН МИН СОКА И ЕГО ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ПЕСЕН ПРОТЕСТА МИНЧЖУН-ГАЁ

Минджун-гаё — корейские песни протеста, появление которых относят к восстанию в Кванджу (18—27 мая 1980 г.) и периоду президентства Чон Ду Хвана (1980—1988). На их формирование оказали влияние как поэзия колониального периода, цензура популярных песен в 1970-х годах, так и зарубежные песни протеста, широко известные в университетской среде 1980—90 годов. Данная статья посвящена анализу произведений поэта-песенника Юн Мин Сока, чье творчество оказалось чрезвычайно востребовано в антиправительственных демонстрациях периода президентства Пак Кын Хе (2013—2016).

Ключевые слова: минджун-гаё, песни протеста, Юн Мин Сок, демонстрации против Пак Кын Хе.

В 2011 г. в Великобритании вышла книга «33 революции в минуту: история протестных песен» журналиста «The Guardian» Дориана Лински (Dorian Lynskey), в которой он рассказал о связи массовой культуры и политики. Выбор песен он объяснил следующим образом: «Один из главных критериев, которым я руководствовался при выборе песен для своей книги, это значимость, то есть если вы хотите, чтобы ваша песня могла действительно повлиять на общество, она не должна быть скучной, в ней должен быть посыл; кроме того, песня должна быть потрясающей с точки зрения музыки...»¹. С этой цитаты мы хотели бы начать нашу статью,

посвященную корейским песням протеста, которые в 2016 г. обрели «новое рождение», не только развлекают, но и влияя на общество.

Создатели Принстонской энциклопедии поэзии и поэтики (The Princeton Encyclopedia of Poetry and Poetics) предлагают различать поэзию, имеющую политический подтекст, и поэзию протеста (protest poetry) на основе двух критериев: поэзия протеста всегда связана с общественным движением и имеет явное отношение к событиям, происходящим в *данный* момент². Именно эти критерии как нельзя лучше характеризуют песни протеста, исполняемые гражданами Республики Корея во время массовых антиправительственных демонстраций 2016 г. Во время митингов и иных акций протеста звучали и европейские песни, «перепеты» с заменой слов в соответствии с ситуацией, и корейские поп-песни (например, «Into the New World» группы SNSD; «Cheer Up» группы Twice; «Bang Bang Bang» группы Big Bang³), но все же главный голос был у *минджун-гаё*, ставших рупором народа.

Минджун-гаё — корейские песни протеста, появление которых современные южнокорейские ученые относят к восстанию в Кванджу (18—27 мая 1980 г.) и периоду президентства Чон Ду Хвана (1980—1988). Исследователь Чон Кён Ын (университет Корё) полагает, что предпосылкой к возникновению жанра послужило проникновение в Корею текстов зарубежных песен протеста. Впервые они были опубликованы в сборнике «Песни завтрашнего дня» (*Нэир-ыль вихан норэ*), выпущенном Христианской академией (Christian Academy, 1959—2000) в 1977 г. В 1970—1980 годы некоторые американские и даже русские протестные песни получили в Республике Корея широкое распространение, в первую очередь — среди студентов⁴. Пак Пом Джон (Пусанский университет иностранных языков) считает, что на возникновение и развитие жанра повлияли цензура и различные запреты, характерные для военного правления и репрессивной политики. При этом Пак отмечает, что в период 1970—1980-х годов уровень критики в песнях был сравнительно низким⁵.

Действительно, события 1980-х годов стимулировали развитие *минджун-гаё*, их популярность у различных возрастных и социальных групп населения⁶, но, анализируя *минджун-гаё*, мы обнаруживаем ту же особенность, которую в западных песнях протеста выделял американский специалист в области музыки и социологии Рональд Серж Денисоф (Ronald Serge Denisoff, 1939—1994): песни не обязательно были изначально написаны для протестных акций — важнее, что они были избраны общественным движением для реализации определенных задач⁷.

На протяжении 1980-х поэты постоянно возвращались к восстанию в Кванджу и жестокому подавлению гласа народа. Правительство закрывало негодные ему издания, но в ответ возникло новое литературное движение, в чьих рамках начали выпускаться разнообразные альманахи, и популярность приобрела «поэзия масс»⁸. К слову, события того десятилетия до сих пор волнуют интеллигенцию в Республике Корея. Например, в 2010 г. известная писательница Син Гён Сук выпустила роман «어디선가 나를 찾는 전화벨이 울리고» (в русском переводе получивший название «Я буду рядом»⁹), события которого связаны с гражданскими волнениями в стране.

Вероятно, именно в 1970—1980-х годах противники действующей власти постепенно отказывались от принципа анонимности, который был свойственен традиционной форме пассивной критики. Тогда оппозиционер предстал в качестве «горного человека» (кор. — *санин* 山人), «отшельника», чей элитарный образ был заложен в Корее ещё в первые века нашей эры благодаря китайским поэтам, например Цюй Юань 屈原 (ок. 340—278 до н.э.) и Тао Юань-мин 陶淵明 (365—427). В 1960-е годы мы еще прослеживаем сохранение традиционного отношения к литературным протестным движениям: так в газете «Тэгу ильбо» существовала колонка «Новое путешествие на Запад» 新譯 西遊記 (*Синёк союги*, 1962—1963), где в аллегорической форме высмеивалась политика Пак Чон Хи (годы президентства 1963—1979). Автор писал под псевдонимом «Отшельник, собирающий хризантемы» 採菊山人 (*Чегук санин*), что, вероятно, должно было намекать читателям-интеллектуалам на образ Тао Юань-мина, который в своих стихах часто вспоминал этот цветок¹⁰.

С введением свободы слова в 1990-х годах оппозиционные настроения больше не нужно было прятать между строк. Песни протеста стали неотъемлемой частью социальной жизни корейцев. Позже в период массовых антиправительственных акций 2014—2016 гг. *минджун-гаё* снова обрели актуальность.

Вместе с тем важно рассматривать каждую песню в динамике: ее интерпретацию в исторических и социальных условиях¹¹. Так, например, по-прежнему популярен написанный в 1981 г. «Марш за любимого» (*Им-ыль вихан хэчингок*). Широко известная в Республике Корея песня была первоначально связана с событиями в Кванджу и звучала в поставленной в 1981 г. музыкальной пьесе. Вскоре она стала *ассоциироваться* с единством и готовностью народа бороться против диктатуры и несправедливости даже ценой своей жизни, хотя в самом тексте прямых указа-

ний на это не было. В 1998 г. создатель «Марша...» Пэк Ки Ван (род. 1932) отказался от своего авторского права, мотивируя это тем, что не владел «...ни авторским правом, ни правом на воспроизведение этой песни, потому что право воспроизведения принадлежит всему народу на этой земле, который надеется на новый день»¹². В 2002 г. «Марш...» звучал во время Чемпионата мира по футболу. Нередко его исполняли политические деятели, и совсем недавно — в апреле 2017 г., в преддверии президентских выборов, выступая перед собравшимися жителями Кванджу, — его исполнил кандидат в президенты Мун Джэ Ин¹³. В мае 2017 г., став президентом, он распорядился сделать «Марш...» официальной песней 37-летней годовщины восстания в Кванджу (18 мая 2017 г.)¹⁴.

Соответственно, мы видим, что некоторые песни, несмотря на их политический контекст, могут использоваться и вне политической ситуации.

Юн Мин Сок — один из популярных авторов современных минджун-гаё

В нашем исследовании мы обратимся к творчеству одного из популярных авторов *минджун-гаё* — Юн Мин Соку, кому принадлежат такие известные песни протеста, как «Ради Республики Корея» (*Тэхан мин-гуг-ыль вихаё*), «От Сеула до Пхеньяна» (*Соур-есо Пхёнян-ккаджи*), «Пэктусан», «Не вы» (*Нохин ания*), «F*cking USA», «Не забудем» (*Иччи аньльке*), «Еще раз» (*Таси хан бон*), «Больше» (*То исан*), «Наша страна» (*Иге нараня*) и др.

Юн Мин Сок принадлежит к поколению 80-х, хотя точную дату рождения он не афиширует. Известно, что до поступления в университет Ханъян в 1984 г. он жил в г. Ёджу, где получил среднее образование. Свою деятельность в качестве сочинителя «песен протеста» он начал в 1985 г., примкнув, таким образом, к «первой волне» поэтов *минджун-гаё*, среди которых были также Ким Гван Сок (1964—1996), чьи песни прозвучали позднее в популярном фильме «Объединенная зона безопасности» (*Контхон кёнби гуёк*, JSA, 2000); супружеский дуэт Пак Ын Ок (род. 1957) и Чон Тхэ Чхуна (род. 1954); Ан Чхи Хван (род. 1965) и др. Жена Юн Мин Сока — Ян Юн Гён, тоже исполняет *минджун-гаё* и состоит в группе «Родина и юность» (*Чогук-ква чхончхун*)¹⁵. По словам Юн Мин Сока, к написанию первой песни его подтолкнули фотографии восстания в Кванджу, и он захотел «песнями изменить мир»¹⁶.

Большинство песен Юн Мин Сок загружает на свою страницу социальной сети «Фэйсбук», чтобы люди могли скачивать их и использовать по своему усмотрению.

В творчестве автора отчетливо прослеживается интерес к КНДР и объединению Кореи; критическое отношение к деятельности правительства; недовольство влиянием, которое оказывает на РК США; сожаление о тяжёлой судьбе корейского народа. Как отмечает Ли Сан Сук, Юн Мин Сок в своих песнях подчеркивает единство корейской нации, основанное на географии и единой крови¹⁷. С 2014 г. во многих его песнях звучит критика действий Пак Кын Хе и скорбь о погибших детях на пароме «Севоль». В 2016 г. его *минджун-гаё* «Наша страна», в которой поэт жёстко высмеял Пак Кын Хе, превратилась в своеобразный гимн протестов в Республике Корея: она стала заглавной для запущенного осенью 2016 г. проекта «Зарядка протеста» (*Хая чхеджо*) на площади Кванхвамун (где приняли участие свыше полумиллиона человек, по данным новостного сайта Oh My News¹⁸) и звучала фоном во время демонстраций.

Классификация «песен протеста», которую предложил Рональд Серж Денисоф в 1960-е годы¹⁹, кажется нам наиболее подходящей для того, чтобы выделить две группы песен в творчестве Юн Мин Сока. Всю категорию «песен протеста» Денисоф называет «песнями убеждения» (songs of persuasion).

«Песни убеждения» удовлетворяют следующим критериям: дают характеристику ситуации, легки для восприятия (простой текст и музыкальное сопровождение), но — главное — формируют чувство солидарности и единства в той группе, к которой обращены, стимулируют эмоциональный отклик. В этой категории Денисоф выделяет две группы: «магнетические песни» (magnetic songs) и «риторические песни» (rhetorical songs).

«Магнетические песни» направлены на то, чтобы вызвать у слушателя эмоциональный отклик и привлечь его к участию в общественном движении или к поддержке определенной точки зрения. Автор песни рассчитывает вызвать ощущение единства человека и сообщества, их сплочённости. Часто в «магнетических песнях» используются аллюзии, знакомые слушателям и рождающие положительные ассоциации (иные популярные песни, строки и др.).

В творчестве Юн Мин Сока к этой группе по большей части относятся песни, посвященные трагедии парома «Севоль», как будет показано ниже.

«Риторические песни» Денисоф характеризует как песни, описывающие определенный факт или общественную ситуацию, но не предлагающие решения и не призывающие к чему-либо. Они озвучивают назревшие вопросы, не призывая к поддержке какого-либо общественного движения. Также к этой группе Денисоф причисляет песни-пародии, в которых высмеиваются политические деятели, обстановка в стране и др.²⁰

К «риторическим песням» можно отнести ту часть творчества Юн Мин Сока, которая посвящена критике политических лидеров Республики Корея, положения страны на международной арене и др.

«Магнетические песни» в творчестве Юн Мин Сока

Песни Юн Мин Сока, в которых упоминается трагедия паромы «Севоль», — это «Не забудем», «До конца» (*Кыт-ккаджи*), «Ребята, встанем» (*Йя-дыра оллагаджа*), «Обещаем» (*Яксокхэ*), «Наворачиваются слезы» (*Нунмур-и нанда*), «Правда не утонет» (*Чинсир-ын чхиммульхаджи аннында*) и др.

Мелодии и тексты песен просты для запоминания, в них часто повторяются одни и те же фразы, предложения — сам Юн Мин Сок признается, что сделал это нарочно, так как именно в таком формате удобно подпевать²¹. Несмотря на мрачную реальность, вдохновившую поэта, в большинстве песен есть надежда на лучшее, и, по его собственным словам, самая светлая из песен — это «Обещаем», связанная с сохранением памяти о погибших детях и готовностью бороться за это²².

Юн Мин Сок часто использует одни и те же стилистические приемы. Так, например, в «Обещаем» — это апеллирование к единству протестующих: «*Мы — ваши матери / Мы — ваши отцы <...> Вы — наши сыновья / Вы — наши дочери*», и, таким образом, обуславливается стремление всей страны «действовать», «не молчать», «расследовать до конца», «наказать до конца», «изменить мир». Люди всей страны предстают как единое целое, для которого «будущего нет, если сохранять молчание». Подобный подход характерен для «магнетических песен», где индивидуум предстает как часть группы: традиционно использование слов, обозначающих единство, что может быть выражено и через местоимения. В этой связи можно сравнить «Обещаем» с «We Shall Overcome» (1964) Пита Сигера (1919—2014), одной из наиболее известных американских песен протеста: несмотря на отсутствие временного показателя

(someday), певец, аккомпанируя себе на банджо, призывает граждан своей страны *«идти, взявшись за руки»*, чтобы *«преодолеть»*. То есть достижение благоприятного результата возможно только при совместных действиях, не обязательно основанных на вооруженной борьбе.

«Правда не утонет» — ещё одна песня, посвящённая трагедии парома «Севоль». Она построена на противопоставлении традиционных биполярных элементов: тьмы и света, лжи и правды, что также упрощает её для восприятия слушателей. В основе песни повторяющаяся мелодия из восьми тактов с затактом, на которые положены четыре зарифмованные строки: *«Тьме не победить свет / Лжи не победить истину / Правда не утонет, / Мы не сдадимся»*.

Как видно, данное противопоставление архетипично. Тьма соотносится с ложью, свет — с истиной. Не стоит забывать, что во время протестных движений корейцы используют свечи: соответственно свет во тьме также рифмуется с заданным противостоянием.

На эту аналогию нас наводит другая песня Юн Мин Сока — «Еще раз», сочиненная во время демонстраций в память о трагедии парома «Севоль». Также состоящая из четырех строк и использующая один и тот же музыкальный рефрен, она призывает людей участвовать в протестных движениях: *«Еще раз возьмем свечи, / Еще раз соберемся с силами / Еще раз выйдем, / Вернется демократия»*. В студийной версии после двух одинаковых куплетов звучит детский голос: *«Республика Корея — демократическая республика»*.

Соответственно, можно выделить логическую цепочку, которую регулярно использует Юн Мин Сок, призывая сограждан выйти с протестом:

1. Есть тьма (беды, коррумпированное правительство, кризис, недобросовестное расследование трагедий, иные проблемы).
2. Тьму можно разогнать светом.
3. Свет (свечи) в руках граждан Республики.
4. Одна свеча не может побороть тьму, поэтому...
5. Тьму можно разогнать только *общими* усилиями.
6. Свет — это демократия, единство нации, ответственность за каждого.

Демонстрация — это не просто скопление людей во мраке ночи, держащих в руках свечи или мобильные телефоны с включенными фонариками. Демонстрация — это также звук: шум, пение, лозунги и др. В связи с этим нам представляется важным вспомнить исследования традицион-

ной корейской поэзии, проведенные М.И. Никитиной²³ (1930—1999). В результате кропотливого разбора различных произведений Никитина обнаружила связь между «звучком» и «светом»: их единство представляет собой гармонию природы, «идеальное состояние» мира. Первоначально М.И. Никитина опиралась на традиционную корейскую поэзию, но недавние исследования А.А. Гурьевой доказывают сохранность этой идеи и в поэзии XX в., в частности в колониальный период²⁴.

Мы полагаем, что Юн Мин Сок также опирается на знакомый корейцам образ, эксплуатируя его полностью или частично в своих песнях: чтобы разогнать тьму, нужен свет и шум, и тогда будет достигнута гармония.

«Риторические песни» в творчестве Юн Мин Сока

С другой стороны, если мы обратимся к хиту «Наша страна», то увидим, что он построен по совершенно другой модели. Во вступлении, похожем на шаманские песнопения, и далее в трех куплетах песни Юн Мин Сок последовательно перечисляет основные проблемы, с которыми столкнулась страна в период президентства Пак Кын Хе, при этом ставя уже в первых строках на одну линию Пак Кын Хе, шаманку Чхве Сун Силь и Ли Мён Бака. Более того, обращается он к ним безо всякого уважения только по именам и называет «ворами» (*тодук*) и «преступниками» (*помджве*). Это открытая критика, адресная и незавуалированная. В припеве он призывает немедленно отправить Пак Кын Хе в отставку. Песня не предлагает решения проблемы (кроме отставки президента), но выражает негативное отношение автора к существующей политической ситуации.

Каждый куплет обращается к фактам из времени президентства Пак Кын Хе. Так, например, это вопрос: «*Что ты делала на протяжении семи часов 16 апреля 2014 года?*» — один из многих, которые волновали и волнуют вплоть до настоящего момента корейцев, пытающихся реконструировать события трагедии, случившейся с паромом «Севоль». Юн Мин Сок начинает с него второй куплет песни «Наша страна».

Сравнивая тексты песен Юн Мин Сока, связанные с памятью жертвам «Севоль» и с антиправительственными демонстрациями, мы можем сделать вывод, что песни первой группы характеризуются отсутствием четкого временного указателя: действие предполагается постоянное, не-

изменное — это сохранение памяти; единство народа, объединенного одной болью. Вторая же группа, напротив, ценна именно в определенном момент времени как свидетельство происходящих событий.

Например, в песне «Наша страна» автор обвиняет Пак Кын Хе в злоупотреблении полномочиями, «заигрывании» с прессой: *«Разве не были партия Сэнури²⁵ и газета “Чосон ильбо” твоими безобразными соучастниками?»* В данном случае можно ожидать, что без знания контекста стороннему слушателю, особенно не современнику автора, потребуется справка о связи Пак Кын Хе и указанных организаций. Аналогична и отсылка Юн Мин Сока к японскому имени президента Пак Чон Хи: *«Сила космоса, магия шаманки — докричится даже до Такаги Масао»*. Данная строка описывает одновременно и Чхве Сун Силь, и Пак Чон Хи, и Пак Кын Хе, которая оказывается в символическом плену этих двух личностей. Впрочем, сожаления к президенту Юн Мин Соку не испытывает: *«Говорим тебе по-хорошему, уходи в отставку»*.

Схожа по исполнению песня «Не вы», где автор в трех куплетах, обращаясь к «набившему животы» (*пэрыль нуллин*) правительству, размышляет о том, кем был Пак Чон Хи: *«По вашим словам, он был героем, но я даже не знаю <...> Было дело, он служил в армии на стороне Японии, а когда-то, говорят, был коммунистом. Но если вам нужно, то вы приложите все усилия, чтобы в книге изобразить его героем»*. Интересно, что в первоначальном тексте этой песни (2003) Юн Мин Соку пел о Чон Ду Хване и восстании в Кванджу²⁶.

Юн Мин Соку видит спасение страны в единении народа и общих слаженных действиях. В песне «До конца» он вновь открыто критикует власть, в том числе используя слова *«безумный президент»* (*мичхин тэтхоннён*), в припеве призывая *«Пойти до конца / Свечи побеждают»*. В этом его подход схож с современными авторами *минджун-гаё*. Так, например, в Интернете широкую известность приобрели «Песня изгнания» (*Хая сон*), «Не она» (*Кынё-нын ания*) и иные, в которых критика также не завуалирована, адресна и имеет исторический подтекст.

Заключение

Подводя итог, можно заключить, что в творчестве современных авторов *минджун-гаё* используются как традиционные элементы, которые имеют значение вне времени, так и прямые отсылки на исторические

события, характерные для критики конкретной ситуации и конкретного человека. Жанр развивается, и тот факт, что песни протеста пользуются популярностью в широких кругах и исполняются на антиправительственных демонстрациях, говорит нам о том, что *минджун-гаё* за 30—40 лет своего существования не утратили смысла и значения для корейцев.

Разумеется, предложенная Сержем Денисоф классификация протестных песен несколько искусственна. Конечно, вряд ли автор песни, сочиняя её, задумывается о том, к какой группе можно будет отнести его творчество. Однако мы видим, что общие модели создания протестных или «песен убеждения» оказываются едины не только для англоязычных стран, но и для Республики Корея — возможно, значительную роль в этом сыграли те первые сборники зарубежных песен, которые публиковали в 1980-е годы религиозные и студенческие организации.

Мы попытались нащупать путь, по которому развивается *минджун-гаё* в Корее, и в качестве своего проводника выбрали современного автора Юн Мин Сока, постаравшись на основе его творчества проследить основные тенденции жанра.

В соответствии с классификацией, предложенной в 1960-е годы Сержем Денисоф, мы смогли выделить две группы песен: 1) «магнетические песни», в которых Юн Мин Сок призывает граждан Республики Корея сплотиться и выйти на митинг ради сохранения памяти о трагедии парома «Севоль» и борьбы за свои права; 2) «риторические песни», в которых в черных красках описывается политическая ситуация в Корее.

Представляется важным проследить дальнейшее развитие *минджун-гаё* в Республике Корея после выборов 2017 г., а также связать развитие текстов песен протеста в 1980-е и 2010-е годы, определить ключевые темы и использованные аллюзии.

Примечания

¹ Десять песен протеста // Электронный журнал Furfur. 23.09.2010. URL: <http://www.furfur.me/furfur/culture/culture/106067-protest-songs> (дата обращения: 03.05.2017).

² The Princeton Encyclopedia of Poetry and Poetics / Roland Greene, Stephen Cushman, Clare Cavanagh, Jahan Ramazani, Paul F. Rouzer, Harris Feinsod, David Marno, Alexandra Slessarev. Princeton University Press, 2012. P. 1121.

³ Koreans are using this Pop-song to protest against the President. *Электронный журнал Cleo*. 14.11.2016. URL: <http://www.cleo.com.sg/entertain-me/celebrity-and-trending/girls-generation-song-protest-park-geun-hye/> (дата обращения: 03.05.2017).

⁴ Чон Кён Ын. Минджун-гаё норэчиб-е суроктвен вэгукког-е кванхан кочхаль (Обзор зарубежных песен протеста в сборниках корейских песен *минджун-гаё*) // Korean Journal of Popular Music, 6. Корейская ассоциация изучения популярной музыки (*Хангук тэджун ымак хакхве*), 2010. Р. 198.

⁵ Пак Пом Джон. Тэджунгаё-ро ильгонэнын чончхи-ва сидэсан (Признаки времени и политического строя через песни протеста *тэджунгаё*) // Journal of North-East Cultures, 45. The Association of North-east Asian Cultures, 12, 2015. Р. 186.

⁶ Например, см.: Чон Кён Ын. 1980-нёндэ сидэыйсик-ква минджун-гаё (Эпоха 1980-х гг. и *минджунгаё*) // Korean Journal of Popular Music, 2. Корейская ассоциация изучения популярной музыки (*Хангук тэджун ымак хакхве*), 2008. Р. 59—80. Также Пак Пом Джон. *Op.cit.* Р. 169—186.

⁷ Serge Denisoff R. Songs of Persuasion: A Sociological Analysis of Urban Propaganda Songs // The Journal of American Folklore. Vol. 79, No. 314 (Oct. — Dec., 1966). Р. 581.

⁸ Подробнее о периоде и «поэзии масс» см. *Солдатова М.В., Пак К.А.* Современная литература Кореи. Учебное пособие. Владивосток: Изд-во Дальневосточного государственного университета, 2003. С. 259—265.

⁹ Шин Кун-Суук. Я буду рядом. М.: Центрполиграф, 2014.

¹⁰ Эйдлин Л.З. Тао Юань-мин и его стихотворения. Минск, 1994. Издатель С.М. Ананьич. С. 289—290.

¹¹ Serge Denisoff R. *Op.cit.* Р. 582.

¹² «Чэя ундонка Пэк Ки Ван: «Хэбан тхониль хынхан 50нён касипаткиль» (Активист Пэк Ки Ван: 50 лет на тернистой дороге к Объединению), Кёнхян син-мун (13.04.1998). URL: <http://newslibrary.naver.com/viewer/index.nhn?articleId=1998041300329122001&edtNo=40&printCount=1&publishDate=1998-04-13&officeId=00032&pageNo=22&printNo=16405&publishType=00010> (дата обращения 06.05.2017).

¹³ Видеозапись выступления Мун Джэ Ина, размещенная представителями новостного сайта Oh My News [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=5zMu1KMo4WI> (дата обращения: 03.05.2017).

¹⁴ Мун Джэ Ин: Кукчон кёгвасо пхеджи, Имыль вихан хэнчин гок чечхан чиси (Мун Джэ Ин: упраздним единый учебник истории, споем вместе «Марш за Любимого»), *Huffington*, 12.05.2017. URL: http://www.huffingtonpost.kr/2017/05/12/story_n_16575128.html (дата обращения 13.05.2017).

¹⁵ Амтхубён анэ-ва хамке чот консик ымбан нэн Юн Мин Сок «Маым сок Химан-ый сом “Кыредо”-рыль сэнгакхэё» (Юн Минсок вместе со своей женой, больной раком, записал альбом: «Думаю об острове надежды “Но” в глубине

души», Хангёре (28.07.2014). URL: <http://www.hani.co.kr/arti/culture/music/648832.html>. (дата обращения: 03.05.2017).

¹⁶ Аудиозапись беседы с Юн Минсоком (2015 г.). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mnnBu1AaQiY> (дата обращения: 03.05.2017).

¹⁷ *Ли Сан Сук*. Минджун-гаё-е натханан тхониль ыйсик ёнгу (Исследование символов «объединения» в *минджун-гаё*) // Критическая литература (Пипхён мунхак). 2005. 11. P. 98.

¹⁸ Видеозапись «Протестной зарядки», размещенная представителями новостного сайта Oh My News [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Jsbkd2WT6TI> (дата обращения: 03.05.2017).

¹⁹ Подробнее см.: *Serge Denisoff R. Songs of Persuasion...* Op. cit. P. 581—589. *Serge Denisoff R. The Sounds of Social Change. Studies in Popular Culture. Rand McNally, 1972. 332 p. (Rand McNally sociology series).*

²⁰ *Serge Denisoff R. Songs of Persuasion...* Op. cit. P. 581—589.

²¹ Аудиозапись беседы с Юн Мин Соком (2015 г.). Указ. ссылка.

²² Там же.

²³ Подробнее см.: *Никитина М.И* Корейская поэзия XVI—XIX вв. в жанре сиджо. СПб., 1994.

²⁴ *Guryeva A.A.* The role of traditional models in understanding contemporary Korean literature works (based on «Heaven-Earth-Human» and «Light+Sound») // Вестник Центра корейского языка и культуры, Вып. 17. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2015. P. 187.

²⁵ В 2017 г. партия «Новых рубежей» (*Сэнури дан*) сменила название и стала именоваться «Партия свободной Кореи» (*Чаю хангук тан*).

²⁶ Первая версия текста песни доступна на сайте «Глас народа» (Минджун-ый сори). URL: <http://www.vop.co.kr/A00000006973.html> (дата обращения: 03.05.2017).

Е.А. Хохлова

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРИКАТУРА ЛИ ХА: ОБЛИЧЕНИЕ ВЛАСТИ И УТЕШЕНИЕ НАРОДА

Статья рассказывает о деятельности одного из самых ярких представителей современного протестного искусства Республики Корея — художнике Ли Ха, чье творчество получило большой резонанс в корейском обществе в последние годы. Автор подробно представляет и комментирует наиболее популярные работы Ли Ха, где тот в карикатурной форме изображает современных политических лидеров Ли Мён Бака, Пак Кын Хе и др. На примере творчества Ли Ха даётся характеристика современного протестного искусства, выявляются его особенности и степень влияния на южнокорейское общество.

Ключевые слова: корейское протестное искусство, минчжун мисуль, Ли Ха, политическая сатира, свобода слова.

Ли Ха (род. 1968, настоящее имя — Ли Бёнха) создает изображения южнокорейских политиков в стиле поп-арт, в жанре политической сатиры. Главные объекты его произведений — политические лидеры и крупные политические деятели Республики Корея. Создавая комичные образы, художник комментирует политику правительства и откликается на события, будоражащие общество. Изображения художник распечатывает в формате плакатов, листовок, наклеек. Плакаты расклеивает на городских улицах, листовки сбрасывает с крыш высотных зданий или раздает прохожим, а наклейки отправляет всем желающим по почте.

Ли Ха рисовал карикатуры для газет «Хангёрэ» и «Ханпит ильбо». Окончив магистратуру факультета изящных искусств в университете Кёнхи по специальности скульптура, работал мультипликатором, читал лекции по мультипликации в университете Кёнхи, а в 2007 г. уехал в Нью Йорк изучать кино. Там он нарисовал первые плакаты из серии «Милашки-диктаторы» (кор. — *квиеун токчэчжадыль*) — сатирические портреты политических лидеров разных стран. На выставке в Нью-Йорке к художнику обратилась с просьбой написать портрет Николае Чаушеску женщина румынского происхождения, семью которой расстреляли во время репрессий. После этого Ли Ха решил стать «художником улиц», создавать искусство для людей, способное утешить пострадавших от действий политиков.

В декабре 2010 г. в Сеуле в районе Инсадон Ли Ха наклеил свой первый политический плакат. Это было изображение действующего на тот момент президента Ли Мён Бака в образе нациста. Так началось путешествие длиною в пять лет, в течение которых художник устраивал перформансы (расклеивал плакаты, наклейки, разбрасывал листовки), полиция его арестовывала, а суды выносили приговоры. Художника арестовывали на месте «преступления» три раза, шесть раз предьявляли обвинения, 40 раз вызывали в суд, три раза признавали виновным и обвиняли к выплате штрафов¹.

На вопрос, почему он выбрал жанр политической карикатуры, художник отвечает: «Изначально я не собирался рисовать карикатуры на правительство. Однако я больше не мог терпеть действия политиков. Поэтому в 2010 г. нарисовал плакат с изображением Ли Мён Бака в нацистской форме. У искусства есть социальная роль. Искусство утешает уставшее от политики общество, залечивает его раны»². Ли Ха считает, что искусство должно служить людям, бороться за права большинства, быть инструментом народного гнева. «Искусство должно быть левым. Цель моего искусства — говорить о том, что несправедливо, что в нашем обществе не так». На вопрос, почему он продолжает выставлять свои работы на улицах, зная, что за этим может последовать арест и приговор, художник отвечает, что только так его работы могут общаться с людьми. Ли Ха убежден в том, что искусство должно быть частью жизни большинства, должно выполнять социальную роль, заключающуюся для него в «высмеивании правительства». «Я работаю для того, чтобы мир стал лучше. Если произведение искусства воспроизводится, если влия-

Ли Ха. «Ли Мён Бака» из серии «Милашки-диктаторы». 2010

Мёнбак; «чви» по-корейски означает мышь и созвучно с английской буквой G. Ли Ха также хотел привлечь внимание к несправедливо вынесенному, на его взгляд, приговору преподавателю Пак Чон Сун, который в ноябре 2010 г. нанес изображение мыши на 22 плаката саммита

Ли Ха. «Память истории». 2012

«большой двадцатки». Суд признал последнего виновным в порче плакатов и нанесении морального ущерба жителям Сеула, Пака приговорили к выплате штрафа в размере 2 млн вон⁵. Лопата на галстуке — это символ Ли Мён Бака и его успешной деятельности в «Хёндэ Констракшен». Ли Ха нарисовал плакат, чтобы показать, насколько устал корейский народ от президента Ли Мён Бака. Во время перформанса большинство прохожих хорошо реагировали на плакат, подходили к художнику, хвалили, подбадривали и, конечно же, фотографировали. Перформанс «Ли Мён Бака» принес известность Ли Ха.

ние его растёт и оно общается с людьми, то искусство становится культурой. И эта культура меняет законы и в итоге мир»³. За свои карикатуры и перформансы Ли Ха дважды попадал в чёрный список деятелей искусства, составленный во время пребывания на посту президента Пак Кын Хе. Сегодня его называют «королём чёрного списка». Рассмотрим, чем заслужил Ли Ха этот титул.

8 декабря 2010 г. Ли Ха расклеил 50 плакатов на автобусных остановках в районе Кванхвамун с изображением президента Ли Мён Бака в форме нацистского офицера⁴. На картине есть несколько символов, связанных с его деятельностью и политикой. Буква G на нарукавной повязке — это отсылка к популярному среди корейцев прозвищу Ли Мён Бака — Чви

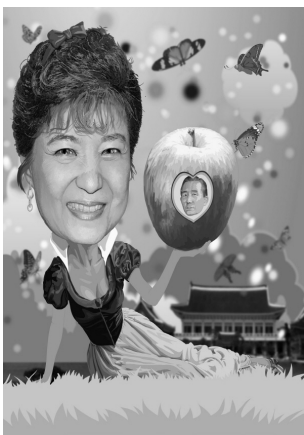
После «Ли Мён Бака» художник не планировал расклеивать плакаты на улицах, однако после того, как в гонку за пост президента страны вступила Пак Кын Хе, он не смог оставаться в стороне.

В апреле 2012 г. на автобусной остановке в районе Чонно появился плакат с изображением «сиамских близнецов» Пак Чон Хи и Ким Ир Сена на фоне флагов двух корейских государств. Президент РК был изображен на фоне северокорейского флага, а Вечный президент КНДР на фоне флага РК. Плакат провисел на остановке 20 минут, его сорвал и разорвал один из пассажиров.

Ночью 17 мая 2012 г. Ли Ха расклеил 70 плакатов с изображением бывшего президента РК Чон Ду Хвана в Ёнхвидоне, где проживает последний, за что был задержан полицией. На плакате изображен Чон Ду Хван в наручниках, в руках он держит чек на 290 тыс. вон. Чек — это не что иное как напоминание об отказе бывшего президента страны выплатить в казну сумму в размере 220 млрд вон, полученную в качестве взяток во время пребывания на посту президента. Чон Ду Хван после постановления суда заявил, что не в состоянии выплатить такую сумму, так как у него на счету есть лишь 290 тыс. вон⁶. Ли Ха удалось расклеить лишь часть плакатов, его быстро арестовала полиция. Годом позже суд приговорил его к выплате штрафа в размере 100 тыс. вон за «причинение неудобства жителям района и порчу имущества». При этом ни один житель не заявил на Ли Ха в полицию. Художник отказался платить штраф, поскольку не считает, что совершил что-то противозаконное. Нежелание выполнять решение суда Ли Ха также объяснил тем, что, если он согласится с приговором, признает себя преступником, это будет означать, что правительство имеет право ограничивать свободу самовыражения художника. «Нет закона, согласно которому искусство можно показывать только в стенах галерей. Мы имеем право выставлять свои работы и на улицах... Свобода самовыражения — это не только право создавать произведения на свое усмотрение, но и показывать его так, как нравится. Я сам ре-

Ли Ха. «Двести девяносто тысяч вон (Чон Ду Хван)». Из серии «Милашки-диктаторы». 2012

Ли Ха. «Белоснежка Пак Кын Хе». 2012

бусных остановках Пусана. Пак Кын Хе изображена на фоне Голубого дома, в руках она держит очевидно отравленное яблоко, в центре которого нарисован портрет её отца — Пак Чон Хи. Художнику не удалось

Ли Ха. «Севоль». 2014

шаю, как мне выставлять мои работы. Мне нравится показывать их на улицах»⁷.

Если бы художник выставлял произведения в галереях, полиции сложнее было бы найти повод его арестовывать. Однако Ли Ха сознательно выходит на улицу. Одна из причин — отсутствие другого выставочного пространства: галереи и музеи до сих пор не проявляют большого интереса к его творчеству. А вторая — это желание показать свои работы максимальному количеству людей. Художник надеется, что его работы станут поводом еще раз задуматься над теми проблемами, с которыми столкнулось корейское общество.

Утром 28 июня 2012 г. Ли Ха расклеил примерно 200 плакатов с изображением Пак Кын Хе в образе Белоснежки на автобусных остановках Пусана. Пак Кын Хе изображена на фоне Голубого дома, в руках она держит очевидно отравленное яблоко, в центре которого нарисован портрет её отца — Пак Чон Хи. Художнику не удалось расклеить задуманное количество плакатов, его задержала полиция. Было предъявлено обвинение в агитационной деятельности. На тот момент до начала выборов оставалось меньше 180 дней, по закону в РК запрещено расклеивать плакаты в поддержку или против кандидата за шесть месяцев до дня выборов⁸. Однако суд не вынес обвинительного приговора, так как в содержании плакатов не был найден чёткий политический призыв. Жителям же Пусана, где на тот момент у кандидата Пак Кын Хе был высокий рейтинг, понравились красочные плакаты.

23 мая 2014 г. в Каннине полиция обнаружила наклейки с изображением президента Пак Кын Хе на фоне тонущего

бумажного кораблика. По факту расклеивания наклеек полиция начала расследование. В радиозфире этого же дня Ли Ха сообщил, что наклейки сделал он, а расклеил — один из жителей Каннына, согласившийся помочь художнику. Ли Ха изобразил радостно смеющуюся Пак Кын Хе в национальном корейском костюме в компании семи собак. Одна из собак породы американский стаффордширский терьер, с которой президент забавляется, как написали блогеры, словно готова разорвать любого, кто посмеет тронуть «принцессу Пак»⁹. Собаки — это члены кабинета Пак Кын Хе. Как известно, в корейском языке сравнение с собакой является ругательным. По поводу данной работы Ли Ха написал в своем блоге: «Чем сильнее рана, тем дольше не проходит боль. Правительство и СМИ сильно ранили каждого из нас. Я молюсь за всех, кто испытал эту боль, и надеюсь, что это поможет нам осознать, что представляет собой общество, в котором мы живем»¹⁰.

Утром 21 октября 2014 г. Ли Ха вместе с помощниками у метро в центре Сеула раздал прохожим около 15 тыс. листовок с надписью «Разыскивается чокнутое правительство», на которых была изображена Пак Кын Хе в образе умалишенной девушки. Через несколько часов художник разбросал с крыши здания Donghwa Duty Free 4,5 тыс. таких же листовок. Полиция арестовала Ли Ха через 15 минут после того, как на Сеул пролился «грибной дождь» «Чокнутого правительства». Свои действия художник прокомментировал так: «Про наше правительство любой скажет, что оно сошло с ума. Убили детей и делают вид, что они ни при чём. Выборы провели нечестные, опять делают вид, что ничего не знают. Поэтому я напечатал листовки, что разыскивается сумасшедшее правительство... Конечно Пак Кын Хе может расстроиться, ведь её назвали “чокнутой”. Но Пак Кын Хе на листовке — это не один человек. Это все её правительство. А если Пак Кын Хе это не нравится, то пусть уходит в отставку»¹¹.

16 мая 2015 г. Ли Ха и его помощники разбросали 10 тыс. листовок под названием «Изящная отставка» в 10 городах, включая Сеул, Пусан,

Ли Ха. «Чокнутое правительство». 2014

Ли Ха. «Изящная отставка». 2015

Ли Ха. «Отставка». 2016

Тэгу, Кванджу и др. На листовке улыбающаяся Пак Кын Хе подстрижена на манер северокорейского лидера Ким Чон Ына и одета в короткое кружевное молодёжное платье. Ли Ха признался в содеянном на странице в Фэйсбуке. Он объяснил, что на листовках изображена «действующий президент РК с причёской Ким Чон Ына — суперзвезды среди диктаторов мира», и заявил, что «перформанс прошел в память жертв Восстания в Кванджу в надежде на то, что Пак Кын Хе изяшно уйдет в отставку»¹².

В декабре 2016 г. Ли Ха нарисовал портрет Пак Кын Хе с надписью «Отставка». Добродушно улыбающаяся Пак Кын Хе изображена в национальном корейском костюме в образе шаманки, из её головы словно вылезает Чхве Сун Силь. Портрет художник распечатал в формате наклеек, которые рассылал всем желающим. Для осуществления проекта художник обратился за помощью к соотечественникам. В своём блоге он написал: «Я планирую расклеить 7 тыс. наклеек ... в Пусане, Сеуле, Каннине, Нью-Йорке, Кванджу и других городах... Я распечатал 10 тыс. наклеек размером с ладонь. Прошу всех, кто хотел бы приклеить наклейку на

работе, в метро, кафе, на улице, рядом с домом, на машину и др., написать адрес и сколько вам нужно штук. Чтобы никто из вас не пострадал, в случае возникновения проблем я всю ответственность возьму на себя»¹³. Акция прошла успешно. Люди по всей стране приклеивали наклейки на двери поездов метро, на валидаторы в автобусах, на полицейские машины и др. Всего он разослал более 15 тыс. наклеек, которые напечатал на собственные средства. Отметим, что Ли Ха сохраняет максимально возможную для художника независимость, живет за счет фотографии, плакаты, листовки печатает на собственные средства.

За пять лет Ли Ха провел 20 перформансов по всей стране. Ему предъявили обвинение по семи статьям, в том числе о незаконном проникновении в здание, незаконном распространении листовок и нарушении общественного порядка. На это художник в суде ответил, что людям нравится то, что он делает, они разбирают его плакаты и листовки. Художник уверен, что его наказывали не за якобы противоправные действия, а за содержание работ. Подобные приговоры, по его мнению, ограничивают свободу самовыражения и свидетельствуют о том, что в РК «насталла эпоха цензуры»¹⁴. «В демократических странах свобода самовыражения — это естественное право, возвращение во времена военного диктаторского правления уже не шутка, а реальность»¹⁵. Как известно, в 2011 г. неправительственная организация «Фридом Хаус» понизила статус «свободы» в РК до «частично свободного», отметив усиление государственной цензуры относительно публикаций в сети Интернет, а также стремление правительства корректировать работу СМИ¹⁶.

Плакаты, листовки, перформансы Ли Ха вызывали живую реакцию корейцев, его называют «героем», борцом за справедливость. Во время перформансов корейцы высказывали одобрения, живо обсуждали действия политиков, собравшись у плакатов художника. Лишь немногие критиковали или срывали его плакаты. СМИ писали о художнике, его перформансах, однако чаще он появлялся на страницах не крупных новостных порталов. Из крупных изданий им интересовалась лишь оппозиционное «Хангёрэ 21». В период с 2011 по 2015 г. у художника несколько раз брали интервью не крупные телеканалы. В новостях центральных каналов его деятельность практически не освещалась. Однако начиная с сентября 2016 г. более крупные издания стали писать о художнике, особенно после того как был обнародован черный список, в который он попал дважды. Тем не менее до сих пор Ли Ха находится на периферии интереса южнокорейских специалистов в области искусства: автор статьи не смогла найти ни одной статьи или хотя бы заметки, посвященной его творчеству, в специализированных журналах.

В заключение выделим особенности политической карикатуры Ли Ха. Аудитория, зрители художника — это любой взрослый кореец, поэтому он создает плакаты, понятные каждому. В его произведениях нет сложной символики или трудносчитываемого содержания. Цель художника — показать их максимальному количеству людей, поэтому плакаты и листовки должны привлекать прохожих на улицах, привыкших к пространству, заполненному яркой визуальной информацией — афишами

или рекламой. Ли Ха выбирает яркую палитру и лаконичность, рисует персонажей с несоразмерно большими головами; голова занимает в среднем одну четвертую всего пространства. Большая голова, например, Пак Кын Хе с фиолетовыми волосами не может не обратить на себя внимания прохожих. Еще одна особенность — это комичность образов и святящаяся улыбка персонажей. Ли Ха не только высмеивает политиков в своих работах, но и призывает людей не бояться «сильных мира сего».

В 1990-х годах, по мнению южнокорейских специалистов, политическое искусство утратило свою силу. После того как был взят курс на демократизацию страны, художники оставили идею борьбы, заговорили на различные темы, связанные с проблемами личности и глобального мира. Однако начиная с периода правления Ли Мён Бака и особенно после выхода на арену политической борьбы Пак Кын Хе политическое искусство стало обретать новую жизнь, и прежде всего благодаря Ли Ха. В ноябре 2016 г. в галерее «Наму-атхы» прошла коллективная выставка художников под названием «Уходи в отставку» (кор. — *хая*), а в январе 2017 в здании Национального собрания РК — «Скоро мы с тобой распрощаемся» (*кот баичжон*)¹⁷. Ли Ха принимал участие в обеих выставках. Сегодня художник продолжает комментировать происходящие в политике страны и южнокорейском обществе события, выкладывая карикатуры на своей странице в Фэйсбуке и на собственном сайте www.leehaart.com.

Примечания

¹ Паккынхе пхунчжа лиха чакка быллэкрисытхы икванван чарансырово (Карикатурист Пак Кын Хе художник Ли Ха: «Я горжусь тем, что дважды попал в Черный список»). Хангук-ильбо. 11.16.2016. URL: <http://www.hankookilbo.com/v/495963a0f935471d8d57bf99ce71e851> (дата обращения: 04.07.2017).

² «Паккынхе пхунчжа кисоро то юмёнхэчжин лиха» (Художник Ли Ха, прославившийся после того, как Пак Кын Хе были предъявлены обвинения»). Кёнхян синмун. 14.02.2017. URL: <http://h2.khan.co.kr/view.html?id=201702140953001> (дата обращения: 16.02.2017).

³ Там же.

⁴ Художник объясняет выбор формы тем, что нацизм — это самый известный в мире пример тоталитарного режима.

⁵ «G20 хонбопхосытхое чви кырим кырин тэхааканса польгымхён» (Преподавателя, нарисовавшего крыс на постерах Большой двадцатки, приговорили к

выплате штрафа»). Чосон ньюсы. 13.05.2011. URL: http://news.chosun.com/site/data/html_dir/2011/05/13/2011051300681.html (дата обращения: 18.02.2016)

⁶ Ланьков А. Как заставить бывшего диктатора вернуть наворованное // Слон. 17.09.2013. URL: https://republic.ru/world/kak_v_yuzhnoy_koree_byvshiy_diktator_vozvrashchaet_navorovannoe-992176.xhtml (дата обращения: 18.02.2017).

⁷ Паккынхе пхосытхонын мучжвендэ чондухванын ючжвараго? (Если за постер Пак Кын Хе меня признали невиновным, почему признали виновным тогда за плакат Чон Ду Хвана?). Мидио оныль. 11.12.2015. URL: <http://www.mediatoday.co.kr/?mod=news&act=articleView&idxno=126567> (дата обращения: 18.02.2017).

⁸ Мошь кванго? Чондухваныль? 29 манвон. Супхёрыль? (Что же я рекламировал? Чон Ду Хвана? Чек на двести девяносто тысяч вон?), *Хангёрэ 21*, 2013.04.06. URL: http://h21.hani.co.kr/arti/society/society_general/34246.html (дата обращения: 18.02.2017).

⁹ Ли Ха чаккаэ севольхо пхунчжа сытхикхо (Наклейки-карикатуры Ли Ха на события, связанные с крушением парома Севоль). Амондычхоколлит сок амонды. 28.05.2014. URL: <http://modernlilac.tistory.com/439> (дата обращения: 18.02.2017).

¹⁰ Каннынэсо пальгёнтвен «паккынхе пунчжа» сытхикхо, чонгуге пуннында (Обнаруженные наклейки с Пак Кын Хе, появляются по всей стране). Минчжунэ сори. 22.05.2014. URL: <http://www.vop.co.kr/A00000756785.html> (дата обращения: 16.02.2017).

¹¹ Там же.

¹² Персональная страница Ли Ха в социальной сети Facebook. URL: <https://www.facebook.com/yowbi> (дата обращения: 19.02.2017).

¹³ Сайт Ли Ха. URL: http://www.lechaart.com/board/bbs/board.php?bo_table=statement (дата обращения: 18.02.2017).

¹⁴ Паккынхе пхосытхонын мучжвендэ чондухванын ючжвараго? (Если за постер Пак Кын Хе меня признали невиновным, почему признали виновным тогда за плакат Чон Ду Хвана?). Мидио оныль. 11.12.2015. URL: <http://www.mediatoday.co.kr/?mod=news&act=articleView&idxno=126567> (дата обращения: 05.05.2017).

¹⁵ Чондухван пхунчжа «ючже падын пхпатхисытхы» токчэсидэ хвекви, нондам анинин хёнсыл (Художник, признанный виновным за карикатуру Чон Ду Хвана: «Возврат в эпоху диктатуры — это не шутка, а реальность»). Кобальнюсы. 11.12.2015. URL: <http://www.gobalnews.com/news/articleView.html?idxno=16885> (дата обращения 18.02.2017).

¹⁶ Steven Borowiec. «Taking a pop», Index on censorship Magazine, 2014. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0306422014548358> (дата обращения: 19.02.2017).

¹⁷ Сигук пипхан пхунчжачонсихве (Выставка карикатур на нынешнее положение дел). URL: <https://tumblr.com/soonbye> (дата обращения: 05.05.2017).

М.Е. Осетрова

К ВОПРОСУ ОБ «ИЗОБРЕТЁННЫХ ТРАДИЦИЯХ» В КНДР

Настоящая статья ставит целью определить, существуют ли так называемые изобретённые традиции в КНДР и, если да, какова их специфика и причины возникновения. В качестве непосредственного примера «изобретённой традиции» рассмотрена гипотеза, предполагающая, что национальное блюдо *пхёнъянь-нэньмён* с 1980-х годов стало искусственно трансформироваться в блюдо — символ северокорейской национальной кулинарной традиции и главный гастрономический бренд современной КНДР.

Ключевые слова: изобретённые традиции, национальная культура, культурная политика КНДР, *пхёнъянь-рэнъмён*.

Термин «изобретённые традиции» был введён в научный оборот британским историком Эриком Хобсбаумом (1917—2012) в его одноименной работе, впервые увидевшей свет в 1983 г.¹ и с тех пор выдержавшей восемь переизданий. Эта научная идея получила широкое распространение в самых разных отраслях историко-гуманитарного знания, так как она не только объясняла природу самого феномена традиции в постиндустриальном обществе, но и показывала, как подобные традиции формируют систему ценностей и даже картину мира современного человека.

Настоящая статья ставит целью определить, существуют ли «изобретённые традиции» в КНДР, какова их специфика и причины возникновения. В качестве непосредственного примера «изобретённой

традиции» рассмотрена гипотеза, предполагающая, что корейское национальное блюдо *нэньмён*² (лапша в холодном бульоне), бывшее некогда одним из популярных блюд корейского рациона, с 1980-х годов стало искусственно трансформироваться в блюдо — символ северокорейской национальной кулинарной традиции и главный гастрономический бренд современной КНДР.

Что есть «изобретённые традиции» и почему они важны?

Хобсбаум называет «изобретёнными традициями» те общественные практики ритуального или символического значения, чья связь с историческим прошлым по большей части фиктивна³. В качестве таких «изобретённых традиций» в его работе рассмотрены, среди прочего, церемонии британского королевского двора или история якобы традиционной одежды шотландских горцев — килта. В работе убедительно доказывается, что подобные традиции не такие древние, какими порой представляются, и поясняется, что «чаще всего традиция изобреталась в ходе радикального преобразования общества, когда быстро разрушались социальные формы, под которые подстраивались старые традиции, а взамен возникали такие формы, к которым эти традиции уже невозможно приложить»⁴. То есть подобные традиции рассматриваются как ответ на новую ситуацию в форме отсылки к ситуации старой. Цель изобретения традиции — внедрение в обществе определённых ценностей и норм поведения⁵.

В КНДР данный феномен можно рассматривать в двух планах. *Во-первых*, там существуют традиции, которые действительно были буквально изобретены руководством страны в идеологических и пропагандистских целях. *Во-вторых*, есть традиции, которые преподносятся сегодня в официальных источниках как уходящие корнями в глубокую древность, но на деле либо таковыми не являющиеся, либо уже значительно переработанные и потому далеко отошедшие от изначальной формы и содержания.

Актуальность изучения феномена «изобретённых традиций» заключается в том, что они, по мнению Хобсбаума, являются «существенными симптомами и индикаторами». Они помогают установить и датировать определённые изменения в обществе. Но для этого необходимо рассматривать подобные традиции на широком фоне, а не сами по

себе⁶. В связи с этим в настоящей статье сначала будет представлен краткий обзор эволюции отношения к теме национальной культуры и традициям в КНДР в целом.

Эволюция отношения к национальной культуре и традициям в КНДР

Отношение власти к корейской национальной культуре и традициям менялось на протяжении всего существования КНДР. Так, в начале её истории на формирование культурной политики молодого северокорейского государства большое влияние оказал Советский Союз, чей опыт часто брался корейским руководством за образец. Однако с конца 1960-х годов важное место в северокорейской идеологии заняла установка на особую роль Ким Ир Сена в корейской революции и построении социализма, что было сформулировано в идеях *чучхе*. Под лозунгом «Не знать никаких других идей, кроме революционных идей великого вождя товарища Ким Ир Сена» партия стремилась создать так называемое монохромное общество. В рамках этого движения Трудовая партия Кореи развернула борьбу с «архаичным наследием традиционной культуры» и иностранным влиянием, что фактически можно рассматривать как «культурную революцию»⁷. С этого времени власть стала регулировать и контролировать все области культуры, строго следя за тем, чтобы через них транслировались идеи независимости и превосходства корейской культуры, а революционное и социалистическое замещало традиционное. Именно в то время широко распространилась практика цитирования высказываний вождя при описании любого элемента корейской культуры, что как бы осеяло любой, даже малозначительный, аспект северокорейской действительности светом великого имени и тем самым легитимировало его. А.Н. Ланьков, опираясь на личные воспоминания о пребывании в КНДР в начале 1980-х годов, пишет: «Всё “корейское” в то время должно было означать “кимирсеновское” или “чучхейское”. Поэтому и своя традиционная культура во многом замалчивалась как “феодалная” и “реакционная”, оставаясь по большей части неизвестной современным молодым корейцам»⁸.

Со второй половине 1980-х годов в культурной политике КНДР наметились некоторые перемены, в частности власти стали уделять больше внимания пропаганде национальных традиций. А.З. Жебин объяс-

няет это изменение неприятием в КНДР глобализации, которая рассматривалась как попытка навязать другим странам американский образ жизни. Возможно также, Север рассчитывал, что возрождение и поощрение национальных традиций окажется полезным для обеспечения за ним морального лидерства в процессе сближения и возможного в будущем объединения с Югом⁹. И.А. Толстокулаков пишет, что именно в этот период северокорейское руководство предпринимает попытки восстановить национальные религиозные традиции (главным образом, буддийские), что может быть объяснено необходимостью КНДР в то время выйти из международной изоляции и укрепить свой престиж на международной арене¹⁰. С. Хойслер, описывая 13-й международный фестиваль молодёжи и студентов, проводившийся в Пхеньяне в 1989 г., отмечает возрождение официального интереса к традиционному фольклору и народным обычаям (в частности, «реабилитацию» в массовом дискурсе песни «Ариран» и народных игр)¹¹.

1990-е годы стали особенно драматичными для КНДР: страна оказалась под давлением одновременно резко изменившейся международной обстановки и сильнейших внутренних катаклизмов. В условиях, когда власть уже не имела возможности материально обеспечивать население, идеологический аппарат заработал ещё мощнее. В подобных условиях стала особенно акцентироваться идея о том, что КНДР сумела сохранить «истинную» корейскую идентичность, культуру и традиции, особенно в сравнении с сильно вестернизированным Югом. Например, этим можно объяснить решение «отыскать» могилу Тангуна (1994) или сооружение грандиозного этнографического парка (2008).

Таким образом, можно видеть, что официальное отношение к культурному наследию и национальным традициям в КНДР менялось в зависимости от внешних условий, а также внутренних задач руководства страны.

Лапша *пхёнъян-рэньмён* как «изобретённая традиция» КНДР

Для иллюстрации феномена северокорейских «изобретённых традиций» можно привести пример из области национальной пищевой культуры. Так, название знаменитого северокорейского блюда *пхёнъян-рэньмён* (холодная лапша по-пхеньянски), подающееся сегодня как главная визитная карточка северокорейской кулинарии, может рассматриваться в некотором роде как «изобретённая традиция».

Разумеется, мы не подвергаем сомнению факт, что обычай употреблять в пищу гречишную лапшу в холодном бульоне (собственно *нэньмён*) действительно существовал в Корее длительное время. Этнографы фиксируют его как минимум с XVIII в. Подробные сведения об этой пищевой практике содержатся и в знаменитом трактате «Тонгук-сесиги» (1849 г.). Изначально блюдо пошло из северных провинций Пхёнъандо и Хванъхэдо, а позже постепенно распространилось по всему полуострову¹². Тем не менее в настоящее время в массовом сознании как на Севере, так и на Юге Корейского полуострова оно прочно ассоциируется именно с северокорейской пищевой традицией.

Практически любые современные северокорейские источники, ориентированные как на внутреннюю, так и на зарубежную аудиторию, называют сегодня это блюдо «самым главным», «самым известным» и «одним из самых выдающихся» с точки зрения вкуса, пользы и истории в северокорейской кулинарной традиции. Подобная подача наблюдается на самых разных уровнях (СМИ, специализированные кулинарные книги и справочники, академическая литература). Например, в одном из номеров главного женского журнала КНДР «Чосон нёсон» («Кореянка») за 2007 год блюдо описывается так:

«Пхёнъянь-рэньмён — это выдающееся наследие наших предков, достигших небывалого уровня в структуре питания и обработке пищи. Поэтому каждая семья должна бережно хранить и передавать будущим поколениям это наследие нашей пищевой культуры и таким образом делать её ещё более изысканной и удобной в повседневной жизни»¹³. (*перевод — М.О.*)

Северокорейский профессор Ким Гёнчхан в докладе, представленном на 3-й международной конференции, проводившейся в университете Ким Ир Сена в 2014 г., пишет: «В *пхёнъянь-рэньмён* отчётливо отражен творческий потенциал и мудрость нашего народа»¹⁴. Данный тезис он доказывает, подробно объясняя состав и способ приготовления *рэньмён* и таким образом показывая, что это блюдо действительно стоит особняком среди других.

Такую же репрезентацию можно увидеть и в северокорейских ресторанах, работающих за пределами КНДР, где *пхёнъянь-рэньмён* сегодня — основной специалитет. Например, в московском ресторане «Корё» гостям даже предлагается специально отпечатанная информация на русском языке, рассказывающая об этом блюде. Аналогичного высокого статуса в меню заслужили только знаменитые корейские ква-

шенья *кимчхи*. Особое внимание в информационном листке уделено выдающейся пользе этого вида лапши для здоровья, а также отдельно говорится:

«Издавна считается, что если есть холодную лапшу, то можно жить долго, длинную жизнью, как длинная пряжа лапши, поэтому стало одним из обычаев для корейского народа есть лапшу *нэньмён* в день рождения» (синтаксис источника сохранен. — *М.О.*).

Всё это должно убедить нас в том, что *пхёнъян-рэньмён* действительно чрезвычайно древний и культурно знаковый элемент корейской традиционной кухни. Однако есть свидетельства того, что по крайней мере название и символические смыслы *пхёнъян-рэньмён* «изобретённые». Так, российские и немецкие корееведы, учившиеся в 1970—1980-х годах в КНДР, вспоминают, что в то время такое название не использовалось корейцами, а соответствующее блюдо называлось просто *куксу* (лапша)¹⁵. Этим устным свидетельствам находят и письменные подтверждения. Так, в справочнике «Корея: краткие сведения», изданном в Пхеньяне в 1987 г. (на русском языке), в секции «Питание» говорится:

«Широкой популярностью пользуется, в частности, *куксу* из муки гречихи. Пхеньянское *куксу* с холодным бульоном тоже изготавливают из муки гречихи. Очень вкусно пхеньянское *куксу* с клейкими нитями, с разбавленным холодным, приятным на вкус бульоном»¹⁶.

Подтверждают мысль о том, что название *пхёнъян-рэньмён* — относительно современное явление в северокорейской гастрономической действительности, и перебежчики. Так, профессиональный кулинар и исследователь северокорейской кулинарии Ли Э Ран, живущая в Южной Корее с конца 1990-х годов, пишет в своей книге «Северокорейский гурман», что в её время в КНДР не часто употреблялось слово *нэньмён*, а данное блюдо в меню ресторанов чаще называлось *мемиль-куксу* (гречневая лапша). Кроме того, такие популярные сегодня на Юге гастрономические бренды, как *пхёнъян-нэньмён* и *хамхын-нэньмён* (холодная лапша по-хамхынски), встретить было не так просто¹⁷.

Северокорейские кулинарные книги также отчасти подтверждают идею о том, что название *пхёнъян-рэньмён* возникло и начало постепенно распространяться в КНДР только с 1980-х годов. В имеющихся в наличии у автора кулинарных книгах, изданных до этого периода, в частности в книге 1956 г., блюда под названием *рэньмён* нет вообще, причём даже в разделе «холодные супы» (*нэньгук*), зато наряду с корейскими традиционными блюдами (например, сладостями *тток*, похлёбками

ччиге и др.) есть рецепты приготовления майонеза, а также хлебобулочных и кондитерских изделий западного происхождения (например, пончики *донатс*), свидетельствующие о том, что в те годы эти блюда имели распространение и были важны в корейском рационе¹⁸. В кулинарной книге 1960 г., посвященной именно национальной кухне, упоминаются рецепты нескольких вариантов *куксу*, но пхеньянского *рэнъмёна* среди них нет¹⁹.

Большой словарь по Северной Корее, изданный в Республике Корея в 1979 г., также не имеет отдельной статьи о *пхёнъян-нэнъмён*. Упоминание об обычном *нэнъмёне* есть в статье, посвящённой лапшичным ресторанам (*куксу-чин*), где говорится, что подобные заведения есть как в столице, так и во всех провинциях и что в них подаются различные виды лапши, такие как обычное *куксу*, а также *нэнъмён* (лапша в холодном бульоне) и *онъмён* (лапша в горячем бульоне)²⁰. О *нэнъмёне* по-пхеньянски ни слова.

Из этих данных можно сделать предположительный вывод, что традиция называть холодную гречишную лапшу именем *пхёнъян-рэнъмён* стала возникать где-то в 1980-х годах. По крайней мере, в кулинарной книге 1984 г. рецепт лапши именно под этим названием уже фиксируется²¹, а в книге 1985 г. его уже включают в список «самых известных блюд Кореи»²².

Что следует из этого вывода? Можно предположить, что начало конструирования в 1980-х годах главного пхеньянского блюда-символа произошло на фоне изменений в культурной политике КНДР, о которых говорилось выше. Изменение официального отношения к традиционной культуре в целом нашло отражение и в сфере национальной кулинарии. Конечно, в те годы идеологический аппарат не рассматривал тему национальной кулинарии как первоочередную в деле внутренней и внешней пропаганды, а питание населения, которое обеспечивала государственная распределительная система, было сфокусировано прежде всего на идеях социалистической справедливости и равенства, нежели на теме продвижения национальных пищевых традиций. И тем не менее «изобретение» *пхёнъян-рэнъмёна* в качестве блюда-символа можно расценивать как определённый поворот (пусть незначительный) к теме национальных традиций в его кулинарной ипостаси.

Кроме того, на Юге в это время также активно шёл процесс пересмотра статуса национальных пищевых традиций: из повода для национальных комплексов они неуклонно превращались в предмет нацио-

нальной гордости. В частности, рос престиж главной корейской закуски — *кимчхи*, которая представлялась теперь не только как полезное и вкусное блюдо, но уже и как отражение национального характера, традиционных ценностей и культуры корейского народа²³. В 1986 г. в Сеуле был открыт музей этого блюда, который в 1988 г. — накануне XXIV летних Олимпийских игр — переехал на главную выставочную площадку Республики Корея СОЕХ. Возможно, эти события отчасти подстегнули Север к созданию своего независимого северокорейского пищевого символа. Некогда всего лишь как одно из популярных блюд корейского рациона, оно начинает подаваться уже как выдающееся произведение национальной кулинарии, восстанавливающее здоровье и поддерживающее молодость. При его описании начинают делать особый акцент на глубокую историю его происхождения, уходящую почти к истокам корейской нации. Все эти свойства, по мнению северокорейских специалистов, подтверждают главный идеологический тезис КНДР о том, что северокорейская культура (в данном случае — пищевая) является уникальной, исключительно самобытной и передовой, что в свою очередь свидетельствует о превосходстве и выдающемся характере самого народа КНДР.

Таким образом, можно предположить, что искусственное превращение *пхёнъянь-рэнъмён* из рядового блюда корейского рациона в блюдо — символ корейской кулинарной традиции, начавшееся с середины 1980-х годов, допустимо рассматривать как часть более широкого процесса по пересмотру отношения к национальной культуре в КНДР в целом, а также как один из шагов на пути формирования независимой северокорейской культурной идентичности. Более того, конструирование подобного блюда — символа северокорейской кулинарии как раз позволяло формировать среди населения образ национальной кухни и национальной культуры в соответствии с общим направлением идеологической политики того времени.

Заключение

Как видно из проведённого анализа устных и письменных источников, есть определённые основания рассматривать северокорейскую практику представления национальной кулинарии с помощью блюда *пхёнъянь-рэнъмён* как «изобретённую традицию». В пользу этого утвер-

ждения говорит то, что, *во-первых*, этой практике приписывается более древний возраст, нежели есть на самом деле, и большое количество «выдающихся» характеристик (скорее «воображаемых», чем реальных). *Во-вторых*, целью «изобретения» является внедрение определённых ценностей и норм поведения, как и пишет Хобсбаум. В нашем случае это идеи превосходства и уникального характера национальной северокорейской кулинарной культуры и шире — культуры в целом, в чём-то в противовес аналогичному движению на Юге, происходившему в то же время. *В-третьих*, эта «изобретённая традиция» направлена на формирование независимой северокорейской культурной идентичности с целью укрепить связь народа и власти, а также подтвердить истинность идей *чучхе*²⁴.

Примечания

¹ *Hobsbawm, Eric J. and Terence O. Ranger, eds. The invention of tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.*

² В северокорейской орфографии возможно два вида написания и, соответственно, происхождения слова *нэньмён* и *рэнъмён* (냉면/랭면) («холодная лапша»): в зависимости от года написания текста. На Юге пишут и говорят *нэньмён*.

³ *Хобсбаум Э. Изобретение традиции // Вестник Евразии. 2000. № 1 (перевод с англ. Сергея Панарина). С. 48.*

⁴ Указ соч. С. 51.

⁵ Указ соч. С. 48.

⁶ Указ соч. С. 59.

⁷ История Кореи (Новое прочтение) / Под ред. А.В. Торкунова. М.: МГИМО(У); «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. С. 405.

⁸ *Ланьков А.Н. Пхеньян и пхеньянцы: 1984 (заметки советского стажёра) // КНДР вчера и сегодня. Неформальная история Северной Кореи. М.: Восток-Запад, 2005. С. 301.*

⁹ *Жебин А.З. Эволюция политической системы КНДР в условиях глобальных перемен // НП ИД «Русская панорама». М., 2006. С. 157.*

¹⁰ *Толстоулаков И.А. Положение религии в КНДР: история и современность // Корейский полуостров: уроки истории: доклады, представленные на XIV научной конференции корееведов России и стран СНГ (Москва, 30—31 марта 2010 г. ИДВ РАН). М.: ИДВ РАН, 2010. С. 174, 176.*

¹¹ *Haessler, Sonja E.* Korean history and cultural traditions showcased at the 13th World Festival of Youth and Students in Pyongyang, 1989 // Международный научный корееведческий семинар, посвящённый 20-летию создания Центра корейского языка и культуры СПбГУ: тезисы докладов. СПб.: ВФ СПбГУ, 2015. С. 15.

¹² *Чу Ёнха.* Сиктхак ви-е хангукса: меню-ро пон 20-сеги хангук ымсик-мунхваса (История пищевой культуры Кореи 20 века, рассмотренная через её меню). Сеул: Humanist, 2013. Р. 125—128.

¹³ Пхёнён-рэнъмён // Чосон Нёсон. 2007. № 10. С. 52.

¹⁴ *Ким Гёнчхан.* Минжок ымсик-ыль тхонхваё пон ури инмин-е чханъжочжок чихе (Творческий потенциал и мудрость нашего народа, увиденная сквозь призму национальной кухни) // Сборник докладов, представленных на 3-й международной конференции в ун-те Ким Ир Сена, 2014. С. 96.

¹⁵ Из личной беседы с немецким корееведом Соней Э. Хойслер, в настоящее время преподающей в Стокгольмском университете.

¹⁶ *Пан Хван Чжу.* Корея — краткие сведения. Пхеньян: Из-во литературы на иностранных языках. С. 327—328.

¹⁷ *Ли Эран.* Пукхан сиккэк (Северокорейский гурман). Сеул: Woongjin Living House, 2012. Р. 24.

¹⁸ Ымсик мындынын поп (Кулинария). Пхеньян: Чосон нёсоньса, 1956.

¹⁹ *Чу Ёнбонъ, Юн Хичжунъ.* Чосон рёри (корейские блюда). Пхеньян: Чосон нёсоньса, 1960.

²⁰ Пукхан тэсачжон (Большой словарь по Северной Корее). Сеул: 1979. С. 224.

²¹ *Юн Ги Ун.* Чосон мичжон ымсик (Корейская национальная кухня). Пхеньян: Конъон-чхульпанса, 1984. С. 87.

²² *Кон Хун, Ким Бокчо, Чон Сунхва, Чхон Соккын.* Сахвечжу сэньхваль мунхва пэкква (1): Чосон ымсик (Энциклопедия социалистической повседневной культуры: Корейская еда). Пхеньян: Кыллоданчхе-чхульпанса, 1985.

²³ *Han Kyung-Koo.* Some foods are good to think: kimchi and the epitomization of national character // Korean Social Science Journal. 2000. Vol. 27 (1). Р. 221—235.

²⁴ Автор выражает благодарность корееведу, корреспонденту РИА-новости (Токио) Ивану Захарченко за содействие в подготовке статьи и за предоставленные редкие материалы по истории северокорейской кухни.

Summary

Zhebin A.Z.

Nuclear Problem in Korea: in Search of Solution

The nuclear issue of the Korean Peninsula was one of the most difficult problems of international politics. Some countries' attempts to solve the problem by strengthening sanctions against the DPRK not only failed, but led to a situation directly threatening Russia and other NEA countries' security. The author brings attention to increasing role of power politics employed by the new US administration in solving the issue and presents his vision of possible ways to resolve the situation concerning the DPRK's nuclear and missile programs.

Keywords: nuclear problem on the Korean Peninsula, DPRK, non-proliferation of WMD, international security.

Toloraya G.D., Yakovleva L.N.

New Challenges for Russian Policy on the Korean Peninsula After Administration Change in Seoul and Washington

Park Geun-hye impeachment and Donald Trump's election victory have changed considerably political and security landscape on the Korean Peninsula. A new South Korean administration of whatever political orientation will have to consider mistakes of its predecessors and stick to a more positive strategy toward North Korea and China, without doubting its alliance with the USA. The US may start direct talks with North Korea as well as step up pressure on it, and these two scenarios are not mutually exclusive. What steps should Russia take under current circumstances?

Keywords: Korean peninsula, DPRK, South Korea, D.Trump, North Korea's nuclear missile program, THAAD.

Vorontsov A.V.

Prospects of Strategic Situation on the Korean Peninsula in 2017

The concept of «strategic patience», i.e., «deterrence without negotiation», which spent eight years trying to implement the B.Obama administra-

tion has failed. There two most realistic variants of development of bilateral relations between the U.S. and the DPRK in 2017. The first concept «pressure and dialogue» implies the beginning of a serious, aimed at reaching a mutually acceptable agreement, negotiations with Pyongyang. The second advocates for the continuation and toughening of the policy «the pressure without engagement» for the imposition of total sanctions and a full trade embargo, etc. If the administration D. Trump will choose the first of the described variants progress in U.S.-North Korean relations will become a reality. If supporters of the confrontational line once again prevail, Pyongyang will proceed to a new stage of speeding up nuclear missile programs.

Keywords: Korean Peninsula, denuclearization, deterrence, negotiations, pressure, compromise.

Kim E.U.

Foreign Policy Concept of Russia and Korea

1 December 2016 was published the updated Concept of Russian foreign policy. Previous similar concept was published in 2013, in accordance with the established tradition of publication of these strategic documents once for the entire term of the newly appointed President. Therefore, the publication of a new concept, it is possible to tell, has been associated with rapid changes of some fundamental problems of international relations, and changes of position, space and weight many countries with which it maintains relations of Russia. This applies to the Korean policy of Russia. This refers to the need to adjust the policy of Russia on the Korean issue in General (including issues of peace and security and the denuclearization of the Peninsula), and the relationship with the DPRK and the Republic of Korea. More active work of Russian diplomacy in the Korean direction, not engaging in confrontation with the leading players in the region, but not diminishing its weight and its role in world politics.

Keywords: foreign policy Concept of the Russian Federation, the Korean issue, the DPRK, the ROK, active diplomacy.

Kazaryan R.L.

The problem of unification of Korea and Russia's interests

The paper addresses the issue of Korean unification in the context of Russian interests in the region. It is no secret that in recent years the South Korean leadership is actively promoting the thesis about the imminent collapse of the regime in the north and the need to be prepared for a forced unification under

the aegis of Seoul. Such a scenario, according to the paper, does not meet Russia's interests, as in the opinion of the majority and diplomats, and academics will lead to destabilization of the situation on the peninsula, the demographic catastrophe and possibly a full-scale war involving not only the two Koreas. Russian diplomacy is making efforts to stabilize the situation, calls on the parties to abandon the confrontational approaches and to return to negotiations on a wide range of issues.

Keywords: Russia, ROK, DPRK, the problem of unification, inter-Korean dialogue, the Russian interests on the Korean Peninsula.

Evseev V. V.

On New Security System in Northeast Asia

Northeast Asia remains quite an explosive region. Washington is setting up missile defense lines that are directed against Beijing. It would seem that in such conditions, especially considering the allied relations of the USA with Japan and South Korea, it is extremely difficult to create restrictions in the region for a new arms race. But this is possible with the so-called sectoral approach, where the security system is not created immediately in the entire region, but initially in some of its parts. In particular, the transition to limited military cooperation between Moscow and Tokyo is possible, taking into account the results of the visit of Russian President Vladimir Putin to Japan. Even more interesting are the prospects for such cooperation between Russia, China and South Korea against the backdrop of the deployment of the US ground-based missile defense system, the THAAD, on the Korean Peninsula.

Keywords: US-South Korean exercises, Korean Peninsula, missile defense, North-East Asia, regional security system.

Asmolov K. V.

Chinese View on Contemporary Issues of the Korean Peninsula

The current situation on the Korean peninsula forces PRC leadership to make a harch choice, the inevitability of which is growing. Looking at the medium-term perspective, there are only two directions for decision-making: either China recognizes the nuclear status of the DPRK and refuses measures aimed at deterring it, thus pushing for significant changes in the world order; or, in alliance with the United States, China leads to a DPRK regime change, thus driving to the inevitable absorption of the North by the South. However,

both options bear Beijing with a number of very painful problems, albeit of different types. In this context, we will analyze both the recent actions of the PRC leadership, and positions expressed by the representatives of the Chinese side at the joint forums, dedicated to the problems of the Korean peninsula in summer-autumn 2016.

Keywords: China, Korean states, PRC-DPRK relations, security dilemma, hard choice in decision-making.

Khrustalev V. V.

Means of Delivery of Nuclear Weapons of North Korea — the Current Status of the Programs and Attempts to Forecast

Currently, the military-political leadership of the DPRK solves the problem of the transition from a «minimum» nuclear deterrence (when there is only a certain theoretical probability of a nuclear response to attack the enemy) to «reliable» (high probability) or better yet, «guaranteed» to nuclear deterrence. At the same time solve the transition from indirect deterrence of the United States (the threat of attacks on US bases in the region and the countries of the allies) to direct (threat of attack targets in the USA, ideally on the main continental territory). Here a great role belongs to the means of delivery of nuclear weapons.

Keywords: North Korea, USA, nuclear deterrence, delivery systems of nuclear weapons.

Kiku D. V.

Assessment of the Development of the DPRK Missile and Nuclear Programmes Through the Lens of the UN Security Council Sanctions Regime

The unprecedented intensity of the nuclear and ballistic missile tests conducted in 2016 helped the DPRK to achieve technological milestones in weapons of mass destruction capability, and all indications are that this pace will continue. The country has indicated its intention to complete its nuclear capability by claiming that it has «developed H-bomb and had access to standardized nuclear warhead» and «entered the final stage of preparation for the test launch of intercontinental ballistic missile». The stated goals of the UN Security Council resolutions of achieving denuclearization and a peaceful solution to the situation seem increasingly remote.

Keywords: United Nations Security Council, DPRK, sanctions regime, nuclear issues of the Korean Peninsula.

Ivanov A. Yu.

Northern Limit Line as a Source of Direct Military Conflict Between the Republic of Korea and DPRK

The Korean War of 1950—1953 for many years pushed the question of unification of the two Koreas, retaining military and political tensions on the peninsula, which put and still puts both Koreas to the brink of another military conflict. Despite of the adoption of a number of regulations, the question of the border between North and South Korea in the region remains unresolved, which creates conditions for periodic escalation of tensions. In this regard, North and South Korea have to contain the waters of the Gulf of Ganghwa large groups of ship. Thus, part of the Yellow Sea became a potential flashpoint that could become a source of widespread conflict.

Keywords: Democratic People's Republic of Korea, Republic of Korea, Yellow Sea, demarcation line, NLL, US-ROK naval exercises, border clashes, military tension.

Grinyk V. A

Karatani Kojin 's Conceptions with the Korean and Japanese History

Japanese philosopher K. Karatani has elaborated the conception of «core» — «margin» — «sub-margin». In accordance with it the ancient world empires presented «cores», «margin states» were located around them, and «sub-margin countries» were located at some distance from the «margin states». In East Asia the Chinese Empire was the «core» of civilization, Korea belonged to the «margin» and Japan to the «sub-margin». The «core» subjugated and conquered the «margin», or, on the contrary, the «margin» invaded and conquered the «core», thus, the tendency of the assimilation of the «core» and the «margin» appeared. The states of the «sub-margin» in difference with the «margin states» could selectively perceive the culture of the «core» of the civilization and had more opportunity to form an original world.

Keywords: «core» — «margin» — «sub-margin», China, Korea, selective perceiving of culture, socio-economic development.

Yakimova D. A.

Disagreements among the Japanese Ruling Circles before the Annexation of Korea

Japan tried to establish control over Korea during the last three decades of the XIX century. After the signing Korean-Japanese protectorate treaty in 1905 the policy of the Japanese powers began to move toward annexation. In

any period of the Japanese history the occupation of Korea was of any question. The main problem was to choose the political strategy to carry out the annexation. That was the main reason for the disagreements among the Japanese ruling circles. Among the advocates of the immediate annexation of Korea were Yamagata Aritomo, Terauchi Masatake and militaristic party Budan. Ito Hirobumi, his successor Sone Arasuke, Katsura Taro and Bundzi fraction supported the gradual annexation. Ito insisted on «annexation of Korea at the appropriate time». Choice of the strategy toward Korea was complicated by finding support of the western powers.

Keywords: «seikan ron», Protectorate treaty, annexation, gradual annexation, Budan, Bundzi, autonomy.

Ovchinnikova L.V.

Changing Self-identity of Koreans in Colonial Korea (late 30-s — early 40-s of the XX Century)

This research takes us back to Korean history of late 30-s — early 40-s of the XX century. It is based on data found in books published for official use by the Japanese General-Governor's Office in colonial Korea. The Japanese colonial administration had made an attempt to change Koreans self-identity, declaring the necessity of Korea's merging with Japan. In the second half of the 30-s Korea has become a foremost base of Japanese colonial policy in Eastern Asia. According to the Japanese colonial administration editions, Korea — due to its specific geographical location — was proclaimed to play the leading role in the so-called Asian Sphere of Mutual Prosperity, which the Japanese colonial policy ideologists wished to build.

Keywords: self-identity, colonial Korea, Japanese colonial administration, «Asian Sphere of Mutual Prosperity», «Japanese spirit».

Lobov R.N.

The Normalization of Relations Between the Republic of Korea and Japan in the 1960—1965: Factors, Dynamics, Results

The period from 1960 till 1965, essentially, was the final stage of negotiation process on bilateral relations normalization that continued from the 1951. There was a period, when accelerated normalization of relations between Seoul and Tokyo ended by the signing of the Treaty on basic relations between Republic of Korea and Japan. It created a base of bilateral political and economic cooperation during the postwar period. So, political trends on the decade after the Republic of Korea's proclamation, including nation-state for-

mation, accompanied by nationalist renaissance, significantly complicated the situation. In our case, it provoked the movement against the talks between South Korea and Japan that take part in the early 1960s.

Keywords: Republic of Korea, Japan, foreign policy, talks on bilateral relations settlement.

Kurbanov S. O.

On the interviews by Korean Extraordinary Envoy and Minister Plenipotentiary Lee Beomjin during the Russian-Japanese War (1904—1905)

The article introduces to the reader a number of original, not specifically studied interviews by Korean Extraordinary Envoy and Minister Plenipotentiary Lee Beomjin at the imperial court of Nicolas the II, which he gave to the «St. Petersburg newspaper» (Peterburgskaya gazeta) during the Russian-Japanese War (1904—1905). The interviews introduce such aspects of activities of the Korean envoy as 1) ensuring the diplomatic correspondence between the Korean mission in Russia and Korean imperial court; 2) delivering official statements through the Russian press; 3) providing to the Korean citizens, stayed in Russia (in St. Petersburg) consular services; 4) the maintenance of activities of the Korean mission; 5) press coverage of the Korean positions on international issues; 6) country life of the diplomat in the vicinity of St. Petersburg. The interview also gives the opportunity to meet with Lee Beomjin's attitude to the Russian-Japanese war, to his view on Korea position (role) in it, which he was thinking exclusively as a neutral state. During the war, Lee Beomjin always hoped Russia to win, and also hoped that Russia will help Korea to defend her independence.

Keywords: Lee Beomjin, interview to the «St. Petersburg newspaper», the Russian-Japanese War, 1904—1905, the Korean diplomatic mission, the neutrality of Korea, Russian victory, closing of the mission.

Akulenko V. S.

Oppositional Historical School of ROK: fraud history or fight against it?

In the late 1970's — early 1980's the new phenomenon, so-called Oppositional Historical School or jaeyasahak (재야사학), revealed itself in South Korea. It was formed by the group of enthusiasts on the background of the general criticism of government actions and educational policy. For the first time the term jaeyasahak appeared in the article of newspaper «Kyeonhyan Sinmun» in November, 1978. The author applied it to the historians, who did not work at a university, or avoid participating in the scientific

conferences, while developing their alternative concepts of the Ancient History of Korea. Later, the term was extended to all researchers, who ignores the usage of generally accepted methods of historical research, or who work on the material, which the scientific community recognized as unreliable or fake. Despite criticism from the academic community, jaeyasahak in recent years has considerably strengthened its position in South Korea and constantly influences the Kor'eian Studies neither in ROK nor overseas. In this regard, an analysis of this phenomenon is extremely important for the future of Korean Studies. Another important aim of this paper is to study the basic framework of jaeyasahak.

Keywords: South Korea, Tangun, Hwangyin, Hwangung, jaeyasahak.

Pak A.V.

The Christian Factor in the Policy of Russia in Korea in the late XIX — early XX Centuries

For the first time, the idea of opening the Orthodox Mission in Korea was expressed not by priests, but by Russian diplomats. In 1889, the representative of the Russian Foreign Ministry, N.A. Shuisky compiled a very curious document, which contained a plan for the establishment of an Orthodox mission in Korea. In particular, it emphasized that since Korea is of interest to Russia from the point of view of its policy in the Far East, «this should prompt us to look for measures to acquire cultural influence there as a constituent foundation on which political influence is built ...». The activity of the Russian Orthodox Mission (RDM) in Seoul despite the widely stated in the original project objectives of strengthening the cultural influence in Korea almost from its inception has faced numerous problems and difficulties. The lack of material resources and a difficult political situation in Korea has led to the fact that we had to lower the bar of their initial claims and to confine itself to more modest goals. The Orthodox Church was never built. This, unfortunately, had neither the necessary funding nor the energy Orthodox missionaries, no need for a political solution. The underestimation of the impact of the religious factor, along with the miscalculations of diplomats and a change of priorities in Russian foreign policy, was among the many objective factors naturally led to the fact that we did not conduct active policy in Korea by shifting the center of their interests in neighboring Manchuria. The words of Shuisky of the importance of cultural influence, which goes to the political come true, but unfortunately, not for Russia.

Keywords: N.A. Shuisky, a Russian Orthodox Mission (RDM), an Orthodox Church, the religious factor, cultural influence.

Sadakov D. A.

Fixation of Korean Division in 1948: American Reasons, Methods and Role of UN

Decision on fixation of Korean division was made by US establishment in the conditions of rapidly deteriorating internal situation in the American occupation zone and simultaneous strengthening of Soviet positions to the north of the 38th parallel. To implement this decision Americans used United Nations in which Washington had a dominant influence on the absolute majority of the members. The author analyzes US reasons for taking this course of actions and reveals the process of achieving this goal.

Keywords: United Nations, Division of Korea, Truman, Soviet-American relations, Republic of Korea.

Sinyakova A.F.

The Insurance Market of the Republic of Korea: Current Trends

Financial services market of the Republic of Korea including insurance services remained quite closed for a long period of time. Foreign companies have entered the insurance market of Korea recently and their share is still low both in life and in non-life insurance. The main trends of the insurance market are: steady growth of retirement insurance and other related life insurance products, online insurance sales increase, changes of pricing in reinsurance resulting in large market capitalization in the medium term.

Keywords: Republic of Korea, insurance, reinsurance, financial services market, life insurance, non-life insurance.

Masharski K.G.

Specific Features of the National Innovation System of the Republic of Korea: Prospects and Challenges

One of the factors of the economic success of the Republic of Korea is the functioning of its national innovation system (NIS). The article analyzes the formation and development of the South Korean model of NIS, as well as the system of government management. SWOT-analysis of the ROK's national innovation system is carried out.

Keywords: national innovation system, innovation policy, the Republic of Korea.

Zueva A.G.

Current Status and Prospects of South Korea's Transport and Logistic Projects

Developed to increase exports to the European region, transportation and logistics projects of the Republic of Korea are connected with participation of the Russian Federation in them. The Northern Sea Route project in future will significantly reduce the time and fuel costs for shipment. Hope for possible participation of South Korea in the trilateral transport and logistics projects Khasan-Rajin was lost for an indefinite period in March 2016. After coming of a new administration in the Republic of Korea in May 2017 the question arises regarding what is going to happen to the Eurasian Initiative.

Keywords: Republic of Korea, Russian Federation, transport and logistics projects, the Northern Sea Route, the Eurasian initiative, Khasan-Rajin project.

Samsonova V.G.

EEU-ROK: Prospects and Challenges of Integration under FTA

The origins of the initiative regarding EEU-ROK FTA's establishment can be traced back to the 2000s. It has been actively discussed after the meeting between President of Russia V. Putin and President of the ROK Park Geun-hye on the sidelines of the Eastern Economic Forum in September 2016. Despite the potential prospects in relation to possible establishment of this FTA there are some concerns about this initiative. The mechanism and the scheme of the liberalization which will be beneficial for all partners are not clear yet. Furthermore it is necessary to carefully assess the risks, which may arise as a result of trade barriers' cancellation, as well as identify vulnerable economic sectors which shall be excluded from the FTA regime.

Keywords: FTA, EEU, ROK, trade liberalization, customs tariffs.

Suslina S.S.

South Korea Small and Medium-Size Business (SMB) and Prospects of Its Investment in the Far East Region of Russia

The tasks of the ROK's postindustrial development in the 2000s demanded the innovation of SMB's role as an important factor of the stable social and economic development. The position of SMB in the Republic of Korea during the whole period of the capitalistic modernization cannot be characterized as stable and constant. In this article the author attempts to

underline the main parameters of the SMB role in the present economic development of the ROK and evaluate the potential and prospects of its possible participation in the programs of the economic development of Russia's Far East and Siberia.

Keywords: Republic of Korea, small and medium-size business (SMB), chebol, social and economic development, Russia-South Korea economic cooperation.

Petrovskiy V. E.

Problems and Prospects of Cross-Regional Cooperation with the Republic of Korea in the Context of Development of Eastern Siberia and the Far East of Russia

Author concentrates on problems and opportunities of conjugating integration processes within the Eurasian Economic Union (EAEU), and the Eurasian initiative of President Park Geun-hye, which, despite the impeachment of the ROK President, may still be relevant. Optimal models of cooperation between the EAEU and the ROK are being analyzed in the context of the Memorandum of cooperation between the Eurasian Economic Commission and the Korean Ministry of industry, trade and energy, signed in November 2015. Special attention is being paid to compatibility of business and infrastructure development projects, prepared by the Korean side to implement the Eurasian Initiative, and the priorities of the strategic planning of the development of Eastern Siberia and the Far East of Russia. The Russian-Korean Business Dialogue within the framework of the second Eastern Economic Forum in 2016, and the projects of zones of advanced socio-economic development (ZACD) and of the Free port of Vladivostok, promoted by the Russian Ministry of Far Eastern development, creates favorable conditions for this. To implement these, it is necessary to use competitive advantages of the Korean businesses related to generating of environmental services and the 'green economy', as soon as these spheres are also of the new priorities for the development of the Russian economy, including socio-economic development of the regions of Eastern Siberia and the Far East. The author suggest to concentrate on attracting of foreign direct investments by the South Korean ZACD residents, to take use of innovative technologies enabling to minimize impact on environment, to save energy and to better utilize the raw materials.

Keywords: EAEU, Eurasian Initiative, strategic planning, Eastern Siberia, Far East, zones of advanced socio-economic development.

Charskaya D.K.

Prospects for the Republic of Korea's Participation in North-East Asia (NEA) Electric Power Cooperation

The main aim of the article is to study the ROK's prospects for participation in the NEA electric power cooperation. We have attempted to analyze the situation on the ROK's internal energy market and identify benefits of South Korea's participation in the international energy cooperation projects. Special attention was paid to the problems which South Korea might face if it participates in the unified energy system of the region. In the South Korean case, the opportunity to participate in the NEA electric grid will help to solve the problem of electricity shortage during peak seasons and to ensure the purchase of electricity on favorable terms.

Keywords: power industry, energy super grid, Republic of Korea, NEA, cooperation.

Rasulov E.R.

The 25th Anniversary of the Establishment of Diplomatic Relations Between the Countries of Central Asia and the Republic of Korea.

The cooperation of South Korea with the Central Asian region, 25 —the anniversary of which is celebrated in 2017, is due to the increasing role of Central Asia in the Eurasian space scale related to the presence of significant natural resources, transit-transport potential, the presence in it of the Korean Diaspora. It is a combination of the Korean experience of economic development, advanced technology and financial opportunities with great potential in human and natural resources of Central Asian region.

Keywords: Republic of Korea, Central Asia, trade, economic cooperation, strategic relations.

Zakharova L.V.

North Korean Labor Abroad: Assessments and Prospects

With the tightening of international financial and economic sanctions, the DPRK's opportunities for earning foreign currency are increasingly narrowing. UN Security Council Resolution 2270 (of March 2, 2016) and Resolution 2321 (of November 30, 2016) contain provisions that substantially limit North Korea's revenues from the export of key commodities. Labor migration remains one of the few forms of North Korea's external economic relations that are not yet affected by international restrictions. The article gives an analysis of available information and assessments on the volume, structure and organiza-

tion of labor exports from the DPRK, as well as prospects for the development of this type of cooperation between North Korea and foreign countries.

Keywords: DPRK, workforce, labor migration, cooperation, sanctions.

Sharafetdinova A.I.

Cooperation between Russia and the DPRK in Attracting Labor Resources amid Tightening International Sanctions.

It is becoming increasingly difficult for Russia and the DPRK to maintain the current level of such an important segment of economic relations as the employment of the North Korean workforce in Russia when the sanctions measures imposed on the DPRK by Western countries are being expanded. The article provides a brief historical overview, analyzes the current state and prospects for the development of Russia—DPRK cooperation in attracting labor resources. The author describes the current importance of North Korean workers for Russian regions and forecasts the development of the situation considering possible adoption of new sanctions against North Korea by the U.N. Security Council.

Keywords: North Korea, labor migration, Russia-DPRK relations, sanctions, UN Security Council, USA.

Em P.P.

The Comparison of the Urbanization Development in the Republic of Korea and the Democratic People's Republic of Korea in the Postwar Period

Cities are the main economic centers in every country of the world. The cities of the Republic of Korea generate about 90 % of the country GDP. Consequently, the study of urbanization as the process of the cities role enhancement in social life is vitally necessary for the literal perception of the economic development. The comparison of urbanization in the Republic of Korea and the Democratic People's Republic of Korea could help to understand the fundamental processes taking place on the Korean Peninsula, as well as the objective reasons of spatial aspects of the economic development disproportions.

Keywords: urbanization, phase of urban development, urban structure, Republic of Korea, DPRK.

Kim N. N.

Factors of Women's Growing Political Participation in Contemporary South Korean society

The political empowerment of women is an important dimension of gender policy in the modern world. The present paper based on the analysis of

gender statistics, research literature reveals key factors of increasing political participation of women and determines the main issues of women's empowerment in the modern South Korean society.

Keywords: political rights, political empowerment, Korean women, women's empowerment.

Choi I.V.

Development Trends of Modern Korean Prose in the 20th Century

The article reviews the main trends of the development of modern Korean prose in the 20th century. After presenting a periodization of the history of the 20th century literature it gives the characteristics for every period naming the most distinguished authors and describing the leading topics, genres and problematics of the fiction in question. Using a wide range of examples the author marks out three main types in the Korean prose of the 20th century: literature works based on the traditional patterns, modern/postmodern prose and socially oriented literature.

Keywords: Korean prose of the 20th century, modern Korean literature, development trends of Korean literature.

Soldatova M.V.

Between Collective and Individual Memory: Korean War (1950—1953) in Fiction and Memoirs

The article examines the process of forming in South and North Korea the collective understanding of the causes, nature and consequences of the Korean War (1950—1953) which was the greatest tragedy in the history of the Korean nation. Analyzing the literary texts by South and North Korean writers together with the accounts of the foreign participants of the events, the author tries to disclose and compare the structure, essence and sore points of the collective memory of South and North Koreans about the War, as well as to figure out the correlation between collective and individual memory about what happened.

Keywords: Korean War, Korean literature, collective memory, memoirs.

Khvan L. B.

Features of the national picture of the world of the Soviet and post-Soviet period in Russian-language lyrics of Uzbekistan (based on lyrics V.Lee, B.Pak, M.Kim)

The paper characterizes by particularity of describing national worlds of the Soviet and post-Soviet periods in the lyrics of prominent Russian-language

poets of Uzbekistan V.Lee, B.Pak, M.Kim. It notes the similarity of the motives of poetry — tragic fate of the Koreans including deportation, life in a alien land, the acquisition of the homeland, the memory of their historical homeland. There is noted the role of artistic time and space, the originality of artistic techniques and tools — reminiscences, allusions, anaphora, contrast, etc. in solving arduous fate of the people, the innermost feelings, experience of the characters, defining universalism of describing national worlds.

Keywords: reminiscence, universalism, national worlds similarity.

Guryeva A.A.

On the Issue of Perceiving the Role of a Text in Contemporary Korean Culture

The paper aims at examining an issue of a text and understanding its role as perceived in contemporary culture of South Korea. It is viewed in relation with the traditional perceiving of a text and a written word as an instrument of positive influence on the society, world and universe in general. With this regard, the first part of the paper presents the traditional vision of a text. The second part discusses the representations of current issues in contemporary texts. The third part explains functioning of text in everyday life and comments on texts being involved in regulating social problems. The fourth part introduces new tendency of representing reading as a short way to social success.

Keywords: text, written text, Korean literature, reading culture, text in Korean culture.

Chesnokova N.A.

Yun Min Seok and his Contribution to the Development of Korean Protest Songs minjung-gayo

Minjung-gayo is a name for Korean protest songs that originated after the Gwanju Massacre (18–27 May, 1980) and the Jeon Du Hwan's presidency (1980–1988). The development of minjung-gayo was influenced by Korean poetry of the colonial period as well as the censure in the 1970s and the foreign protest songs widely spread in the 1980–90s among Korean students. The paper analyses the protest songs of Yun Min Seok that have considerably contributed to the anti-governmental demonstrations during Park Geun Hye presidency (2013–2016). The author explores the main types, topics and lyrics of the most influential songs of Yun Min Seok.

Keywords: minjung-gayo, protest songs, Yun Min Seok, anti-Park Geun Hye demonstrations.

Khokhlova E.A.

Lee Ha's Political Caricature: Denunciation of Politics and Comfort to the People

The paper describes the activities of Lee Ha — one of the most famous artist in the field of Korean contemporary political art whose works have attracted much public attention lately. The author presents and explains in detail the most popular caricatures of the artist where he depicts the contemporary Korean political leaders such as Lee Myung Bak, Park Geun Hye and many others. Using the example of Lee Ha the author explores the contemporary protest art of the Republic of Korea and evaluates its effect on the contemporary Korean society.

Keywords: Korean political art, minjung misul, Lee Ha, political caricature, freedom of speech.

Osetrova M.Y.

On the Issue of the «invented traditions» in the DPRK

The paper attempts to find out whether the so-called invented traditions exist in the DPRK, what their specifics are, why and how they got formed. First, the paper overviews the general evolution of the official discourse on national culture and traditions in the DPRK and traces the most noticeable changes and trends. As an example of the invented tradition the paper discusses the hypothesis suggesting that the Korean dish Pyeongyang-raengmyeon since the 1980s was being transformed into a symbolic dish of the North Korean culinary tradition and the main gastronomic brand of the contemporary DPRK.

Keywords: invented traditions, national culture, North Korean cultural policy, Pyeongyang-raengmyeon.

Список авторов

Акуленко Вадим Сергеевич, старший преподаватель кафедры корееведения Восточного института — Школы региональных и международных исследований ДВФУ.

E-mail: akulenko.vs@dvfu.ru

Асмолов Константин Валерианович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: asmolov@ifes-ras.ru

Воронцов Александр Валентинович, кандидат исторических наук, заведующий отделом Кореи и Монголии Института востоковедения РАН, доцент кафедры востоковедения МГИМО МИД России.

E-mail: vorontsovav@yandex.ru

Гринюк Владимир Александрович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра японских исследований Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: vladimirgrinyuk@mail.ru

Гурьева Анастасия Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Юго-Восточной Азии и Кореи Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: nastiyagur@hotmail.com

Евсеев Владимир Валерьевич, кандидат технических наук, старший научный сотрудник, заместитель директора Института стран СНГ.

E-mail: vlad.evseev@gmail.com

Жебин Александр Захарович, кандидат политических наук, руководитель Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: zhebin@ifes-ras.ru

Захарова Людмила Владимировна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: ludmila_hph@rambler.ru

Зуева Александра Георгиевна, аспирант Института Дальнего Востока РАН, руководитель Центра Кореи Сибирского федерального университета.

E-mail: fedorovalex87@gmail.com

Иванов Александр Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры восточных языков ТОГУ.

E-mail: Ivanoff1967@mail.ru

Казарьян Рубен Леонович, кандидат политических наук, научный сотрудник отдела Кореи и Монголии Института востоковедения РАН.

E-mail: roubenka@gmail.com

Кику Дмитрий Владимирович, кандидат политических наук, член Группы экспертов Комитета Совета Безопасности ООН по санкциям в отношении КНДР, учрежденного резолюцией 1718 (2006), Департамент по политическим вопросам Секретариата ООН.

E-mail: kiku@un.org

Ким Ен Ун, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: kim@ifes-ras.ru

Ким Наталья Николаевна, кандидат исторических наук, доцент Школы востоковедения НИУ «Высшая школа экономики».

E-mail: nkim@hse.ru

Курбанов Сергей Олегович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Дальнего Востока Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: sokspb@inbox.ru

Лобов Роман Николаевич, аспирант Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: romanlob@hotmail.com

Машарский Кирилл Геннадьевич, преподаватель кафедры языкознания и страноведения Востока Белорусского государственного университета.

E-mail: K.masharski@gmail.com

Овчинникова Любовь Всеволодовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры японской филологии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета.

E-mail: lovchin@yandex.ru

Осетрова Мария Евгеньевна, кандидат культурологии, старший научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН

E-mail: m.e.osetrova@gmail.com

Пак Александр Вадимович, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела Кореи и Монголии Института востоковедения РАН.

E-mail: fenixmirage@yandex.ru

Петровский Владимир Евгеньевич, доктор политических наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: petrovsk4@gmail.com

Расулов Эльдар Рахманджанович, Институт востоковедения Академии наук Республики Узбекистан.

E-mail: elchi@rambler.ru

Садаков Денис Андреевич, аспирант кафедры всеобщей истории и политических наук Вятского государственного университета.

E-mail: rstk2005@gmail.com

Самсонова Виктория Георгиевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: vikapak@yandex.ru

Синякова Анна Филимоновна, кандидат экономических наук, доцент кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО МИД России.

E-mail: annasinyakova@yandex.ru

Солдатова Мария Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных языков Московского государственного лингвистического университета.

E-mail: maria_soldatova@hotmail.com

Суслина Светлана Серафимовна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: Suslina.SS@mail.ru

Толорая Георгий Давидович, доктор экономических наук, заведующий Центром российской стратегии в Азии Института экономики РАН.

E-mail: asiacenter@inecon.ru

Хван Людмила Борисовна, кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой русского языка и литературы, профессор Каракалпакского государственного университета имени Бердаха.

E-mail: xvan@rambler.ru

Хохлова Елена Анатольевна, преподаватель НИУ «Высшая школа экономики».

E-mail: lena.khokhlova@gmail.com

Хрусталёв Владимир Владимирович, эксперт Lifeboat Foundation.
E-mail: hrustalev.vlad@yandex.ru

Цой Инна Валериантовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Юго-Восточной Азии и Кореи Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: innachoi@hotmail.com

Чарская Дарья Константиновна, менеджер проекта Дирекции по международному сотрудничеству, Ep+ Group.

E-mail: dcharskaya@gmail.com

Чеснокова Наталия Алексеевна, старший преподаватель кафедры истории и филологии Дальнего Востока Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета.

E-mail: chesnatalie@gmail.com

Шарафетдинова Алина Исмаиловна, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела Кореи и Монголии Института Востоковедения РАН.

E-mail: alin5sep@hotmail.com

Эм Павел Павлович, кандидат географических наук, научный сотрудник Института географии РАН.

E-mail: dr.pavelem@gmail.com

Якимова Дарья Андреевна, аспирант Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: hayabusa__@mail.ru

Яковлева Любовь Николаевна, научный сотрудник Центра российской стратегии в Азии Института экономики РАН.

E-mail: miyo2008@ya.ru

Научное издание

Корея перед новыми вызовами

Редактор *Н.И. Иванова*
Корректор *Н.И. Иванова*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 14.09.2017.
Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печ. л. 28,0. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. (1-й завод — 150 экз.).
Заказ № 12

Уважаемые читатели!

Электронные версии книг, выпускаемых ИДВ РАН,
размещаются в электронной библиотеке института
со свободным доступом, находящейся
на интернет-сайте ИДВ РАН
www.ifes-ras.ru

Контакты:

по вопросам работы электронной библиотеки —
Отдел наукометрии и информационных
технологий ИДВ РАН,
тел.: +7-499-124-0802 или e-mail: it@ifes-ras.ru.

Почтовый адрес ИДВ РАН:

Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.